

ИЛОНА ЭНДРЮС

Раскаленный
гоббелл

Майное наследие #2

Продолжение серии «Тайное наследие» от автора бестселлеров № 1 по версии «Нью-Йорк Таймс» Илоны Эндрюс! Неваду и Рогана ждут новые приключения в мире магии... а их отношения становятся обжигающе горячими. Невада Бейлор обладает уникальным и скрытым даром — она знает, когда люди лгут — и с помощью этой магии (наряду с упорной, тяжелой работой) ей удастся удерживать свое разномастное и сплоченное семейное детективное агентство на плаву. Но ее новое дело встречает сопротивление темных сил, которым практически удалось уничтожить Хьюстон в прошлый раз, и это снова заставляет ее идти на контакт с Коннором «Чокнутым» Роганом. Роган — не просто миллиардер, а еще и Превосходный — высший ранг среди магов, и он все такой же «нечитаемый», как и прежде, несмотря на магический талант Невады. Но ничто не может скрыть вспыхивающие между ними искры. Теперь, когда профессиональные и личные ставки еще выше, а их враги невероятно могущественны, Рогану и Неваде предстоит узнать, что ничто так не обжигает, как лед...

Оригинальное название: White Hot

Автор: Илона Эндрюс / Iona Andrews

Серия: Тайное наследие #2 / Hidden Legacy #2

Перевод: Jasmine, рикарее

Редактор: Юлия Лагутина

Пролог

Когда-то один мудрец сказал: «Человеческий разум есть место, где эмоции и здравый смысл заперты в вечном бою. К несчастью для нашего вида, эмоции всегда побеждают». Мне очень нравится эта цитата. Она поясняет, почему, даже будучи совершенно вменяемой, я совершала на редкость дурацкие поступки. И такое пояснение звучит намного лучше, чем «Невада Бейлор, круглая идиотка».

— Не делай этого, — произнес Августин позади меня.

Я посмотрела на изображение Джеффа Колдуэлла на мониторе. Он сидел, вжавшись в привинченный к полу стул. На нем была оранжевая тюремная форма. В нем не было ничего особенного: непримечательный мужчина лет пятидесяти; лысеющий, среднего роста, среднего телосложения, средней внешности. Этим утром я прочитала заметку о нем в газете. Он был бюджетным работником; имел жену — школьную учительницу, и двух детей — учащихся колледжа. Джефф не обладал магией и не был связан ни с одним из Домов — могущественных магических семей, заправлявших Хьюстоном. Его друзья описывали его как доброго и внимательного человека.

В свое свободное время, Джефф Колдуэлл похищал маленьких девочек. Он держал их в живых в течение недели, затем душил и оставлял их тела в парках посреди цветов. Его жертвы были в возрасте от пяти до семи лет, и от историй, поведанных их телами, вам бы захотелось, чтобы ад существовал только ради того, чтобы туда попал Джефф Колдуэлл. Позапрошлой ночью его застали за размещением тела последней жертвы в ее цветочную

могилу и благополучно арестовали. Засилью ужаса, витавшего над Хьюстоном весь прошлый год, наконец-то пришел конец.

Оставалась лишь одна проблема — семилетняя Эми Мадрид по-прежнему числилась пропавшей. Она была похищена два дня назад с остановки школьного автобуса, меньше, чем в двадцати пяти ярдах от ее дома. Обстоятельства преступления слишком походили на прошлые похищения Джеффа Колдуэлла, чтобы просто быть совпадением. Все указывало на его причастность, а значит, она все еще была где-то жива. Я следила за развитием событием последние два дня, ожидая новости, что Эми найдена. Но ничего не происходило.

Полицейское управление Хьюстона удерживало Джеффа Колдуэлла уже тридцать шесть часов. К этому моменту, копы обыскали его дом, опросили семью, друзей и коллег по работе, и прослушали записи телефонных разговоров. Они допрашивали его часами, но Колдуэлл отказывался говорить.

Сегодня он заговорит.

— Стоит тебе сделать это однажды, как люди будут ожидать от тебя этого вновь, — сказал Августин. — А если ты откажешься, они будут недовольны. Поэтому Превосходные держатся в стороне. Мы всего лишь люди и не можем быть во всех местах одновременно. Если аквакинетик погасит один пожар, то если в следующий раз произойдет возгорание и он не окажется рядом, общественность будет винить во всем его.

— Я понимаю, — ответила я.

— Мне так не кажется. Ты ведь скрываешь свой дар, чтобы избежать подобного рода испытаний.

Я скрывала свой дар, потому что правдоискатели вроде меня были большой редкостью. Если бы я заявила в полицейский участок и выбила правду из Джеффа Колдуэлла, пару часов спустя меня бы навестили военные, люди из службы национальной безопасности, ФБР, ЦРУ, частных Домов, и все остальные, кто нуждается в детекторе лжи с стопроцентной гарантией точности. Они бы разрушили мою жизнь. А я свою жизнь любила. Я управляла «Детективным агентством Бейлор» — маленькой семейной компанией; я заботилась о своих двух сестрах и двух кузенах; и ничего из этого я менять не собиралась. То, что я делала, было недопустимо в суде. Если бы я приняла предложение любого из них, я бы не сидела в зале суда, свидетельствуя в красивом костюме. Я была бы в каком-нибудь темном месте, лицом к лицу с избитым до полусмерти парнем с мешком на голове. Люди бы либо жили, либо умирали по одному моему слову. Все это было бы очень грязно и низко, и я бы сделала почти что угодно, чтобы этого избежать. Почти.

— Я принял все меры предосторожности, — продолжил Августин, — но, несмотря на мои старания и твой... наряд, все равно существует шанс твоего разоблачения.

Я видела собственное отражение в стекле. Я надела зеленую накидку с капюшоном, скрывавшую меня с головы до пят, черные перчатки и лыжную маску под капюшон. Накидка и перчатки были любезно предоставлены театральной костюмерной и принадлежали Леди в Зеленом, шотландской разбойнице и героине Высокогорья. По словам Августина, из-за необычности костюма люди будут концентрировать внимание исключительно на нем и никто не запомнит моего голоса, роста или любых других деталей.

— Я знаю, у нас были разногласия, — начал Августин. — Но я бы не советовал тебе действовать во вред собственных интересов.

Я ожидала услышать привычное жужжание комара, говорившее, что он лжет. Ничего не произошло. По какой-то причине, Августин изо всех сил пытался отговорить меня от

выгодного для него соглашения, и при этом был совершенно искретен.

— Августин, если бы одну из моих сестер похитили, я бы пошла на что угодно, чтобы ее вернуть. Прямо сейчас маленькая девочка умирает где-то от жажды и голода. Я не могу оставаться в стороне и позволить этому случиться. У нас с вами уговор.

Августин Монтгомери, глава Дома Монтгомери и собственник «Международных расследований Монтгомери», владел закладной на наш семейный бизнес. Он не мог заставить меня работать с клиентами, но позвонил на мой сотовый немного ранее этим утром, как раз когда я направлялась в полицейский участок, готовясь разрушить свою жизнь. У него был клиент, который особенно нуждался в моих услугах. Я пообещала выслушать клиента, если он организует мне анонимную встречу с Джеффом Колдуэллом. Вот только теперь, казалось, у него возникла мысль пойти на попятную.

Я повернулась и посмотрела на Августина. Будучи Превосходным магом иллюзии, он мог менять свой облик силой мысли. Сегодня его лицо было не просто прекрасным; оно было таким же идеальным, как и величайшие работы эпохи Возрождения. Его кожа была безупречной, светлые волосы причесаны с хирургической точностью, а черты лица обладали царственной утонченностью и холодной отчужденностью, молившими быть увековеченными на полотнах или, еще лучше, в мраморе.

— У нас уговор, — повторила я.

Августин вздохнул.

— Хорошо. Идем со мной.

Я проследовала за ним к деревянной двери. Он открыл ее, и я вошла в маленькую комнату с двусторонним зеркалом, вмонтированным в дальней стене.

Джефф Колдуэлл поднял голову и посмотрел на меня. Я посмотрела ему в глаза и ничего в них не увидела. Они были пустыми и лишенными всех эмоций. Позади него двустороннее зеркало скрывало наблюдателей. Августин заверил меня, что там будет присутствовать только полиция.

Дверь за мной закрылась.

— Что это? — спросил Колдуэлл.

Моя магия коснулась его разума. Фу. Такое чувство, будто сунул руку в ведро со слизью.

— Я не сделал ничего дурного, — сказал он.

Правда. Он на самом деле в это верил. Его глаза оставались плоскими, будто у жабы.

— Ты так и собираешься там стоять? Это просто смешно.

— Ты похитил Эми Мадрид? — спросила я.

— Нет.

В моей голове зажужжала магия. Ложь. Ах ты, ублюдок.

— Ты удерживаешь ее где-то?

— Нет.

Ложь.

Моя магия щелкнула и сжала его в тисках. Джефф Колдуэлл оцепенел. Его ноздри раздулись от учащенного дыхания, спешившего вдогонку за растущим пульсом. Наконец, эмоции наполнили его глаза, и в них отразился первозданный, животный ужас.

Я раскрыла рот, позволяя магии в полную силу насытить мой голос. Голос вышел низким и нечеловеческим.

— Скажи мне, где она.

Глава 1

Понимать, когда люди лгали, было для меня естественным и не требовало усилий. Заставить кого-то ответить на мои вопросы — было совсем другим делом. Пару месяцев назад я даже не знала, что способна на такое. Продираться сквозь разум Джеффа Колдуэлла было похоже на плавание по канализации. Он сопротивлялся на каждом шагу этого пути, его воля билась в панике, угрожая сокрушить собственный разум для защиты. Сложность была не в том, чтобы добыть информацию, а в том, чтобы сохранить его разум для суда. Впрочем, я получила то, что хотела, и когда покидала здание «МРМ», кавалькада полицейских машин неслась по улице Капитолия, требуя себе дорогу какофонией серен.

Джефф Колдуэлл вымотал меня по полной. Вождение машины потребовало усилий. Каким-то образом мне удалось преодолеть печально известные хьюстонские заторы, свернуть на дорогу к нашему дому и чуть не врезаться в знак «стоп». Это было плохое место; у грузовиков была дурная привычка съезжать на этот путь, словно других машин и не существовало.

Сегодня никто не съезжал, но я все равно посмотрела на подъездную дорогу. Улицу перекрывал двухфутовый стальной барьер, утыканный шестидюймовыми шипами. Судя по выемкам на тротуаре, он мог быть углублен в землю. Если добавить немного крови и рваной ткани на шипы, вышла бы картинка, достойная любого постапокалиптического фильма. Но еще два дня назад никакого ограждения здесь не было. По-видимому, последнее столкновение грузовиков повлекло за собой серьезные судебные разбирательства.

Я зевнула и поехала дальше. Почти дома. Почти. Я зарулила на парковку перед нашим складом и припарковала свою мазду-минивэн между маминной голубой хондой «Элемент» и фордом «Мустанг» 2005 года, принадлежащим Берну. Древний «Цивик» кузена месяц назад умер грустной смертью, когда потомки двух магических семей решили устроить разборки на университетской парковке. Их разборки включали попытки раздавить друг друга пятьсотфунтовыми декоративными камнями с альпийской горки. К сожалению, с прицеливанием у них была полная ерунда, и они выжили. Их семьи сделали возмещение нам и пяти другим владельцам машин за повреждения. Теперь серо-стальной «Мустанг» занимал бывшее место «Цивика».

Никаких обвинений не было выдвинуто. В нашем мире магия была абсолютной властью. Если вы ей обладали, то внезапно обнаруживалось, что множество законов вас не касается.

Я нехотя выбралась из машины и набрала код на панели безопасности. Массивная дверь щелкнула; я распахнула ее, вошла внутрь и заперла за собой. Меня встречали родные офисные стены, простой бежевый ковер и стеклянные панели.

Дома.

Сегодняшний день закончился. Наконец-то. Я выдохнула и скинула туфли. Я заходила в офис клиента, прежде чем одеться, как шотландская разбойница с большой дороги, так что на мне до сих пор был один из моих «мы-не-нищие» нарядов. У меня есть два дорогих костюма и две подходящие пары туфель — первый я надеваю, отправляясь на встречу с клиентом, который может судить по внешнему виду, а второй — когда иду получать оплату. Туфли, которые я сегодня надела, должны быть запрещены, как жестокое орудие пыток.

Кто-то постучал.

Наверное, мне почудилось.

Еще стук.

Я повернулась и взглянула на монитор. Перед моей входной дверью стоял блондин. Невысокий и плотный, с серьезным лицом и задумчивыми голубыми глазами, возраст около тридцати лет. В руках он держал коричневую кожаную папку для документов. Корнелиус Харрисон из дома Харрисонов. Несколько месяцев назад Августин заставил меня искать Адама Пирса — безумного пирокинетика с превосходной магической родословной. Семья Харрисона заставляла его играть роль «друга детства» Адама, роль, которую он ненавидел. Корнелиус помог мне с расследованием. Его старшая сестра в настоящее время возглавляла дом Харрисонов.

Корнелиус, которого я помнила, был гладко выбрит и одет со вкусом. Этот Корнелиус был все также хорошо одет, но его щеки покрывала грубая щетина, а под глазами пролегли синяки, словно он увидел нечто потрясшее его до глубины души и все еще не мог прийти в себя.

Рядом с ним стояла маленькая девочка лет трех-четырёх с рюкзачком «Сейлор Мун» на плечах. У нее были темные прямые волосы, а разрез глаз намекал на азиатские корни, хотя чертами лица она напоминала Корнелиуса. Их мрачный и серьезный облик был совершенно идентичен. Я знала, что у него была дочь, но никогда с ней не встречалась. Рядом с ребенком сидел большой доберман-пинчер, ростом с саму девочку.

Что могло понадобиться от меня представителю хьюстонской магической элиты? В любом случае, его появление не сулило ничего хорошего. «Детективное агентство Бейлор» специализировалась на краткосрочных расследованиях. В отличие от романов про частных детективов, роскошные вдовы в поисках убийц своих мужей или миллиардеры-холостяки с пропавшими сестрами редко объявлялись у меня на пороге. Мошенничество со страховками, неверные супруги и проверки подноготной были нашими хлебом и маслом. Пожалуйста, только не супружеская измена. С ними всегда возникали трудности, если в деле были замешаны дети.

Я открыла дверь.

— Мистер Харрисон. Чем могу быть полезна?

— Добрый вечер, — тихо поздоровался Корнелиус. Его взгляд скользнул по туфлям у меня в руке и остановился на моем лице. — Мне нужна ваша помощь. Августин сказал, что я могу к вам обратиться.

Августин... Выходит, Корнелиус и был тем клиентом, которого Августин хотел ко мне направить.

— Пожалуйста, проходите.

Я впустила их внутрь и закрыла дверь.

— Ты, должно быть, Матильда. — Я улыбнулась маленькой девочке.

Она кивнула.

— Это твоя собака?

Она снова кивнула.

— Как его зовут?

— Банни, — ответила она тоненьким голоском.

Банни покосился на меня с подозрением, которого обычно заслуживали гремучие змеи. Корнелиус был анимагом — обладателем редкого магического дара, а это значило, что Банни был не просто собакой. Он был эквивалентом заряженной снайперской винтовки, нацеленной в мою сторону.

— Он может улыбнуться, — предложила Матильда. — Банни, улыбнись.

Банни продемонстрировал мне чашу блестящих белых клыков. Я поборолла желание отойти подальше.

— Есть ли здесь место, где нас может подождать Матильда, пока мы поговорим? — спросил Корнелиус.

— Конечно. Сюда, пожалуйста.

Я открыла дверь в конференц-зал и включила свет. Матильда сняла рюкзачок, положила его на стол, взобралась на стул рядом и, открыв сумку, вытащила из нее планшет, книжку-раскраску и фломастеры.

Банни занял место в ногах Матильды и одарил меня злобным взглядом.

— Хочешь сока? — Я открыла маленький холодильник. — У меня есть яблочный и киви-клубника.

— Яблочный, пожалуйста.

Я вручила ей пакетик сока.

— Спасибо.

Было что-то странно взрослое в том, как она себя вела. Если она напоминала Корнелиуса в детстве, то Адам Пирс и его хаос, должно быть, сводил его с ума. Не удивительно, что он дистанцировался от обоих Домов.

— У вас бывает много клиентов с детьми? — поинтересовался Корнелиус.

— Всего несколько, а пакетики с соком мои. Я прячу их здесь от сестер. Это единственное место, которое они не станут опустошать. Давайте поговорим у меня в кабинете.

Я провела Корнелиуса по коридору к моему кабинету, и чуть не чертыхнулась. К стеклянной двери моего офиса была прилеплена страница из свадебного журнала с изображением невесты в вычурном платье с длинными белыми перьями. Кто-то — вероятно, Арабелла, — вырезал мою голову с какого-то селфи и приклеил поверх головы невесты. Платье украшало нарисованное розовым маркером и присыпанное блестками большое сердце. Внутри сердца красовалась надпись «Н+Р= Любофф». Вокруг моего лица парили маленькие розовые сердечки.

Убийственный способ произвести первое впечатление. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Сквозь стекло я смогла разглядеть еще одну свадебную фотографию, ожидающую меня на столе и на этот раз сдобренную блестящими значками доллара. На платье невесты, большие печатные буквы, выписанные с кропотливой точностью Каталины, гласили: «Выходи за него замуж. Нам нужны деньги на колледж».

Стоило убить моих сестер. Это уже не лезло ни в какие ворота. Ни один суд присяжных на этой планете меня бы не осудил. Я могла бы защищать себя сама и все равно выиграть.

Я сняла фотографию со стекла и распахнула дверь.

— Прошу.

Корнелиус занял один из стульев для клиентов. Я сгребла вторую фотографию со стола, скомкала вместе с первой и отправила в мусорную корзину.

— Вы собираетесь замуж? — спросил Корнелиус.

— Нет.

«Р» означало Роган. Коннор Роган, вот только никто его так не звал. Его называли Чокнутым Роганом, Бичом Мексики, Мясником Мерида; этот человек едва не сровнял центр Хьюстона с землей, пытаясь спасти остальной город. Чокнутый Роган и остальная часть

человечества никогда не были на «ты». Он рассекал здания пополам, швырялся автобусами, словно бейсбольными мячами, а когда мы с ним разобрались с Адамом Пирсом, он предложил мне стать его... любовницей — и это было бы самое вежливое определение. Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы ему отказать. Даже сейчас от одной мысли о нем у меня учащается пульс. К несчастью, моя бабушка стала свидетельницей нашей прощальной ссоры и решила, что рано или поздно мы все равно сойдемся, чем она и поделилась с моими двумя сестрами и двумя кузенами. А поскольку трем из них еще не было восемнадцати, поддразнивание с их стороны не знало пощады.

— Кофе? Чай? — спросила я.

— Нет, спасибо.

Закрыв глаза, я могла представить Чокнутого Рогана в моем кабинете. Я помнила его прикосновение к моей коже. Я помнила его вкус.

Я с силой захлопнула воображаемую дверь на этой мысли. Между мной и Роганом все было кончено еще до того, как выпал шанс что-нибудь начать.

Я села, пытаюсь вспомнить все, что можно, о Корнелиусе. Он устранился от своего Дома и переехал с их территории в очень комфортабельный, но скромный по стандартам Домов особняк. Он был отцом-домоседом, тогда как его жена где-то работала — я понятия не имела, где. Он ненавидел всю семью Пирсов. Вот почти и все.

— Почему бы вам не рассказать мне о вашей проблеме, а после я смогу сказать, готовы ли мы к ее решению.

— Моя жена была убита во вторник вечером.

Боже мой.

— Мне очень жаль.

Корнелиус осунулся на своем стуле. Его глаза стали тусклыми, будто припавшими пылью. Его слова повисли между нами, словно невидимая стена.

— Как это произошло?

— Моя жена работает... работала на Дом Форсбергов.

— «Детективные услуги Форсбергов»?

— Да. Она была одним из адвокатов в юридическом отделе.

Детективные услуги были небольшим миром, и вы довольно быстро узнавали своих конкурентов. Весь спектр услуг, предоставляемый такими гигантами, как «МРМ» Августина был редкостью. Большинство из нас, как правило, на чем-то специализируется, и в фирме Маггиаса Форсберга основное внимание уделялось предотвращению промышленного шпионажа, это означало, что они подчищали ошибки, проверяли информационную безопасность и оценивали риски. Уличные слухи утверждали, что иногда, если чек был достаточно большим, они меняли шляпы и делали именно то, от чего собирались вас защищать. Нет-нет, да и доносились слухи о возможных судебных исках, но дела никогда не доходили до публики, что означало, что Дом Форсбергов имел надежной правовой отдел.

— Во вторник вечером жена позвонила мне в полдесятого, предупредив, что будет работать допоздна. — Голос Корнелиуса стал безжизненным. — В одиннадцать, она и три других адвоката из их отдела вошли в отель «Ша Ша». Покинули они его уже в мешках для трупов. Существует установленный способ решения вопросов, когда кто-то умирает на службе у вашего Дома. Когда этим утром я связался с Домом Форсбергов, мне заявили, что смерть моей жены является личным делом, не связанным с ее работой.

— Почему вы считаете, что они связаны? — «Ша Ша» был дорогим бутик-отелем,

расположенным на Главной улице. Он был маленьким и частным, и вместе с тем, достаточно высококлассным, чтобы придать тайной встрече гламура без потерь для кошелька. Мне уже приходилось выслеживать там неверных супругов.

— Может, я и не Превосходный, но я все еще Значительный представитель своего Дома. Когда я запрашиваю информацию, я ее получаю. — Корнелиус достал из папки лист бумаги и протянул его мне. — В Нари выстрелили двадцать два раза. Ее тело... — его голос сорвался, — ...ее тело изрешетило пулями.

Я просмотрела отчет судмедэксперта. На теле Нари Харрисон были обнаружены пулевые ранения с правой и левой стороны. Они должны были возникнуть одновременно, так как после ее падения, изменилась бы траектория пуль. Два пулевых отверстия были у нее на лбу. В отчете отмечалось, что на ее лице были ожоги от пороха. На полях отчета кто-то руки набросал заметки, словно второпях. НК 4.6 x 30 мм. Следы ПЭВП. Ожоги, от двенадцати до восемнадцати дюймов.

Внутри меня возникло отвратительно чувство, словно у меня под сердцем выросла тяжелая ледяная глыба, продолжающая увеличиваться и тяжелеть с каждой секундой.

— Кто сделал эти пометки?

— Старший детектив. Это все, что он смог мне дать, и это стоило немалых усилий.

— Он объяснил вам сам отчет?

Корнелиус покачал головой.

Его возлюбленная была мертва. Теперь мне предстояло пояснить ему, как именно она умерла. Он сидел прямо напротив меня, живой, дышащий человек. Его дочь находилась в соседней комнате.

Я глубоко вздохнула, чтобы совладать с голосом. Он пришел ко мне за советом профессионала. И он его получит.

— В вашу жену стреляли бронебойными патронами из Heckler & Koch MP7. Это ужасное оружие было разработано для немецкой армии и контртеррористического дивизиона немецкой полиции, и предназначалось для пробивания бронежилетов. У него военное назначение. Расположение огнестрельных ранений указывает на то, что ваша жена оказалась между двух перекрестных огней.

Поставив кружку с рисунком котенка в центре стола, я взяла пару ручек и поставила их перед ней по диагонали, направив одну влево, а другую вправо.

— ПЭВП означает полиэтилен высокой плотности. На ней был бронежилет.

— Это какая-то бессмыслица. — Корнелиус посмотрел на меня. — На ней был бронежилет, но она все равно погибла.

— Да. Только в книгах бронежилеты останавливают все что угодно. В реальности же они всего лишь препятствуют проникновению пули и бывают разных степеней защиты. На вашей жене, вероятно, был бронежилет третьего класса, который мог бы выдержать несколько выстрелов из винтовки калибра 7.62 мм. Но даже так, выстрел в бронежилет ощущается телом, словно удар молотком. В данном случае, в вашу жену стреляли множество раз из профессионального оружия, предназначенного пробивать натальную защиту. Смерть наступила мгновенно.

Похоже, его это ничуть не утешило.

Я должна продолжать. Раз уж начала, придется закончить.

— Пороховые следы возникают, когда кто-то выстрелил в упор и порох оседает на коже жертвы. Это включает в себя пороховые ожоги, копоть и раны поверхности кожи, если

пистолет был разряжен достаточно близко.

Он сжал правую руку в кулак. Костяшки на его пальцах полностью побелели. Вероятно, он представил себе лицо Нари.

— Судя по отчету, ваша жена уже была мертва и лежала на полу, когда кто-то выпустил ей две пули в лоб. Старший детектив обозначил дальность выстрела между одним-одним с половиной футов.

Как раз то расстояние, чтобы опустить пистолет вниз.

— Зачем? Она уже была мертва.

— Потому что сделавшие это люди были хорошо обучены и внимательны к деталям. Если бы мы могли увидеть отчеты о других трех адвокатах, у них бы тоже наверняка были пулевые ранения в голову. Группа людей заманила вашу жену и ее коллег в ловушку, убила их с военной точностью, а затем задержалась достаточно надолго, чтобы пройти по месту преступления и выпустить в голову каждому из присутствующих по две пули, чтобы убедиться в отсутствии выживших. Они сделали это посреди Хьюстона, совершенно открыто, и ушли никем не замеченные. Это была не просто работа профессионалов. Это было послание.

— Мы сильнее вас. Мы можем проделать это в любое время с любыми вашими людьми, — тихо произнес Корнелиус.

— Именно.

Он понимал политику Домов куда лучше меня, проведя с ними бок-о-бок большую часть своей жизни.

— Мистер Харрисон, вы пришли услышать мое мнение. Основываясь на вашем рассказе, я считаю, что в этом деле замешан Дом Форсбергов. Мы не знаем, действовала ли ваша жена...

— Нари, — поправил он. — Ее зовут Нари.

— Мы не знаем, действовала Нари в интересах Дома или же против них. Нам лишь известно, что Дом Форсбергов делает вид, будто ничего не случилось. Они могли либо сами убить вашу жену и остальных в качестве предостережения своим людям, либо же они получили сообщение от убийц и оно их испугало. Мой вам совет — не вмешивайтесь во все это.

Мышцы на лице Корнелиуса напряглись так сильно, что кожа выглядела слишком натянутой.

— Для меня это не вариант.

Он этого не переживет. Я должна его отговорить. Я наклонилась вперед.

— Это война между Домами. Когда мы говорили в прошлый раз, вы сказали, что сознательно дистанцировались от вашего Дома. Вы сказали, что любите свою семью, но они использовали вас, а вам не нравится быть использованным.

— У вас хорошая память, — заметил он.

— Неужели ситуация изменилась? Ваш дом поможет вам?

— Нет. Даже будь они на это настроены, их ресурсы ограничены. Дом Харрисонов располагает средствами, но наша семья предпочитает не участвовать в разборках, особенно от моего имени. Я самый младший ребенок и не Превосходный. Я не важен для будущего нашего Дома. Если бы на моем месте оказались брат или сестра, все могло бы быть по-другому.

Он произнес это совершенно беспристрастно. Моя семья сделала бы ради меня что

угодно. Если бы я оказалась запертой в горящем доме, все, включая моих дурашливых сестер и кузенов, бросились бы мне на выручку. Жена Корнелиуса умерла, а его семья даже пальцем не пошевелила. Это было так несправедливо.

— Это только моя забота, — констатировал он.

Я понизила голос.

— У вас нет ресурсов, чтобы сражаться в этой войне. Ваша дочь сидит в соседней комнате. Она уже потеряла мать. Неужели вы хотите, чтобы она потеряла еще и отца? Вы остались ее единственным родителем. Что будет с ней, если вы умрете? Кто о ней позаботится?

— В любой момент, у меня мог бы случиться разрыв аневризмы. Если бы это произошло, родители Нари вырастили бы Матильду. Моя сестра последний раз видела мою дочь, когда ей был год. Мой брат ни разу не видел свою племянницу. Никто из них не состоит в браке. Из них не вышло бы хороших опекунов.

— Корнелиус...

— Если вы собираетесь сказать, что от мести не становится лучше...

— Все зависит от самой мести, — заметила я. — Возможность избить Адама Пирса была одним из лучших моментов в моей жизни. Воспоминание об этом вызывает у меня улыбку. Но у мести есть своя цена. Моя бабушка едва не сгорела заживо, а мой старший кузен чуть не погиб при разрушениях в центре города. Я сама дюжину раз оказывалась на волоске от смерти. В вашем случае, цена будет слишком высока.

— Это мне решать.

В его глазах был тот леденящий стальной взгляд. Он не собирался сдаваться.

Я откинулась назад.

— Хорошо. Но вам с вашей суицидальной миссией придется поискать помощи у кого-то другого.

— Я бы предпочел вашу помощь.

— Нет. Я понимаю, что вы твердо намерены влезть в петлю, но я не собираюсь придерживать для вас веревку. Кроме того, «Детективное агенство Бейлор» — очень маленькая фирма. Мы специализируемся на расследованиях с низкой степенью риска. Моей квалификации будет явно недостаточно.

Он указал на отчет судмэдэксперта.

— Вы производите впечатление весьма квалифицированного специалиста.

— Мистер Харрисон, я хорошо разбираюсь в оружии только потому, что в моей семье существует давняя традиция воинской службы по материнской линии. Моя мама и бабушка — обе ветераны. Это не значит, что я гожусь для этого расследования. Наймите кого-нибудь другого.

— Кого?

— Августина.

— Я уже говорил с Августином. Он сделал мне любезность, говоря начистоту. С количеством денег в моем распоряжении, я не могу позволить себе полномасштабное расследование. Мои деньги смогут окупить наблюдение и должное усердие его людей, но их совершенно недостаточно, чтобы он бросил все силы своей команды на это дело. Даже если бы он это сделал, Дом Форсбергов очень хорошо подготовлен к любому проявлению внимания извне. Это означает длительное, дорогостоящее расследование, и я растрочу все деньги еще до того, как мы получим первые результаты. По словам Августина, вы способны

на неординарный подход. Он сказал, что вы талантливы, профессиональны и честны, и обладаете отличным чутьем, когда дело касается людей.

Спасибо, Августин.

— Нет.

— Моих финансов недостаточно для «МРМ», но они позволяют мне сделать заманчивое предложение маленькой компании.

— Ответ — нет.

— Я заложил свой дом.

Я закрыла глаза рукой.

— Я могу заплатить миллион сегодня, и еще миллион, когда вы объясните мне, почему моя жена была убита, и кто за это ответственен.

Категорически нет.

— До свидания, мистер Харрисон.

— Моя жена мертва. — Его голос задрожал от едва сдерживаемых эмоций, а глаза заблестели. — Она — мой свет. Она нашла меня в самый темный период моей жизни и увидела во мне что-то... Она верила, что я могу быть лучше. Я не заслуживал ее или нашего счастья. Она любила меня, Невада. Нари любила меня так сильно, несмотря на все мои ошибки, что я был самым везучим мужчиной на Земле, потому что каждое утро, открыв глаза, я видел ее рядом с собой. Она обладала непредвзятостью. Нары была доброй и умной, и изо всех сил старалась делать все правильно, чтобы этот мир стал лучше для наших детей. Она не заслуживала такого. Она заслуживала счастья. Она заслуживала долгой и полноценной жизни. Никто не имел права лишать ее этого.

Его лицо исказилось от нестерпимой боли и горя. Я изо всех сил старалась не расплакаться.

— Я люблю ее решимость. Ее дух. Я горжусь тем, что был ее мужем. А сейчас она мертва. Кто-то забрал этого замечательного, по-настоящему прекрасного человека, превратив его в труп. Я видел ее на столе в морге. Она просто... холодная и безжизненная, какой она никогда не была. Все пропало, кроме нашей дочери и моих воспоминаний. Я должен стремиться стать тем мужчиной, которым она меня считала. Когда наша дочь подрастет, она спросит меня, почему ее мама была убита и мне нужно будет ей ответить. Я должен буду отчитаться о своих действиях. Я хочу сказать ей, что я нашел ответственных и сделал все, чтобы они больше никому не навредили.

Он смахнул слезы резким движением руки.

— Больше никто этого не сделает. У ее семьи нет средств, моей семье все равно, а ее работодатели сами могли ее убить. Остаюсь лишь я. Вы мне можете помочь? Пожалуйста.

Корнелиус умолк. Он сидел напротив меня и просил моей помощи, и я просто не могла прогнать его из своего кабинета. Просто не могла. Я помнила, как мама продала наш дом, чтобы оплатить папины счета. Я помнила, как мы заложили бизнес и скрывали это от него, потому что эта новость убила бы его быстрее любой болезни. Если бы кто-то убил моего близкого человека, я поступила бы точно так же, как и Корнелиус. Ему было не к кому обратиться. Если я сейчас хлопну дверью у него перед лицом, я не смогу потом смотреть своему отражению в глаза.

Я залезла в верхний ящик стола и вытащила синюю папку нового клиента. Раскрыв ее так, чтобы она была лицом к нему, я вписала 50.000\$ в строке гарантийного задатка.

— Это мой гонорар. Сумма остается у агентства в любом случае. Это не обсуждается. —

Я ручкой обвела нижнюю строчку с правой стороны. — Это наши расценки. По всей видимости, работа будет опасной, так что расчет будет производиться по максимальной ставке. Как видите, оплата посуточная, а не почасовая. В зависимости от ситуации, я могу попросить вас доплатить за риск или дополнительные расходы. Гонорар является удерживаемой суммой. Как только выставленная вам сумма превысит его, вы будете платить по частям по 10.000\$. Когда мы здесь закончим, вы, возможно, захотите сходить в банк и снять, по крайней мере, 20.000\$ наличными.

— Спасибо.

— Это очень плохая затея. Пожалуйста, одумайтесь.

Он покачал головой.

— Нет.

Я ознакомила его с политикой конфиденциальности, и получила его подпись на все отказы от претензий.

— Что произойдет, когда вы найдете виновника?

— С этого момента я сам обо всем позабочусь.

— Полагаю, вы собираетесь прикончить убийцу своей жены.

— Именно так Дома решают проблемы, — ответил Корнелиус.

— Что ж, я не принадлежу к Дому. Я человек с семьей, и я уважаю и пытаюсь следовать законам этой страны. Я не буду мешкать, защищая вас или себя, но я не оправдываю убийство.

— Понимаю, — кивнул Корнелиус. — С чего мы начнем?

— Необходимо поговорить с Маттиасом Форсбергом. Мне нужно встретиться с ним с глазу на глаз, чтобы задать ему кое-какие вопросы. Я могу сделать необходимые звонки завтра, но он откажется со мной встречаться.

— У вас нет социального статуса, и вы работаете на его конкурента, — кивнул Корнелиус. — Маттиас является активным участником Ассамблеи и никогда не пропускает заседаний. Завтра как раз пятнадцатое декабря. Заседание начнется в 9:00.

— У меня нет допуска в Ассамблею. — Ассамблея была неофициальным исполнительным органом, который управлял магами на региональном и национальном уровнях. Ассамблея штата Техас собиралась в Хьюстоне. Семье требовалось иметь не менее двух Превосходных магов в трех поколениях, чтобы считаться Домом, а каждый Дом располагал единственным креслом в совете. Технически, Ассамблея не имела никакой власти в правительстве США, но, на практике, когда Дома говорили в один общий голос, Конгресс и Белый Дом к ним прислушивались.

— Семейная фамилия ведь должна на что-то годиться, верно? — улыбнулся Корнелиус. Улыбка не коснулась его глаз, все так же полных горечи. — Будучи Значительным отпрыском Дома, я волен посещать Ассамблею с компаньоном на мой выбор. Я собираюсь принимать активное участие в этом расследовании, мисс Бейлор.

— Называйте меня Невада, — предложила я. — Отлично, тогда встретимся здесь завтра в семь.

Корнелиус с Матильдой ушли, утянув за собой адского песика Банни. Я посидела немного за столом — как раз достаточно, чтобы набросать короткий e-мейл Берну со всеми именами и коротким описанием случившегося, — затем сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Рассказать об этом семье будет не просто. Моя мама могла от меня отречься.

Выудив «долларовую» невесту из мусорной корзины, я расправила ее, насколько это

было возможно, и засунула вместе с отчетом о вскрытии в бумажную папку. Эта работа затронет всю семью, и они имели право знать о рисках. К тому же, как показывала практика, хранить секреты от семьи Бейлор было бесполезно. Рано или поздно, все скрытые схемы выплывали на поверхность, выливаясь в море неприятностей и обид.

Я сунула папку подмышку и прихватила свою книгу — «Гексологию» Шталя. Несколько недель назад к нам на порог прибыл пакет с книгами в пухлом желтом конверте — всего шесть книг о заклинаниях, тайных кругах и теории магии. На простой прямоугольной этикетке было напечатано всего одно слово — Невада. Допрос моей семьи ничего не дал. Они не знали, откуда взялись книги, и кто их заказал, хотя не преминули поделиться кучей сумасбродных теорий.

Я попыталась снять с конверта отпечатки, но ни одного не нашла. Почтовая этикетка была самой обычной — четыре на четыре дюйма, и в полудюжине канцелярских магазинов в радиусе десяти миль были точно такие же этикетки вместе с точно такими же желтыми конвертами. Мое имя было напечатано шрифтом Times New Roman 22 размера. Я даже подумывала взять с конверта мазок на ДНК и заплатить за его анализ частной лаборатории, чтобы исключить мою семью и заодно проверить их базу данных на возможные совпадения. Но лаборатория потребовала за анализ шестьсот долларов, и я просто не могла оправдать для себя подобные расходы. Это по-прежнему меня бесило.

Книги оказались невероятно полезными, и я читала их без остановки, пытаюсь наверстать упущенные годы образования в магической теории. Конкретно эта книга была о заговорах — магических конструкциях, закрывающих доступ к информации в разуме человека. Несколько недель назад я столкнулась с очень мощным заговором, и была вынуждена заглянуть под него, чтобы спасти город. Книга подтверждала, что я едва не убила человека просто из-за незнания.

Я вышла из задней двери офиса в широкий коридор. Меня окружил приятный запах жареного мяса. Я повернула направо и пошла на кухню.

Когда папа вел свой проигрышный бой с раком, мы продали наш дом. Мы продали все, что могли, но нам по-прежнему нужно было где-то жить и зарабатывать на хлеб, поэтому было принято стратегическое решение: мы использовали наш бизнес, чтобы приобрести большой склад. С восточной стороны, склад был фасадом «Детективного агентства Бейлор». Мы установили внутренние стены и опустили потолок, создав маленькое, но уютное офисное пространство: три кабинета с одной стороны и комната отдыха с конференц-залом с другой. На западной стороне, склад превратился в гараж, где бабуля Фрида работала над танками и бронетранспортерами для хьюстонской элиты. Между офисом и гаражом, отделенные от последнего большой стеной, располагались три тысячи квадратных футов жилого пространства.

Мои родители хотели, чтобы изнутри наше жилище ничем не отличалось от обычного дома. Вместо этого, у нас лишь вышло поставить стены, где они были необходимы (а порой и не очень), поэтому местами наш дом обрел поразительное сходство с демонстрационным залом в каком-нибудь салоне интерьеров. Кухня была как раз таким местом. Квадратная и просторная, с массивным островом и большим кухонным столом, сделанным из старой двери, она могла заставить позеленеть от зависти любое кулинарное шоу. Сейчас же она наполовину пустовала: здесь остались только мама, бабуля Фрида и мой старший кузен Берн. Две моих сестры и младший брат Берна, Леон, должно быть, уже убежали. Как и всегда.

Центр стола был заставлен мисочками со всем на свете, начиная с тертого сыра и пикоде-гайо и заканчивая гуакамолем. Вечер лепешек тако. Я удержалась от радостного вопля, вытащила передник из кухонного ящика и, надев его, опустилась на стул рядом с бабушкой. Я не могла позволить себе заляпать свой ужасно дорогой костюм, а переодевание заняло бы кучу времени. Я слишком проголодалась.

— Охотник спустился с холмов, — процитировал Берн.

«Реквием» Роберта Луиса Стивенсона

Я покосилась на него.

— Все-таки решил взять английскую литературу?

— Это было меньшее из двух зол. Следующий семестр будет испытывать мое терпение. — Бен проглотил еду и потянулся за еще одним тако. Ростом под два метра и весом в девяносто килограммов (состоявшим по большей части из костей и мышц), Берн ходил на дзюдо дважды в неделю и ел с аппетитом медведя, готовившегося к зимней спячке.

Я вытащила теплую мягкую лепешку-тако и начала наполнять ее вкусностями. Мне пришлось рвать жилы, чтобы побыстрее закончить колледж, потому что я была главным добытчиком. Но сейчас бизнес стал приносить деньги. Мы не были богатыми, вероятно, мы едва дотягивали до среднего класса, но мы могли позволить Бернарду потратить время на образование. Я бы хотела, чтобы он в полной мере наслаждался студенческим опытом. Вместо этого он пользовался любой возможностью взять дополнительные лекции.

Я взглянула на мамину тарелку, где лежало одинокое тако. В то время как бабушка Фрида была по природе худоцава с облачком платиново-белых кудряшек и голубыми глазами, мама была спортивной и мускулистой, что подразумевало силу и выносливость. Это было до того, как война навсегда оставила ее хромой. Теперь она стала мягче и полнее. Это беспокоило ее. Она ела все меньше и меньше, и пару недель назад мы поняли, что она начала пропускать ужин.

— Это уже третий тако, — проворчала мама. — Хватит на меня так смотреть.

— Это правда, — подтвердила бабуля, засовывая в свое тако салат. — Я видела, как она съела два.

— Просто хочу убедиться, что все наши бизнес-активы в боевой готовности. — Я показала ей язык. — Не хватало еще голодных обмороков на работе. Есть новости о сенаторе Гарза?

— Не-а, — ответила бабуля.

— На данный момент только глупые домыслы, — сказала мама. — «Говорящие головы» пытаются подстегнуть истерию, утверждая, что это сделал Превосходный.

Сенатор Тимоти Гарза скончался в субботу перед домом своего кузена. Его охранники погибли вместе с ним. История была настолько сенсационной, что даже отодвинула арест Джефа Колдуэлла на задний план. Полиция не разглашала никакой информации, связанной с убийством сенатора, что заставляло СМИ возмущаться с пеной у рта. Без каких-либо данных они были вынуждены мариноваться в собственных домыслах и теориях, с каждой минутой становящимися все более дикими. Меня бы не удивило, если бы в деле оказался замешан Превосходный. Гарза придерживался политической позиции, ограничивающей влияние Домов, что не делало его любимцем магической элиты Техаса. Дебаты во время его предвыборной компании быстро стали неприглядными.

— Во что ты ввязалась? — спросила мама.

Я запихнула в рот кусок тако и стала жевать, чтобы выиграть время. Мне придется

сказать правду. Я сглотнула.

— Я взялась за опасную работу.

— Насколько опасную? — уточнила мама.

Я открыла папку и протянула ей отчет судмедэксперта. Она прочла его, и свела брови.

— Теперь мы занимаемся убийствами?

— Кого убили? — поинтересовалась бабуля.

— Ты помнишь анимага, про которого я тебе рассказывала? У которого еще енот приносил его дочери бутылочку?

— Корнелиус Харрисон, — сказал Берн.

— Да. Убили его жену.

Мама помрачнела в мгновение ока. Она передала отчет бабушке.

Бабуля просмотрела отчет и присвистнула.

— Это выше наших возможностей, — сказала мама.

— Я знаю, — вздохнула я.

— Зачем ты за это взялась?

Потому что он сидел у меня в кабинете и плакал, а мне было его ужасно жаль.

— Потому что ее убили, и никому нет до этого дела. А еще он очень хорошо нам заплатит.

— Мы не на столько нуждаемся в деньгах, — сказала мама.

— По словам сестер, нуждаемся.

Я протянула ей фотографию с долларовыми значками.

Мама развернулась к бабуле Фриде.

— Мам!

Бабуля Фрида сделала большие глаза.

— Что? Не смотри на меня!

— Ты это начала.

Ха! Атака отбита и перенаправлена.

— Я ничего такого не делала. Я невиновна. ТЫ всегда меня во всем обвиняешь.

— Ты это начала и поощряла. Теперь погляди, она берется за убийства, потому что ты через чувство вины заставляешь ее добывать хлеб насущный. И о чем это говорит?

— Об истинной любви.

Бабуля Фрида улыбнулась.

Берн поднялся и наклонился ко мне.

— Хочешь, чтобы я проверил на всех подноготную?

— Будь добр. Я отправила тебе e-мейл. Завтра я собираюсь в Ассамблею, поэтому не помешало бы разузнать что-нибудь о Маттиасе Форсберге.

— Сделаю.

Он поставил тарелку в раковину.

— Твои внуки не нуждаются в богатом Превосходном, чтобы оплатить себе колледж! — возмутилась мама. — Для этого их сестра, мать и бабушка работают, не покладая рук. В этой семье мы платим за все сами.

— Ой, перестань, Пенелопа, ты же знаешь, что я вовсе не это имела в виду.

— Хорошо, тогда что ты имела в виду, мама?

Бабуля Фрида развела руками.

— Я думала, это будет весело! Невада киснет уже второй месяц. Она превратилась в

грустного ослика из мультика, над которым всегда идет дождь.

— Ничего я не кисну. Я сказала Рогану «нет» — и дело с концом.

— Ой, я тебя умоляю.

Бабуля Фрида закатила глаза.

— Серьезно, бабуля, прекращай уже. Можно подумать, он оббивает мой порог и клянется мне в любви до гроба.

Но, к своему стыду, я порой мечтала именно об этом. Однажды, я проснулась посреди ночи, твердо уверенная, что Роган стоит на улице. И чуть не выбежала туда в одной ночной рубашке. Слава богу, меня никто не увидел, пока я не пришла в себя.

Он ни разу не появлялся. Не звонил и не писал. Он не стал за меня бороться, даже чуть-чуть. Все стало на свои места после моего отказа, когда он уговаривал меня в гараже выбрать любую точку на планете, обещая увезти меня туда. Чокнутый Роган хотел себе игрушку. Я сказала «нет» и он ушел.

— Он прислал тебе эти книги!

— Ты не можешь знать наверняка.

— Ну, а кто еще стал бы? — Бабуля развела руками.

— Может, это был Августин.

Ага, раньше ад замерзнет. Августин и пальцем не пошевелит, если это не в его финансовых интересах.

— У вас с Роганом еще не все кончено. — Бабуля указала на меня вилкой. — Просто погляди. Судьба столкнет вас. Однажды ты просто наскочишь на него и — бац! Истинная любовь.

— Если судьба снова рискнет нас столкнуть, ее ждет от меня знатная взбучка. — Я повернулась к маме. — В этом деле ты со мной или нет? Потому что если хочешь еще со мной поругаться, сейчас самое время.

Она смотрела на меня долгое мгновение.

Ой. Я только что повысила голос на маму без всякой причины.

— Прости.

— Ты сама мне сказала, что это твое дело.

— Мам...

— Конечно, мы с тобой, — кивнула мама. — Но не мне тебе говорить, что это работа профессионала. Ты должна быть осторожна.

— Я постараюсь.

— Мы не знаем, какого рода осиное гнездо ты разворошишь. Они придут за вами обоими. Они могут прийти и за нами тоже. У твоего клиента есть поддержка Дома?

— Нет. Он предпочел жить с женой и дочерью в Роял Оукс. Он очень гордился своей независимостью.

— Его дом охраняется?

— Не совсем. — Технически, Банни считался охраной, но собака ничего не смогла бы поделаться с вооруженными убийцами.

— Родители жены?

— Насколько я знаю, они не связаны ни с одной из известных семей.

— Что ты думаешь о нем?

Я поморщилась.

— Он преклонялся перед женой и пойдет на что угодно ради мести.

Мама кивнула.

— Тебе стоит поговорить с ним. Его малышке будет безопаснее здесь с нами, чем с ее бабушкой и дедушкой.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Она вздохнула.

— Это моя материнская обязанность. Я не могу заставить тебя прекратить делать глупости, но я могу помочь тебе сделать их наименее опасным образом.

Я развернулась и направилась к лестнице, ведущей в мою комнату.

— Ты видела, как она разошлась? — заговорщицки прошептала бабуля Фрида за моей спиной. — Она все еще по нему сохнет.

— Я тебя слышу!

Я взобралась по лестнице и втянула ее за собой. Меня встретила небольшая мансарда с просторной спальней и ванной. Когда мы только въехали в этот склад, я по-настоящему хотела уединения, и чем старше я становилась, тем сильнее ценила его. Я сняла костюм, осторожно упаковала его в чехол и повесила в дальний угол шкафа.

Я все еще сохла по Рогану.

Когда я поцеловала его в нулевом пространстве, мне почти удалось увидеть его настоящего. В то короткое мгновение он не был Чокнутым Роганом. Он не был даже Превосходным. Он был просто... Коннором. Мужчиной. И я страстно желала узнать этого мужчину. Но он захлопнул ту дверь, стоило ему заметить, что она приоткрылась.

Я включила душ, чтобы нагрелась вода, и разделась. Одержимость чем-то невозможным никогда не шла мне на пользу. Душ, чистая одежда, сон. Завтра предстоял тяжелый день, и до сна мне еще нужно было к нему подготовиться.

Глава 2

Утро принесло с собой дождь и Корнелиуса, приехавшего ровно в 6:55 на серебристой «БМВ» i8. Гибридный автомобиль, блестящий и ультрасовременный, выглядел немного странно — линии его корпуса достаточно отличались от привычных бензиновых автомобилей, чтобы привлекать к себе внимание.

Неудивительно, что он водил гибридную машину. И, вероятно, никогда не покупал бутилированную воду. Вчера Берн навел на него справки. Кроме новоприобретенной закладной, у Корнелиуса не было долгов. У него была превосходная кредитная история, ни одного привода в полицию, и он делал щедрые пожертвования организациям по защите животных. Еще он был прав в причастности Дома Форсбергов к смерти его жены. Об этом происшествии не было ни одного упоминания в прессе. Даже убийство Гарзы наводило всевозможные новостные каналы, а жестокая расправа над четырьмя людьми в центре города не удостоилась даже короткого упоминания. А если его не было, значит, кто-то активно заметал все следы. Если бы Дом Форсбергов действительно не имел никакого отношения к происшествию, тогда у них не было бы причин его замалчивать.

Корнелиус вышел из машины. Он был одет в белую рубашку с закатанными рукавами и расстегнутым воротом, темно-коричневые брюки и потрепанные коричневые туфли, казавшиеся древними. Удобная одежда, дошло до меня. Должно быть, он одевался на автопилоте, и его подсознание заставило его выбрать что-то старое и привычное.

Большая птица с красноватым оперением спикировала с пасмурного неба и приземлилась на ветку большого дуба, росшего напротив парковки.

— Это — Талон, — представил птицу Корнелиус. — Краснохвостый сарыч, больше известный, как куриный ястреб, хотя, на самом деле, это название неверно. Они практически никогда не охотятся на взрослых кур. Ассамблея не позволит мне взять с собой собаку, точно так же, как не позволит вам пронести с собой пистолет. Тем не менее, на четвертом этаже есть уборная с модифицированным окном, отключенным от системы безопасности. Оно часто остается открытым.

— Тайная курилка? — предположила я.

Корнелиус кивнул.

— Просто она достаточно далеко от детектора дыма, так что открытое окно позволяет пользоваться ею именно так. Вы вооружены?

— Да. — До Адама Пирса, девяносто процентов времени я ходила с тазером. Теперь же я не покидала дом без оружия, и упражнялась с пистолетами каждую неделю. Мои старания в прицельной стрельбе радовали маму как никогда.

— Позвольте взглянуть?

Я вытащила свой «Глок» 26 из скрытой под жакетом кобуры. Он был точным, относительно легким и созданным для незаметного ношения. Я выбрала один из моих дешевых брючных костюмов, в основном из-за того, что к нему подходили удобные для бега туфли, а жакет был достаточно свободным, чтобы носить под ним оружие. К тому же, я сильно сомневалась, что меня пустили бы в Ассамблею в моем привычном наряде — старых джинсах, кроссовках и каком-нибудь топе, который был наименее мятым, после того, как одна из моих сестер вывалила белье мне на кровать, чтобы освободить место для своего в сушилке. Мне также необходимо было пройти досмотр на рентгене и металлодетекторе.

Корнелиус изучил пистолет.

— Зачем в этом месте на нем ярко-голубая краска?

— Это матовый лак для ногтей. С черным прицелом сложнее попасть в темные цели, а лак для ногтей решает эту проблему и уменьшает блики.

— Сколько он весит?

— Около семисот граммов.

Я зарядила стандартный 10-ти зарядный магазин разрывными пулями. И прихватила с собой кучу запасных патронов. Мои приключения с Роганом превратили меня в параноика.

— Талон сможет пронести его для вас через окно в уборной.

Так, нужно пресечь это в зародыше. Не то, чтобы меня не беспокоило безоружное посещение здания, полного магической элиты Хьюстона. Еще как беспокоило. Моей излюбленной стратегией при встрече с опасностью было бегство. Сбежавшие люди обычно выживали и избегали оплаты дорогих больничных счетов, пропуска рабочих часов и увеличения страховых взносов. Еще они избегали многочасовых лекций о безрассудном поведении от своей семьи. Я использовала пистолет, только если не оставалось другого выбора. Противостояние Превосходному внутри здания, полного других Превосходных, невероятно усложнит побег, поэтому было искушение заявиться туда с оружием. Но прийти в Техасскую Ассамблею с пистолетом было самоубийством — все равно, что прицепить себе на грудь мишень с надписью «Пристрелите меня, я террорист».

— Зачем мне необходим пистолет в этом здании?

— Он может пригодиться, — тихо сказал Корнелиус.

Все верно.

— Корнелиус, если мы собираемся работать вместе, то нам нужно договориться о

предельной откровенности. Вы хотите, чтобы я пронесла пистолет в Ассамблею, потому что уверены, что Форсберг убил вашу жену, и желаете, чтобы я его пристрелила.

— Перед тем, как прийти к вам вчера, я говорил с ними, и один человек из службы безопасности предположил, что у Нари могла быть интрижка с одним или даже двумя другими адвокатами. Когда я сказал, что это маловероятно, его точными словами было: «Мы не всегда знаем, на ком женимся. Кто знает, что разоблачит расследование? Я вдоволь повидал такого — растраты, сексуальная озабоченность, наркотики. Просто ужас, какие порой вещи всплывают на свет». Они не просто игнорируют ее смерть. Сейчас они активно дистанцируются от нее и, если я продолжу поднимать шумиху, угрожают опорочить ее имя.

— Это отвратительно с их стороны. Но это еще не значит, что Маттиас Форсберг виновен. Это только доказывает, что на «Детективные услуги Форсбергов» работают уроды, пытающиеся прикрыть свои задницы.

Корнелиус отвел взгляд.

— Вы пришли ко мне, чтобы узнать правду. Я ее для вас добуду. Но когда я укажу вам на виновного, я сделаю это не из-за догадки или предчувствия. Я предоставлю вам доказательства его вины, потому что никогда нельзя легкомысленно обвинять кого-либо в убийстве. Вы ведь хотите быть уверенным, верно?

— Верно.

— Хорошо. Нам нужны доказательства. Мы будем искать их вместе, и сделаем это как можно осторожнее и безопаснее, чтобы вы вернулись домой к Матильде. По моим сведениям, в Ассамблее очень жесткая система безопасности. Нельзя даже попасть на парковку на Аллен Парквэй, не предъявив удостоверения и не имея причины там быть. Если мы последуем вашему плану, и кто-нибудь в здании обнаружит, что у меня с собой пистолет, охрана даже не станет меня задерживать. Они меня просто пристрелят вместе с тем, с кем я пришла.

Судя по его лицу, ему это не понравилось.

— А что, если Форсберг нападет? — спросил он.

— В переполненной людьми Ассамблее? На безоружных людей у всех на виду?

Корнелиус поморщился.

Я улыбнулась ему.

— Думаю, пока нам стоит отложить идею с пистолетом. Если он нападет, я постараюсь приложить все усилия, чтобы с ним справиться.

Я не была совершенно беззащитна. Если я могла дотянуться руками до своего обидчика до того, как он или она меня прикончит, то их ожидал один неприятный сюрприз. Армия вербовала все больше и больше магов. Военная служба была далеко не беззаботным занятием, и люди в командовании быстро смекнули, что им необходим метод обезвреживания магов. Так появились шокеры. Их установкой занимался специалист, который мог проникнуть в тайный мир — место за гранью нашей реальности, — вытащить оттуда создание, природу которого никто толком не понимал, и имплантировать его вам в руки. Свои я установила, когда охотилась за Адамом Пирсом. Их требовалось заряжать собственной магией, испытывая при этом весьма ощутимую боль, но если вы хватали свою жертву, эта боль поражала ее, превращаясь в настоящую агонию. Шокеры не считались смертельным оружием, но у меня было слишком много магии. Я могла убить Среднего мага, и хотя на Превосходном я использовала их лишь однажды, он точно это почувствовал.

— Я прислушаюсь к вашему мнению. — Корнелиус открыл дверь своей машины. —

Садитесь.

— Давайте возьмем мою машину, — предложила я, кивая на минивэн.

Он посмотрел на «мазду», и его лицо стало совершенно беспристрастным. Моя старенькая машинка цвета шампанского произвела явно провальное первое впечатление.

Я подошла к фургону и открыла пассажирскую дверцу.

— Прошу.

Корнелиус открыл багажник своей машины и вытащил оттуда большой пластиковый мешок, похожий на двадцатикилограммовый пакет дешевой собачьей еды, за тем исключением, что он был просто белым без всяких надписей. Он взвалил его себе на плечо и перенес к «мазде». Я открыла багажник, позволяя ему поставить туда свою ношу.

Мы забрались в мою машину и пристегнулись. Я выехала с парковки и повернула направо, направляясь к Блалок Роуд, чтобы избежать заторов на шоссе 290. Лицо Корнелиуса превратилось в угрюмую маску. Он мне по-прежнему не доверял, но оно и понятно. Доверие требует времени.

— Могу я поинтересоваться: почему ваша машина?

— Потому что я привыкла к ее управлению, а нам может понадобиться ехать очень быстро. Плюс, она сливается с потоком машин, в то время как ваша выделяется.

А еще потому, что бабушка сделала кое-какие модификации с двигателем и установила пуленепробиваемые стекла после моих приключений с Адамом Пирсом. Но ему об этом знать не нужно.

— Что у вас в пакете?

— Это личное дело, не имеющее отношения к нашему визиту в Ассамблею.

Ладно. Все справедливо. Но теперь я умираю от любопытства узнать, что было в том мешке.

— Вы курите? — спросила я.

— Нет.

— Тогда как вы узнали о курилке в туалете?

Надеюсь, он никому не рассказал о нашем визите.

— Мой брат до глубины души оскорблен ее существованием. Он астматик.

Правда. Пока что он еще ни разу мне не солгал.

— Моя очередь, — сказал Корнелиус. — Что вы надеетесь узнать, поговорив с Форсбергом? Он будет отрицать свою вину.

— У меня огромный опыт наблюдения за людьми, и обычно я понимаю, когда они лгут.

И тут мы натолкнулись на дорожные работы. Ну, конечно. Теперь мне придется съезжать на межгородскую трассу.

— Забавно, но почти то же самое мне сказал о вас Августин, — заметил Корнелиус.

Августин сохранил мой секрет. Превосходные никогда ничего не делали без каких-то скрытых мотивов. Я не слишком хотела узнать, что он планировал.

— Вы передумали? Еще не поздно. Мы можем развернуться, и я верну вам предоплату.

— Нет. — Корнелиус посмотрел в окно. — Проснувшись этим утром, я думал похитить Форсберга и пытаться его, пока он расскажет мне все, что знает.

Мысли об убийстве никогда не были хорошим знаком.

— Это ужасная идея. Во-первых, это противозаконно. Во-вторых, мы не знаем, причастен ли Форсберг. Если нет, вы бы пытали невинного человека. В-третьих, мой кузен навел справки о Доме Форсбергов. Хотя они не самый зажиточный Дом в Хьюстоне, их

общая стоимость весьма существенна, как и их частная служба безопасности. Если бы вы собирались похитить Форсберга и не погибли бы при попытке, вас непременно бы выследили и убили.

Корнелиус не ответил.

Мы с Берном допоздна сидели над файлом о Доме Форсбергов. Маттиас Милтон Форсберг, пятидесяти двух лет, был техасцем в четвертом поколении и очень этим гордился — так гордился, что отправился учиться в Техасский университет, вместо привычных вузов Лиги Плюща. Он стал главой своего дома двенадцать лет назад, когда его отец отошел от дел. Он был женат, и у него было двое взрослых детей — Сэм Хьюстон Форсберг и Стивен Остин Форсберг, над чем я немного посмеялась прошлой ночью, пока пила кофе. Хорошо, что он остановился на двух, потому что никто точно не знал, в чью честь был назван Даллас. Маттиас ни разу не привлекался полицией, никогда не служил в армии, и никогда не объявлял себя банкротом. Ему принадлежали множество домов.

В магическом отношении он был прыгуном. Прыгуны сжимали пространство вокруг себя, перебрасывая себя или других сквозь него. Обычно, их прыжки были на короткие дистанции, вплоть до тридцати ярдов. Тем не менее, они могли перемещаться очень быстро, и во время прыжка их невозможно было отследить, из-за чего они были высоко востребованы в армии. Я никогда не встречала их прежде, поэтому посмотрела несколько видео с YouTube. Большинство из них было снято парнями в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти, которые бросали при помощи магии в стены предметы, вроде арбузов, тыкв, банок с краской, а в одном чрезвычайно тупом видео, канистры с бензином с зажженным фитилем из длинного носка. Закончилось оно так, как вы и подумали. Большинство из них пытались бросать друг друга или самих себя, но ни у кого из них не хватало на это силы. Как максимум, им удавалось переместить своих друзей на пару футов. По словам Берна, масса и размер объекта были решающим фактором.

Интернет утверждал, что правильно рассчитав прыжок, Превосходные прыгуны могли проходить сквозь стены. Если это было правдой, то репутация Форсбергов о заигрывании с корпоративным шпионажем обретала смысл.

Общедоступные записи и видео с YouTube мало что давали, но, в отличие от меня, у Корнелиуса был доступ к базе данных Домов и, вероятно, он уже встречался с Форсбергом.

— Что вы можете мне рассказать о Маттиасе Форсберге? — спросила я.

— Он типичный хьюстонский Превосходный: печется о семейном состоянии, имеет четкие представления, что приемлемо и неприемлемо для человека его социального статуса, и избегает публичного внимания. Он мало с кем считается, а остальных людей просто презирает.

— Он может прыгать сквозь стены?

— Да. Не могли бы свернуть на следующем повороте?

Я съехала с автострады.

— Поверните направо и припаркуйтесь, пожалуйста.

Мы повернули направо и остановились перед строительной площадкой. Стальной скелет здания начинал обретать форму, окруженный строительными лесами. Корнелиус вышел, достал пакет из багажника и направился по дороге между зданиями, скрывшись из виду. Следом за ним полетел Талон.

Что могло быть в пакете? Он был пластиковым, укрепленным изнутри сеткой. У него могли быть там части тела, а я об этом так и не узнаю.

Я побарабанила пальцами по приборной панели и включила радио. — «...никаких новых сведений о расследовании убийства сенатора Гарзы. Полиция по-прежнему...»

Я выключила его.

Не могли быть там части тела, иначе на пакете были бы выпуклости. Мешок казался однородным — если он, конечно, не перемолол тело в фарш... Так, это уже нездорово. Четыре месяца назад мне бы и в голову не пришло, что в мешке может быть расчлененный труп.

Корнелиус вернулся, неся пустой мешок. Если в нем было что-то гадкое, я почувствую запах, когда он положит его обратно в машину.

Он аккуратно свернул пакет и положил в багажник. Не-а, никакого странного запаха. Или подозрительного протекания.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь можем продолжить путь.

Ассамблея занимала «Башню Америки» — изящный небоскреб на углу Вог Драйв и Аллен Парквэй. Сорок два этажа светлого бетона и темных окон поднимались утонченными изгибами на почти сто восемьдесят метров над центром Хьюстона. Нынешний декабрь принес бесконечные дожди, вкупе с наводнениями и постоянно затянутым мрачными тучами небом. «Башня Америки» выделялась на их темном фоне, словно волшебный шпиль из какой-то легенды, вдруг очутившийся посередине Хьюстона. Она была полна магов, только эти маги не стали бы забавно бормотать песенки или отправлять вас вершить героический подвиг. Они убили бы вас в мгновение ока, а их адвокаты помогли бы исчезнуть любым уликам еще до начала расследования.

Мы миновали будку охраны, где Корнелиус предъявил свое удостоверение личности, затем припарковались и вышли из машины. Талон спикировал над нами и снова набрал высоту, пролетев мимо большого фонтана в форме одуванчика, направляясь к деревьям неподалеку.

Мы прошли мимо идеально подстриженной, изумрудно-зеленой лужайки к стеклянному входу. Мне не хватало веса пистолета, но «глоку» пришлось остаться в машине.

— Как работает ваша магия? — осторожно спросила я. — Вы контролируете Талона телепатически? Можете видеть его глазами?

— Нет. — Корнелиус покачал головой. — Он сам по себе. Я даю ему пищу, приют и опеку, а взамен он выполняет мои поручения, когда я его об этом прошу.

Талон был не просто птицей, он был домашним любимцем. Значит, и Банни тоже был питомцем. Если кого-то из его животных ранят, реакция Корнелиуса будет очень сильной. Мне нужно иметь это в виду.

Мы были почти у дверей.

— Форсберг, вероятно, не удостоит меня ответом ни на один вопрос, — сказала я.

— Согласен.

— Поэтому спрашивать придется вам. Я хочу, чтобы вы говорили прямо. И лучше всего задавайте вопросы на «да» или «нет».

— Вам необходимо, чтобы я подошел к нему и спросил, виновен ли он в смерти Нари?

— Нет, это слишком обширное понятие. Он может не иметь к этому никакого отношения, но в то же время, чувствовать вину или сожаление из-за случившегося с ней. Нам известно, что сам он этого не делал, поскольку в момент убийства он попал в объективы множества фотокамер на ежегодном благотворительном обеде пожарного управления. Спросите его, не он ли заказал ее убийство. Вне зависимости от его ответа, вашим вторым

вопросом должно быть «Вы знаете, кто это сделал?». Нам нужно увидеть его реакцию. Старайтесь спрашивать коротко и по делу, и не уточняйте, чтобы ему не удалось увильнуть от ответа. Молчание оказывает на людей большое давление и поэтому они стараются ответить. Если он будет врать, я кивну.

Корнелиус придержал для меня дверь, и мы вошли в вестибюль. Поток воздуха из кондиционера после дождя заставил меня задрожать. Если снаружи температура была около двадцати градусов, то внутри едва дотягивала до пятнадцати. Пол из блестящего коричнево-песочного мрамора блестел, словно зеркало. Логика твердила, что он должен был быть уложен плитами, но я никак не могла разглядеть стыков. Таким же мрамором были облицованы стены. В центре вестибюля, три лифтовых кабины предоставляли доступ к верхним этажам. Четверо охранников, одетых в безупречные белые рубашки и черные брюки, и вооруженных тактическими винтовками, стояли в стратегических точках у стен. Трое других занимали стол перед металлодетектором. Охранники в Ассамблее не шутили. Превосходный ты или нет, но тактическая винтовка быстро заставит тебя отказаться от любой шалости.

Если бы я наставила на них пистолет, они выстрелили бы в ту же секунду, поразив всех, кто оказался бы в непосредственной близости.

— Вы были правы, — тихо сказал Корнелиус.

— Спасибо.

Мы подошли к стойке администратора, где Корнелиуса поприветствовали — «Добро пожаловать, мистер Харрисон. Рады вас снова видеть». Мне пришлось предоставить две копии удостоверения личности и заполнить трехстраничный опросник, включающий мою группу крови и медицинскую страховку, прежде чем они наконец-то выдали мне однодневный пропуск.

В конце концов, мы направились к лифту. По словам Корнелиуса, Форсберг должен был быть на двадцать пятом этаже. Я нажала соответствующую кнопку, и лифт поехал вверх. На четвертом этаже двери раскрылись, и внутрь вошел мужчина в мантии с капюшоном. Мантия была черной, с разрезами по бокам, словно камзол какого-то средневекового рыцаря, и глубоким капюшоном, скрывавшим лицо его обладателя. На виду был лишь подбородок с аккуратно подстриженной рыжей бородой. На его плечах покоилась темно-зеленая накидка, переливающаяся серебряной вышивкой. Под мантией на мужчине были темные брюки, заправленные в голенища мягких ботинок, и черная рубашка. Он выглядел устрашающе, почти угрожающе, словно маг, готовый к войне.

Я посторонилась, уступая ему место.

Мужчина нажал кнопку десятого этажа. Мгновение спустя, двери открылись и он вышел.

Еще один человек в мантии, на этот раз женщина, судя по свисавшей из-под капюшона косы, подошла к нему, прежде чем двери закрылись, скрыв их из виду.

— Почему они так одеты? — пробормотала я.

— Это традиция. В Ассамблее есть Нижняя палата, где могут голосовать все Превосходные и Значительные из избранных Домов, и Верхняя палата, где голосуют только Превосходные, стоящие во главе Дома. Мантии означают, что они относятся к Верхней палате.

Через три этажа лифт снова остановился и в кабину вошел другой мужчина в мантии, с золотистой накидкой, вышитой черным.

— Корнелиус!

Маг откинул капюшон, открывая красивое лицо мужчины немногим за шестьдесят, с четкими чертами, широким лбом и умными карими глазами, обрамленными паутинкой морщинок. Его челюсть покрывала короткая черная борода с проседью. Его волосы, вероятно, когда-то черные с белым, а теперь скорее белые с черным, были аккуратно зачесаны назад. Он походил на вашего любимого дядюшку, жившего где-нибудь в Италии, державшего виноградник, и сердечно вас обнимавшего, когда вы приезжали его навестить. Сейчас же его лицо выражало озабоченность, а в глазах таилась грусть.

— Мой мальчик, я только узнал. — Мужчина обнял Корнелиуса. — Мне очень жаль.

Его сожаление было искренним. Как вам такое?

— Спасибо.

— Словами не выразить... — Мужчина умолк. — Вы, молодые, не должны умирать. Старики, вроде меня — мы смиряемся с собственной смертью. Мы прожили целую жизнь. Но это... это неслыханно. Что Форсберг собирается с этим делать?

— Ничего, — ответил Корнелиус.

Мужчина отступил назад. Его низкий, зычный голос зазвенел.

— Нарі была сотрудницей его Дома. Что значит, он ничего не делает? Это его долг. На кону честь его Дома.

— Я не верю, что его это волнует, — сказал Корнелиус.

— Такого бы никогда не случилось при его отце. Есть вещи, которые глава Дома просто делает. Позволь мне узнать, что я могу сделать. Может, мой голос уже не такой громкий, как раньше, но люди все еще ко мне прислушиваются. Если тебе что-нибудь понадобится — что угодно, — ты знаешь, где меня найти.

Правда. Искренний Превосходный, который на самом деле проявлял сострадание.

— Спасибо.

Мужчина вышел на двадцатом этаже.

— Кто это был? — спросила я.

— Линус Дункан, — ответил Корнелиус. — Из очень старого и очень могущественного Дома. Он был спикером Верхней палаты и самым могущественным человеком в Хьюстоне. Пока они его не отстранили.

— Почему?

— Потому что он был честным и пытался изменить Ассамблею к лучшему, — вздохнул Корнелиус.

Меня это не удивило. Дома боялись перемен, словно чумы.

Лифт прозвенел, объявляя наш этаж. Мы вышли и повернули направо. Посередине длинного коридора, у открытой двери, стояли трое мужчин, обсуждая что-то между собой — все они были темноволосыми, среднего возраста, и облаченными в черные мантии с опущенными капюшонами. Одним из них был Маттиас Форсберг. Среднего роста, но с мощным телосложением стареющего игрока регби, он выделялся среди остальных — широкоплечий, с уверенной осанкой. Он стоял, широко расставив ноги, будто ожидая нападения. Его лицо с темными глазами, широкими бровями, изгибающимися к низу без намека на дугу, и мягким подбородком, совершенно не соответствовало его телу.

Корнелиус ускорил шаг, направляясь к ним. Я поспешила следом. Форсберг поднял голову, посмотрев в нашу сторону. Выражение его лица сменилось с напряженного на встревоженное. Двое других мужчин взглянули на нас, и ушли в другой конец коридора,

оставив Форсберга одного.

— Харрисон, — протянул Форсберг с таким видом, будто наткнулся на гнилую картофелину у себя в тарелке. — Мои соболезнования.

— Ты заказал убийство моей жены? — звенящим голосом спросил Корнелиус. В нашу сторону стали оборачиваться люди. Умно. Теперь Форсбергу придется отвечать, и, ясное дело, что он не привык быть загнанным в угол.

— Ты из ума выжил? — прорычал Форсберг.

— Да или нет, Маттиас.

— Нет!

Правда.

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Конечно же, нет.

Моя магия зажужжала злобным невидимым москитом. Ложь. Я кивнула.

— Если бы я знал, то уже бы принял меры.

Ложь.

— Ее смерть связана с делами твоего Дома?

— Нет.

Ложь.

Корнелиус посмотрел на меня. Я снова кивнула.

— Скажи мне, кто убил мою жену, — процедил сквозь зубы Корнелиус.

Блин. Неправильный вопрос.

— Ты в трауре и не в себе от горя, — фыркнул Форсберг. Выражение его лица ожесточилось. — Это единственная причина, по которой ты еще дышишь. Я собираюсь дать тебе один шанс покинуть это здание...

Взгляд Маттиаса переключился на что-то позади меня. Его глаза широко распахнулись, и я увидела вспыхнувший в их глубине страх. Это так разнилось с тем бычьим упрямством, которое он только что излучал, что мне стало не по себе.

Я оглянулась через плечо.

Из дальнего конца коридора шагал высокий мужчина. Он был одет в черную мантию, и она развевалась вокруг него, словно крылья летящего ворона. Он шел так, словно это здание ему принадлежало, а он заметил незваного гостя в своих владениях. Вокруг него кипела злобная и смертоносная магия, настолько сильная, что я ощутила ее с расстояния в тридцать метров. Он был не человеком, а силой стихии; облаченным в черное штормом, готовым дать волю своей ярости. Люди жались к стенам, стараясь убраться с его пути. Я увидела его лицо и подскочила. Волевой подбородок, прямой нос и голубые глаза, пылающие силой под темными бровями.

Чокнутый Роган.

Мое сердце забилось так быстро, что грудь была готова вот-вот взорваться.

Он направлялся ко мне.

Наши взгляды встретились. Я сжала все свои мысли в стальной кулак, пытаюсь держать эмоции под контролем.

Выражение его лица смягчилось, и на долю секунды я увидела, как он смотрит на меня со смесью удивления и облегчения. Но затем взгляд его пылающих глаз впился в Форсберга с яростью хищника. Я знала это выражение. Оно говорило: «Убью».

Я повернулась обратно. Лицо Форсберга застлала паника. Магия сжималась вокруг

него, скручиваясь подобно пружине под давлением. Коридор вокруг меня растянулся назад, словно мрамор и металл внезапно стали эластичными.

Я оттолкнула Корнелиуса в сторону.

Коридор вокруг нас сложился, будто консервная банка под прессом, и я внезапно оказалась в воздухе, летя напрямиком на Чокнутого Рогана.

Судьба столкнула нас друг с другом. В жизни не расскажу об этом бабушке.

Я врзалась в Чокнутого Рогана, и меня поймали его сильные руки. Сила удара закрутила нас, и я приземлилась на ноги справа от него. Не успели мои ноги коснуться пола, как Роган уже подбросил в воздух пригоршню четвертаков. Монеты устремились к Форсбергу, словно плоские пули, движимые силой Рогана, минуя на пути к своей цели случайных людей в коридоре.

Воздух вокруг Форсберга задрожал. Монеты встретились с рябью и упали на пол, отскочив от невидимой преграды. Форсберг растаял, оказавшись в двадцати ярдах от того места, где он стоял.

— Стреляй в него, — приказал Роган.

— Нет пистолета.

Форсберг казался насмерть перепуганным. Паникующие люди обычно не думают; они бегут. Я бросилась к лифту. Мы должны были перехватить его в вестибюле.

Форсберг подпрыгнул, зарябив, а затем провалился сквозь пол. Я опомнилась на углу короткого коридора, ведущего к лифту, скользнула по мраморному полу и хлопнула по кнопке «вниз». Роган был всего в шаге от меня.

Двери лифта раскрылись, и мы заскочили внутрь. Я нажала кнопку вестибюля. Двери стали закрываться, но Корнелиус умудрился протиснуться внутрь в последний момент, заставив их приоткрыться. Роган оторвал анимага от пола, прижав его за горло к стене лифта своим предплечьем. Корнелиус захрипел — его ноги болтались над землей, а весь его вес теперь приходился на его шею под рукой Рогана.

— Отпусти моего клиента! — рявкнула я.

Роган надавил сильнее, и лицо Корнелиуса покраснело. Я видела, что Роган мог сделать с человеком голыми руками. Если я не вырву Корнелиуса из его лап, он сломает ему трахею.

— Роган! Он... он гражданский!

Роган отшатнулся назад, словно я нажала на переключатель, и Корнелиус рухнул на пол, жадно хватая ртом воздух. Похоже, я назвала волшебное слово.

— Только попробуй еще раз, и я врежу тебе шокерами до потери памяти, — прорычала я.

Двери лифта открылись. Двенадцатый этаж. Роган нажал кнопку, закрывая двери, и посмотрел на Корнелиуса.

— Это моя замена?

Что?

— Я тебя не заменяла!

— Конечно же, нет. Я незаменим.

Корнелиус наконец-то смог заговорить.

— Роган? Мясник Мериды? Чокнутый Роган?

— Да, — ответили мы с Роганом в унисон.

— Это та «Р» на платье? — округлил глаза Корнелиус.

Думай о тучках, думай о кроликах, не думай о картинках со свадебным платьем. Роган

заявлял, что он не телепат, но он мог проецировать изображения, а значит, вполне мог подсмотреть мои фантазии, если я слишком на них зацикливалась.

— Платье? Каком платье? — спросил Роган, уцепившись за слово, словно почуявшая кровь акула.

— Забудь, — отрезала я. — Корнелиус, больше ни слова, или я уйду.

Глаза Рогана сузились — он узнал имя. Он был замешан во всем этом деле с Форсбергом по самые уши. Мне, как всегда, везет.

Над нами моргнула цифра «два». Почти на месте.

Роган подбросил монеты в воздух, и четвертаки покорно зависли вокруг него. Мимо меня проскользнула его магия — беснующийся, ужасный зверь. По моей спине поползли мурашки. Внезапно, последние два месяца нормальной жизни разлетелись вдребезги, будто хрупкое стекло, и я снова оказалась рядом с Роганом, готовая ринуться в бой. И это чувствовалось совершенно естественным. Будто все это время я жила во сне, и вдруг внезапно проснулась.

Мне нужно было как можно скорее убраться от него подальше. Он был опасен для меня во всех отношениях.

— Живой! — напомнила я ему. — Форсберг нужен мне живой.

Двери зазвенели и распахнулись. Мы вылетели в вестибюль, напоровшись на стену из навешенных на нас прицелов. На полу за охранниками лежал Форсберг, а из его головы медленно растекалась кровавая лужа. Вместо его глаз в потолок смотрели две кровавые дыры.

Роган выругался.

Обычно, мне потребовалось бы несколько дней, чтобы вырваться из когтей службы безопасности Ассамблеи. Но с излучающим угрозу Роганом и Корнелиусом, поясняющим произошедшее спокойным, терпеливым тоном, каким обычно разговаривают с маленькими детьми, нам удалось покинуть здание спустя двадцать минут. Они придерживались правды: Форсберг напал на Рогана без всякой на то причины. Мы с Корнелиусом просто оказались у него на пути, и была дюжина свидетелей, которые могли это подтвердить. Когда один из охранников спросил, не угрожал ли Роган Форсбергу, Бич Мексики смерил его долгим взглядом, а затем снизошел пояснить, что он никому не угрожал. Он просто шел по коридору в нужное ему место, а если они не в состоянии увидеть разницу, когда он кому-то угрожает, а когда просто идет — то он им с удовольствием ее продемонстрирует. После этого они решили больше не задавать ему вопросов.

На улице, Роган поднял голову и прищурился на солнце, пробившееся сквозь затянутое тучами небо. С мантиями точно был перебор. Ему бы еще багряные знамена и сияющий скипетр для полного набора.

Его лицо было напряженным. Он был разозлен; я тоже злилась. Мы потеряли Форсберга и понятия не имели, как он умер, не говоря уже о том, кто ему в этом помог. Дом Форсбергов теперь оборвет все контакты и заляжет на дно. Наше расследование многократно усложнилось.

— С каких пор ты не носишь пистолет? — спросил Роган.

— Мистер Роган...

— Опять двадцать пять. — Роган покосился на Корнелиуса. — Снова будем «выкаты». Я явно у тебя в немилости.

— Мистер Роган...

— Почему ты на меня злишься?

Героическим усилием я постаралась говорить как можно более спокойным и размеренным голосом.

— Ты напугал свидетеля, которого я допрашивала, из-за чего он швырнул меня, как тряпичную куклу, прыгнул через несколько этажей и оказался убит. Это сильно осложнило мне жизнь и лишило моего клиента возможности узнать, почему была убита его жена. Ну, а затем ты чуть не задушил вышеупомянутого клиента в лифте.

— В ваших устах это звучит просто ужасно, мисс Бейлор.

Сказано это было с насмешкой, но его глаза были по-прежнему темными и мрачными. С Роганом случилось что-то плохое. Я едва не потянулась его коснуться, но тут же себя одернула. Нет.

И еще раз нет.

Этот мужчина был болезнью, а я так и не смогла избавиться от его инфекции. Не хватало мне еще одной вспышки «лихорадки Рогана».

Подъехали два «рендж ровера», один цвета металлик, другой белый, оба с привычно толстыми и затемненными окнами. Роган владел целым парком бронированных машин. Они были сродни произведениям искусства, будучи укрепленными с самого остова, но при этом выглядели совершенно нормально, отлично сливаясь с трафиком, а их управление было просто сказкой. Я каталась на одной такой, как раз перед тем, как ее взорвал Адам Пирс.

Молодой спортивный мужчина, с короткими светлыми волосами и военной выправкой, выпрыгнул из серого «рендж ровера» и протянул Рогану ключи.

— Сэр. Мисс Бейлор.

— Привет, Трой. — Я повстречала Троя во время его собеседования на работу, где он был принят. Он был бывшим военным, а Роган спас его от потери права выкупа. Сегодня у Троя на поясе на виду висела кобура с пистолетом.

— Как вам работается у местного князя тьмы?

— Не могу жаловаться, мэм. Это отличная работа, если вы понимаете.

Конечно. Приспешникам зла жаловаться не пристало. Люди Рогана преклонялись перед землей, по которой он ходил. Что касается Троя, то Роган нашел его, когда семья того едва сводила концы с концами, и предложил шанс выбиться в люди. Проще говоря, он давал им хорошо оплачиваемую работу, которой они были хорошо обучены, позволяя им обеспечивать свои семьи. Стая ищек, выращенная из щенят, не могла быть более преданной. Я только не была уверена, что он видел в них что-то большее, нежели активы в своем распоряжении.

Роган повернулся ко мне.

— Поедем ко мне домой. У меня есть информация, которая вас заинтересует.

«Заходи ко мне в логово», — сказал дракон — «У меня ты сможешь поиграть с блестящими сокровищами в тепле и безопасности, но если мне будет нужно, я прикую тебя к полу и убью твоего клиента, швырнув в него четвертаками с помощью магии». Плавали, знаем.

— Пожалуй, откажусь. Но я с удовольствием потолкую с тобой о деле при свете дня в каком-нибудь очень публичном месте. Дать мою визитку?

Когда я училась в колледже, один из моих профессоров любил приукрашивать описания, и когда ему приходилось упоминать какого-нибудь исторического деятеля в момент его неистовой ярости, он говорил, что его глаза метали молнии. Я никогда не понимала значения этой фразы, пока не увидела лицо Рогана.

Корнелиус предусмотрительно отступил назад. Трой последовал его примеру. Да, я только что сказала Чокнутому Рогану «нет», и поглядите-ка, планета все еще вертится.

— Твою визитку? — переспросил Роган совершенно спокойным и тихим голосом.

— Это такой кусочек бумаги с моим телефонным номером, e-мейлом и прочей контактной информацией. — Мне не терпелось увидеть, как у него из ушей повалит пар. Не стоило мне его бесить, но уж очень он меня разозлил. Форсберг был у нас в руках, пока не влез Роган.

Роган повернулся к Корнелиусу.

— Соболезную вашей утрате. Почту за честь видеть вас сегодня моим гостем. Позвольте мне загладить свою вину за случившееся ранее недоразумение.

Какая прелесть.

— Ты имеешь в виду тот случай, когда ты едва его не задушил?

— Да.

— Пожалуйста, не садитесь к нему в машину, — обратилась я к Корнелиусу. — Он опасен и непредсказуем.

— Спасибо, — вставил Роган.

— Ваша жизнь для него ничего не значит, — продолжила я. — Когда ему кто-то не нравится, он расплющивает его автобусом.

— У меня нет желания начинать вражду с Домом Харрисонов, — сказал Роган.

Правда.

— Я гарантирую вашу безопасность.

Тоже правда.

— И у меня есть запись последних мгновений вашей жены, — закончил Роган.

Ублюдок.

Корнелиус посмотрел на меня.

— Он не лжет, — сказала я. — Но если вы сядете в эту машину, я не знаю, позволит ли он вам из нее выйти. Пожалуйста, не делайте этого.

Корнелиус расправил плечи.

— С удовольствием приму ваше предложение.

Черт бы тебя побрал. Почему люди никогда меня не слушают?

Роган открыл заднюю дверцу «рендж ровера» и Корнелиус забрался внутрь. Роган склонился к открытой двери и посмотрел на него.

— Не возражаете, если к нам присоединиться ваша сотрудница?

— Конечно же, нет, — ответил Корнелиус.

Роган повернулся ко мне.

— Видишь? Твой работодатель не против. Если я такой мерзавец, то почему бы тебе не поехать с ним, чтобы обеспечить его безопасность?

Мягко говоря, он был просто невыносим, и не могло быть и речи, чтобы я села к нему в машину. Чем больше между нами расстояние, тем лучше. Но мой клиент теперь оказался у него в руках.

— Я поеду за вами в своей машине. Корнелиус, еще он умеет проецировать, поэтому постарайтесь не думать о том, чем не хотели бы с ним делиться.

Роган подошел ко мне ближе. Слишком близко. Как бы мне хотелось, чтобы мое тело прекратило предавать меня всякий раз, когда он сокращает дистанцию.

Он понизил голос.

— Не мне судить, но мне кажется, ты не воспринимаешь меня всерьез, как угрозу. Я мог бы прикончить его по дороге.

Я скрестила руки.

— Да неужели? Теперь ты хочешь напрямую перейти к угрозам?

— Ты считаешь меня злом во плоти, а тебе известно, как я ненавижу разочаровывать. Трой с радостью поведет твою машину.

Ладно, с ним явно что-то не так. Роган, которого я помнила, был прямолинейным, но в то же время изворотливым. Это же даже отдаленно не походило на какую-то хитрость. За ним следовала еще одна машина, хотя обычно он предпочитал ездить один. Он из кожи вон лез, пытаясь заставить меня сесть в свой бронированный автомобиль. Машины были припаркованы таким образом, что их масса скрывала нас от кого-либо, въезжавшего на парковку. Трой носил пистолет на виду. Это не было связано с похищением Корнелиуса или принуждением меня сделать что-то против моей воли. Это было из соображений безопасности. Нам с Корнелиусом обоим было бы намного безопаснее в его бронированном автомобиле, чем в моем фургоне.

Как бы я ни хотела держаться от Рогана подальше, я была бы идиоткой, если бы не стала воспринимать всю его озабоченность безопасностью всерьез.

Я вручила ключи Тройю.

— Моя «мазда» вон там. Заводится без проблем.

Трой кивнул и обежал машины.

Я подошла к «рендж роверу» Рогана, села на переднее пассажирское сидение и пристегнулась. Мне просто следовало перетерпеть и не думать о нем, пока он сидит рядом со мной.

Я думала, что два месяца без него не пройдут бесследно — и я была права. Меня стало тянуть к нему еще сильнее. Да, помнишь, как ты проснулась и побежала вниз, потому что решила, будто видела его, а когда открыла дверь, там никого не оказалось?

Он закрыл дверь с моей стороны и занял место водителя, внимательно осматривая парковку перед нами.

— В бардачке лежит «зиг».

Я открыла бардачок, вытащила «зиг», проверила его и положила на колени.

— Что случилось? — тихо спросила я.

— Я потерял людей, — признался он. В его голосе звучала ужасающая безысходность.

Я и не думала, что ему есть до них дело. Я считала, что он видел в своих людях лишь инструменты и заботился о них лишь потому, что инструменты должны быть в рабочем состоянии. Но в его голосе сквозила настоящая горечь — сложная смесь из вины, сожалений и всепоглощающей тоски, которые ты чувствуешь, когда умирает кто-то из твоих близких. Это разбивает тебя, и заставляет чувствовать себя беспомощным. В словаре Рогана не существовало слова «беспомощность». Возможно, я была не права раньше, а может, ошибалась и сейчас. Время покажет.

Я умолкла и принялась изучать проплывающий за окном Хьюстон, выглядывая в теплом зимнем дне возможную мишень для стрельбы.

Глава 3

Большинство хьюстонских Домов владели особняками внутри Петли — длинной дороги вокруг центра города и дорогих кварталов, вроде Ривер Оукс. Домашний адрес внутри Петли

был таким же показателем статуса, как езда на роскошных автомобилях или наличие собственных яхт.

Несмотря на то, что Роган был Превосходным в четвертом поколении, он не пытался ни на кого произвести впечатление. Вместо этого мы поднимались на северо-запад, оставляя город, а затем и главную дорогу позади. Старые тexasские дубы простирали свои ветви над зеленой травой, мужественно перенося декабрьский дождь Хьюстона.

Мой телефон зазвонил. Берн.

— Да?

— Привет, Интернет стоит на ушах из-за какого-то переполоха в Ассамблее.

Что ж, для этого не понадобилось много времени.

— Ты знаешь, что происходит?

— Форсберг мертв. Я его не убивала.

— Ты в порядке?

— Да.

— Я вижу, что ты двигаешься на северо-запад.

Он отследил мой телефон.

— Все верно.

— Где ты?

— Я еду к Чокнутому Рогану домой.

Молчание.

— Не говори маме, — попросила я.

Роган рядом со мной ухмыльнулся.

— Не скажу, — пообещал Берн.

Я повесила трубку.

— Ты пытался убить Форсберга? — спросила я.

— Если бы я пытался, то он бы не покинул этаж.

— Ты выглядел так, будто собирался его убить.

— Я хотел получить ответы, и он бы мне их дал. А если нет, тогда пришлось бы.

Я и без магии понимала, что он не шутит.

— Ты сможешь достать отчет о его вскрытии?

Роган покосился на меня. Ну да, конечно. Как я могла усомниться в великом и могучем Чокнутом Рогане?

— Как ему удалось прыгнуть, будучи уже мертвым? — поинтересовалась я.

— Процесс прыжка состоит из двух фаз, — сказал Роган.

— Это очень похоже на дыхание, — принялся пояснять Корнелиус с заднего сиденья. —

Форсберг притягивает магию, вдыхая, затем отпускает ее, выдыхая, и она переносит его вперед. Если кто-то убил его как раз в тот момент, когда он вдохнул, прыжок бы все равно произошел.

Мне нужен был доступ к базе данных Домов и ее пояснениям касательно высших магических талантов. К сожалению, я не была членом Дома, и мне не грозило когда-либо им стать.

Мы добрались до кованых ворот, которые распахнулись при нашем приближении, и Роган поехал по длинной изгибистой подъездной дорожке мимо живописных растений. Дорожка повернула, и в поле зрения появился большой особняк в испанском колониальном стиле, выстроенный на вершине невысокого холма. Двухэтажный, с толстыми стенами,

облицованными искусственным мрамором, и красной черепичной крышей, он демонстрировал миру арочные окна. Большая круглая башня украшала правую сторону особняка, а крытый балкон предлагал полюбоваться видами с левой стороны. Красно-фиолетовые цветы свисали из подвесных кашпо, вытягиваясь над темными деревянными перилами балкона. В центре, тяжелая округлая дверь из старого дерева, окованная железом, предоставляла доступ во внутренние помещения дома. Это было невероятно романтично. Если когда-нибудь соберутся снять еще один фильм о Зорро, я точно знала место, где они могли бы это сделать. Я почти ждала, что мужчина в черной маске и плаще со шпагой в руке пробежит по балкону, спрыгнет на угольно-черного андалузского коня и галопом промчится мимо нас по подъездной дорожке.

Я заметила, как ко мне наклонился Роган.

— Тебе нравится? — спросил он тихо.

Люди вваливались ко мне каждый день, по нескольку раз, из лучших и худших побуждений. Я старалась врать как можно меньше.

— Да.

Самодовольная улыбка озарила его лицо. Ох, да, в конце концов, он же не своими руками его построил... Почему вообще важно, понравилось ли мне?

Мы прошли за ним в вестибюль со спокойным известняковым полом и массивными колоннами. Справа изогнутая лестница с коваными перилами вела наверх в коридор. Слева ожидала просторная гостиная с высоким потолком, украшенным грубыми деревянными балками. Она освещалась тремя рустикальными люстрами, представлявшими собой металлические обручи, утыканые лампочками-свечами, которые могли происходить из какого-нибудь средневекового замка. В левой стене были широкие арочные окна, поддерживаемые каменными колоннами, позволяя свету позднего утра проникать в помещение. На полу лежали красно-белые восточные ковры. Мебель была старой и добротной, на диванах лежали большие бархатные подушки. Массивный камин занимал дальнюю стену. Это место с легкостью могло стать душным и темным, но вместо этого было светлым, просторным и уютным. Тут и там стояли растения в больших горшках, добавляя ярких зеленых пятен каменным стенам.

Чокнутый Роган владел домом моей мечты. Жизнь была просто несправедлива. Ничего страшного. Я буду работать изо всех сил и однажды куплю свой собственный дом — может, не такой большой или со вкусом обставленный, но все же мой.

Роган поднялся по лестнице, и мы последовали за ним по внутреннему балкону, который соединял гостиную с коридором. Роган повернул направо, и мы поднялись по другой небольшой лестнице, ведущей к металлической двери. Он придержал ее передо мной.

Я вошла в квадратную комнату. Стены слева от меня и прямо напротив были из толстого тонированного стекла, за которым виднелся широкий крытый балкон и другие стены, окна которых выходили во внутренний двор. Две другие стены были заняты экранами и компьютерами, их обслуживали двое людей с наушниками и микрофонами.

— Оставьте нас, — сказал Роган.

Они поднялись и вышли без единого слова. Роган пригласил нас к дивану в форме подковы, окружавшему журнальный столик. Мы сели.

— Баг! — позвал Роган.

— Иду, майор, — отозвался голос откуда-то из динамика.

Роган посмотрел на Корнелиуса.

— Вы связаны с вашей женой, мистер Харрисон?

Корнелиус помедлил.

— Да.

Что это еще был за вопрос?

— Это была настоящая связь?

— Да.

Роган перевел взгляд на меня.

— Он говорит правду?

— Ты понимаешь, что я работаю на него, а не на тебя?

— Если он соврал мне, а я покажу это ему, мне, возможно, придется его убить.

Я посмотрела на Корнелиуса.

— Вы позволите мне ему ответить?

— Да.

— Он говорит правду.

Роган подошел к стене, сдвинул панель и вернулся со стаканом и бутылкой «Джек Дэниэлс». Он поставил бутылку со стаканом перед Корнелиусом.

— Я не пью, — покачал головой Корнелиус. — Я буду воспринимать все на трезвую голову.

— Что вы сделаете, после того, как найдете убийцу жены? — Роган сел слева от меня.

— Я уволю мисс Бейлор, — ответил Корнелиус.

— Из-за упрямого нежелания мисс Бейлор идти на компромисс, когда дело касается закона? — спросил Роган.

— Она ясно дала понять, что не хочет вмешиваться в то, что за этим последует.

Я помахала им обоим, на тот случай, если они забыли, что я сижу напротив.

— Насколько вы уверены в подобном развитии событий? — спросил Роган.

— Я уже принял меры, — сказал Корнелиус.

Роган откинулся назад, в его глазах появился расчет.

— Я собираюсь поделиться с вами кое-какой конфиденциальной информацией. Она имеет далеко идущие последствия. Если вы не хотите в это вмешиваться, скажите об этом сейчас. Жизни моих людей зависят от вашего благоразумия, и если вы предадите мое доверие, мне придется избавиться от вас.

— Само собой, разумеется, — кивнул Корнелиус. — В свою очередь, если я узнаю, что вы имеете какую-либо причастность к смерти Нари, я приму должные меры.

Это не был мир нормальных людей. И все же я каким-то образом продолжала в нем увязать.

— Для справки — я не согласна быть убитой, — сказала я.

Они оба посмотрели на меня.

— Просто на тот случай, если позднее возникнут вопросы.

Раздался осторожный стук, и в комнату, подскакивая, вошел Баг. Один из приятелей моей мамы был хозяином керн-терьера по кличке Магнус. Керн-терьеров вывели, чтобы ловить вредителей в горах шотландского высокогорья, и Магнус был физически не способен сидеть спокойно. Он носился по заднему двору, бегал на прогулках, гонялся за игрушками, а если вы пускали мыльные пузыри, то превращался в черную пушистую молнию, пока не уничтожал их все до последнего. Движение было его работой, и он всецело ему отдавался.

Баг был Магнусом в человеческом обличье. Он без конца двигался, печатал, разговаривал, следил... И хотя он нередко сидел большую часть дня, он не был малоподвижным. Он никогда не проводил время без определенной цели или задачи, и у меня было ощущение, что если бы только он мог прекратить все это делать и съедал сэндвич время от времени, он бы набрал те двадцать пять фунтов, которых не хватало его худощавой фигуре.

Баг был свомером. ВВС США связали его с чем-то, что они вытащили из тайного мира. Они называли это роем, за неимением лучшего названия. У роя не было физической формы. Каким-то образом, он существовал внутри Бага, что позволяло ему рассеивать внимание, быстрее обрабатывать информацию и делало из него отличного эксперта по видеонаблюдению. Большинство свомеров умирало в течение двух лет, после связи с роем, но Баг каким-то образом выжил и до недавнего времени жил, скрываясь, ненавидя все власти, особенно их военную разновидность. Я периодически оплачивала его услуги «Экузолом» — военным препаратом, разработанным, чтобы его успокоить. Затем Роган выманил его из убежища обещанием «Экузола», продвинутого компьютерного оборудования и что там еще было частью той сделки с дьяволом, которую они заключили.

Попадание в лапы к Рогану устраивало Бага. Его кожа утратила желтоватый оттенок, и хотя глаза все еще были наполнены нервной энергией, он не дергался и не психовал.

Баг плюхнулся на диван и водрузил на стол перед собой ноутбук.

— Привет, Невада.

— Привет.

Толстая собака, по большей части французский бульдог и что-то неопознанное, вплыла в комнату и потерлась мордой о мою брючину.

— Привет, Наполеон.

Я нагнулась и потрепала его по голове. Собака Бага добрела до Рогана и бесцеремонно плюхнулась ему на ноги. Тот, не глядя, протянул руки, на автопилоте подхватил собаку и посадил рядом с собой на диван. Французский бульдог удовлетворенно вздохнул, устроил свой зад поглубже на диване и закрыл глаза.

Роган откинулся назад.

— Осенью мы с мисс Бейлор участвовали в задержании Адама Пирса.

— Я знаю, — кивнул Корнелиус. — В то время мы и познакомились.

Баг вытащил из-за свитера планшет и принялся с ним возиться. Из боковой стены выскользнул экран.

— Адам Пирс действовал не сам по себе, — сказал Роган. — Кто-то зарядил его, как ружье, прицелился и нажал на курок.

— Кто? — спросил Корнелиус.

— Мы не знаем, — ответил Баг.

— Нам стало известно о заговоре вокруг Пирса, когда мы узнали, что он перемещается по городу незамеченным, — сообщила я. — Его скрывал не просто один маг. Там была целая команда прикрытия. Мы знаем, что был задействован Превосходный аниматор.

В моей голове всплыло воспоминание о том, как я бегу по парковке, а Роган сражается с водоворотом металла и труб, который пытался его раздавить. Мы так и не выяснили, кто был тем аниматором.

— Для выполнения грязной работы Пирс использовал подростка, — пояснил Роган. — Парня зовут Гэвин Уоллер. Мать Гэвина моя кузина. Я обнаружил, что она принадлежит к

заговорщикам, которые дергали за ниточки Адама.

Для меня это было новостью. Итак, Рогана предала собственная кузина. Будет ли его это заботить? Будет ли иметь хоть какое-нибудь значение? Казалось, он не проявлял никакого интереса к жизни Келли Уоллер и ее сына, пока Адам Пирс не сделал Гэвина частью своего веселья в духе убей-и-сожги.

— Кто бы ни стоял за Адамом, они хорошо обеспечены и могущественны, — продолжил Роган. — К счастью для меня, они упустили уязвимое место в своей обороне.

Баг застучал по клавишам ноутбука. Экран зажегся, показывая женщину в обтягивающем черном платье, которая стояла на коленях на высоком стуле, её руки были согнуты в локтях, а предплечьями она опиралась на спинку стула, так чтобы можно было выпятить зад. Туфля на шпильке свисала с указательного пальца левой руки. Она смотрела прямо в камеру светло-серыми глазами, ее макияж был ярким и безупречным. Рыжевато-блондинистые волосы обрамляли лицо идеально прямой сияющей завесой. Выражение лица было бессодержательным. Она закусила нижнюю губу.

Фу.

— Харпер Ларво, — пробормотала я.

— Кто она? — спросил Корнелиус.

— Светская львица, — ответила я. — Она была связана с людьми, стоявшими за Адамом Пирсом.

— Я установил за ней слежку, — сказал Роган.

— Мы установили жучки в ее квартире, телефоне, мобильнике и машине, — сказал Баг. — Напихали жучков во все дерьмо.

— Месяц назад Харпер завела интрижку с Ярославом Финли, — пояснил Роган.

Корнелиус подался вперед. Ярослав работал с Нари. Он был одним из трех юристов, убитых вместе с ней.

— Затем, в прошлую пятницу, мы получили это. — Роган кивнул Багу и тот потянулся к ноутбуку, щелкнув по клавиатуре.

— Это произойдет, — произнес голос Харпер. — Они собираются ее передать. Они не хотят, чтобы следы привели к ним, так что сейчас ищут охрану для встречи.

— Нам нужно знать время и место, — произнес женский голос постарше.

На лице Рогана дернулся мускул.

— Я устала. Можно я просто закончу с этим? Он скучный и воняет. От запаха крышу сносит.

— Мне напомнить, кто держит тебя на поводке?

— Ладно. Я позвоню, когда все узнаю.

— Другая женщина на записи — Келли Уоллер, — сказал Роган. Его голубые глаза были ледяными. Его заботило предательство Келли Уоллер. Еще как заботило. Если бы я была Келли, я бы занялась устройством побега на другой континент.

Баг поморщился.

— Она воспользовалась одноразовым телефоном. Если бы она в это время не тискала Сэсси, мы бы ее не засекли.

— Сэсси? — переспросила я.

— Ее пудель, — пояснил Баг.

— Ты прицепил жучок на ее собаку?

Баг возмущенно отпрянул.

— Я прицепил жучок на ошейник! Ты что, думаешь, что я законченный говнюк? В любом случае, она не достойна владеть этой собакой. Она обращается с ней как с куском дерьма. Она не заслуживает Сэсси. — Баг застучал по клавишам. — Мы прочесали интернет и обычные места, где придурок...

Чокнутый Роган покосился на него.

— ...человек, который не знает, какого черта он делает, может искать частную охрану. Мы нашли задание Финли и взяли контракт.

— Мы? — спросила я.

— Я владею частной охранной компанией, — сказал Роган.

Ну, конечно.

— Финли упоминал, что они должны были встретиться с другой стороной для обмена какими-то данными, — продолжил Роган.

— В отеле «Ша Ша», — догадался Корнелиус.

Роган кивнул.

— Время и место были сомнительными, но я пошел на риск. Если моя кузина нуждалась в этих данные, то мне они были нужны больше.

Он пошел на риск и его люди погибли. Он винил в этом себя. Это не отразилось на его лице, но я на мгновение увидела это в его глазах, прежде чем они снова стали льдисто-синими. В последний наш разговор, я была почти уверена, что он социопат. Он казался неуязвимым, будто его ничто не волновало. Но это было не так.

Баг нажал клавишу на компьютере. Я собралась с духом.

На большом экране появилась женщина слегка за тридцать в серых брюках, черной футболке и странно выглядящем бронежилете. Тонкая полоса металла и пластика примыкала к ее лбу с левой стороны и исчезала под темными волосами, откинутыми с лица. Она коснулась полосы, и изображение слегка исказилось. Она смотрелась в зеркало.

— Перестань его дергать, — раздался голос Бага.

— Эта штука отвлекает. — В ее голосе звучал южный акцент. — А я не люблю отвлекаться.

— Это лучшее устройство на рынке, — сказал Баг. — И ты сломала два предыдущих, Луанна.

— Они тоже отвлекали.

— По-твоему, меня это волнует?

Луанна выглядела спортивной и сильной, а то, как она держалась, наводило на мысли о бесстрастном спокойствии. Не умиротворенности, а просто спокойной, компетентной бдительности, лишенной какой-либо эмоциональной связи. Я раньше встречала людей подобного типа. Она была профессиональным солдатом. Вы будете смотреть ей в глаза и ничего не увидите, потом она выстрелит вам в лицо, и, пока пули будут лететь, в ее глазах так ничего и не появится. Смерть не трогала ее, может из-за опыта, а может, просто потому, что этого никогда не происходило. В повседневной жизни она будет выглядеть абсолютно нормально. Если увидите ее в супермаркете, то ни за что не подумаете, что она зарабатывает на жизнь, убивая людей.

Позади неё мужчины и женщины в похожем облачении проверяли своё оружие.

— Что это за бронежилет? — поинтересовалась я. Он выглядел сегментированным под серой тканью, словно был сделан из маленьких шестиугольных фрагментов. Еще он был гибким. Шестиугольники слегка сдвинулись, когда Луанна переместилась.

— Это Скорпион V, — ответил Баг. — Самый высококлассный среди последних разработок. Гражданским не пристало о нем знать, так что даже не смотри на него, иначе нам придется выколотить тебе глаза.

— Без фанатизма, Луанна, — произнес Роган за камерой. — Я лишь хочу знать, чем они обмениваются. Вошли, остались в живых, вышли.

— При всем уважении, майор, мне не впервой, — сказала Луанна.

— Майор переживает. — Молодой веснушчатый парень опустил оружие на колени. Heckler & Koch MP7.

Я взглянула на Рогана. Его лицо было непроницаемым.

— Майор всегда переживает, — сказал мужчина постарше.

— Это наша работа доказать, что он переживал напрасно, Уоткинс. — Луанна повернулась, и изображение переместилось на группу наемных солдат. — Время заработать большие деньги.

Экран разделился на четыре части, каждая была привязана к своему солдату.

— Перемотай вперед, — тихо сказал Роган.

Запись ускорила. Они разделились по четырем черным внедорожникам, забрали юристов — усадив только их в два Шевроле «Тахо» — и разными путями добрались до отеля. Видео замедлилось до нормальной скорости. Мы увидели, как они вышли и провели двух мужчин и двух женщин, одетых в бронежилеты «Скорпион», в отель, где у дверей их встречал еще один наемный солдат. Должно быть, команда Рогана заранее разведала об этом месте и успела его проверить.

Когда юристов заводили в отель, на запись попало лицо более высокой женщины.

Корнелиус сделал резкий вдох.

Ей было около двадцати восьми лет; азиатка, вероятно, кореянка, с круглым лицом и большими умными глазами, совсем, как у ее дочери. Ее лицо омрачало беспокойство. Она казалась такой живой на этой записи.

Я смотрела, как шел мертвый человек.

Юристы и частная охрана зашли в здание. Четверо двинулись вперед. Группа, непосредственно ответственная за жизни юристов, следовала за ними, минуя отельные переходы в «коридорном» порядке: один охранник впереди, второй позади чуть левее, затем юристы, потом третий охранник справа и последний почти напротив первого. Сверху они напоминали бы треугольник, поставленный на угол. Четверо оставшихся охранников замыкали. Они двигались быстро, воспользовались лестницей вместо лифта и подошли к номеру на втором этаже. Еще один охранник, в этот раз женщина, стоял у дверей номера.

— Было ли прикрытие снаружи? — спросила я.

— Было двое людей, — ответил Роган. — Один со здания на северо-западе прикрывал вход, а другой прикрывал два окна с крыши музея.

Продумано. Он прикрыл вход и окна на тот случай, что бы, если кто-нибудь или что-нибудь попыталось проникнуть в отель, его люди тут же об этом узнали бы и нейтрализовали угрозу. Я никогда не занималась работой в сфере безопасности, но когда папа был жив, они с мамой настояли, чтобы я прошла курс в тренировочном центре в Вирджинии. Судя по тому, что я помнила, люди Рогана расставили точки над каждой «i» и черточки над каждой «t».

Юристы и их телохранители прошли в просторный люкс. Темный журнальный столик из какого-то сорта древесины, почти черный и отполированный до зеркального блеска стоял

в центре комнаты в окружении серого дивана и двух кресел, одно с пурпурной обивкой, другое с рисунком зебра. Юристы сели. Люди Рогана рассыпались по комнате, один у темно-красных штор, второй у входа в ванную, остальные вдоль стен, образуя убойное пространство перед входной дверью. Четверо остались с юристами.

Записи с четырех камер на разделенном экране показывали комнату под разными углами. На двух из них было четко видно лицо Луанны, и она хмурилась, глядя на окно. Что она там увидела...?

Конденсат. Стекло затянула тонкая дымка.

— Баг, — тихо сказала Луанна. — Какой здесь уровень влажности?

— Девяносто два процента.

— Какая влажность у Коула на крыше?

— Семьдесят восемь.

— Отбой. — Голос Лианны дрогнул. — Выводим их отсюда.

Комната заледенела. В мгновение ока слой льда покрыл стены, оружие и мебель.

— Я вижу резко падение температуры! — воскликнул голос Бага.

Затем все произошло в одно мгновение.

Невысокая афроамериканка, стоявшая рядом с адвокатами, сжала руки в кулаки и резко опустила их вниз, словно что-то разрывая. По комнате прокатился низкий звук, и воздух вокруг неё засветился бледно-голубым. Эгида, живой пуленепробиваемый щит.

Трое других солдат возле эгиды подняли адвокатов на ноги и втолкнули их под защиту голубой сферы.

У дверей другой солдат схватился за ручку, отдернул руку, словно обжегшись, и пнул дверь ногой. Она устояла. Слой льда на ней продолжал расти, достигнув почти дюймовой толщины.

— Прodelайте дыру! — рявкнула Луанна.

Двое мужчин у двери приняли позы магов — руки слегка подняты ладонями вверх, будто они сжимают по невидимому мячу в каждой руке. На кончиках их пальцев заплесало багряное пламя. Энергетики, управляющие чистой магической энергией. Они собирались взорвать стену.

Внезапно лицо Луанны превратилось в маску. Она дернула свой MP7 вверх и застрелила обоих энергетиков в голову.

В противоположной стороне комнаты афроамериканец среднего возраста развернулся к ней и выстрелил. Пули вонзались в Луанну, откидывая ее назад с каждым ударом. Запись ее камеры тряслась каждый раз, когда пули пронзали ее тело. Перед камерой возникла небольшая вспышка, распространяя кровавые капли. Пуля попала Луанне в голову.

Она повернулась, не обращая внимания на поток пуль. Она была мертва. Она должна была быть мертва, но ее тело повернулось, взмахнуло MP7 и выпустило полную обойму в голубую сферу эгиды. Пули скользили, вызывая рябь на барьере, и безвредно сыпались на пол. Мужчина средних лет, стрелявший в нее, также развернулся и с подобным безвольным лицом выпустил поток пуль по щиту.

Что, черт возьми, там происходило?

Я посмотрела в глаза Рогану. Я ожидала увидеть боль и ярость, но от того, что я увидела в их глубине, мне захотелось съежиться. Они были полны тьмы, словно слой льда образовался на поверхности бездонной черной воды. В той воде были ужасные вещи.

— Дайте мне выход! — закричала эгида.

Солдаты рядом с ней открыли ответный огонь. Луанна накренилась и рухнула вниз, ее голова подскочила от удара об пол, но камера продолжала запись.

Двое солдат, один у дверей, второй у окна, одновременно развернулись и полоснули по комнате очередями, скашивая охрану юристов, словно траву, потом оружие на щит. Эгида закричала, когда многочисленные удары сотрясли сферу. У нее из носа пошла кровь, руки тряслись от усилия.

Лица юристов за щитом были такими напуганными, искаженными паникой и беспомощностью.

Первая пуля прорвалась и поразила молодого светловолосого юриста в горло. Кровь запятнала щеку Нари Харрисон, и я увидела точный момент, когда она осознала, что не вернется домой.

Голубая сфера испарилась вместе с исчезновением щита. Эгида упала на колени, из ее рта текла кровь. Град пуль обрушился на безоружных адвокатов. Несколько мгновений они дергались от ударной силы бронебойных пуль, впивающегося в их тела, а затем рухнули. Нари упала в четырех футах от камеры. Ее широко распахнутые мертвые глаза смотрели на нас с экрана.

Корнелиус издал сдавленный хрип.

Ботинок перекрыл вид с камеры Луанны. Два выстрела прозвучали, как хлопки. Ботинок сдвинулся, когда солдат подошел к Нари. Ствол навис над ее головой. Две пули пробили висок, запятнав кровью лицо. Солдат переходил от юриста к юристу, всаживая пули им в головы, затем остановился рядом с телом блондинки-юриста. Ее волосы были пропитаны кровью. Он нагнулся, подобрал что-то у нее из руки и отошел прочь. Разбилось стекло. Он вернулся, чтобы всадить две пули ей в голову.

Камера в верхнем левом углу дернулась вверх, и мы увидели веснушчатое лицо молодого солдата. Его глаза блестели от боли и страха. Медленно, он поднял средний палец и вытянул руку. Короткое сообщение Рогану. «Пошел ты».

Солдат вытащил свой пистолет. Его рука тряслась, будто он сопротивлялся этому движению. Его губы дрожали. Его глаза, широко раскрытые, почти черные от отчаяния и страха, смотрели прямо на нас. Он приставил массивный черный ствол «Smith & Wesson» к своему виску и нажал на курок.

Камера с грохотом упала на пол.

Было больно дышать. Я хотела разрыдаться, затопать ногами, сделать что угодно, чтобы выбросить то, что я увидела, из головы, но оно засело там, горячее и болезненное, пока я цепенела все сильнее. Я посмотрела на Рогана и увидела все сразу: его безучастное лицо, руки, тихо сцепленные в кулак, и его глаза, темные от гнева и горя.

— Я могу немного побыть один? — спросил Корнелиус прерывистым надломленным голосом.

Мы с Роганом встали одновременно.

Роган провел меня через комнату, и мы вышли на балкон. Удобные кресла и шезлонг с голубыми подушками были расставлены вокруг кофейного столика. Я села.

Роган снял с себя мантию. Черные брюки и рубашка облегали его фигуру, демонстрируя твердый, плоский живот, торс и широкие плечи. В обычном состоянии я бы поглазела на него. Сейчас же я была слишком ошеломлена.

Грозная стихийная сила, которая привела Форсберга в ужас, исчезла. Теперь Роган был мрачным и решительным, его магия вилась вокруг него, как раненый волк со свирепыми

клыками, готовый отомстить.

— Пива? — спросил он с потемневшими глазами.

— Я не могу.

Он подошел к холодильнику, встроенному в каменную перегородку балкона и принес мне бутылку холодной воды.

— Спасибо.

Я взяла бутылку и уставилась на нее, пытаюсь избавиться от вида крови, мертвых глаз Нари Харрисон, и отчаяния молодого солдата. Сейчас Корнелиус внутри переживал картину смерти своей жены. Тонированные стены из стекла, непрозрачного снаружи, скрывали его от нас. Баг, наверное, наблюдал за Корнелиусом с помощью своего планшета. Свомер ушел через заднюю дверь, как только мы с Роганом вышли, но я сильно сомневалась, что Роган оставил бы Корнелиуса без присмотра.

— Корнелиус может нас слышать? — спросила я.

— Нет. Он может нас видеть, но, полагаю, в данный момент ему не до нас.

— Почему ты спросил у него, связан ли он со своей женой?

— Pretium talent, — сказал Роган.

Цена таланта?

— Я не понимаю.

— Анимаци устанавливают связь с животными в очень раннем возрасте, некоторые в младенчестве. Они слишком юны, чтобы контролировать свою магию, поэтому оказываются привязаны к собакам, котам, диким птицам, белкам, любому живому созданию, которого может коснуться их магия. Эта сила обходится ценой развития и их отношений с людьми. Некоторые из них никогда не начинают говорить. Большинство не развивает эмпатии к другим людям, за исключением связи со своими родителями, но, так как родители сами анимаци, они не всегда создают связь со своим потомством. Они не выставляют это напоказ по очевидным причинам. Серьезные взрослые отношения для них большая редкость.

— Но Корнелиус любил свою жену.

Роган кивнул, печаль на мгновение смягчила его суровое выражение лица.

— Да. Ей как-то удалось до него достучаться. Она дала ему то, чего он никогда не надеялся обрести, и теперь она мертва. Он знает, что скорее всего никогда не испытает этого снова.

Это очень многое поясняло и, вместе с тем, делало случившееся еще ужаснее.

Между нами снова повисла гнетущая тишина. Внутри меня кипела злость — самозащитная реакция на шок и жестокость. Мне хотелось кого-то ударить. Я положила локти на колени и закрыла лицо руками, пытаюсь сохранять спокойствие. Перестань прокручивать это у себя в голове. Сосредоточься на работе. Сосредоточься на том, что можно сделать.

— Ты думаешь, это была работа ледяного мага? — спросила я.

— Да. Чтобы понизить температуру настолько быстро, он должен быть Значительным, но, скорее всего, это Превосходный, — спокойно и четко ответил Роган. — И еще эгоциссор.

— Манипулятор?

Он снова кивнул с ледяной отстраненностью.

— Определенно Превосходный.

Манипуляторы были чертовски опасны. Они могли внушать свою волю другим, и их жертвы обычно понимали, что они делают. Луанна знала, что стреляет в собственных людей.

Она видела, как это происходит, но ничего не могла поделать. Веснушчатый солдат выпустил пули в своих друзей и был не в силах себя остановить.

А Роган видел все это. Зная его, он просматривал ту запись кадр за кадром, изучая, выискивая момент, когда все пошло не так, выискивая малейшие намеки на то, что враг себя выдал. Сколько раз он смотрел на гибель своих людей? Я изучила его лицо и поняла — слишком много. Они заставили его людей убить друг друга и оставили особое послание в конце. Они сделали это личным. Они хотели, чтобы он винил себя и чувствовал беспомощность. На его месте я была бы в ярости. Я не знала этих людей. Они не были моими друзьями или работниками, но после просмотра этого видео, мне было тяжело держать себя в руках. Он же сидел напротив меня спокойный и собранный.

Офицер, осенило меня. Он вел себя, как умелый военный офицер, чье подразделение понесло тяжелые потери — методичный, почти безмятежный, пока его разум лихорадочно перебирал угрозы и стратегии. Роган не станет расклеиваться. Он будет оставаться таким, пока не уничтожит всех до последнего, кто был причастен к смерти его людей.

— Оборудование Бага говорит, что сердце Луанны остановилось через три секунды после того, как Рук выстрелил в нее, — сказал Роган. — У нее была клиническая смерть. Только Превосходный манипулятор смог бы управлять ею еще целых десять секунд после смерти. Работающие вместе ледяной маг и манипулятор подобного калибра означают два разных Дома.

Это означало заговор и союзничество, такое же, что мы видели за спиной Адама Пирса. Роган был прав. Происходило что-то большое, а мы зацепили лишь самый краешек.

— Сколько в Хьюстоне ледяных магов, способных на такое? — спросила я.

— Шестнадцать, по скромным подсчетам. Двадцать два, если немного расщедритесь. Четыре Дома.

Слишком много.

— Манипуляторы?

— Три Дома, но это нам ничем не поможет. Я уже говорил тебе, что анимаги не любят хвастать побочными эффектами своих сил.

— Манипуляторы могут скрывать, что они манипуляторы?

Роган кивнул.

— Они относятся к другим телепатическим специальностям. Псионический захват — преимущественный фаворит.

Псионики обладали возможностью временно перегружать чужой разум. Превосходный псионик мог создать ментальное поле, и любой, кто попадал в него, мог ослепнуть, скорчиться на земле от боли, или в панике бежать.

— Что насчет разбившегося в конце стекла?

— Он выбросил что-то из окна. Баг считает, что это могла быть флешка. Что бы это ни было, подъехала машина и один из ее пассажиров забрал это с тротуара. Мой снайпер не мог стрелять из-за движения на дороге.

Мы снова погрузились в молчание. Запись снова и снова проигрывалась у меня в голове, она была настолько беспощадно правдивой, что миновала все обычные тормоза и проникла глубоко в подсознание, в ту часть, которая просыпалась, только когда задевали мою семью. Я хотела убить людей, которые это сделали. Хотела уничтожить их и смотреть, как они умирают. И это не будет слишком. Это будет только справедливо.

Я встретила взгляд Рогана.

— У тебя есть наводки?

— А у тебя? — спросил Роган. — Ты узнала что-нибудь у Форсберга?

— Да.

— Расскажешь мне?

— Нет.

Он уставился на меня.

— Ты не мой клиент, — напомнила я. — Я не работаю на тебя и не собираюсь делиться с тобой конфиденциальной информацией, пока мой клиент сам не скажет мне это сделать. К тому же, у меня есть сомнения. Я все еще пытаюсь осознать произошедшее с его женой.

Ее смерть продолжала проигрываться у меня в голове, словно заевшая киноплёнка.

Он откинулся назад и изучал меня. Произошло незаметное изменение в том, как он сидел, в линии его плеч, и в его глазах. Очевидно, мы закончили разговор о работе.

— Что?

— Я скучал по тебе, — произнес он, и его губы растянулись в медленной, ленивой улыбке. Лед в его глазах начал таять.

— Ты скучала по мне, Невада?

Он назвал меня по имени.

— Нет.

— Даже чуть-чуть?

— Даже чуть-чуть. Вообще не вспоминала. — То, что я обычно старалась не врать, еще не значило, что врать я не умела.

Роган ухмыльнулся, и все мои мысли покатались псу под хвост. Он был почти невыносимо привлекателен, когда улыбался.

— Прекрати, — пробурчала я.

— Что прекратить?

— Прекрати так улыбаться.

Он ухмыльнулся еще шире.

— Зачем ты вообще во все это ввязался? Пытаешься наказать свою кузину?

— Да.

И он только что солгал. Я прищурилась.

— Ври лучше.

— Очень хорошо, мисс Бейлор. Это лишь отчасти правда, но ты все равно не купилась. Практиковалась?

— Не твое дело. — Я не просто практиковалась. Я упорно работала, чтобы стать лучше. Я изучала книги, упражнялась с тайными кругами и экспериментировала со своей магией. И мне это нравилось. Использование магии было похоже на разминку ноющих мускулов. Это было приятно.

— Ммм, колючка.

— Ты не отвечаешь на мои вопросы. С какой мне стати отвечать на твои?

Он разглядывал меня из-под полуприкрытых глаз, словно оценивая, насколько аппетитная из меня выйдет закуска. Я представила себе, как вокруг меня медленно кружит огромный дракон, не сводя с меня глаз, будто бы прикидывая, стоит ли перекусить меня напополам.

— Драконы, — щелкнул пальцами Роган.

Вот черт.

— А я все думал, почему рядом с тобой мне мерещатся драконы. — Он подался вперед. Его глаза посветлели, возвращаясь к своей небесной синеве. — Ты думаешь, что я дракон.

— Не смеши. — Мое лицо пылало. Похоже, я покраснела. Черт-черт-черт.

Его улыбка из довольной превратилась в сексуальную, настолько заряженную желанием, что ее нельзя было назвать иначе, как плотской. Я едва не подскочила на своем стуле.

— Большой, могучий и страшный дракон.

— У тебя мания величия.

— У меня есть логово? Куда я похитил тебя из твоего замка?

Я посмотрела прямо на него, пытаюсь добавить в голос льда.

— У тебя какие-то странные фантазии, Роган. Не мешало бы провериться у специалиста.

— Желаешь подействовать?

— Нет. К тому же, драконы похищают девственниц, поэтому я в полете. — И зачем я только что сказала ему, что я не девственница? Зачем меня вообще в эту степь понесло?

— Неважно, если я не первый. Главное, что я буду последним.

— Ты не будешь ни первым, ни последним, ни где-то посередине. Не в этой жизни.

Он рассмеялся.

— Роган, — процедила я сквозь зубы. — Я на работе. В соседней комнате мой клиент оплакивает свою жену. Перестань со мной флиртовать.

— Перестать? Я еще даже не начинал.

Я ткнула в него бутылкой.

— Что это значит? — спросил он у меня.

— Это значит, что если ты не перестанешь, я разобью эту бутылку тебе об голову и сбегу из этого поместья вместе с моим клиентом.

— Жажду это увидеть.

Дверь открылась, и вышел Корнелиус. Его лицо было безжизненным, а глаза налиты кровью. Все мое эгоистичное смущение испарилось. Чувственная улыбка Рогана исчезла, и я снова смотрела на Превосходного — хладнокровного, собранного и жаждущего мести.

Вот оно что. Он сделал это специально. Роган разозлил меня, чтобы вывести из того ужасного состояния, в котором я была после просмотра видео. Бесконечная череда смертей больше не проигрывалась у меня в голове.

Корнелиус опустился на стул и посмотрел на Рогана.

— Что вы предлагаете?

— В вашем распоряжении превосходный детектив, — начал Роган. — Мисс Бейлор компетентна, придирчива к мелочам и придерживается высоких профессиональных стандартов.

Я ожидала следующего за лестью подвоха.

— Но у нее маленькая фирма, которой не хватает ресурсов и сил. То, что есть в достатке у меня.

Он пытался уговорить Корнелиуса меня уволить?

— С другой стороны, я нуждаюсь в услугах мисс Бейлор, — продолжил Роган. — Она способна значительно ускорить поиски убийц моих людей.

— Потому что она правдоискатель, — сказал Корнелиус.

Я вздохнула.

— Я не идиот, — тихо добавил анимаг.

— Мы ищем одно и то же, — подытожил Роган. — Предлагаю объединить силы.

— Мне нужно несколько минут с мисс Бейлор, — попросил Корнелиус.

— Конечно. — Роган встал и вышел в комнату.

Корнелиус подождал, пока дверь за Роганом не закрылась, и откинулся на спинку мягкого кресла.

— Я понимаю, что это неудобный вопрос, но я должен его задать. Какие у вас отношения с Чокнутым Роганом?

— Мы сотрудничали для задержания Адама Пирса.

— Это я знаю. Я имел в виду эмоциональные отношения.

Он заслуживал честного ответа.

— Это все та же старая история. — Я постаралась продолжить как можно беззаботнее. — Миллиардер-Превосходный встречает симпатичную девушку со слабой магией, миллиардер-Превосходный делает девушке предложение, а девушка говорит ему уходить.

А потом миллиардер-Превосходный дает кучу жарких обещаний и драматических заявлений, которые заставляют девушку думать, что он может видеть в ней нечто большее, чем просто приятное развлечение, вот только он исчезает на два месяца, не доведя дело до конца.

— Вам будет сложно с ним работать? — спросил Корнелиус.

Его жена была мертва, Роган предложил ему сделку века, а Корнелиус думал о моем комфорте. Не знаю, была бы я на его месте способна на такое сострадание.

— Очень любезно с вашей стороны принимать мои чувства в расчет.

— Мы команда. Я прошу вас пойти на риск ради меня. Мне нужно знать ваше мнение.

— Я профессионал, как и он. Мы способны отложить наши разногласия в сторону. Буду я испытывать дискомфорт или нет, в данном случае не важно.

— Вы считаете, я должен на это согласиться?

— Роган хладнокровный мерзавец, но он прав. Нам нужны силы, деньги и оружие. У него они есть, в отличие от нас. И, несмотря на все его высокомерие, он держит свое слово.

— Откуда вы знаете?

— Он пощадил Адама Пирса. Адам был нужен мне живым, и Роган воздержался от его убийства, хотя с удовольствием свернул бы ему голову.

Вскрикнул ястреб. Талон проскользнул мимо нас, и на стол упала мертвая мышь. Большая птица развернулась и приземлилась на плечо Корнелиуса. Анимаг поднял руку и осторожно погладил перья птицы, его лицо было задумчивым.

Ястреб пытался его накормить. Даже Талон понимал, что Корнелиус скорбит.

— Думайте о Рогане, как о драконе, — предложила я. — Могущественном, древнем, эгоистичном драконе, который проглотит вас в один присест, но у которого также есть своеобразное понимание чести. Если станете заключать с ним сделку, удостоверьтесь, что вы обговорили все важные моменты, и он с ними согласился.

Корнелиус подобрал мертвую мышь и протянул Талону.

— Спасибо. Я не голоден. Съешь ее сам.

Талон посмотрел на мышь своими круглыми янтарными глазами, схватил ее из руки Корнелиуса и улетел на деревья. Корнелиус отошел от окна и постучал по стеклу. Роган зашел и присоединился к нам за столом.

Корнелиус занял свое место.

— Мы рассмотрели ваше предложение и у меня есть условия. Одно условие, если быть точным.

— Я готов его выслушать, — ответил Роган.

— Я понимаю, что есть силы большие, чем все это, — начал Корнелиус. — Меня это не волнует. Я хочу человека, который убил мою жену. Может настать момент, когда этот человек станет для вас необычайно ценным из-за информации, которой он или она владеет, вы захотите сохранить ему жизнь в качестве источника информации или заложника. Вы должны понимать, что меня это не волнует.

Голос Корнелиуса упал до тихого, яростного рычания. Боль на его лице была настолько первобытной, что он выглядел не совсем человеком.

— Не важно, насколько важен для вас этот человек, вы отдадите его мне. Моя цена — жизнь убийцы Нары. Я и только я заберу ее.

Выражение лица Рогана стало задумчивым. В глазах появился расчет.

Корнелиус ожидал.

Роган протянул руку.

— Согласен.

Они обменялись рукопожатием.

— Узаконим соглашение? — спросил Роган.

— Да, — ответил Корнелиус.

Роган набрал номер на своем телефоне.

— Принесите мне чистый контракт Дома, пожалуйста.

— Ты на самом деле собирался составить договор, где вы указываете, что ты уступаешь право уничтожить убийцу Нары Корнелиусу?

Оба мужчины посмотрели на меня.

— Да, — произнесли они в унисон.

Мне оставалось на них только глазеть.

— Он — член Дома, — сказал Роган. — Почему я должен обращаться с ним неучтиво?

Мы были даже не с одной планеты.

Появилась женщина с бланком договора. Они занялись им, лицо Корнелиуса было одновременно злым и измученным. Они с Матильдой заслужили право знать, что случилось с Нары, а Матильда заслуживала того, чтобы отец к ней вернулся. Я дала слово, и он уже мне доверился, но, даже если бы этого не было, договор сделает свое дело. Если я уйду, Корнелиус ринется прямиком в те глубины, которые бороздит Роган, а нахождение рядом с Роганом плохо сказывалось на продолжительности жизни.

— Мне нужна команда для охраны дома, — сказала я.

Роган взял телефон, набрал одно короткое слово, и посмотрел на меня.

— Сделано.

— Они уже ожидали где-то поблизости?

— Да.

Я вытащила мой телефон и набрала дом.

— Да! — прошептала в трубку моя младшая сестра. Арабелле было пятнадцать, но она переживала тот странный этап, когда вела себя словно восьмилетка.

— Мама дома?

— Ага!

— Найди ее и передай, что охрана Рогана наблюдает за нашим домом. Пожалуйста, попроси ее не стрелять в них.

— Хорошо! Невада?

— Что?

Если она спросит у меня про Рогана, клянусь, я...

— Возьмешь суши на ужин?

— Да.

— Без противного соуса?

— Без соуса.

— Передай Рогану, что он должен на тебе...

Я бросила трубку и повернулась к Корнелиусу.

— Как вы смотрите на то, чтобы переехать в наш дом на время расследования?

Корнелиус моргнул.

— Оно будет опасным и сложным, — сказала я. — Люди, которые за этим стоят, не имеют моральных барьеров, препятствующих делать ужасные вещи, вроде похищения и пыток ребенка. Наш склад оснащен превосходной охранной системой, и его охраняют люди Рогана. Если они каким-то образом проберутся мимо солдат Рогана, им придется иметь дело с моей мамой, бывшим снайпером, и моей бабушкой, которая строит танки; а также четырьмя подростками, у которых нет чувства страха, но есть умение верно стрелять. Вы с Матильдой будите в безопасности.

— Но у нас еще животные, — заметил Корнелиус.

— У нас куча места и целая гостевая комната в углу склада. Мои сестры с удовольствием присмотрят за Матильдой.

— Она права, — поддакнул Роган. — Вы также можете расположиться здесь, если пожелаете.

Корнелиус прищурился. Оставить дочь в доме человека, который сравнивал с землей города, когда расстраивался, не самый благоразумный поступок.

— Спасибо. Было бы грубо с моей стороны отказаться от приглашения Невады.

— Конечно, — согласился Роган, и подмигнул мне.

И он только что манипулировал Корнелиусом. Это будет чертовски сложное сотрудничество.

— У нас есть план? — спросил Корнелиус.

Они оба повернулись ко мне. Логично. Я была детективом, поэтому они ожидали от меня расследования.

— Смог ли Баг установить, с кем должны были встретиться адвокаты?

— Нет, — ответил Роган.

Я повернулась к Корнелиусу.

— А вы без понятия, с кем встречалась Нарри или для чего?

— Да, — ответил анимаг.

— Кто-нибудь говорил с членами семей других адвокатов?

— Нет, — ответил Роган.

Я встала.

— Тогда я с этого и начну.

— Я иду с вами, — вызвался Корнелиус.

— Не в этот раз, — мягко возразила я.

— Почему?

— Потому что ваша жена и их супруги знали друг друга. Они могут эмоционально отреагировать на ваше присутствие, а нам нужна информация. Обещаю сообщить вам вечером все, что мне удастся узнать. Кроме того, вам нужно перевезти вещи.

— Я организую сопровождение. — Роган вытащил телефон.

— Спасибо, но я сама, — сказала я.

— Не тебе. Ему. — Роган набрал на телефоне сообщение. — Я еду с тобой. Мы договорились о партнерстве, и я буду принимать участие в этом расследовании, или сделке конец.

Я только что уверила Корнелиуса, что мы с Роганом можем работать вместе. Не было никакого разумного предлога, чтобы не дать ему поехать со мной. Нужно вести себя профессионально в этом отношении.

— Хорошо. Но тогда у меня есть условия. Ты должен пообещать мне, что не станешь убивать людей, которых я собираюсь допрашивать, и не будешь им угрожать, пока я тебя об этом не попрошу. В частности, не души никого одеждой, как в прошлый раз.

Корнелиус округлил глаза.

— Ладно. Что-нибудь еще? — сухо поинтересовался Роган.

— Да. Пожалуйста, оденься так, чтобы не походить на Превосходного. Я не хочу, чтобы кто-нибудь тебя узнал. Будет очень сложно найти общий язык с людьми, если они поймут, что у них на пороге стоит Бич Мексики.

Глава 4

Полчаса спустя, контракты были подписаны и засвидетельствованы мной и женщиной, которая их принесла. Женщина провела меня к входной двери, где меня ожидал мой минивэн с ключами в замке зажигания. Я села за руль.

Я могла просто уехать и оставить Рогана слоняться. Это было бы уморительно. Конечно, он наверняка выследил бы меня с помощью какой-нибудь фигни, вроде собственного бомбардировщика или чего-нибудь подобного.

Входная дверь распахнулась, из нее выскользнул Баг, и трусцой побежал к машине. Я опустила стекло.

— Эй. — Он наклонился так, что его локти уперлись в опущенное стекло. — Ты собираешься некоторое время оставаться поблизости?

— Будто бы у меня есть выбор.

— Хорошо.

— Почему?

— Последние два месяца мы работали по шестнадцать часов в день. Эта хрень с Пирсом имела кучу последствий. Майору пришлось давать показания перед Ассамблеей, а четыре человека пытались подать иски, но основной массой работы было наблюдение. Эта штука, чем бы, черт возьми, она ни была, словно бессистемное кровотечение. Ты вроде бы находишь доказательства, а потом этот чл...тра. просто утекает сквозь пальцы. Эта встреча юристов Форсберга была первым серьезным фактом, а потом случился вторник...

Пробираться сквозь поток сознания Бага было все равно, что прокладывать себе путь через джунгли.

— Мы не могли подобраться к Форсбергу до сегодняшнего дня. Вчерашний день был тяжелым. Он лично ездил оповещать все семьи. Луанна была одной из шестнадцати.

Баг посмотрел на меня, чтобы убедиться, что я понимаю всю серьезность ситуации. Вот только я не понимала.

— Я не понимаю, что это значит.

Он сделал кислое лицо.

— Просто... оставайся поблизости. У него человеческое выражение лица, когда ты рядом.

— Спасибо, Баг. Я тоже рада тебя видеть.

Видимо, моя роль состояла в том, чтобы сохранять человеческое выражение лица Рогана. Приятно знать. А я-то думала, что возглавляю расследование. Как глупо с моей стороны.

Дверь открылась, и вышел Роган. Баг отошел назад. Роган понаблюдал за ним, и направился к машине. Он расстался со своим «сейчас-устрою-магическое-безумие» нарядом в пользу старых брюк карго цвета хаки, потрепанных сапог и зеленой футболки Хенли. Футболка облегла его плечи и грудь, бицепсы распирали рукава. Он выглядел сильным, надежным и грубоватым. Ему нужен был топор, или что-нибудь наподобие, чтобы он мог небрежно помахивать им на ходу. Я склонила голову и просто глазела.

Он открыл дверцу и забрался внутрь. Внезапно машина заполнилась Роганом и его магией. Я едва могла дышать.

Как я вообще на это согласилась? Не помешало бы проверить голову.

— Что он сказал? — спросил он.

— Просто Баг в своем репертуаре.

— Ты избегаешь ответа.

— Ты такой проницательный.

Роган посмотрел на меня своими голубыми глазами, достал бейсболку и надел ее. Замаскировавшийся дракон, отправляющийся в деревню пошпионить за проживающими там вкусными людьми.

Он щелкнул зубами, укусив воздух.

Мне пора прекращать думать о драконах.

Я выехала с парковки и сосредоточилась на дороге. Мне нравилось находиться с ним в одной машине. Боже, помоги мне, но я соскучилась по этому. Я соскучилась по нему.

— Новые духи? — спросил Роган.

— Я ничем не пользовалась. А чем пахнет?

— Цитрусом.

— Должно быть, это мой шампунь.

Говори о работе, смотри прямо вперед, не думай, как ты протягиваешь руку и проводишь вниз по его груди, чтобы ощутить твердые кубики пресса... Не представляй, как ты его целуешь...

Роган тихо выругался.

— Что?

— Ничего.

Я посмотрела на него. Наши взгляды встретились.

Ух ты. Его глаза стали глубокого, бездонно голубого цвета и наполнились желанием. Оно исходило от него, и теперь он думал обо мне обнаженной. Женщина должна быть мертвой, чтобы не ответить на это, а я не была мертвой. Ни в малейшей степени.

Меня охватило предвкушение. Я точно знала, сколько места нас разделяет. Я

чувствовала каждый дюйм, заряженный энергией. Если он сейчас меня коснется, я, вероятно, подскочу в воздух на целый фут. Я уставилась прямо. Мы плохо ладили в небольшом, замкнутом пространстве. Это было ужасной идеей. Может, мне приоткрыть окно и выпустить немного сексуального напряжения.

Нам нужно отвлечься, или я сверну на обочину, и мы закончим, занимаясь... чем-нибудь на заднем сидении.

— Нет смысла беседовать с семьей Ярослава Финли, — сказала я. Я потратила изрядное количество времени на биографии трех остальных юристов и освежила память заметками в телефоне, пока Роган с Корнелиусом заключали договор.

— Он жил и дышал карьерой, судя по его домашнему компьютеру. Отношения с Харпер были единственными значимыми за последние несколько месяцев.

— Бернارد взломал его компьютер? — догадался Роган.

— Да, за тридцать секунд. Паролем на роутере Ярослава был «админ». Пожалуй, это поясняет, почему он запал на Харпер.

— Парень предпочитал не заморачиваться, — заметил Роган.

— Да. Чтобы сменить пароль роутера, нужно приложить усилия. Большинству людей нужно поискать, как это делается. Поддержание серьезных отношений требует времени и усилий. Харпер не предполагала отношений.

— Он мог отделаться сексом и беззаботной болтовней в постели. — Роган скривился. — Я знаю этот тип. Такой парень ходячий риск для безопасности. Он усердствует ровно настолько, насколько это нужно для повышения. Его цель — не просто не работать, а попасть на место, где можно не работать, и при этом получать за это деньги.

— Похоже на то. На счету у Ярослава было множество оплачиваемых часов, и на бумаге это выглядит само собой разумеющимся. Он спал, работал и переживал о своих студенческих ссудах. Берн все еще изучает данные на него, но пока он не нашел ничего инкриминирующего. Родители Ярослава живут в Канаде, и он не поддерживает с ними связь. У его брата недавно родился ребенок, и этим событием пестрят странички его семьи в Фейсбуке. Ярослав никак не прокомментировал фотографии новорожденного племянника. Его семья — это тупиковая ветвь. Полагаю, ты не желаешь побеседовать с Харпер?

Роган покачал головой.

— Она наша единственная связь с заговорщиками. Мы должны сохранять ее как можно дольше.

— Тогда у нас остается два выбора, — вздохнула я. — Семья Маркоса Натера или Елены де Тревино. Натер будет ближе.

— Едем к Натеру.

Маркос и Джереми Натеры жили в Вестхеймер Лейкс, в типичном тexasском пригородном доме: двухэтажном, кирпичном, площадью минимум в три тысячи квадратных футов, с четырьмя спальнями, тремя ванными, и гаражом на две машины. Району было около семи-восьми лет, как раз столько, чтобы цены в нем медленно поползли вниз. Дом был им вполне по карману и, по сведениям Берна, с выплатами по кредиту было все в порядке. Маркос был преуспевающим адвокатом, а Джереми работал программистом в стартапе, разрабатывающем приложения для фитнеса. В его профиле в LinkedIn указывалось, что Маркос проработал на Форсберга три последних года. До этого он работал на инвестиционную компанию «Зара». Маркос и Джереми были женаты шесть лет, и не обладали магическими способностями. Я пересказала все это Рогану по дороге.

— Где вы достаете информацию? — поинтересовался он.

— Зачем тебе? Планируешь податься в частные детективы?

— Назовем это любопытством.

Ну да.

— Большая часть происходит из баз данных, размещенных онлайн. У нас есть информация из государственных архивов, и мы платим за доступ к криминальной истории, проверкам кредитоспособности и тому подобному. Социальные сети — это золотое дно. Люди публикуют огромное количество личной информации в интернете, и все их социальные аккаунты, как правило, связаны.

И именно поэтому, хотя у меня и был аккаунт в каждой крупной социальной сети, включая Герольд, который был посвящен домыслам о Превосходных, сборищам фанаток и куче фанфиков — ни один из моих аккаунтов не содержал никакой личной информации. Я не висела онлайн, не комментировала политику и добросовестно публиковала одну-две картинки с милыми котятами каждую неделю или около того, чтобы убедить сетевые алгоритмы, что я не бот.

— Что это? — Роган вытащил книгу из бокового кармашка на двери. Обложку украшал витиеватый магический круг. «Тайные круги: практическое применение».

Это была моя засадная замена «Гексологии», невероятно полезная, но написанная таким сухим языком, что меня начинало клонить в сон. Я уже прочитала «Тайные круги» от корки до корки, но не запомнила все круги, которые отметила как важные, так что я брала ее с собой и честно пыталась воспроизводить иллюстрации в линованном блокноте, пока ждала, чтобы мошенники со страховкой совершили ошибку.

— А что такое?

Я могла бы спросить у него напрямую, не он ли их прислал. Но тогда я бы знала. По какой-то причине, незнание казалось лучшим вариантом. Части меня нравилось думать, что это был он.

Он полистал книгу.

— Если тебе понадобится помощь, я с удовольствием с тобой позанимаюсь.

Я уставилась на него.

— И во что мне это обойдется?

— Я что-нибудь придумаю. — Его голос обещал множество интересных идей.

— Сделки с драконами ничем хорошим не заканчиваются.

Его губ коснулась самодовольная улыбка, превращая выражение лица в хищное и жаждающее.

— Это зависит от того, что ты предлагаешь взамен.

Мне не следовало садиться с ним в машину. Вот и всё.

GPS голосом Дарта Вейдера сообщил мне, что мой пункт назначения находился в пятиста футах справа. Спасена Ситхом.

Я припарковалась в тени под деревом, проверила пистолет и сунула его обратно в сделанную на заказ кобуру для ношения на талии, там, где ее закрывал жакет. Мужчинам гораздо проще скрытно носить оружие. У меня большой перепад между талией и бедрами, так что в обычной кобуре пистолет просто упирается мне в ребра.

Мы с Роганом прошли к парадному входу.

Я позвонила в звонок.

— Веди себя прилично.

— Я помню, — проворчал Роган.

Дверь распахнулась, открывая мужчину лет тридцати. Среднего роста, со светло-каштановыми волосами и короткой бородой, он напоминал типичного парня из пригорода: со стабильной работой, посещающего спортзал три раза в неделю, и позволяющего себе съесть чуть больше, чем десять лет назад. В его глазах сквозила пустота.

— Сейчас не лучшее время, — сказал он.

— Мистер Натер, я работаю на Корнелиуса Харрисона, — сказала я, протягивая ему визитку. — Примите мои глубочайшие соболезнования.

Он моргнул, взял мою визитку и прочел ее.

— Частный детектив?

Мне нужно было попасть в дом, пока он не хлопнул дверью у меня перед носом.

— Дом Форсбергов отказывается расследовать убийства, поэтому мистер Харрисон попросил меня выяснить, что случилось с его женой. Он хочет сказать своей дочери, что убийца ее матери не ушел безнаказанным. Мне очень жаль беспокоить вас во время траура. Нам нужно лишь несколько минут вашего времени.

Джереми посмотрел на меня и вздохнул.

— Несколько минут.

— Спасибо.

Он провел нас через прихожую в гостиную, отделенную от кухни островом. Двое маленьких детей, мальчик и девочка, лежали на ковре. Мальчик, старше на год или два, играл на айпаде, в то время как девочка строила что-то из Лего. Пожилая женщина с заплаканными глазами сидела на диване с книгой. Она взглянула на нас, ее лицо было изможденным.

— Мам, мне нужно поговорить с этими людьми, — сказал Джереми. — Я отойду на минуточку.

Она кивнула.

— Привет, — хором поздоровались детишки.

— Привет, — помахала я.

Джереми выдавил улыбку.

— Простите, ребята, я скоро вернусь.

Он провел нас через гостиную в офис и закрыл французские двери.

— Я еще не сказал им, — его голос прервался. — Я не знаю, как.

— Вы к кому-нибудь обращались? Психотерапевт?

Он покачал головой. На его лице отразилась непреодолимая боль, такая, которая врезается в вас подобно автомобилю на полной скорости и оставляет разбитым и оглушенным. Если бы только я могла что-нибудь для него сделать.

Я вытатила еще одну визитку, проверила контакты в телефоне, и написала на ней имя и номер моего психотерапевта.

— Когда умер мой отец, я не знала, как с этим справиться. Я винила себя и таскала свою вину и горе с собой, как камень, пока не сходила к доктору Мартинез. Она очень хороша в своем деле. Все равно будет ужасно, но она поможет вам пережить самое худшее. А если у нее нет окон в расписании, она направит вас к кому-нибудь еще.

Джереми посмотрел на меня.

— Станет легче?

— Нет такого понятия, как забвение, — сказала я. — Это никуда не уходит. Но

становится не таким острым со временем и лечением. Разговоры об этом помогают.

Джереми взял визитку и сунул ее в свой бумажник.

Я взяла свой цифровой диктофон, нажала на запись и произнесла:

— Четверг, 15 декабря. Интервью с Джереми Натером.

Джереми прислонился к стене, скрестив на груди руки.

— Мистер Натер, вы знаете, почему Маркос был в том номере отеля?

— По словам Дома Форсбергов, он был там на свидании с Нари Харрисон. Или Еленой де Тревино. Или Финли. Может, они там все вместе собирались устроить оргию. — В его голосе звучала горечь.

— То же самое они сказали Корнелиусу, пообещав прибавить доказательства финансовых махинаций и употребления наркотиков, если он продолжит задавать вопросы.

— Это абсурд. — Джереми нагнулся над столом, уперевшись в него ладонями. — Маркос был верным. Это было в основе его характера. Он был верным и честным.

— У Дома Форсбергов не лучшая репутация, — сказал Роган. — Были ли у Маркоса конфликты на работе?

Спасибо. Давай, разрушай отношения, которые я пытаюсь построить.

— Он планировал уйти из фирмы, — сказал Джереми.

Правда.

— Кто еще об этом знал?

— Только я и он. Маркос... был очень закрытым человеком. Мы оба работали слишком много, и нам не хватало времени на детей. Он хотел все бросить и посидеть год или два дома, но хотел сначала погасить закладную на дом. Мы переехали сюда из-за школы, и он хотел убедиться, что мы продержимся на одну зарплату. Нам не хватало двадцать восемь тысяч для выкупа этого дома. — Джереми качнулся назад. — Я знал, что это делает его несчастным. Три недели назад я пытался заставить его бросить работу. Он обещал положить заявление об увольнении как раз перед рождественскими каникулами. Я должен был настаивать сильнее.

— Вы считаете, что он оказался в том отеле из-за работы?

— Да.

Правда.

— У вас есть предположения, над чем он мог работать?

— Нет. Он не рассказывал об этом дома. Это я обычно разглагольствовал о работе. Маркос умел разделять. Он оставлял работу на работе. Когда он приходил домой, то был просто Маркосом.

Он опустил в кресло, обмяк и прикрыл глаза рукою. Я больше ничего от него не добьюсь.

— У него были враги? — спросила я. — Кто угодно, кто мог бы...

— Кто мог бы убить его, расстреляв из пулемета? — глухо спросил Джереми. — Нет.

— Мы соболезнуем вашей утрате, — сказала я. — Если вспомните что-нибудь, пожалуйста, позвоните мне. Мы сами найдем выход.

Начался дождь. Я остановилась на мгновение у машины, позволив мороси увлажнить волосы. В этом доме царил горе, и мне хотелось его смыть.

— Он соврал? — спросил Роган.

— Нет. Он действительно ничего не знает. Если ни Нари, ни Маркос не посвящали семьи в подробности работы — значит, это было для них опасно.

Нам придется попытаться счастья с семьей Елены. Она была нашей последней очевидной ниточкой.

Де Тревино жили на озере рядом с Саутвикским гольф-клубом в добрых пятидесяти минутах езды от Вестхеймер Лейкс. Я вела машину на юг по шоссе TX-99, глядя, как мим проплывают поля, огороженные полосами деревьев. Казалось, мы черт знает где, в тexasской провинции. Вы никогда не догадаетесь, что прямо за деревьями новые микрорайоны разделяли землю на стройные ряды практически одинаковых домов.

Я съехала на Alt-90, и мы срезали путь через Шугар ленд и Миссури сити, небольшие муниципалитеты внутри большого Хьюстона. Машин было мало, дорога была свободна.

Несколько минут Роган пролистывал книгу и сделал в ней пару заметок. Она все еще лежала открытой в его руках, но он больше не обращал на нее внимания. Его челюсть была напряжена. Он смотрел прямо вперед и глаза снова заледенели. Это новая кристаллизованная ярость пробирала меня до костей. Какие бы мысли не бродили в его голове, они были темными, очень-очень темными. Они схватили его и утягивали с собой в черную глубину. Я хотела потянуться туда и вытащить его на свет, чтобы он оттаял.

— Коннор?

Он повернулся и посмотрел на меня, будто очнувшись.

— Что случилось с Гэвином?

Гэвин был племянником Рогана. Адам Пирс со своей косухой, татуировками, и глубокой ненавистью к любой власти, воплотил в себе образ крутого мятежника. Как и многие подростки, Гэвин его боготворил, и Адам сыграл на этой преданности.

— Гэвин заключил сделку.

Я съехала на Сэм Хьюстон Толуэй. Бригады дорожных рабочих снова трудились на обочине и мне пришлось ехать рядом с временными бетонными ограждениями. Никогда это не любила. По крайней мере, сейчас я могу видеть. Почему-то я всегда оказываюсь на этих дорогах ночью, когда идет дождь и другое бетонное ограждение зажимает с противоположной стороны.

— Какого рода сделку?

— Год в исправительном лагере для подростков, пока ему не исполнится восемнадцать, а затем десять лет военной службы в обмен на его показания против Адама Пирса. Если он облажается, то будет служить десять лет в тюрьме.

— Это хорошая сделка.

— В сложившихся обстоятельствах. У него есть талант, поэтому мы воспользовались им в качестве козыря.

— Ты уверен, что он не причастен к тому, чем занимается его мать?

— Уверен, — отрезал Роган.

— Я не знала, что тебя волнует племянник. Ты заставил всех думать, что вы чужие люди.

— Не по моей воле.

Он посмотрел в окно, снова ускользя. Я даже не была уверена в том, почему важно удержать его здесь со мной, но это было так.

— Ты упражнялся в стрельбе с нашей последней встречи? — непринужденно поинтересовалась я.

Он просто посмотрел на меня.

— Нет? Роган, ты сам говорил, что из тебя ужасный стрелок.

Ладно, это не лучший способ привлечь его внимание, но это всё, что я смогла придумать.

— Ты сидишь рядом с водителем, — продолжила я. — Если бандиты нападут на этот «Пони экспресс», как ты собираешься сдерживать их без пистолета? Ты планируешь опустить стекло, представиться и смотреть на них, пока они не потеряют сознание от страха?

Он ничего не сказал, просто продолжая смотреть на меня.

Я открыла рот, чтобы съязвить еще.

Заграждение справа от нас треснуло, будто от удара гигантского молота. Трещины погнались вслед за нами, прорезая бетонные разделители и выбрасывая в воздух крохотные облачка каменной пыли. Его магия разрывала цемент с брутальной эффективностью. Она слегка меня коснулась, и я чуть не выпрыгнула из автомобиля на ходу.

Машины позади нас запетляли, пытаюсь свернуть на полосу подальше от треснувшего заграждения.

— Прекрати, — попросила я.

Трещины перестали расползаться.

— Хочешь, чтобы я тебя высадила? — спросила я.

— Почему я должен этого хотеть?

— Чтобы ты мог предаваться размышлениям в одиночестве.

— Я не предаюсь размышлениям.

— Тогда замышлять страшную месть. Потому что ты меня пугаешь.

— Пугать тебя — моя работа.

— Неужели?

— Это природа наших отношений. — В его глазах сверкнула искорка. — Мы оба делаем то, что необходимо, а когда все заканчивается, я вижу, как ты этому ужасаешься.

— Ничему я не ужасаюсь.

— А я не хочу, чтобы ты это прекращала. Меня это весьма забавляет.

Это был последний раз, когда я попыталась тебя подбодрить. Возвращайся обратно в свою драконью пещеру, с глаз моих долой.

— Хочешь, я сломаю еще одну бетонную плиту, чтобы ты сделала фотографию для бабушки? — предложил он.

— Я передумала, — сообщила я ему. — Я не хочу с тобой разговаривать.

Он усмехнулся.

Я должна просто прекратить попытки.

Бабуля Фрида, должно быть, подумает, что это было по-настоящему круто.

Я взяла свой телефон с приборной панели и протянула ему.

— Ладно, но только одно или два. Просто чтобы хватило для Вайна.

— У твоей бабушки есть аккаунт в Вайне? — По заграждению расползлись трещины.

— Да. Она их еще и в Инстаграме запостит тоже. Так, спасибо, этого достаточно, иначе у водителя «вольво» за нами случится сердечный приступ.

Семья Елены де Тревино жила в огромном доме. Если по меркам большинства людей дом Натеров был большим, то в поместье Де Тревино влезло бы два таких дома. Здание занимало пол-акра — массивное чудище из темно-красного кирпича, помесь неоколониального стиля с декором эпохи Тюдоров вокруг окон. Двор ограждала толстая кирпичная стена с аркой, открывающей проезд к внутренней подъездной дорожке и

гаражам, а труба неперменного камина (которым техассцы пользовались раз в сто лет), подражала церковному шпилью.

Вот разница, которую создавала магия. Елена де Тревино и ее муж Антонио оба значились как Средние. Я нашла их профили в LinkedIn и они оба указали СР в разделе магических сил.

Я припарковалась на улице, и мы с Роганом прошли к двери.

Нам открыла молодая латиноамериканка.

— Чем могу вам помочь?

Ее взгляд зацепился за Рогана. С таким же успехом я могла быть невидимой. Женщины тарасились на него, куда бы он ни пошел. В эру магии многие мужчины были красивы. Роган был не просто привлекательным; он излучал мужественность. Она была в его позе, чертах лица и глазах. Когда вы его видели, вы понимали, что чтобы не случилось, он с этим справится. Женщинам было невдомек, что большинство своих проблем он решал, разбрасываясь деньгами или пытаясь убить. Иногда проделывая это одновременно.

Я протянула ей визитку.

— Я работаю на Дом Харрисонов, и хотела бы поговорить с мистером де Тревино.

Женщина перевела взгляд с Рогана на карточку.

— Пожалуйста, подождите.

Она закрыла дверь.

— Дом Харрисонов? — спросил Роган.

— Корнелиус не был изгнан из Дома.

Изгнание было самым страшным наказанием, которое семья могла применить к своему члену. Они обрывали всю эмоциональную, финансовую и социальную поддержку, эффективным пинком изгоняя нарушителя из семьи. Изгнанный член Дома становился порченным товаром: его бывшие союзники отказывались от него из страха рассердить его семью, а враги семьи отказывались помочь, потому что изгои не заслуживали доверия. Корнелиус дистанцировался от своего Дома по собственной воле, но не покинул его совсем.

— Посмотри на этот дом. — Я кивнула на дверь. — Нас бы и на порог не пустили, если бы мы не обронули имени какого-нибудь Дома.

Роган улыбнулся резкой опасной улыбкой.

— Тебе следовало дать мне постучать.

Когда он в прошлый раз «постучал» в мою дверь, весь склад заходил ходуном.

— Пожалуйста, не нужно.

Дверь открылась, явив перед нами спортивного мужчину около сорока лет. На нем были серые брюки и светло-серый пуловер с закатанными рукавами. Его лицо было приятным: темные глаза под покатыми бровями и крупный рот. Темная тщательно ухоженная борода украшала челюсть. Волосы тоже были темными и коротко подстриженными. Антонио до Тревино. В его резюме говорилось, что он работал инвестиционным аналитиком.

— Добрый день. — Он улыбнулся, демонстрируя идеально белые зубы. — Пожалуйста, входите.

Мы прошли внутрь.

— Меня зовут Антонио. Сюда. Извините за беспорядок. Мы тут вроде как заняты по горло.

Он не выглядел сломленным смертью жены. По сравнению с Джереми, он казался прямо-таки веселым.

Антонио провел нас в просторную гостиную, где на красном ковре расположились бархатные бежевые кресла. Мебель выглядела дорого, но дорого по меркам среднего класса: новая, вероятно модная и милая. Мебель в доме Рогана была весомой, она выглядела вне времени. Было невозможно сказать, купил ли ее он, его родители или дедушки с бабушками. По сравнению с тем качеством, эта мебель казалась несерьезной, почти дешевой. Перспектива была забавной штукой.

Латиноамериканка застыла в дверях.

— Кофе? Чай? — предложил Антонио.

— Нет, спасибо.

Я присела.

Роган покачал головой и занял кресло справа от меня.

Антонио сел на маленький диванчик и кивнул женщине.

— Спасибо, Эстель. Пока все.

Она исчезла на кухне.

— Выходит, Дом Харрисонов расследует гибель миссис Харрисон. Неудивительно, учитывая, сколь мало для этого делает Дом Форсбергов. Чем я могу вам помочь?

— Не возражаете, если мы зададим вам несколько вопросов? — спросила я.

— Отнюдь.

Я вытатила цифровой диктофон, обозначила беседу, и поставила прибор на стеклянный журнальный столик.

— Вы знаете, почему ваша жена была в том номере отеля?

— Нет. Полагаю, по профессиональным причинам. Могу сказать, что на работе была напряженная ситуация накануне ее смерти. За ужином она казалась отвлеченной.

— Упомянула ли она что-либо конкретное?

— Она сказала: «Я не смогу завтра забрать Джона. Мне жаль. На работе возникла проблема. Весь офис в состоянии боевой готовности, я не уверена, во сколько смогу попасть домой. Ты не возражаешь отвезти его на игру? Это в семь».

Он произнес это своим обычным голосом, но его интонация была совершенно женской.

— Вы мнемоник, — сказал Роган.

— Да. Мы оба вообще-то. Елена была преимущественно визуальным мнемоником, я же — аудиальный. У нас обоих практически идеальная краткосрочная память. — Антонио откинулся назад. — Я не хочу создать у вас ложное впечатление. Я глубоко опечален смертью Елены. Я потерял умелого, заботливого партнера, а дети потеряли свою мать. Она прекрасно справлялась с родительскими обязанностями. Этот удар будет убийственным для их детства.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Правда.

— Наш брак был заключен по расчету. Наши семьи сошлись на том, что у нас есть высокий шанс произвести на свет Значительного, поэтому мы поженились и честно сделали три попытки. Возможно, нам удалось преуспеть с Эвой, нашей младшей. Только время покажет. Мы не были влюблены. — Он произнес это совершенно равнодушно.

— И вы были на это согласны?

Антонио снова улыбнулся.

— Полагаю, у вас нет магических способностей. Произвести на свет Значительного было бы огромным достижением. Это откроет перед нами двери и изменит социальный

статус. Цена стоит того. Мы оба разумные люди. И едва ли переживали из-за этого.

Он поднял руки, указывая на гостиную.

— Мы позволяли себе искать счастья в другом месте, при условии благоразумного поведения ради детей. Так что, если вы хотите узнать пресловутые интимные тайны, вам нужно поговорить с Габриэлем Барановским. У них с Еленой были отношения последние три года. Она виделась с ним вечером накануне смерти. Возможно, он поговорит с вами. Хотя, я лично в этом сомневаюсь. Есть просто Дома, и есть *Дома*.

Он сделал особый упор на последнем слове, на тот случай, если до меня не дойдет его истинное значение.

— Барановский принадлежит к последним. Елене очень повезло ему понравится, и мы выигрывали от этой связи, которая теперь разорвана.

Как именно он от этого выигрывал? Невзначай упоминал об этом во время деловых переговоров? «Кстати, моя жена спит с Барановским. Со мной ваши деньги в безопасности». Фу.

— Чтобы привлечь внимание Барановского, требуется кто-то равного социального положения. Дом Харрисонов к таким семьям не относится. Прошу прощения, я не хотел быть грубым. Я просто хотел прояснить ситуацию как можно понятнее. Превосходные не похожи на нас.

Я посмотрела на Рогана. Его лицо было непроницаемым.

— Они дышат тем же воздухом и пьют ту же воду, но их силы позволяют им стоять особняком, и именно это им нравится. Пропасть между ними и обычными людьми огромна. Вы привлекательная женщина, так что с подходящим нарядом и посетив салон красоты, вы, возможно, сможете встретиться с его личным секретарем. Лично я бы попробовал зайти через Диану Харрисон. Сестра Корнелиуса Превосходная, что подразумевает нечто равное Барановскому, так что он может согласиться на встречу. В любом случае, пожалуйста, дайте Корнелиусу и Диане знать, что я буду рад помочь Дому Харрисонов любым способом.

Пять минут спустя, мы вышли на улицу. Его жена была мертва, а Антонио волновало лишь то, как это повлияет на его социальный статус. Какой же он все-таки засранец.

— Подходящий наряд и поход в салон красоты? — я закатила глаза, направляясь к машине. — Мне, наверно, придется разбить свинью-копилку.

— Именно поэтому я не возвращаюсь в обществе, — сказал Роган.

— Как здорово, что он все нам пояснил. Я чувствую себя такой неподготовленной. Даже не думала, что мне нужно подбирать соответствующий наряд перед встречей с Превосходным. Ты должен был дать мне список того, что положено одевать. Надеюсь, ты на меня не в обиде.

Я обернулась и, внезапно, Роган оказался совсем рядом. Я инстинктивно отступила назад и уперлась спиной в машину. Весь лед в его глазах растаял. Они были горячими, вызывающими, соблазняющими. Его мысли были о сексе, и этот секс, по всей видимости, был со мной.

— Я не в обиде.

Его большое мускулистое тело поймало меня в ловушку. Он сфокусировался на мне, словно весь остальной мир не существовал вовсе. Когда он так на тебя смотрит, это заставляет чувствовать себя самым важным человеком во вселенной. Каждое сказанное тобой слово важно для него. Каждый жест жизненно необходим. Это было катастрофой. Я хотела продолжать говорить и делать что-нибудь, только бы удержать его сосредоточенным.

— Мне все равно, в чем ты приходишь на встречу со мной. — Его голос был размеренным, почти ленивым. — Можешь прийти в костюме. Можешь прийти в джинсах.

Он просто валял дурака. Что ж, может, пришло время утереть ему нос.

— Можешь прийти, завернутой в полотенце. Или даже голой. Выбирай на свое усмотрение. Главное, чтобы ты пришла.

Вот же самодовольный чурбан. Я сделала крохотный шаг вперед, подняв голову, будто собираясь его поцеловать.

— А если я вообще не приду?

Его голос упал.

— Это было бы трагедией. Я использовал бы все свои силы, чтобы это предотвратить.

Его глаза были такими голубыми и в них были обещания. Все возможные обещания на счет жаркой постели и вещей, которые я никогда не смогу забыть. Я посмотрела прямо ему в глаза и постаралась изобразить несколько своих обещаний.

— Все твои силы?

Если я наклонюсь вперед хоть на дюйм, мы соприкоснемся. Пространство между нами было так заряжено напряжением, что если мы коснемся друг друга, могут полететь искры. Я играла с огнем.

— Да. — Его магия кружила вокруг него, нетерпеливая и жаждущая, искушая меня прикоснуться к нему.

— Мы все еще говорим об одежде? — спросила я.

— Если ты так считаешь.

Он наклонился ближе, и я приложила палец к его губам, оттолкнув его назад.

— Нет.

Он прищурил глаза.

— Нет?

Я опустила руку.

— Послушай, ты просил меня стать твоей игрушкой, я сказала «нет» и ты ушел. Ты не звонил, не писал и не приходил. Ты не сделал ни одной попытки доказать мне, что хочешь чего-то большего, нежели банального секса.

Его глаза потемнели.

— В нем бы не было ничего банального.

Я ему верила, но уступать не собиралась.

— Ты отнесся ко мне, как к какой-то дешевой безделушке.

Он приблизился еще на дюйм.

— Неправда.

Мне следовало бы бежать уже со всех ног, но у меня слишком накипело, чтобы сейчас остановиться.

— Роган, ты хоть понимаешь, насколько мало я для тебя значу? Ты даже не стал угрождать себя походами со мной на свидания. Ты просто хотел пропустить это все и перейти сразу к сексу. Ты заставил меня почувствовать себя вот настолько мизерной. — Я развела большой и указательный пальцы на пару миллиметров. — «Займись со мной сексом, Невада. Я даже не стану притворяться, что хочу узнать тебя получше».

На его челюсти заиграли желваки.

— Я не это имел в виду, и ты это знаешь.

— Я дала тебе шанс побороться за отношения, но ты им не воспользовался. Ты решил

оставить все как есть. Я для себя решила так же.

Мускул на его лице дрогнул.

— А сейчас, когда я так сподручно здесь оказалась, ты решил сделать еще одну попытку. Неужели в твоей жизни нехватка привлекательных женщин, Коннор?

— В моей жизни нехватка тебя, — ответил он.

— Неужели?

— Критическая нехватка. Которая должна быть немедленно исправлена.

Он специально говорил расплывчато. Он не мог мне лгать, поэтому использовал заявления, которые мне было бы трудно идентифицировать. Стоит восхититься его мозгами.

— Не интерес...

Роган рванул меня к себе и вскинул руку. Моя «мазда» взлетела в воздух. Диск пурпурного огня диаметром шесть футов вонзился в мою машину и взорвался. Обломки бритвенно-острых металлических лезвий посыпались по обеим сторонам от нас, отсвечивая алым и шипя. Я припустила к массивному дубу позади нас. За моей спиной «мазда» рухнула на асфальт с металлическим лязгом.

Я прижалась правым плечом к коре и вытащила «Глок». Роган приземлился рядом со мной. На его правом бедре проступила кровь.

— У тебя кровь!

— Царапина, — прорычал он. — Ты ранена?

— Нет.

Сердце колотилось слишком громко и слишком быстро. Во рту ощущался горький привкус адреналина.

Справа что-то ударило об дерево с глухим стуком. Я почти подскочила.

Еще удар.

Я осторожно выглянула.

Пурпурный диск меньшего диаметра полетел прямо мне в лицо. Я дернулась назад, столкнувшись с Роганом. Магическое колесо просвистело мимо меня и вонзилось в землю, дымясь. Металлическая звезда шириной в фут с четырьмя обоюдоострыми концами. На лезвиях испарялась темно-красная магия.

— Маг-стрелок. — Роган выглянул со своей стороны и отпрянул назад, когда в дуб врезалась очередная звезда. — Два мага.

— Откуда ты знаешь?

— Два разных оттенка красного.

С моей стороны диск сбрил кусок дерева.

— Ты можешь остановить его в полете? — спросила я.

Со стороны Рогана уже другой диск отсек кусок дерева трехдюймовой толщины.

— Нет. Они окружены магией.

Верно. Судя по моим книгам, окруженный магией объект терял свои физические свойства до момента столкновения. Если бы Роган выпрыгнул из-за дерева, диски, брошенные этими ребятами, рассекли бы его напополам.

От дуба отлетел еще кусок. Они рубили его с двух сторон. О побеге в дом не могло быть и речи. Ближайшим укрытием был арочный вход в поместье Де Тревино, в пятнадцати метрах от нас, до которого мы бы не добежали. Рисование тайного круга тоже отпадало. Мы стояли на траве.

Роган выглянул. Еще удар. Он выругался, откидываясь назад. Вся его магия не имела

значения, если он не мог обнаружить цель. Он мог разрушить все дома на противоположной стороне улицы, но там могли быть семьи.

Я опустилась на колени и выглянула из-за дуба.

На крыше особняка напротив мелькнула тень, и в меня полетел пурпурный диск. Я юркнула за дерево. Диск просвистел мимо, опалив мне плечо своей магией.

— Один на крыше прямо напротив нас.

Роган угрюмо кивнул.

— Другой на соседнем доме слева от нас.

— Они быстрые.

— Я это заметил.

— Ты не можешь обрушить эти крыши.

— Я и не собирался.

— Это семейный район. В этих домах могут быть дети.

Он схватил меня за руку и посмотрел, его голубые глаза были спокойными и убедительными.

— Я знаю.

Он им не навредит. По крайней мере, из-за нас не погибнут другие люди.

Диски бились в дерево, кромсая его. Дуб содрогался от ударов. Маги-стрелки, пригибались и бросали слишком быстро, чтобы Роган мог прицелиться.

Нам следовало пошевелиться. У нас заканчивалось дерево.

Я откинулась назад, обзревая дерево, и повернула голову. Справа ничего. Только дома. Слева ничего, только еще дома и ковер коричневых опилок, ползущих к нам...

Погодите-ка.

Не опилки. Муравьи.

— Роган, у нас компания.

Он посмотрел налево и выругался.

Муравьиный ковер продвигался тонкими ручейками, потоки насекомых объединялись и меняли направления, словно на мгновение запутавшись, потом выравнивались. Кто бы ими ни управлял, он не слишком хорошо удерживал муравьиную орду. Да ему и не нужно было. Мы в Техасе и столкнулись с магом насекомых, это подразумевало огненных муравьев. Они выдворят нас из-за дерева, а маги-стрелки — прикончат.

Теперь дерево тряслось без остановки. Долго оно так не протянет.

Муравьи наступали. Справа от меня другая улица пересекала нашу, и муравьи валили из-за угла. Должно быть, там, вне нашей видимости, прятался маг насекомых.

Пурпурный диск срезал ворсинки с моего бедра. Я развернулась, практически обняв Рогана.

«Вот и все», — промелькнуло у меня в голове. Я могла умереть прямо здесь, на этой лужайке. Один удачный выстрел мага-стрелка и я никогда не увижу свою семью снова.

— Как у тебя с меткостью? — спросил Роган.

Я подавила страх.

— Придется постараться.

Он ухмыльнулся.

— На счет три.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

Он поднял один палец. Второй.

Мы выскочили из-за дерева одновременно. Моя «мазда» лопнула пополам с мучительным скрежетом разрываемого металла. Обломки взлетели в воздух, как раз когда две фигуры на крышах высунулись, запуская в нас магические круги. Я прицелилась в того, что был прямо напротив. Он казался таким невозможно медленным.

Убить или быть убитой. Я нажала на курок, и пистолет разразился громом. Голова мага дернулась назад. Я повернулась, прицелилась во второго боевого мага и выстрелила. Пуля попала ей в грудь. Она скатилась с крыши и упала в море муравьев.

Остатки моей «мазды» пронесли по воздуху, блокируя путь двум дискам. Магические снаряды врезались в металл и стеклопластик, и с шипением взорвались.

Роган схватил меня за руку и бросился бежать. Мы пересекли улицу, проскочили через арку в чей-то двор и промчались мимо их дома. Кирпичный забор перед нами взорвался. Роган свернул налево. Он направлялся к магу насекомых.

Позади нас женщина взвыла:

— Браун! Убери их от меня! Проклятье!

— Я пытаюсь! — огрызнулся мужской голос откуда-то с улицы.

— В моей гребанной ране муравьи! Убери их от меня!

Мы добежали до угла улицы и остановились. Я подняла пистолет и выглянула за угол, проверяя. У обочины был припаркован большой белый грузовик. Четыре большие металлические бочки стояли рядом с ним на земле. Темноволосый мужчина выглядывал за другой угол спиной к нам.

Женщина закричала, но тут же поперхнулась, и ее крик внезапно оборвался.

— Так тебе и надо, тупая сука, — буркнул мужик.

Роган прошагал мимо с убийственным выражением лица. Маг насекомых повернулся. Роган схватил его за плечо и жестоко двинул ему кулаком в живот. Маг согнулся пополам, оседая. Роган заехал коленом ему в лицо. Что-то хрустнуло. Маг рухнул на землю.

— Стой, — воскликнула я.

Роган направился к упавшему мужчине.

— Стой-стой-стой.

Он посмотрел на меня.

— Все остальные мертвы, Роган. Мы не сможем допросить его, если ты его убьешь.

Он нагнулся, схватил мага за горло, приподнял его и впечатал в каменный забор. Маг захрипел, пытаясь вдохнуть. С его сломанного носа капала кровь. В глазах стояли слезы. Я шагнула вперед и обыскала его. Безоружен. Я вытащила его бумажник. Водительские права на имя Рэя Кэннона. Я сфотографировала их на свой телефон.

— Есть еще другие? — холодно и четко спросил Роган.

— Нет, — прохрипел мужчина.

Роган с силой сжал его горло.

— Правда, — подтвердила я.

Роган ослабил хватку. Мужчина сделал хриплый вдох и с мольбой посмотрел на меня.

— Помогите...

Роган встряхнул его, припечатав спиной к забору.

— Смотри не на нее. Смотри на меня. Кто тебе платит?

— Форсберг.

Черт. Я надеялась, мы напали на след того, кто стоял за нападением. Вместо этого, мы снова вернулись к Форсбергу.

— Говори, — приказал Роган.

— Нам сказали, что вы убили его старика, Маттиаса. За вами охотятся две команды. Мы были ближе — я, Коваски, и его сестра. Мы приехали на двух машинах — «форде», припаркованном ниже по улице, и моем фургоне. Расположившись, мы стали ждать, когда вы выйдете.

— Как вы узнали, где мы будем? — спросила я.

— Де Тревино сообщил.

Вот червяк.

От взгляда Рогана по моей спине пробежали мурашки.

— Роган, можно я с ним поговорю?

Лицо мага враз побелело. До него дошло, кому он перешел дорогу.

Роган снова сдавил его шею.

Я коснулась его руки.

— Пожалуйста?

— Ладно. — Он отпустил его, и маг сполз на землю.

— Ты уберешь всех муравьев обратно в бочки, — сказала я. — Если я увижу хоть одного огненного муравья на этой улице, после того, как мы закончим с Де Тревино, я попрошу его тебя найти. — Я указала на Рогана. — Ты же знаешь, кто он, верно?

Маг быстро кивнул.

— Собирай своих муравьев и уходи. В следующий раз при встрече, я выпущу пулю тебе в лоб. — Вот так. Надеюсь, это прозвучало достаточно убедительно.

Роган не обратил внимания на мага и зашагал к дому Де Тревино. Я поспешила следом.

Он ударил дверь ладонью. Его магия врезалась в дерево. Все окна в доме взрывом вынесло наружу. Роган с мрачным лицом ворвался в дом.

Антонио стоял посреди гостиной, с белым, словно простыня, лицом.

— Я слегка раздражен. — Мебель разъехалась в стороны, освобождая путь Рогану. — Поэтому спрошу только раз: зачем ты звонил Форсбергу?

— Я боялся, что вы можете помешать их расследованию... — выдавил Антонио.

— Ложь, — сказала я.

— Я просто хотел получить информацию...

— Снова ложь.

Дом задрожал.

Это уже слишком затянулось, и если я что-нибудь не сделаю, Роган обрушит весь дом.

— Смотри на меня, — произнесла я, собирая свою магию. — Смотри мне в глаза.

Антонио посмотрел на меня. Моя магия вырвалась и вцепилась в него. Он задрожал, напрягаясь под давлением. Мои возможности основывались на силе воли, и со всеми событиями сегодняшнего дня, у моей воли было достаточно топлива.

Мой голос опустился до низкого, нечеловеческого тембра.

— Зачем ты звонил Форсбергу?

Выражение лица Рогана было бесценно. Вот так. На этот раз мне не нужна помощь круга. Кое-кто стал на голову выше, пока ты отсутствовал.

— Деньги! — взвыл Антонио. — Если Форсберг подтвердит, что смерть Елень произошла на работе, выплата по ее страховке удвоится. Дом Форсбергов обещал не препятствовать моему требованию по выплатам, если я буду сообщать им любую информацию о тех, кто интересуется ее смертью.

Я отпустила его.

— Это правда, — сообщила я Рогану.

Антонио сделал долгий, судорожный вдох.

Роган пнул стеклянный столик, разбив его вдребезги. Осколки взмыли в воздух.

Антонио в ужасе замер.

Из правой двери в комнату влетел мальчик. Он подбежал и бросился перед Антонио.

— Не убивай моего папу!

Ему было не больше десяти лет.

— Джон, — произнес Антонио прерывающимся голосом. — Иди к сестре.

— Не убивай моего папу! — мальчик уставился на Рогана с вызовом на лице.

Роган посмотрел на него.

Осколки пролетели по воздуху и разбились о стену, не причинив никому вреда.

— Мы все выбираем сторону, — сказал Роган Антонио. — Ты выбрал неверно.

Он развернулся и вышел.

Улица перед домом Антонио была пуста, река муравьев спешила за угол, вероятно обратно в бочки мага насекомых. В отдалении завывали сирены. Кто-то вызвал копов.

Магия Рогана бурлила вокруг него разъяренным торнадо.

— Спасибо, что не убил его на глазах у его сына, — сказала я.

— Взрослые могут сделать выбор, став моими врагами или союзниками, либо же оставшись гражданскими. Дети же просто дети, Невада. Этот ребенок потерял свою мать, и я не стал бы забирать у него отца. — Он проверил телефон. — Сюда.

Мы пошли направо, подальше от отступающей армии муравьев.

— Лишь враги, союзники или гражданские? — спросила я.

— Все верно.

— А если кто-то вроде Антонио помогает врагу?

— Тогда он сам становится врагом.

— А враги должны быть уничтожены? — продолжила я.

— Если они представляют угрозу, да. — Лицо Рогана было безжалостным.

В моей голове забрезжил свет. Я знала, что это было. Я проходила через это раньше.

— Это является правдой на войне. Роган, мы не на войне.

— Еще как на войне.

— Нет. Мы в гражданском мире. Вещи здесь не делятся только на черное и белое. У них еще есть оттенки серого. Существуют степени наказания, в зависимости от тяжести преступления.

Он посмотрел на меня, его голубые глаза были суровыми и ясными, без тени сомнения.

— Дело не в наказании. Это вопрос выживания.

Что, черт возьми, случилось с тобой на войне, Роган? Что они с тобой сделали, чтобы так травмировать?

— Так если кто-то, скажем, молодая женщина, помогает одному из твоих врагов, она тоже враг. Ее можно похитить с улицы, приковать в своем подвале, и допрашивать любыми способами.

Судя по его лицу, ему не нравилось, куда я клонила.

— Скажи мне, как близко я была к тому, чтобы быть убитой?

— Ты никогда не была близко к тому, чтобы быть убитой. В то время я не чувствовал, что ты представляешь угрозу. Я просто хотел получить информацию, и если бы я ее получил,

то отпустил бы тебя, именно так, как и сделал. Вероятно, я не повез бы тебя домой сам, но попросил бы кого-нибудь из своих людей.

Я попыталась снова.

— Ты не можешь так жить, Роган. Война окончена.

Он остановился и развернулся назад, где два тела ничком лежали на земле.

— А как это выглядит для тебя? Потому что для меня это выглядит, как сражение.

Мы продолжили идти.

А он любил сражение. Сражение было простым. Оно было знакомым. Он знал, кто его враг, потому что тот пытался его убить, и он знал свою миссию: выжить, уничтожая любую видимую угрозу. На войне ты не делаешь предупредительных выстрелов. Ты стреляешь наверняка.

Но гражданская жизнь была неприятной и сложной. Если бы Роган пошел в бар, и к нему стал приставать пьяный, они ожидали бы совершенно разных последствий. Пьяный ожидал бы каких-нибудь оскорблений, потом толчков, может удар-другой с хватанием друга за одежду и потасовкой на улице, пока алкогольная вспышка не пройдет. Пьяный рассчитывал бы уйти после этого домой. Потому что для него это нормально, нормально для гражданского мира. Он понятия не имел, что в тот момент, как он позиционировал себя как угрозу, в голове у Рогана щелкнул переключатель. Если этому пьяному повезет, Роган выведет его из строя, придушив. Если не повезет или он попытается вытащить нож, Роган его покалечит или даже убьет.

Прошло уже много лет, как он покинул армию. Вероятно, он никогда не обращался за помощью, просто не понимая, что с ним что-то не так.

— Как ты спишь? — спросила я.

— Как младенец, — ответил он.

— Ночные кошмары?

— Я пришел к тебе домой попросить быть со мной. Ты меня отвергла...

Вот так перемена темы.

— Сейчас не лучшее время для этого разговора.

— Сейчас отличное время. Я пригласил тебя на свидание. Ты сказала «нет». Я подождал. Ответного предложения не последовало.

— Свидание, значит? — Я помнила все совсем не так. Я подождала, когда жужжание выдаст мне его ложь, но ничего не произошло. — Да ладно. Ты не это мне предлагал, и ты прекрасно это знаешь!

— Именно это я и предлагал.

Правда. Как ловко он ушел от ответа...

— Хочешь сказать, ты не предлагал мне интимных отношений?

Он помедлил секунду.

— Нет.

Ха! Попался. Для него свидание — что бы он ни понимал под этим словом — было прелюдией к сексу. По его мнению, он предложил мне «свидание», поэтому, технически, это не было ложью. Мне следовало быть поумнее с вопросами.

— Я не навязчивый преследователь, Невада, — произнес он. — Я понимаю слово «нет».

— Я и не хотела, чтобы ты меня преследовал, Роган.

— Тогда чего ты хотела?

— Я хотела, чтобы ты дал мне шанс решить, хочу ли я завести с тобой отношения. Ты

хотел секса. Если тебе действительно невтерпещ необременительный секс, я слышала, Харпер свободна.

Он хмыкнул, что должно было означать «нет», но было сложно сказать наверняка, столько отвращения он туда вложил.

Ноги дрожали. Я продолжала идти. Если я скажу, что меня доконал стресс, он, вероятно, попытается проделать что-нибудь дурацкое, вроде понести меня. Чокнутый Роган не будет меня носить, особенно на людях.

— Я не говорил, что хочу только секса.

— Позволь процитировать: «Ты хочешь соблазнения, ужинов и подарков? Соблазнение — это игра, и если вложить в нее достаточно лести, денег или внимания, то в итоге получишь желаемое. Я думал, ты выше этой игры». Разве не это ты сказал мне за неделю до того, как заявился ко мне в гараж приглашать меня на «свидание»?

— Да. Я хотел пропустить фигню.

— Так что случилось? Ты изменил мнение и теперь хочешь фигни?

Телефон Рогана зазвонил.

— Да, я хочу твоей фигни.

— Что ж, тебе не видать никакой моей фигни. Я серьезно.

Ладно, и это не прозвучало по-детски. Совсем.

— Почему нет?

— Потому что ты называешь это фигней.

Серебристый «рендж ровер» обогнул изгиб дороги и остановился перед нами; за рулем сидел Трой. Я села назад, прежде чем Роган или я сказали бы что-то еще. Я очень не хотела продолжать этот разговор в присутствии Троя.

Роган сел вперед на пассажирское сидение.

— Домой.

Трой тронулся с места.

— Я не уверен, что до конца понимаю концепцию «фигни», — тихо сказал Роган. — Не желаешь ее обсудить, например, за ужином? Я буду рад услышать пояснение, в чем именно я ошибся. Место на твой выбор.

Нет. Если я отправлюсь с ним на ужин, то не смогу перед ним устоять. Я его поцелую. И, скорее всего, дело этим не ограничиться... Я перейду к более интимным вещам... Я ничего не смогу с собой поделаться, но сейчас мне не хотелось подобного оборота.

— Я хотела бы поехать домой.

— Неужели провести со мной вечер — это настолько ужасно? — спросил он.

Искренность в его голосе сбила меня с толку. Все остроумные ответы пошли прахом.

— Нет.

— Ты боишься меня? — спросил он.

Нет, осознала я. Он никогда меня не обидит. Я даже не знала, откуда во мне взялась такая уверенность, но я твердо верила, что он этого не сделает. Меня ужасала его сила, но это был глубинный, инстинктивный страх. Я не боялась Чокнутого Рогана. Вероятно, я была единственным человеком в Хьюстоне, кто его не боялся.

— Это не так.

— Я понимаю, что тебя тревожат мои действия, — произнес он. — Я готов пойти практически на все, чтобы ты чувствовала себя спокойнее, но если ты хочешь, чтобы я перестал устранять угрозу в лице людей — не думаю, что это выйдет. Больше я на это не

способен.

Разговор слишком быстро углубился. Его фасад треснул, и находящийся за ним мужчина смотрел на меня.

— Я только что убила двоих людей, — сказала я еле слышно. — Я не пытаюсь свыкнуться с этим, иначе я рискую потерять себя. Сегодня был длинный день. Мне нужно вернуться домой и обнять мою семью, чтобы убедиться, что с ними все в порядке.

— Само собой, — совершенно невозмутимо ответил он.

Я увидела, как он замкнулся в себе. В одно мгновение здесь был Коннор, а в следующее его место снова занял Чокнутый Роган.

Мы видели сегодня столько горя. Столько боли. Корнелиус, Джереми, лица солдат Рогана... Форсберг. Два тела на улице позади нас. Мечты, будущее, жизни, так резко оборванные. Я даже не знала, как со всем этим справится. На нем это тоже должно было отразиться — иначе, он не был бы человеком — и я видела отпечаток сегодняшнего дня на его лице: усталость, печаль, и мрачную решимость в его глазах. Он выглядел старше; его черты стали резче, будто он не спал много ночей подряд. Он все еще был грозным и смертоносным, но это была опасная грань хищника, загнанного в угол после длительной облавы.

Вернувшись на наш склад, я окажусь окруженной теплым человеческим хаосом. Кто-то будет готовить; кто-то будет смотреть телевизор или играть в видеоигры. Мои сестры будут переговариваться друг с другом; Леон будет жаловаться на свою бесконечную борьбу с французским языком; затем придет бабуля Фрида, пахнувшая машинным маслом и металлом, и станет подшучивать над мамой... Я смогу окунуться в эти теплые человеческие отношения и позволить им растопить мрачный холод сегодняшнего дня.

Чокнутому Рогану не к кому было возвращаться домой. Он приедет в свой замок Зорро, поест, что ему принесут и, вероятно, снова станет пересматривать ту запись, стараясь увидеть, не пропустил ли он чего-нибудь. Он обладал огромной силой, но она не принесла ему тепла. Ни человеческого спасательного круга, который не дал бы ему уйти на дно и помог удерживать голову над водой.

Я не могла позволить ему это сделать.

— Поужинай со мной, — попросила я. — У меня дома. Ты сможешь помочь мне объяснить маме и бабушке, что случилось с моей рабочей машиной.

Его глаза загорелись, а на губах появился намек на ухмылку.

— Как думаешь, твоя мама может попытаться меня пристрелить?

— Вероятно.

— Тогда конечно. Ни за что это не пропущу.

И он будет самым воспитанным драконом. Хвост поджат, клыки спрятаны, а когти аккуратно сложены на коленях. Я только что пригласила Чокнутого Рогана на ужин. Снова. Бедная моя мама.

Телефон Рогана зазвонил. Он взглянул на него и выругался.

— В чем дело? — спросила я.

— Сестра Луанны только что прибыла в Хьюстон. Я должен ее встретить.

Я попыталась разобраться в клубке эмоций. Испытывала ли я облегчение или разочарование? Я не была уверена.

— В другой раз?

— В котором часу ужин?

— Обычно в половину шестого — шесть.

— Я успею.

Я посмотрела на телефон. Было пятнадцать минут четвертого. Он вполне может успеть.

— Притормози, — сказал Роган.

Трой съехал с шоссе и зарулил на заправку.

— Я приду, — пообещал Роган.

— Буду рада.

Я действительно это имела в виду.

Он открыл дверцу, вышел и наклонился внутрь.

— Отвези мисс Бейлор, куда она захочет.

— Слушаюсь, сэр.

Роган улыбнулся мне и захлопнул дверцу.

Трой тронулся с места.

— Куда, мисс Бейлор?

— Невада. Не могли бы вы сделать небольшой крюк, чтобы я взяла еду на вынос?

— Ваше желание для меня закон, — сказал Трой.

Верно. Я набрала номер «Такары». В конце концов, сестры получают свои суши.

Глава 5

За пассажирским окном проносилось шоссе Кейт Фривэй, машин было необычно мало, по пяти полосам гладкого асфальта двигались всего несколько автомобилей. Через час, когда рабочий день подойдет к концу, движение станет просто убийственным. Небо, весь день разрывавшееся между дождем и сплошной облачностью, наконец, разразилось дождем. Вода лилась сверху, словно какой-то гигант решил подержать душевую лейку над городом.

Я погладила пластиковый пакет на заднем сиденье рядом с собой. Я потратила на суши кучу денег, и мне было плевать. После увиденных сегодня кошмаров, я хотела купить сестрам все суши в мире. Я была безумно благодарна, что они были живы, и я могла их обнять по приезду домой. Конечно, они бы жутко удивились и заявили, что мне нужно проверить голову.

Трой нахмурился в зеркале заднего вида.

— Вы пристегнуты?

— Да. А что?

— За нами увязалась тойота «Фораннер». Она мчалась и меняла полосы, пока не повисла у нас на хвосте. Я еду на пять миль меньше скоростного лимита, левая полоса совершенно свободна, но она не обгоняет.

Я вытащила «глок», посмотрела назад сквозь затемненное стекло. Черный «Фораннер» держался позади примерно на три корпуса машины. И водитель, и пассажир — оба казались темными, смазанными силуэтами в струях дождя. Я сделала фото номерного знака на телефон. Не супер, но как только загрузим его и прогоним через несколько фильтров, мы, вероятно, сможем его прочитать.

— У меня стоят задняя и передняя камеры, — сказал Трой.

Приятно. Вот то, что мне всегда нравилось в Рогане, и я не против это признать: он очень дотошный и мыслит наперед.

— Впереди съезд на Сэм Хьюстон Парквей.

— Да. — Трой снова взглянул в зеркало заднего вида. — Посмотрим, последует ли он за

нами.

Мелькнул знак, предупреждающий о съезде. Полоса только на съезд отделилась от нашей, параллельно главной дороге. Впереди, там, где полосы разделялись, замаячил бетонный барьер: левая сторона уходила на шоссе, а правая сворачивала на выезд и вела к высокой эстакаде.

Барьер несся прямо на нас.

Трой резко свернул направо на выезд и ударил по газам. Рендж Ровер полетел по полосе. «Фораннер» позади нас набрал скорость. Мы мчались по изогнутой эстакаде, земля находилась далеко внизу.

Черный «Субурбан» ехал наравне с нами в левой полосе. Мужчина посмотрел на меня из переднего пассажирского окна, его лицо казалось смазанным за стеклом, залитым дождем. Возможно, чуть за тридцать, светлые волосы зачесаны назад. Мужчина придвинулся к стеклу и улыбнулся. «Субурбан» пронесся мимо. Мокрый асфальт позади большого автомобиля подернулся белой изморозью. Дорогу сковало льдом.

Рендж Ровер заскользил. Мой желудок дернулся влево, потом вправо, пытаюсь сбежать. Я вцепилась в переднее сидение. Мы неслись по эстакаде, лицо Троя было словно белая маска в зеркале заднего вида. Мое сердце в панике колотилось. Рендж Ровер влетел в бетонное ограждение. В салоне раздался отвратительный металлический скрежет. В сотне футов под нами мелькнула парковка.

Мы собирались погибнуть.

Трой выкручивал руль назад. Рендж Ровер заскользил по обледенелой дороге, словно шарик в пинболе, достигший вершины дуги, и полетевший с ускорением по эстакаде. Впереди протянулась Сэм Хьюстон Парквей, вся правая полоса которой блестела ото льда. Мы ехали слишком быстро, но если Трой ударит по тормозам, мы соскользнем и погибнем. Рендж Ровер нырнул влево, потом вправо. Трой осторожно жал на тормоза, пытаюсь скинуть всю эту скорость.

На левой полосе рядом с нами взревела фура, блокируя нас. Мы болтались по полосе, запертые между фурой и бетонным ограждением.

Знакомый «фораннер» пристроился за фурой. Пассажирское окно опустилось.

Есть надежда, что деньги Рогана купили нам достаточно брони.

— Пистолет! — предупредила я.

По дороге за машиной застучали пули. Что-то зашипело — они проббили нам шины. Благодаря резиновым вставкам мы могли продолжать движение, но управлять машиной теперь было намного сложнее.

Рендж Ровер снова нырнул, заскользив по льду. Трой поймал занос, выруливая из него.

Они не напали на нас, пока в машине был Роган. Они не были готовы к этому противостоянию, это значило, что даже сейчас они хотели сохранить свои личности в тайне. Если бы я не хотела, чтобы нападение привело ко мне, я бы воспользовалась краденной машиной. А раз «Фораннер» преследующий нас был краденым, у него не было брони.

Я попыталась открыть окно. Заперто.

— Опустит стекло.

— Я не могу. Оставайтесь пристегнутой.

— Трой!

— Если я опущу окно, и мы врежемся, вы вылетите через ветровое стекло, — прорычал он.

Съезд с шоссе был нашим единственным шансом.

— Если ты не опустишь стекло, они продолжают в нас стрелять. Даже если броня машины нас защитит, пули будут ricochetить. По этой дороге едут невинные люди. Открывай окно!

Стекло скользнуло вниз. Я отстегнулась, прицелилась в «Фораннер» и выстрелила пять раз подряд. Ветровое стекло покрыли трещины, и «Фораннер» отстал. Фура проскользнула между «Фораннером» и нами, блокируя обзор.

Осталось три патрона.

Впереди замаячил съезд на бульвар Хэммерли.

Фура заревела, ускоряясь. Трой нажал на газ, но было слишком поздно. Я пристегнулась и опустила пистолет вправо вниз, чтобы не выстрелить в себя или в Троя.

Фура нас протаранила. Рендж Ровер скакнул вперед и заскользил, выходя из-под контроля. Фура пронеслась мимо, вырвав обратно на левую полосу. Мы врезались во что-то твердое. Меня тряхнуло от удара. Пистолет выскользнул из пальцев. Ремень безопасности обжег грудь и плечо, выбив весь воздух из легких.

Я открыла глаза. Спущенные мешки передних подушек безопасности свисали с приборной панели. Трой обмякнув, лежал на сидении. Удар вмял дверь Троя внутрь, полностью задвинув назад его кресло и прижав мне колени. «Глок» валялся где-то в машине, скорее всего, под пассажирским сидением справа, и я никак не могла его достать. Супер.

— Трой?

Он не ответил.

Я прижала руку к его шее и почувствовала биение пульса. Хоть оно и не казалось слабым, я не была медиком. Я поднесла руку к его носу. Дышит. Ладно. Куда, черт возьми, подевалась та фура?

Я попыталась оглянуться назад, и мне удалось краем глаза взглянуть за плечо. Фура исчезла.

«Фораннер» остановился впереди нас на правой полосе платной дороги, развернувшись к нам передом и не обращая внимания на машины, которым приходилось его объезжать. Водительская дверь распахнулась. Из-за нее показалась нога. Она заканчивалась копытом.

Меня окатило волной ужаса, тошнотворного и непреодолимого страха. Сердце зачастило. По всему телу выступил холодный пот. Волоски на руках встали дыбом. Я должна выбраться. Должна выбраться немедленно.

Вторая нога присоединилась к первой. Что-то широкое и темное поднялось над дверью, развернувшись в кожистое крыло летучей мыши.

Моя грудь болела. Горло сдавил спазм, отчего я закашлялась. Дрожащими руками я отстегнула ремень безопасности и дернулась, пытаюсь освободить ноги. Застрыла.

Он не мог быть настоящим. Люди призывали монстров из тайного мира, но я никогда не слышала, чтобы кто-то призывал настоящих демонов. Но вот он здесь, живой, дышащий, настоящий, и все мои инстинкты плевать хотели на логику.

Создание направлялось ко мне. Паника сжала меня в ледяных тисках. В демоне был больше двух метров роста; его огромные кожистые крылья, пронизанные толстыми венами, пестрели зеленым и коричневым. Змеиная чешуя покрывала его мускулистые руки и торс, а края костей проступали сквозь чешуйчатую кожу, образуя экзоскелет на груди. Острые костяные гребни выступали на его шее и плечах. Массивный хвост динозавра покачивался из стороны в сторону.

У меня закружилась голова, а перед глазами поплыли мелкие черные точки. Мне нужно было убежать сейчас, пока я не потеряла сознание.

Демон перемахнул через бетонное ограждение, отделявшее дорогу от съезда. Цокнули копыта, соприкоснувшись с асфальтом. Его голову покрывал оборванный капюшон, и из-под него на меня смотрело жуткое лицо. Бледное и морщинистое, с носовыми щелями, как у рептилии, оно взирало на мир раскосыми нечеловеческими глазами, пылающими ярко-красным. Ниже глаз, широкая прорезь рта обнажала чашу острых, узких клыков.

Я завертелась, дергая ногами, но сиденье заклинило намертво. Отпусти меня, отпусти меня, отпусти меня, Господи, пожалуйста, отпусти меня...

Демон распахнул дверь.

Я не хотела умирать. Я никогда не обниму маму снова. Я не увижу, как взрослеют сестры. Меня не будет на вручении диплома Берна; я так и не выясню, какой магией обладает Леон. Я так и не узнаю, был ли у нас с Роганом шанс.

Семья пропадет без меня.

Я не умру сегодня. Демон он или нет, будь я проклята, если так и буду валяться здесь бревном, и позволю ему вытрясти из меня душу. Не сегодня. Никогда.

Демон сомкнул руки на моем горле, притягивая меня к себе. Чудовищное лицо наклонилось, рот раскрылся шире, зубы блестели, красные глаза возбужденно горели, пока он сжимал мое горло, перекрывая воздух.

Ложь, прошептала моя магия.

Я вцепилась обеими руками в его шею и сжала изо всей силы. Вспышка мучительной боли распустилась в плечах, пронеслась по рукам и разразилась перистой молнией, глубоко вгрызаясь в плоть демона. Создание в моих руках закричало, но молнии шокеров крепко держались, и я напряглась сильнее, направляя весь резерв своей магии в его плоть.

Чешуйки стали прозрачными, предательски открывая взору человеческую кожу под ними. Не демон. Маг иллюзии. Вот ублюдок! Гори, сукин сын. Гори.

Иллюзия развеялась, пелена спала, и теперь на меня кричало человеческое лицо с большим, искаженным от боли, ртом.

Перед глазами проплыла светящаяся нить. Если я его не отпущу, то убью саму себя.

Я расцепила руки на шее мужчины. Он рухнул на меня. Я боком ударилась об сидение, мертвый вес его тела прижал меня, чуть не раздавив. В спине что-то хрустнуло. Его ноги в черных ботинках молотили воздух, пока он бился в судорогах, лежа на мне. Было некуда деваться. Из его рта валила густая розовая пена. Я со всей силы отпихнула его назад, и он повис на сидении, наполовину выпав из машины.

Я не знала, выжил ли он после этого. Мне нужно было удостовериться.

Из носа текло. По щекам бежали слезы, но паника испарилась. Я, наконец, увидела на полу вне моей досягаемости свой пистолет.

Я схватилась за сидение и поднялась, наклоняясь вперед. Колени хрустнули. Я оперлась на левую ногу и использовала свой вес, чтобы выдернуть правую.

Ноги мага слегка подрагивали. Если он выжил...

Я высвободила левую ногу, нырнула через сиденье, схватила пистолет и выпустила три пули магу в сердце. Что ж, если он не был мертв, то он точно был недоволен. Отлично, теперь я превратилась в мою маму. Она бы именно так и сказала.

«Фораннер» не подавал признаков жизни. Водительская дверь была по-прежнему открыта. Никто не стрелял в меня и не вышел следом за магом иллюзии.

Я схватила труп за темные длинные волосы и подняла его голову, чтобы разглядеть лицо. Загорелый мужчина лет тридцати, с резкими чертами лица, одетый в черную футболку, плащ и черные армейские брюки. Никогда раньше его не видела.

Я была лицензированным частным детективом, причастным к аварии. Камера на платежной будке наверняка записала момент столкновения. Весь мой опыт твердил, что я должна сообщить о случившемся и оставаться на месте, пока сюда не прибудут копы со спасателями. Если у Троя травма шеи, и я его подвину, он может остаться парализованным. Или погибнуть от внутреннего кровотечения.

Но находясь здесь, мы с Троем были легкой добычей. Если та фура вернется и врежется в нас снова, от нас останется разве что металлический блин на мокром месте. «Доброжелатель», отправивший за нами мага иллюзии, наверняка думает, что тот сейчас занят своей работой. Если я вызову полицию, и он каким-то образом об этом узнает, то поймет, что мы выжили. И тогда уже не угадаешь, кто придет за нами на этот раз.

Я схватила труп за футболку и дернула его поглубже в машину. Такой тяжелый. Футболка треснула. Ну и черт с ней. Я поддела его руками подмышки и приподняла, упираясь ногами. Наконец, тело поддалось и съехало вперед. Я перевернула его на бок, согнула ему колени и захлопнула пассажирскую дверь. Пока неплохо. Я открыла правую заднюю дверь, обежала «Рендж Ровер» с противоположной шоссе стороны, и забралась на переднее пассажирское сидение.

Трой не шевелился. Крови нет, как и видимых повреждений. Я отстегнула его ремень безопасности и снова проверила пульс. Все еще жив.

Удар при столкновении смял левый бок «Рендж Ровера». Большая часть капота не пострадала, но дверь со стороны водителя не подлежала восстановлению; открыть ее было невозможно. Мне придется перемещать его внутри салона.

Грузовик промчался мимо и вильнул, чтобы избежать столкновения с «Фораннером», припаркованным у обочины. Автомобиль не подавал признаков жизни. Я могла бы поклясться, что видела в нем двоих людей.

Я нашла рычажок сбоку переднего пассажирского сиденья и дернула его, опуская спинку сиденья как можно ниже, насколько это было возможно.

Позади нас синий внедорожник свернул на полосу съезда, затем резко вырулил обратно на платное шоссе, прежде чем мое сердце успело выскочить из груди.

Я подхватила Троя и бережно, дюйм за дюймом, стала перетягивать его на разложенное сиденье, стараясь не делать резких движений. Я тянула изо всех сил, пока он, наконец, не сполз на него.

На меня уставилось пустое водительское сидение. Я перебралась через Троя и приземлилась на него. Ноги едва дотягивались до педалей. Рычаг, подвигающий сидение вперед, не срабатывал. Я примостилась на краешке сидения, вдавила педаль тормоза и нажала кнопку запуска двигателя.

Заводись. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, заводись.

Двигатель взревел. Не было звука слаще.

Я дала задний ход. Дверь «Рендж Ровера» заскрежетала, расставаясь с кабиной, и мы внезапно оказались свободны. Мотор зафыркал. Я постучала по нему. До склада было пятнадцать минут пути. Я свернула на Хаммерли, повернула налево на Тривэй, и запетляла по лабиринту маленьких улочек сквозь затопивший тротуары дождь.

Минуты потянулись за минутами, медленно и мучительно, «Рендж Ровер» кашлял и

скрипел, угрожая сдохнуть в любую секунду. Время стало тягучим, словно патока. Я продолжала проверять зеркало заднего вида. Никаких грузовиков.

Трой заворочался на сиденье. Я оглянулась на него. Он быстро заморгал и попытался сесть.

— Лежи, — сказала я ему.

Он послушался.

— Где болит?

— Затылок. Перед глазами все плывет. Что случилось?

— Я везу тебя домой, — ответила я.

— Нужно сообщить... — Он похлопал по карману.

— Не двигайся, — приказала я. — Мы почти на месте. Люди Рогана следят за домом. Один из них должен быть медиком.

— Позвони.

— Когда будем в безопасности.

Мимо проносились улицы. Гесснер. Кемпвуд. Когда за струями дождя показалась наша улица, я практически разрыдалась. Я объехала склад к заднему выходу. Одна створка массивных промышленных ворот была открытой, и я заехала на «Рендж Ровере» внутрь, со скрипом остановившись в футе от бампера бронированного «хаммера».

— Какого черта... — Бабуля Фрида вышла из-за «хаммера» с гаечным ключом в руках. Она увидела искореженный бок «Рендж Ровера» и мое перепуганное лицо. Должно быть, я была бледной, как смерть, потому что моя семидесятидвухлетняя бабушка бегом бросилась к кнопке на гаражных дверях. Бронированная дверь с лязгом опустилась вниз, отрезая нас от внешнего мира.

Я побежала в жилую часть склада, пока бабуля Фрида доставала аптечку из одного из металлических шкафов. Из гостиной неслись звуки мультиков. Я засунула голову внутрь. Арабелла, невысокая блондинка, растянулась на диване. Каталина, более высокая и худощавая, сидела на полу среди россыпи расчесок и резинок для волос. Матильда сидела перед ней между Банни и большим пятнистым гималайским котом. Половина ее волос была заплетена в сложную косу.

Все посмотрели на меня.

Я выдавила улыбку.

— Матильда, где твой папа?

— Он прилег вздремнуть, — ответила она.

— Суши! — Арабелла вскочила с дивана, приняв вертикальное положение за треть секунды.

— Можно вас двоих на минутку?

Каталина скривилась.

— Я не могу ее бросить — иначе мне придется переплести всю косу.

— Пожалуйста, не спорь.

Должно быть, они услышали не терпящую возражений нотку в моем голосе, потому что тут же поспешили в коридор.

— У нас в гараже труп и раненный мужчина, — тихо сказала я. — За ними присматривает бабуля. Каталина, оставайся с Матильдой в этой комнате. Делай все, чтобы ее защитить. Все, что придется. Если понадобится применить свои силы — действуй.

Каталина побледнела.

— Я поняла.

— Арабелла, Берн дома?

— Он в Хижине Зла.

— Передай ему, чтобы заблокировал все входы. Где мама?

— В башне.

— Леон?

— Играет в «Темные Души».

Хорошо; Леон был вместе с братом в компьютерной комнате.

— Ты в порядке? — спросила Каталина.

— Да.

— Кто-то хочет напасть на нас? — прошептала Арабелла.

— Я не знаю. Идите.

Арабелла унеслась прочь, Каталина вернулась обратно в гостиную, а я побежала к интеркому в коридоре.

— Мам?

— Да?

— На меня напали. Один раненный, один убитый в нашем гараже. Нам нужен парамедик. Ты можешь связаться с командой Рогана?

— Повиси на линии.

Я подождала.

Интерком ожил.

— Открывай входную дверь.

Я по коридору добежала до офиса, затем до двери и проверила монитор. Двое мужчин в боевом снаряжении под дождем бежали к двери, один нес медицинскую сумку. Я открыла дверь, убедилась, что заперла ее, и проводила их в гараж.

Медик направился напрямиком к Трою, в то время как другой мужчина подошел к трупам и начал быстро говорить в свой наушник.

Я набрала номер Рогана. Мне даже не пришлось искать его в контактах. К своему стыду, я помнила его наизусть. Вызов перенаправило на голосовую почту. Там не было ни сообщения, ни приветствия, просто гудок.

Я прочистила горло.

— На нас напали на Сэм-Хьюстонском шоссе. Трой ранен, и о нем сейчас заботятся твои люди. Были задействованы три машины: фура, «Тойота Фораннер» и черный «Субурбан». В «Субурбане» был ледяной маг. Он покрыл дорогу льдом, затем в нас стреляли из «Тойоты», и фура вытолкнула нас с шоссе, в результате чего мы врезались в платежную будку. На нас напал маг иллюзии. Я убила его и забрала его тело. Перезвони мне, пожалуйста.

Я повесила трубку и направилась к медику.

К тому времени, как медик Рогана осмотрел Троя и заключил, что у него сотрясение, весь мой адреналин испарился. Я сделала несколько снимков мертвого парня на свой телефон и ушла. Я должна была проверить Корнелиуса, но прямо сейчас была не в состоянии давать дневной отчет. Вместо этого я отправилась к маме в башню. Вообще-то башня была слишком громким именем для этого места. Это был квадратный желоб, который вел к наблюдательному посту под крышей, оборудованному крепкой деревянной лестницей. Мама забиралась туда, несмотря на свою постоянную хромоту, что означало, что она

действительно беспокоится о нашей безопасности.

Я забралась по лестнице и сквозь маленький люк попала в небольшую комнатку, выстроенную на самом верху склада. Потолок едва достигал высоты пять футов, как раз, чтобы с комфортом вползти и сидеть на низком стуле, именно это делала сейчас мама. Ей составляла компанию ее снайперская винтовка с патронами «Винчесер магнум 300». Они с отцом модернизировали крышу, установив несколько очень узких окон, но они так и не удосужились установить снайперскую вышку. Это было сделано позже, предусмотрительными бабулей Фридой и мамой, после того, как Адам Пирс использовал каких-то детей, чтобы взорвать машину Рогана перед нашим складом.

С этой выгодной точки у мамы был отличный вид на северную, южную и восточную часть склада с примыкающими улицами и парковками. Склад был прямоугольным и западная часть, там, где гараж бабули Фриды выходил на улицу, была слишком длинной. Крыша перекрывала обзор парковки, так что не было возможности прямого выстрела.

Я села рядом с мамой.

Она потянулась и обняла меня.

Я почувствовала, что вот-вот расплачусь.

— Как там раненый? — спросила она.

— Сотрясение. Его вырвало от удара при столкновении.

— Ничего серьезного?

— Пока медик ничего такого не обнаружил, — глухо ответила я. — «Мазда» превратилась в хлам.

Она даже не моргнула.

— Как это произошло?

— Боевые маги-энергетики застали нас врасплох и Роган сломал ее пополам, используя как щит.

— Ты ранена?

— Не сильно.

— А он?

— Не сильно.

— Они ранены?

— Я их убила.

— Тогда все хорошо.

— Да. Нет.

Я раскрыла рот, и слова полились сами собой. Я рассказала ей, как меня отшвырнул Форсберг, как затем он умер, а его глаза превратились в две кровавые дыры; об увиденной записи убийства адвокатов, об обледеневшей эстакаде и парковке внизу, о демоне, и о надежде, что Трой не сломал шею.

Она ничего не сказала. Просто обняла меня снова.

— Я должна рассказать Корнелиусу, — сказала я.

— Корнелиус некоторое время будет недоступен. Я дала ему две таблетки снотворного, — сказала мама.

— О.

— Он все перевез, привел всех животных, потом попытался приготовить для Матильды, но девочки предложили сделать ей овсянку с изюмом и коричневым сахаром, так что она решила поесть ее. Затем он сел на кухне, рассеяно глядя в пространство, и его руки дрожали.

Я заставила его принять горячий душ, проследила, чтобы он выпил две таблетки и последнее, что я видела — он спал как убитый. Ему это нужно. Он не спал с момента гибели жены.

— Понятно.

Никто не может сказать «нет» моей маме.

Мама протянула руку и откинула волосы с моего лица.

— Темные глубины.

— Да. Все в порядке. Я полезла туда по своей воле.

Мой телефон зазвонил. Я посмотрела на него. Роган.

— Да?

— Я еду, — сообщил он и повесил трубку.

Я посмотрела на маму.

— Бич Мексики уже в пути. Мы спасены.

Мама фыркнула.

— Ложись. — Она указала на узкий матрас на полу.

Я подчинилась. Она накрыла меня мягким голубым одеялом. Здесь наверху было так тепло, уютно под одеялом. Мои конечности налились тяжестью. Внезапно я почувствовала усталость, но я была в безопасности. Мама приглядит за мной.

— Постарайся отдохнуть.

— Я чувствую себя так странно.

Будто все эти ужасные события случились не со мной.

— У тебя шок. Вызванное магией потрясение имеет странные побочные эффекты. Твоему организму требуется время на восстановление. Постарайся расслабиться и ни о чем не думать. Я скажу тебе, когда приедет твой Роган.

— Он не мой.

Мама улыбнулась.

— Ну, конечно.

Я зевнула.

— Он для меня неблагоприятен. Почему мне должен нравиться мужчина, который для меня неблагоприятен? Почему я не могу найти кого-нибудь цельного и нормального, а не его, черт-знает-кто-он там?

— Я не знаю. — Мама развела руками.

Я покосилась на нее.

— Ты же взрослая.

— Ты тоже взрослая.

— Но ведь ты старше. У тебя должно быть больше опыта.

Мама откинулась назад и рассмеялась.

— Только послушай меня. Я говорю как пятнадцатилетний подросток.

Я попыталась изобразить некоторое смущение, но была слишком усталой.

— Когда мне было на пять лет меньше, чем тебе сейчас, твой дедушка задал мне тот же вопрос, — сказала мама.

— Что? — Бабушка Фрида всегда говорила мне, что они с дедушкой Леоном любили моего папу. Неужели это было до папы? Не может такого быть. Мама родила меня, когда ей было двадцать.

— У твоего папы была действительно трудная жизнь, — сказала она. — И много

проблем.

— Каких проблем?

Я отчаянно боролась с сонливостью.

— Он не мог находиться в оживленных местах, потому что был уверен, что за ним кто-то следит, а люди смотрят на него, будто у него что-то не так с лицом.

— Папа?

— Да. Он не мог удержаться на работе. У него был только диплом об окончании школы, а работы, за которые он брался, часто подразумевали, что он должен держать язык за зубами и делать, как велено. Но вместо этого он пытался изменить положение вещей. Он указывал способы лучше выполнять работу и производить больше, и обычно оказывался прав. Он не искал легких путей и не придерживался рабочей политики, так что, в конце концов, его увольняли.

Я могла в это поверить. У отца было обостренное чувство справедливости. Он был профессионалом во всем и никогда не делал ничего неэтичного.

— А затем появилась ты. У нас было очень мало денег и не было медицинской страховки. Твой дедушка с бабушкой настаивали, чтобы он вступил в армию.

Это тоже меня не удивило. И дедушка Леон, и бабуля Фрида сделали армейскую карьеру. Для них вступление в армию означало стабильный оклад, медицинскую и стоматологическую страховку и преимущества военторга. И, несмотря на передислокации и войны, странное ощущение стабильности, которого никогда нет в гражданском мире.

— Твой отец не мог вступить в армию. Он скрывался, и было слишком много подозрительных моментов, которые бы всплыли.

— От чего он скрывался?

Мама вздохнула.

— Все сложно. Уверяю тебя, на то были свои причины, и весьма веские. Мои родители этого не понимали. Они видели нищего неудачника, который умудрился сделать ребенка, а теперь не собирался брать ответственность за его содержание. Дедушка Леон в лицо называл его трусом. Бабушка Фрида вытащила меня на обед, где пыталась убедить меня бросить его и вернуться к ним домой. Она так и сказала «Если он еще раз тебя потревожит, я ему все ноги поотрываю».

Я вспомнила о том, что нужно закрыть рот.

— Она была очень убедительна. Помнится, был такой момент, когда я думала, что она права, и было бы проще просто уйти. В конце концов, все стало неважно. Я любила его. Я понимала, почему он вел себя именно так. Он очень сильно меня любил, и делал все, что было в его силах, чтобы дела пошли на лад. Поэтому, когда тебе было шесть месяцев, я вступила в армию вместо него, и оставила тебя дома с твоим папой. Это было самым сложным решением в моей жизни. Вот тогда твоя бабушка и начала оттаивать. Она пришла к нам домой спустя месяц, как я отправилась в тренировочный лагерь, ожидая обнаружить там мусорный бак, полный грязных подгузников, и твоего зашивающегося папу. Вместо этого дом сверкал чистотой, ты была чистой и накормленной, и он приготовил ей обед. Твой папа замечательно заботился о тебе, а позже и о твоих сестрах. Он создал бизнес, который до сих пор нас обеспечивает. А когда твой дедушка Леон нуждался в помощи, папа всегда ее предлагал, и не требовал ничего взамен. Твой отец был хорошим человеком. Я гордилась им, и я горжусь тем, что я его жена.

— Он не оставил бы место аварии.

— Если бы на кону оказалась твоя жизнь, он даже не стал бы думать об этом дважды. Твой папа сделал бы что угодно, чтобы обеспечить нашу безопасность. Если бы ему пришлось взять пистолет и пустить кому-то пулю между глаз, он не стал бы с этим мешкать. У тебя в машине был раненный союзник. Ты сделала то, что нужно было сделать ради его безопасности. Твой отец тобой бы гордился, даже не сомневайся в этом. Агентство — это его наследие, Невада. Ты доказываешь, что оно преуспевает, и его имя что-то, да значит.

Сейчас оно означало «мы ввязываемся в опаснейшие разборки, а затем героически пытаемся из них выбраться».

— В любом случае, мораль сей длинной истории не в том, чтобы сравнить тебя с папой, а чтобы напомнить тебе, что это твоя жизнь, Невада. Ты сама за нее ответственна. Я не могу решать за тебя, и даже не хочу тебе что-то советовать. В этом нет смысла. Что бы я тебе ни сказала, ты все равно поступишь так, как считаешь нужным. Поэтому... — Мама сложила руки на коленях. — Что ты считаешь правильным для себя, Невада?

— Я не знаю.

— Что ж, дай мне знать, когда узнаешь. Если мне придется стрелять в Чокнутого Рогана, я хочу быть к этому как следует готовой.

— Знаешь, я в нем ошибалась, — тихо пробормотала я сквозь сон. — Я считала его социопатом, но он переживает из-за убийства своих людей.

— Ты уверена, что это не просто злость из-за их провала?

— Нет. Он пытается все скрывать, но это разрывает его изнутри. Вчера он лично ездил извещать все семьи. Когда мы выслеживали Адама, он был, правда, разозлен тем, как ВВС обошлись с Багом. Тогда я не обратила на это внимания, но сейчас все стало на свои места.

— Выходит, он все-таки человек.

— Вроде того. Он заботится о своих людях. Я только не знаю, волнует ли его кто-нибудь еще. Мам, он думает, что все еще на войне. Убей или тебя убьют. Для него нет середины.

— Ммм.

Я зевнула.

— Я пригласила его на ужин. Просто хотела предупредить заранее, чтобы тебя не хватил сердечный приступ.

Она что-то ответила, но это казалось таким далеким, что я не разобрала. Мысли расплзались из головы во все стороны подобно большим ленивым гусеницам. Я сдалась, закрыла глаза и позволила себе уплыть.

Глава 6

Меня разбудил звук голосов. Я открыла глаза. Мама ушла. Башня опустела, и единственный свет пробивался снаружи сквозь узкие щели окон и из квадратного отверстия, ведущего вниз. Я посмотрела на телефон. Я проспала сорок минут, и теперь чувствовала себя разбитой. Я не хотела вставать. Я хотела так и лежать здесь, на удобном надувном матрасе, в тепле и уюте. И поспать еще немножко.

Скрип лестницы известил, что кто-то взбирается в башню, и делает это быстро.

Я перевернулась на живот, села и потянулась к проему, опершись руками о пол, чтобы увидеть, кто там поднимался по лестнице. В этот самый момент Роган поднял голову. Мы оказались лицом к лицу. В его глазах отразилось необычайное облегчение.

Я была так рада его видеть.

— Ты ранена? — спросил он. Нас разделяли считанные дюймы.

— Ты спрашиваешь у меня это уже второй раз за день. — Я наклонилась поближе, не в силах себя сдержать. — Пора бы уже придумать подкат получше.

Он поднялся, оказавшись наполовину в комнате, а ногами по-прежнему стоя на лестнице. Его рот накрыл мой.

Его губы обожгли меня. Сонный дурман испарился от мгновенно затрепетавшего сердца. От него пахло сандалом, голова закружилась. Я облизала губы. Он был так хорош на вкус. У него вырвался хриплый мужской стон. Да, стони для меня.

Он погладил меня рукой по шее, прикусив зубами нижнюю губу, и я ахнула, задохнувшись. Жар согревал мою кожу изнутри, каждое ощущение усилилось. Я чувствовала себя такой живой. Я хотела ощущать на себе его руки. Хотела почувствовать жар его загрубевших пальцев на своей коже. Хотела почувствовать его внутри себя. У меня отвисла челюсть от такой шокирующей мысли, и он тут же воспользовался этим. Его язык касался моего и ускользал, идеально совпадая с ритмом дыхания, завоеывая и соблазняя, дразня и отступая, притворяясь, что я могу освободиться, и затем утверждая свои права.

Бархатный жар растекся по моему затылку, призрачный растопленный мед зашипел на моей коже, когда нас связала магия Рогана. Она скользила по моей спине, дюйм за дюймом, распаяя каждый нерв, мое тело жаждало повторения экстаза, который оно помнило. Боже мой, разве может быть настолько хорошо?

Рука Рогана скользнула к моей груди. Да, да, пожалуйста. Он сделал шаг вверх. И еще шаг.

Если он поднимется наверх полностью, мы займемся сексом прямо здесь и сейчас.

На мамином надувном матрасе.

Я оттолкнула его. Какую-то долю секунды он оставался на месте, балансируя в воздухе, а затем с грохотом свалился с лестницы.

Я выглянула сквозь люк. Он восстановил равновесие на середине лестницы, взглянул на меня, и с озадаченным видом развел руками.

— Что там происходит? — раздался голос мамы откуда-то снизу.

— Чокнутый Роган упал с лестницы. — На секунду я крепко зажмурилась, обмерев от стыда.

— Ему нужен медик?

«Да» прошептал Роган одними губами и указал на меня.

Ага, нет, не будет тебе никакого целительного секса.

— Нет, он в порядке.

Роган снова стал решительно подниматься наверх.

— Он уже спускается, — объявила я. — Прямо сейчас.

Он преувеличенно вздохнул, спустился по лестнице и остался внизу. Теперь мне придется карабкаться по лестнице, пока он будет развлекаться, любуясь моим задом. Может, он хоть отойдет.

Не отошел.

Тем не менее, когда я спустилась вниз, он уже вернулся в свое привычное состояние в духе «я-Превосходный-и-я-могу-убить-тебя-одним-мизинцем». Наверное, потому что поблизости были мои мама с бабушкой, стоя в дверях гостиной, и глядя на что-то на экране. Леон маячил неподалеку, глаза на Рогана со всей щенячьей любовью, на которое было способно его колючее подростковое сердце. По какой-то странной причине, Леон

поклонялся Рогану со страстью тысячи пылающих солнц.

Я прошла в гостиную, Роган следом за мной. Одна из его сотрудников, афроамериканка, сидела по-турецки на полу, подсоединяя шнуром ноутбук к нашему телевизору. Другой человек, аккуратный спортивный мужчина лет сорока сидел на диване, наклонившись вперед, и удерживая большую часть своего веса на ногах, готовый вскочить в любую секунду. На экране появилась картинка обледенелой эстакады, и камера летела вниз на лед, петляя то влево, то вправо.

У мамы с бабулей Фридой было одинаковое выражение лица: угрюмое и злое.

— Трой должен получить повышение, — пробормотала я.

— Получит, — твердо пообещал Роган. — Спасибо, что спасла ему жизнь.

— Я не...

— Я уже все видел, — отрезал Роган. — Ты это сделала. Спасибо, что позаботилась о нем.

На записи, я рывкнула «Открывай окно!»

Даже не знала, что я могу так орать.

Руки женщины запорхали над клавиатурой ноутбука. Вид переключился на заднюю камеру и треснутое лобовое стекло «Фораннера».

— Чистое убийство, — сказала мама.

— Что?

— Увеличь, — попросила мама.

Запись отмотали назад на несколько секунд и запустили в замедленной съемке, приблизив лобовое стекло. Пули пробили стекло и поразили фигуру на пассажирском сидении. Она дернулась и обмякла. Вот почему никто не вышел из «Фораннера» вслед за магом иллюзии. Я убила пассажира.

— Это чертовски меткий выстрел, — сказал человек Рогана.

Мама повернулась к бабуле Фриде.

— В основе угроза?

— Вероятно. — Бабуля поморщилась. — Что ж, по крайней мере, Бернард пошел в меня.

— Я не понимаю, — вклинилась я.

— Поставьте на паузу, — попросила мама. Женщина остановила запись.

— И ты, и твоя мама, унаследовали навыки стрельбы от дедушки, — сказала бабуля Фрида. — Ты в большей степени, чем она. Твой дедушка Леон фигово обращался со снайперской винтовкой, но если мы оказывались под огнем, то стрелял со смертоносной точностью. Так работала его магия. Пенелопа лежит в засаде со своей винтовкой и весьма успешна, но тебе нужно, чтобы в тебя стреляли, чтобы поразить цель.

— Дуал, — произнес Роган, и улыбнулся. На его лице расплылась по-настоящему самодовольная ухмылка, будто у кота, который пробрался в кладовку и стащил мешок кошачьей мяты.

— Продолжайте, — сказала мама.

Позже нужно будет спросить у него, что это значит.

Запись возобновилась. Мы врезались. Демон выбрался из машины и направился к камере, за его спиной развевался плащ. Его губы изогнулись в ухмылке, обнажая треугольные зубы. Вот это да. Настоящая иллюзия. Существовало несколько видов магов иллюзии. Фантомные маги могли сделать вас невидимым, но они добивались этого,

воздействуя на разум других, а камера все равно сняла бы вас таким, какой вы есть. Настоящие маги иллюзии, вроде Августина, не только влияли на разум, но еще и изменяли свой физический облик. Их отражения и фотографии показывали только то, что вы видели по их желанию.

Вид переключился на внутреннюю камеру. Я замерла на заднем сиденье, судорожно хватая ртом воздух. Мои зрачки были настолько большими, что глаза казались совершенно черными на бескровном лице. Я хотела закрыть глаза, но вместо этого смотрела, как я его поджариваю. Я забрала его жизнь. Мне пришлось ее забрать.

Раздался звонок в дверь.

— Я открою! — прошептала откуда-то Арабелла.

— Баг подчистил записи камер с платной дороги, — сказал Роган. — Копы добрались до «Фораннера» раньше моих людей, но тебе не о чем волноваться.

— Они найдут пули из моего пистолета в его машине, — возразила я.

— Да. Поэтому я отправил туда отличного адвоката пояснить, что машина был использована для нападения на один из моих автомобилей. Возможно, тебе придется дать показания.

— И все?

— Дома воюют, Дома правят, — сказал Роган. — Им нет дела, пока в этом не замешан гражданский, а порой и это неважно.

— Что насчет самой машины?

— Она была украдена этим утром со стоянки у офисного здания. «Субурбан» был позаимствован у другого офисного здания, и ни на одной парковке не оказалось камер, снимающих в этом направлении. Отпечатков этого парня нет ни в одной базе данных.

— Значит, у нас нет зацепок.

— Нет. — Глаза Рогана посуровели. Он смотрел на что-то на моей шее.

Я достала телефон и включила фронтальную камеру. Мое горло украшали красные отметины — четыре с одной стороны, и одна с другой. Сувенир на память от мага иллюзии.

— Почему ты выстрелила ему в спину? — спросил Леон откуда-то слева. — В голову было бы лучше.

— Потому что нам нужно его лицо, чтобы установить личность. — Я повернулась к Рогану. — Я видела одного из людей в «Субурбане».

Его глаза загорелись.

— Видимость была плохая, — продолжила я. — Шел дождь. Но я уверена, что это был ледяной маг. На вид ему лет тридцать. Блондин, одетый в костюм. Этого мало, но если Баг сможет подобрать похожих подозреваемых на эту роль, я могла бы на них взглянуть. Он мне улыбнулся.

— Улыбнулся? — помрачнел Роган. — Я это запомню.

Мое воображение тут же обрисовало, как он стоит над светловолосым магом, сжимая в руке кишки несчастного. Ну и ладно.

На экране я сидела за рулем с отсутствующим взглядом, будто зомби. По крайней мере, мы были на верном пути. Люди Рогана замерзли перед смертью. Только Превосходный ледяной маг смог бы так быстро заморозить эстакаду целиком. Какой-то из наших поступков убедил убийцу Нари, что я или Роган являемся для него угрозой.

Трой что-то сказал. Я ответила, не отрывая глаз от дороги. У меня не было взгляда-на-тысячу-ярдов, как у Рогана, но это было очень на то похоже. Тревога затопила меня

холодной волной, эхом того пути до склада, когда я ожидала быть сбитой с дороги в любую секунду. Мне захотелось скрестить руки, чтобы отгородиться от той меня на экране.

Меня коснулась теплая рука. Сильные пальцы Рогана переплелись с моими, устанавливая между нами связь. Он не смотрел на меня, по-прежнему изучая видеозапись. Он просто держал меня за руку, удерживая меня здесь и сейчас. Я выжила. Мне это удалось, и взгляд в его глазах обещал мне, что теперь он станет стеной между мной и тем, кто попытается мне снова навредить. Я могла бы выдернуть руку, но не стала. Я держалась за него.

— Тебе следует перейти на шины «Акула», — сказала бабуля Фрида. — Видишь, как кренится машина? У «Акулы» более толстые вставки и раздутая внутренняя камера.

— Возьму это на заметку, — кивнул Роган.

— Сюда, — раздался голос сестры.

Я повернулась и выглянула из комнаты. По коридору, прямиком ко мне, шагал Августин Монтомгери в сопровождении Арабеллы. Моя мама никогда не забудет, как он угрожал отобрать нашу закладную, чтобы заставить меня выслеживать Адама Пирса. Если она его увидит, то может убить.

— Я сейчас вернусь, — сообщила я, отпустила руку Рогана, и вышла из комнаты, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Арабелла встретила меня ангельской улыбкой.

— Почему ты его впустила? — громко прошипела я.

— Потому что он такой красивый.

Сегодня Августин был невероятно красив. Его кожа сияла, а льдисто-светлые волосы были само совершенство. Качество его иллюзии было выше всяких похвал.

— Он слишком стар для тебя. Нельзя пускать кого-то в дом, только потому, что ты считаешь его красивым.

Августин сузил глаза. Должно быть, увидел Чокнутого Рогана позади меня.

— Что ты здесь делаешь? — с угрозой спросил Роган.

— Что ТЫ здесь делаешь? — огрызнулся Августин, впившись в Рогана взглядом.

— Тсс! — прошипела я. — Бегом в офис, пока нас никто не увидел.

Моя мама перестала заходить в офис, когда я официально стала руководителем нашей фирмы. Мне было все равно, но она решила, что теперь это мои профессиональные владения.

Я загнала всех в кабинет, и закрыла за собой дверь.

— Мисс Бейлор... — Августин поправил очки на носу.

Арабелла сфоткала Августина на телефон.

— Перестань! — одновременно воскликнули мы с Августином.

— Августин, не указывайте моей сестре, что ей делать. Арабелла, перестань.

— Почему ты снова с ним связалась? — Августин указал рукой на Рогана. — Тебе было мало прошлых приключений?

Большинство людей, включая Превосходных, старались держаться от Рогана подальше. Августин же враждовал с ним открыто. Они с Роганом ходили вместе в колледж, и даже когда-то были друзьями, но теперь буквально рычали друг на друга. В прошлый раз, когда они повстречались у меня в кабинете, то едва не разнесли его в пух и прах. Если они попытаются сделать это снова, то горько об этом пожалеют.

Леон проскользнул в кабинет худощавой тенью. Отлично, еще больше свидетелей, если

что-то пойдет не так.

Августин ждал моего ответа.

— Я сотрудничаю с мистером Роганом, потому что это в интересах моего клиента, которого мне прислали вы. Они подписали деловое соглашение, и я должна соблюдать его условия.

Это звучало намного лучше, чем «потому что с ним я чувствую себя в безопасности, а каждый раз от мысли о его поцелуе меня пронзает дрожь».

— Мистер Монтгомери, у вашего визита есть цель, или вы просто заскочили сюда раскритиковать мой выбор профессиональных партнеров?

— Ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Я предупреждал тебя, что это отвратительная затея, и я был прав.

Я глубоко вздохнула.

— Понятия не имею, о чем вы говорите.

Августин моргнул.

— Разве никто из вас не смотрит новости?

Я щелкнула по клавиатуре, чтобы разбудить компьютер.

— Что мне искать?

— Эми Мадрид, пресс-конференция.

Выскочила дюжина ссылок, и я щелкнула по первой из них. Женщина держала семилетнюю Эми на руках, а рядом с ней стоял мужчина, обнимая их обеих. Эми выглядела испуганной пристальным вниманием публики.

Я улыбнулась.

— Перемотай до отметки в девять минут тридцать семь секунд.

Я так и сделала.

— ...наконец, найдена... — говорил голос репортера.

— Это была Леди в Зеленом, — взхлеб рассказывала мать Эми. — Мне так сказали. Она заставила его рассказать ей, где была наша дочь. Мы любим вас. Спасибо, спасибо вам, что спасли нашу девочку. Мы никогда не забудем. Eres una santa. («Благослови вас Бог» исп.)

Микрофон отключился. Мужчина в костюме накрыл его рукой и объявил: — На сегодня все.

— Ты? — неодобрительно спросил Роган.

— Она бы погибла, — сказала я ему.

Роган повернулся к Августину.

— И ты ей в этом помог? Сколько картин ты пропустил за обедом, чтобы посчитать это хорошей идеей?

Августин отпрянул в возмущении.

— Я пытался ее от этого отговорить. Она же хотела прийти напрямую в полицейский участок. Я помог ей сделать это как можно более секретно и анонимно.

Роган скрестил руки.

— Кто-то рассказал той женщине, что именно произошло. У видео уже два миллиона просмотров. Теперь она стала пресловутой городской легендой. Если это твое понимание «секретности», то тебе пора проверить голову.

— Ее лицо и тело были полностью скрыты. К тому же, я пришел сюда не за оскорблениями. — Он повернулся ко мне. — Я пришел предупредить тебя, как и раньше. У этого поступка будут последствия, которые ты не сможешь предугадать. Постарайся

подготовиться.

Конечно, уже бегу.

— Если я не могу предугадать последствия, то как мне к ним готовиться?

— Это уже твоя забота. — Августин повернулся уходить.

— Подожди, — задумчиво произнес Роган. — Я хотел бы тебе кое-что показать.

Августин скривился.

— Это хотя бы относится к работе?

— Да. Невада, мы можем пройти в гараж?

— Идите за мной. Только тихо, пожалуйста. Я не хочу расстраивать маму. — Я открыла дверь и проверила коридор. Чисто.

— Почему твоя мама расстроится, что я здесь? — спросил Августин.

— Сами подумайте, — сказала я. — До вас должно дойти.

Мы пересекли коридор, и я открыла дверь в гараж.

— Это из-за той чепухи, что я ужасный человек? — не унимался Августин.

Роган прошел в гараж, направляясь к «Рендж Роверу», стоявшему посередине под присмотром женщины-латиноамериканки.

Августин обратил внимание на две боевых машины — танк и мобильный огнемет.

— Что именно делает твоя бабушка?

— Ремонтирует всякий хлам, — ответила я.

Августин раскрыл рот сказать что-то еще, но увидел искромсанный «Рендж Ровер» и передумал.

Роган подошел к носилкам, накрытым темно-коричневым брезентом, позаимствованным у бабули Фриды, и кивнул женщине.

— Спасибо, Тиана. Можешь сделать перерыв.

— Да, майор. — Тиана выбежала наружу.

Роган стянул брезент, открывая лицо мага иллюзии.

— Ты знаешь этого засранца?

Леон с Арабеллой забрались на ближайший бронетранспортер, чтобы получше все видеть.

Августин скривился.

— Да, я знаю этого засранца. Кого он преследовал?

— Меня, — ответила я.

— Он выглядел вот так? — Августин снял очки. Его плоть забурлила, разрослась, и он вымахал до двух с половиной метров. Огромные кожистые крылья выросли из его плеч самым невероятным образом. Мускулы вздулись на его ногах-бревнах, покрытых пестрыми чешуйками питона. На месте ступней появились копыта. Мощные руки вытянулись вперед, вооруженные бритвенно-острыми когтями. На меня уставилась жуткая морда с рубиново-красными глазами, сочащимися огнем на щеки. Грива из роящихся языков пламени рассыпалась по его плечам и спине.

— Срань господня! — Леон чуть не свалился со своего насеста.

Арабелла рассмеялась. Я бросила ей предупреждающий взгляд. Даже не вздумай. Еще не хватало, чтобы она додумалась об этом разболтать.

Демон расправил широченные плечи. Я могла чувствовать исходивший от огня жар. Я понюхала его. Как такое вообще возможно? Иллюзия того парня выглядела настоящей. Эта же таковой ощущалась. Я сглотнула.

— Да, так он и выглядел. Только был на голову ниже и без огненной гривы. У него был капюшон.

— Дилетант, — сказал демон голосом Августина. — Живой огонь требует концентрации.

Демон поспешно сдулся, превратившись опять в Августина. Он нацепил обратно очки.

— Филип МакРейвен. Также известен, как Азазель — по крайней мере, он требовал, чтобы все, с кем он работал, так его называли. Он обошелся мне в круглую сумму.

— Как? — спросила я.

— Он был Значительным из семейства МакРейвенов из Сан-Антонио. Они изгнали его двенадцать лет назад, за различные проступки, и когда я его повстречал, он работал вольным агентом. Он рекламировал себя как достойного поисковика. Мы как раз расширяли штат сотрудников, а я всегда могу найти применение хорошему магу иллюзии, особенно с вторичным талантом. В дополнение к магии иллюзии, он был еще и Средним псиоником.

Это поясняло приступ паники.

— Я дал ему задание выследить беглеца. Один из Домов разыскивал пропавшего супруга, который пустился в бега спустя шесть месяцев после свадьбы.

— Стащил столовое серебро? — предположила я.

— Ничего подобного. Он удрал на «Калифорния Спайдер».

— Губа не дура, — вставил Роган.

Я посмотрела на него.

— Это «Феррари» 1961 года. Было выпущено всего пятьдесят три таких машины, — пояснил он.

— Последняя из них на рынке была продана за семь миллионов, — сухо продолжил Августин. — Мужик был игроком, частенько навещающим Вегас. Относительно легкая работа. МакРейвену нужно было найти его, и позвонить местной команде, чтобы мы смогли доставить его и машину обратно к супруге с разбитым сердцем. МакРейвен нашел беглеца, нацепил свой демонический облик, а затем задушил парня насмерть. Что еще хуже, воришка опорожнил свои кишки прямо в машине.

— Как неосмотрительно с его стороны, — невозмутимо заметил Роган.

— Да, как же это он посмел испортить обшивку, — пробормотала я.

Августин пропустил наш сарказм мимо ушей.

— Невероятно сложно избавиться от запаха человеческих нечистот, если они впитались в волокна ковра. Я едва не убил МакРейвена. Когда я спросил у него, зачем он это сделал, то обнаружил у него психоз при полном параде, с развевающимися флагами и марширующим оркестром. По его словам, он сделал это, потому что ему нравилось «видеть, как меркнут их глаза, когда они обдeldываются от ужаса».

— Очаровательно, — фыркнула я. Все скромные угрызения совести из-за убийства пытавшегося меня убить наемника тут же испарились.

— Я всерьез думал от него избавиться, — сказал Августин.

— Почему вы этого не сделали? — спросила я.

— Во-первых, он был моим сотрудником. В его досье была куча предостерегающих знаков, поэтому, в первую очередь, это была моя вина, что я нанял этого психопата. А во-вторых, его мать приезжала повидать меня из Сан-Антонио. Может, МакРейвены и не являются полноценным Домом, но в их семье четверо Значительных, и у всех них передо мной должок.

Какое-то мгновение Августин пристально смотрел на Рогана.

— Как ты здесь оказался? Во что ты уже ввязался?

— Я бы тебе сказал, но тогда мне придется тебя убить, — ответил Роган.

Никто не засмеялся.

— Подмигни, когда будешь шутить в следующий раз, — сказала я Рогану. — Так люди поймут, когда им смеяться.

— Я не шучу, — возразил он.

— Не шутит. — Августин поправил очки на носу. — Вот только я совершенно не дрожу от ужаса. Давай я разложу тебе все по полочкам. Я владею крупнейшей фирмой расследований в Хьюстоне. Получение информации — то, чем я в буквальном смысле зарабатываю на жизнь. Сейчас я достаточно заинтригован, чтобы перевести ресурсы с других, более прибыльных предприятий, на поиски ответа. Я установлю за вами такую слежку, что вам станет трудно дышать. Я начину жучками ваши кабинеты и машины, взломаю компьютеры, а за вами по пятам будут ходить люди, меняющие свой облик одной силой мысли. Ты можешь потратить огромное количество средств на борьбу со мной или можешь просто ответить, ведь мы оба понимаем, что, в конце концов, я все узнаю. Я могу быть помехой или же союзником. Выбор за тобой. Меня позабавит любой вариант.

Роган погрузился в размышления.

Августин ждал.

Роган откинулся назад.

— Ты знаешь, как были убиты люди Форсберга?

Августин посмотрел на него поверх очков.

— Ты в курсе, что это я отправил Харрисона к Неваде?

— Я имел в виду, ты знаешь, что случилось на самом деле?

— Нет, но я весь внимание.

Я вздохнула и поплелась к прилавку, где стояла бабулина кофеварка. Это будет длинный разговор и для него мне потребуется кофе.

Когда Роган покончил с рассказом, мы переместились обратно в офис, чтобы лишний раз не рисковать быть обнаруженными. Я выпроводила Леона с Арабеллой восвояси, затем провела бабулю с мамой и сказала им, что обсуждаю с Роганом дела, на тот случай, если они станут меня искать. Я допивала вторую чашку кофе; еще не было восьми вечера, а меня по-прежнему клонило в сон.

Августин снял очки и потер переносицу. Современный ангел с изысканными манерами, хорошо одетый, в портфеле у которого было полно страшного оружия.

— Итак, существует заговор, вероятно, с участием нескольких крупных Домов. Какова его цель?

— Они пытаются дестабилизировать статус-кво Хьюстона.

— Да, но в чем суть игры? — Августин нахмурился. — Они зарабатывают огромное количество денег и ресурсов. Есть лишь несколько причин, которые могут побудить людей рискнуть столь многим.

— Власть, жадность или месть, — сказала я.

Августин кивнул.

— Согласен. Предположим, Адам преуспел, и центр Хьюстона лежит в руинах. Происходит обвал биржи. Теоретически, они могли бы извлечь из этого выгоду, но местной экономике пришлось бы восстанавливаться годами. Долгосрочный прогноз для ведения

бизнеса неутешителен.

— Вместе с этим возрастет недовольство Домами, — добавил Роган. — Было бы понятно, будь к этому причастна одна из противостоящих Домам группировок, но это берет начало из хьюстонской элиты. Ты понимаешь, что это значит. В конечном счете, произойдет раскол.

— И когда это случится, всем придется выбирать сторону. — Августин снова вздохнул. — Мне это не нравится. Мне не нравится не знать, что за чертовщина здесь происходит. Я считаю своей жизненной миссией всегда знать, что происходит вокруг.

Пока Августин не видел, Роган закатил глаза.

Августин поморщился.

— Я устал от всяких странных событий. Я не хочу волнения, я хочу скуки. Скука благоприятна для бизнеса.

Для нас обоих.

Августин посмотрел на меня.

— Я понимаю причастность Рогана. Но что насчет тебя? Ты осознаешь всю опасность этой заварухи?

— Да, — кивнула я.

— Тогда почему?

— Я здесь, потому что я хочу помочь Корнелиусу. Но, по большей части, из-за Нарри Харрисон.

Брови Августина поползли вверх.

— Когда мы говорим о покойных, то обычно упоминаем, кого они оставили, — пояснила я. — Мы говорим «она была женой и матерью» или «он оставил двух детей и трех внуков». Будто бы мертвые ничего не значат, если мы не знаем, что кто-то из их близких все еще жив, и скорбит по ним. Мне ужасно жаль Корнелиуса и Матильду. Но еще больше мне жаль Нарри. Она ожидала прожить долгую жизнь. У нее были мечты, исполнения которых она теперь никогда не увидит. Она не увидит, как вырастет Матильда. Она никогда не состарится вместе с Корнелиусом. Она уже ничего не сможет пережить снова, потому что какой-то ублюдок решил ее убить. Кому-то должно быть дело до того, что случилось. Кто-то должен бороться за нее, и убедиться, что ее убийца больше никогда не отберет еще чью-то жизнь, и он, или она, заплатят за свой поступок. Если бы я умерла, я бы хотела, чтобы кто-то обо мне позаботился. Поэтому, я буду этим кем-то для нее.

По коридору к нам топала маленькая фигурка. Я умолкла.

В дверях кабинета показалась Матильда. Она несла здорового гималайского кота и маленький пластиковый пакетик. Кот висел на ее руке, совершенно довольный тем, что его тащат, как плюшевого мишку.

Матильда обвела нас троих взглядом, подошла к Рогану и протянула ему кота.

— Мне нужно промыть ему глазки. — Ее голосок был таким милым. — У него коричневые слезы из-за сплющенного носика, и в них попала инфекция. Он не будет сидеть спокойно. Просто не сможет.

Роган уставился на нее, опешив от такой просьбы. Я никогда еще не видела на его лице такого выражения. Выглядел он весьма забавно.

— Ты поддержишь моего котика?

Роган моргнул, протянул руки и осторожно взял у нее кота. Кот заурчал, как бульдозер.

Матильда открыла свой зип-пакетик, достала из него ватные подушечки и маленькую

пластиковую бутылочку, сосредоточенно нахмутив бровки. Она смочила ватку и потянулась к коту. Тот попытался увернуться, но Роган крепко его держал.

— Сиди спокойно. Будь хорошей кисой. — Матильда высунула кончик язычка в уголке рта, подняла ватный шарик и осторожно вытерла им левый глаз кота.

Это было так необычно. Роган — большой, грозный — сплошная скрытая жестокость и ледяная логика — бережно держит пушистого кота перед крохотным ребенком. Я бы сделала фотографию, но не хотела нарушать момент. Я хотела запомнить все, как есть: серьезная Матильда и изумленный Роган с теплым взглядом в глазах.

Матильда закончила, и я протянула ей мусорную корзину. Она выбросила испачканные коричневым ватки, упаковала обратно свою бутылочку и забрала у Рогана кота, закинув его передние лапы себе на плечо. Она погладила его по шерстке.

— Все, все. Все хорошо. С тобой все в порядке.

Кот замурчал.

Из коридора прибежала взволнованная Каталина.

— Вот ты где. Я отлучилась всего на секунду в ванную, а ты исчезла. Идем, приготовим с тобой печенье.

Матильда взяла ее за руку.

— Спасибо! — поблагодарила она Рогана.

— Пожалуйста, — ответил тот с рыцарской учтивостью.

Августин улыбался.

Роган перевел взгляд на меня.

— Почему я? Почему не ты?

— Корнелиус — папа-домосед, — пояснила я. — Она привыкла искать помощи у мужчин. Наверняка, он обычно держит кота, но сейчас оказался недоступен.

Роган откинулся на спинку стула.

— Ужасно, когда ему напоминают, что он человек, — обратился ко мне Августин. — Он не знает, что с этим делать. Только подумай, Коннор, однажды ты можешь стать отцом, и у тебя будет собственный ребенок.

Роган посмотрел на него так, будто кто-то вывернул ему на голову ведро холодной воды.

Пришло время расплаты.

— Сильно в этом сомневаюсь. Он останется в своем доме, и будет предаваться размышлениям в одиночестве, погруженный в собственный цинизм и горечь.

— И развлекать себя кучами денег и высокотехнологичными игрушками, — подхватил Августин. — Как задумчивый супергерой.

У Августина было чувство юмора. Кто бы мог подумать?

— Может, нам стоило бы скинуться на какой-нибудь прожектор с символом Рогана на нем...

Роган достал бумажник, вытащил две долларовые купюры, и подвинул одну ко мне, а другую к Августину.

— Не могу видеть, как голодают комедианты. Нашей единственной ниточкой остается Габриэль Барановский — любовник Елены, по словам ее мужа-недоноска. Ты поможешь мне с Барановским, Августин?

— Я не планировал посещение, — отозвался Августин. — Но теперь я не против поучаствовать. Не потому, что у меня какие-то альтруистические мотивы, а потому, что когда все это наконец-то выплывет наружу, разразится настоящее землетрясение. Оно

сотрясет политику Домов не только в Хьюстоне, но и во всей стране, а я не могу позволить себе не знать его последствия.

— Посещение чего? — встряла я.

— Что тебе известно о Барановском? — спросил Августин.

— Ничего, — ответила я. — У меня не было шанса навести справки. Я была занята, пытаюсь не умереть.

— Габриэль Барановский — онейромант, — сказал Роган.

Онейроманты предсказывали будущее через сновидения. Испокон веков люди пытались познать грядущее любыми доступными способами, от бросания костей до изучения дырок в сыре. Просмотр снов оказался одним из самых распространенных методов.

— Он делает очень точные краткосрочные предсказания, — продолжил Роган. — И видит сны преимущественно о бирже.

— Сны — ночью, торгюля — днем, — сказал Августин. — Он заработал свой первый миллиард еще до тридцати.

— Первый миллиард?

— Он стоит больше, чем мы оба вместе взятые, — заметил Роган. — Он остановился на трех миллиардах, потому что ему это наскучило.

— Жена? — спросила я.

— Он никогда не был женат, — покачал головой Роган.

— Но он Превосходный.

Это было очень странно. Поиск подходящей партии и рождение одаренного наследника было делом первостепенной важности для Превосходных. В нашем мире, магия была наравне с властью, а Превосходные ничего так не боялись, как утраты власти.

— Если у него нет жены, то, значит, нет и наследника, и его семья утратит статус Дома.

Семья должна была иметь минимум двух живых Превосходных в трех поколениях, чтобы считаться Домом и рассчитывать на место в Ассамблее.

— Ему на это плевать, — сказал Роган. — Он никогда не посещает Ассамблею или публичные мероприятия.

— Очень похоже на одного нашего знакомого, — заметил Августин. — По слухам, у Габриэля есть внебрачный ребенок, но никто и никогда не видел его или ее.

— Тогда что он делает со всеми этими деньгами?

— Что ему взбредет в голову, — пожал плечами Роган.

— Барановский — коллекционер, — сказал Августин. — Редкие автомобили и вина, украшения и предметы искусства.

— Редкие женщины, — продолжил Роган. — Вероятно, он был единственным любовником Елены, но для него она была лишь одной из многих. Это его страсть, и он ничего не может с собой поделаться. Чем вещь необычнее и уникальнее, тем больше он ее хочет. Что он хочет очень, очень сильно, так это «Гадалку» 1594 года кисти Караваджо.

— Караваджо был бунтарем, — пояснил Августин. — В 1590-х большая часть итальянской живописи состояла из работ маньеристов — постановочных, неестественных изображений людей с непропорционально длинными конечностями, написанных резкими цветами. Караваджо писал с натуры. Его работы показывали обычных людей и они были очень реалистичными для того времени, лукавыми и забавными. Позже он стал очень влиятельным мастером.

Это все поясняло.

— Барановский отождествляет себя с Караваджо, — сказала я. — Они оба отвергли установленный искусственный статус-кво и делали то, что считали настоящим и важным.

— Именно, — кивнул Роган.

— «Гадалка» была первой работой Караваджо в его стиле, — добавил Августин. — Это был генезис всего, что он создал. Полотно существует в двух версиях, и Барановский уже приобрел последнюю версию у французов за баснословную сумму.

— Но у него нет версии 1594 года, — догадалась я. — И это его убивает. Она оригинальна. Он хочет ею обладать.

— Тебе нужно работать на меня, — заметил Августин.

— Я и так на вас работаю по доверенности.

— В общем, — продолжил Роган, — Музею изящных искусств Хьюстона принадлежит оригинальная «Гадалка». Барановский уже все перепробовал, чтобы ее купить, но музей отказывается ее продавать. Когда картина была пожалована музею, собственник обозначил, что она ни при каких условиях не может быть продана или отдана в пользование за денежное вознаграждение. И все же музей жаждет денег Барановского.

— Поэтому они позволили ему ее арендовать, — закончил Августин. — Взамен, поскольку они не могут взять деньги, раз в год он организывает масштабный благотворительный вечер. Минимальная цена билета — двести тысяч с одной семьи.

Я поперхнулась остатками кофе.

— Барановский не станет со мной говорить, — сказал Августин. — Я недостаточно броский, как для Превосходного, и предпочитаю придерживаться нейтралитета. Но Габриэль может заговорить с Чокнутым Роганом, раз уж он самый опасный человек в Хьюстоне.

— Это официальный титул? — поинтересовалась я.

— Нет, — ответил Роган. — Это констатация факта.

Я не смогла удержаться.

— Какая неожиданность встретить столь скромного Превосходного.

— В любом случае, — перебил Августин, — даже если Барановский заговорит с Роганом, нам это не сулит ничего хорошего. Мы все прекрасно знаем, что Роган задает вопросы с тактичностью пещерного человека.

— Я могу быть тактичным. — Он даже умудрился изобразить обиженный вид.

— Давай спросим у нее. — Августин посмотрел на меня. — Как думаешь, каким образом Роган попытается получить у Барановского информацию?

Я ляпнула первое, что пришло мне в голову.

— Будет держать его за горло, свесив с какого-нибудь очень высокого балкона.

— Я же говорил.

— Если взять человека за горло, то он очень быстро отвечает на вопросы, — невозмутимо заметил Роган.

Августин покачал головой.

— Двое людей в этой комнате — частные детективы, которым регулярно приходится вытягивать из людей информацию. Ты не один из них. Нам нужна наживка получше.

Они оба посмотрели на меня.

— С чего вы решили, что он мной заинтересуется? — спросила я.

— Потому что покажется Роган, — ответил Августин. — Он никогда не показывается, а в этот раз объявится и уделит тебе очевидное внимание. Ты также будешь в моем

сопровождении. Ты молода и красива, и будет казаться, что ты привлекла внимание двух Превосходных. Барановскому захочется выяснить, что же в тебе такого особенного.

— Когда это будет?

— В пятницу.

— Мне понадобится платье, — сообщила я. — И деньги.

Роган наклонился вперед, в его глазах застыло предупреждение.

— В настоящий момент только два Превосходных — я и Августин знаем, кто ты. Если ты пойдешь на тот благотворительный вечер, это изменится.

Августин прищурился, пристально глядя на Рогана.

— Ты хочешь подобраться к Барановскому. Это лучший и самый эффективный способ.

Роган не обратил на него внимания.

— Невада, я знаю, что ты скрываешь свой талант, но после этого возврата уже не будет.

То ли он действительно переживал обо мне (что было, правда, трогательно), то ли у него была какая-то тайная причина держать мое существование в секрете, чтобы он мог продолжать использовать мою силу. Знать бы еще, что из этого было правдой.

— Не драматизируй, — спокойно сказал Августин. — Пока она не станет посреди зала и не объявит, что она правдоискатель, никто не будет знать, что у нее вообще есть магия.

— Будут последствия, — сказал Роган. — После этого будет трудно кануть в неизвестность. В худшем случае люди выяснят, кто ты. В лучшем — тебя посчитают женщиной, которую использую я или Августин. Я знаю, что репутация для тебя важна. Подумай об этом.

Я подождала, пока они оба умолкнут.

— Августин, вы будете присутствовать там в профессиональном качестве?

— Конечно. Я воспользуюсь корпоративным счетом «МРМ». Благотворительный взнос не облагается налогом.

— Тогда я приеду туда, как ваша сотрудница. — Я посмотрела на Рогана. — Если он представит меня, как свою ассистентку, это пояснит мое присутствие там. Люди вашего круга редко приглядываются к наемному персоналу. Все будет выглядеть, будто я один из детективов Августина, а ты пытаешься забраться ко мне под юбку, чтобы его позлить. Если вы оба будете вести себя как обычно, когда я вижу вас вдвоем, никто ничего не заподозрит.

— Что значит, мы будем вести себя, как обычно? — откинулся назад Августин.

— Вы когда-нибудь видели рыбку-петушка?

— Конечно.

— Ну вот, когда вы с Роганом видите друг друга, то начинаете вести себя, как два самца-петушка. Вы растопыриваете плавники и плаваете вокруг, пытаетесь запугать друг друга. Продолжайте в том же духе, и все поймут, что это касается только вас двоих, а я просто побочная жертва. Все будет в порядке.

— Я нахожу это оскорбительным, — фыркнул Августин.

— Слишком много чести Августину, — сказал Роган. — Его плавники меня не впечатляют.

Он произнес это на автопилоте. Его взгляд блуждал где-то вдалеке. Он все еще обдумывал благотворительный вечер, и ему не нравилась эта затея.

— Мне все равно нужно платье.

— Будет тебе платье, — ответил Роган.

— Нет, — твердо сказала я. — Ты дашь мне денег, и я сама куплю себе платье.

Корнелиус тоже захочет поучаствовать, и ему тоже понадобится финансовая помощь.

— Я об этом позабочусь, — кивнул Роган.

— Тогда все решено, — сказал Августин. — Но почему у меня такое чувство, что это плохо кончится?

— Не бойся опасностей и ищи приключений, — бросил Роган, очевидно, цитируя. Он все еще был не в восторге от нашего плана.

— Откуда это? — спросила я.

— «Три мушкетера». — Августин покачал головой. — Роган, с тобой все превращается в авантюрное приключение. Уже поздно, и мне нужно закончить другие дела. Оставляю вашего задумчивого Атоса целиком вам, миледи. Я сам найду выход.

Он вышел из комнаты. Быстрый взгляд на монитор подтвердил, что он вышел из здания, сел в машину и уехал.

В глазах Рогана заиграл ехидный огонек.

— Миледи мне всегда нравилась больше, чем Констанция.

— Я не Миледи и не Констанция, — возразила я, вставая. — Я капитан Де Тревиль. Я голос разума, который пытается удержать вас двоих от преступлений без всяких зазрений совести перед законом или жизнями других.

Он улыбнулся. Мощная, жаркая смесь желания и похоти загорелась в его глазах. Это должно было бы изгнать гнездившуюся там тьму, но нет. Он смотрел на меня из глубины драконьей пещеры — усталый, изможденный, опасный, — но желающий все это отбросить ради меня. От этого мне захотелось провести руками по его крепким, напряженным от силы плечам. Я могла бы перекинуть ноги и оседлать его прямо на этом стуле, заставив его забыть обо всем. Позволить ему забыть обо всем, пусть всего на несколько минут. От него бы пахло сандаловым деревом. Его кожа была бы горячей под моим языком. Он бы прикоснулся ко мне, и сила его рук, ощущение его пальцев на моем теле унесло бы меня прочь, в место, где существовало только наслаждение.

Одни мужчины соблазняют словами, другие подарками. Коннор Роган соблазнял одним лишь взглядом. Самое обидное, что он даже не старался. Он просто смотрел на меня и представлял нас обнаженными.

И если я не перестану фантазировать, он позаимствует мои впечатления и ими воспользуется.

— Иди домой, Роган.

— Ты перестала называть меня Чокнутым, — заметил он.

— Я называла тебя Чокнутым, чтобы напомнить себе, с кем я имела дело. — Я присела на краешек стола.

— И с кем же ты имела дело?

— С возможным психопатом и серийным убийцей, которому нельзя доверять.

Никакой реакции.

— А сейчас ты зовешь меня Роганом. Что это напоминает тебе теперь?

— Что ты смертный.

— Планируешь меня убить? — В его глазах вспыхнул озорной огонек.

— Нет, пока ты не станешь непосредственной угрозой. Ты планируешь ею стать? — Я подмигнула ему.

Он тихо засмеялся. Вот так, уже лучше.

— Ты собираешься домой?

— Нет. — В его голосе зазвенела сталь.

Я вздохнула.

— Это из-за случившегося на эстакаде?

— Да.

— Я с этим справилась.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Трой выжил, потому что в машине была ты.

Если бы меня не было в машине, то никто не стал бы нападать на Троя, но сейчас, похоже, было не лучшее время это обсуждать.

— Тогда почему ты хочешь остаться?

— Потому что Корнелиус, Матильда и ты теперь под одной крышей. Это то, что мы называем зоной максимального достижения цели.

— Плохие парни могли бы решить все свои проблемы одним своевременным взрывом, — сказала я.

Он кивнул.

— Мое присутствие может стать сдерживающим фактором. Если нет, я хорошо справляюсь со взрывами.

— Я помню.

Я могла поспорить, но смысл? Он не навредит мне или моей семье, а я чувствовала бы себя лучше, если бы он был здесь. Я отвечала за безопасность своей семьи, за Корнелиуса и Матильду, и мне была нужна вся поддержка, которую я могла заполучить. Мне просто придется примириться с фактом, что, когда я сегодня вечером заберусь в кровать, он будет спать где-то внизу. Вероятно, на надувном матрасе, раз Корнелиус с Матильдой заняли гостевую комнату.

— Разве Баг не будет без тебя скучать?

— Баг всегда рядом. — Роган показал мне свой телефон.

— Мне придется сдать тебя моей маме, — сказала я.

— Я обсудил это с ней, пока ты спала, — не моргнув глазом, ответил Роган. — Она посчитала это разумным.

Вот это да. Моя мама так озаботилась нашей безопасностью, что сама предложила Чокнутому Рогану остаться в доме. Это немного выбило меня из колеи.

— Пожалуй, не настолько это и хорошая идея. Не знаю, смогу ли я уснуть, зная, что ты бродишь по моему дому, пока я у себя в мансарде.

Он встал, и выражение его лица стало серьезным и жестким.

— Еще как сможешь. Ты тут же уснешь и будешь сладко сопеть до самого утра, затем встанешь и позавтракаешь со своей семьей, потому что этой ночью я буду бродить по твоему дому. И если кто-нибудь попытается нарушить твой сон и прикончить тебя, даю тебе слово, что они уснут навсегда.

Это было самым романтичным, что мне когда-либо говорили. Он говорил это всерьез, и был готов на деле доказать каждое слово.

Я вздохнула.

— Ладно. Увидимся утром.

Только я закрыла дверь в спальню, как кто-то постучал.

— Войдите.

Дверь открылась, и в комнату проскользнул Леон. Мой младший кузен все еще был в стадии долговязого подростка. Худощавый, темноволосый и смуглый, он напоминал мне

призрака эльфа из недавнего фэнтезийного блокбастера «Дорога на Эльдремар». Мне не составляло труда представить, как он спрыгивает с какого-нибудь древнего дуба с двумя загнутыми кинжалами и синей боевой раскраской на лице. Какое-то время мы думали, что он вытянется очень высоким и, достигнув своего роста, наберет массу, но он вырос до ста семидесяти сантиметров и пока не показывал никаких признаков прироста мускулатуры на своем худом теле.

— Если ты насчет Рогана...

Он раскрыл свой ноутбук и протянул его мне. На фоне темного экрана, имитирующего глубокий космос, раскинулась прекрасна туманность, сотканная из светящихся нитей, каждая с паутинку толщиной и слабо переливающаяся лентами разного цвета. Ага. Модель «резиновой ленты» Смирнова. Я вспомнила, как делала ее в старшей школе. Магическая теория была главным предметом и доставляла немало головной боли.

— Я не могу ее сделать, — расстроено протянул Леон.

После сегодняшнего дня, домашнее задание было последним, что мне хотелось бы сейчас делать.

— Леон, ты должен сам делать свою домашнюю работу.

— Я знаю. — Он взлохматил рукой свои темные волосы. — Я старался. Честно, я очень-очень старался.

У Леона была два настроения: саркастическое и восторженное. Этот новый печальный Леон меня озадачил.

Я вздохнула и села в рабочее кресло. Стул был необходимостью. Я дошла до того, что стала тащить слишком много работы в постель, в результате чего мой последний ноутбук разбился в знак протеста, когда я заснула, и он съехал с кровати. С того момента, кровать предназначалась исключительно для просмотра телевизора, чтения, сна и страданий по некоторым телекинетикам. Работа делалась в рабочем кресле. Оно было удобным, словно пушистое облако, но все равно заставляло меня чувствовать себя пожилой дамой.

Я изучила туманность.

— Расскажи мне о ней.

— Это компьютерная модель теории «резиновой ленты» Смирнова, — пробубнил он.

— Твой энтузиазм впечатляет. Что говорит эта теория?

— Она говорит, что на пространственно-временной континуум воздействуют различные факторы. Влияние этих факторов слишком велико, чтобы любое маленькое изменение сказалось на состоянии континуума. Она утверждает, что наша реальность подобна клубку резиновых лент. Если вытащить одну, это мало отразится на самом клубке. Поэтому, если вернуться в прошлое и застрелить, к примеру, Алексея I, Вторая мировая война все равно произойдет. Вместо вторжения Российской империи в Польшу в 1940-х, вторжение совершит кто-то другой, вроде Франции или Германии. Концентрационные лагеря и этнические чистки евреев все равно произойдут. Теория резиновой ленты является полной противоположностью теории цепных звеньев, которая утверждает, что события непосредственно влияют друг на друга, и поэтому если вернуться в прошлое и убить комара, то в ходе эволюции мы отрастим себе жабры или что-то подобное.

Неплохо.

— В чем состоит твое задание?

— Доказать или опровергнуть теорию резиновой ленты по отношению к открытию

сыворотки Осириса. — Леон изобразил приступ рвоты и указал на модель на экране. — Короче, я понимаю, что она должна измениться. Не может быть, чтобы она не изменилась. Если бы случилась масштабная эпидемия чумы, мир не был бы прежним, верно? Магия как чума. Она влияет на все, поэтому события не остались бы прежними. Это слишком большой фактор. Но я не могу заставить ее заработать. Ладно, скажем, все, что светится синим — это магия, верно? Я попытался вытащить все ниточки одного цвета, чтобы сделать немагическую модель, и ничего. Смотри, я прокрутил ее на десять лет. Вот.

Леон щелкнул по клавишам, и экран разделился надвое. С левой стороны, всеми цветами радуги переливалась оригинальная туманность. Справа образовалась новая туманность. Все голубые ниточки из нее исчезли, но ее форма осталась прежней.

— Ты уже справился на девяносто процентов, — сказала я ему. — Это пространственно-временной континуум, Леон.

— Я это знаю.

— Тогда о чем ты забыл?

— Понятия не имею. Невада, просто помоги мне, пожалуйста. Пожалуйста.

Я ввела новые параметры.

— Ты забыл, что всему требуется время.

На экране счетчик времени закрутился вперед, пролистывая десятилетия. Туманность слева оставалась неизменной, но ее копия справа вытянулась, приобретая новую, необычную форму. Счетчик щелкнул. Одна сотня лет. Две сотни лет. Он остановился на тысяче. Леон уставился на совершенно другое созвездие из нитей.

— Ты просто не дал ей достаточно времени, — пояснила я. — Это словно две дороги, ветвящиеся друг от друга. Сперва они близки и идут в одном направлении, но чем дальше, тем больше они отдаляются. В начале, магия мало что изменила. Но с каждым поколением она преобразовывала наш мир все сильнее и сильнее. Подумай об этом. Без магии у нас не было бы Домов или Превосходных. Кое-какие вещи, возможно, были бы такими же, потому часть нитей осталась относительно нетронутой в течение промежутка времени, но другие были бы совершенно другими. Неизбежно будут затронуты все нити, и чем дальше, тем больше мир станет отличаться.

Он опустился на кровать.

— Сколько у тебя ушло на это времени?

— Три дня. Я была расстроена и пробовала разные подходы один за другим, пока не поняла, как все устроено.

— Две недели, — глухо произнес он. — Я занимаюсь этим уже две недели. Ты знаешь, за сколько справился Берн?

— Понятия не имею.

— За четыре минуты. Я проверил школьный журнал. Он удерживает рекорд.

Я вздохнула.

— Леон, Бернارد — Магистр Экземлярия. Он распознает структуры. Коды и шифры говорят с ним так же, как танки говорят с бабулей Фридой. Вероятно, он нашел решение в течение первых тридцати секунд, а оставшиеся три с половиной минуты для развлечения пытался найти альтернативные варианты.

— Я так не могу. — Леон осунулся, упав духом. — Я пытался сделать то же, что Берн, и просто не смог. Я такой лузер.

Только не это снова.

— Ты не лузер.

— У меня нет магии.

Магия была забавной вещью. То, что делали мы с Каталиной, было, в общем-то, из одной области, но магия Арабеллы была не просто не с нашего поля, а лежала далеко за его оградой. Все в нашей семье обладали магией, кроме моего отца, но Леон не был его прямым родственником. Его мать была сестрой моей мамы. Все признаки говорили, что у Леона тоже есть магия. Просто она еще не выбрала подходящего момента, чтобы проявиться.

— Твой талант проявится, — сказала я.

— Когда, Невада? Сначала было «когда ему исполнится семь или восемь», затем «когда он пройдет переходной возраст». Ну вот, я прошел переходной возраст. Где, черт возьми, моя магия?

Я вздохнула.

— Я не могу на это ответить, Леон.

— Жизнь — отстой. — Он взял свой ноутбук. — Спасибо за помощь.

— Всегда пожалуйста.

— Насчет Чокнутого Рогана...

— Вон!

— Но...

— Спокойной ночи, Леон!

Он потопал вниз. Бедный ребенок. Леон так отчаянно хотел быть особенным. Он не был сильным и крупным, как его брат. У него не было магического таланта Берна, и он не преуспевал в учебе, как он. Берн был звездой борцов в старшей школе, и многие люди приходили на его поединки. Леон же бегал кросс. Никому не было дела до кросса, кроме самих бегунов. Другие люди на его месте возненавидели бы своего старшего брата, но Леон любил Берна с практически щенячьей преданностью. Когда Берн в чем-то преуспевал, Леон практически светился от гордости.

Когда он был маленьким, я читала ему детские книжки. Одна из них была про пёсика, который заблудился в лесу, с картинкой маленького золотистого щенка среди высоких темных деревьев. Леон с Арабеллой оба ойкнули, когда мы дошли до этого места. За всем своим сарказмом, он оставался все тем же маленьким, впечатлительным мальчиком с большими глазами. Я искренне хотела, чтобы его магия уже наконец-то себя проявила.

Глава 7

Я сидела практически в полной темноте. Вокруг меня пещера простиралась в глубокую-глубокую тьму. Наблюдающую за мной. Дышащую холодом, который пронизывал меня до костей. Джунгли ждали за выступом коричневой стены. Снаружи кто-то подкрадывался, кто-то с большими злобными зубами. Я не могла его видеть или слышать, но знала, что он там поджидает. Остальные фигуры отдыхали рядом со мной полосами более глубокой темноты. Они тоже знали о нем.

Пещера дышала. Что-то кусало меня за ноги, и я знала, что это были клещи, и мне следовало их снять, но пошевелиться казалось невыносимым. Я была слишком уставшей.

Где-то снаружи были ищейки, ожидающие малейшего всплеска магии. Отчаяние прошло. Эмоции тоже. Теперь мы превратились в тупых животных, пытающихся добраться из точки А в точку Б. Животных, которые не говорили, а общались одним только взглядом, и двигались как одно целое.

Водянистый зеленый свет слева сообщил, что кто-то пожертвовал светящейся палочкой. Тени вокруг меня задвигались, будто мотыльки, влекомые к этому жалкому подобию настоящего огня, голодные, грязные, тянущие друг к другу руки в поисках человеческого прикосновения в этом кошмаре.

Меньшая тень юркнула в сторону и попала под чей-то нож. Другая пискнула и умерла. Крысы. Что ж, хотя бы сегодня мы поедим...

Я села в постели. Обрывки кошмара парили вокруг меня, тая. Я нащупала лампу на ночном столике и включила ее дрожащими пальцами. Загорелся приятный электрический свет. Телефон рядом с лампой показывал почти два часа ночи.

Я не была в ужасной пещере. Я была в своей спальне.

Я чувствовала липкий пот по всему телу. У меня и раньше бывали кошмары, но этот отличался. Тягостный, леденящий и безнадежный. Комната казалась нереальной, а пещера — напротив. Она была слишком реальной и ждала меня за стенами. Я была в ловушке.

Я задрожала.

Подтягивание одеяла к груди и сжимание его никак не помогло мне успокоиться.

Я оглядывала спальню расширившимися глазами. Теперь я уж точно не усну. И свет ни за что не выключу. Желудок заурчал. Я ушла спать без ужина. Была слишком уставшей, чтобы поесть.

Если я так и буду сидеть в кровати и дрожать, то это ничего не даст. Что мне нужно — так это встать и спустится вниз на нашу чистенькую современную кухню, выпить чашечку ромашкового чая и съесть что-нибудь, не похожее на крысу. Например, печенье. Печенюшки как раз меньше всего напоминали крыс.

Я отбросила одеяло, натянула лосины и открыла дверь, отчасти ожидая увидеть за ней стены пещеры.

Никакой пещеры. Никаких тайных врагов с жуткими клыками, поджидающих в темноте. Просто старый знакомый склад.

Я на цыпочках спустилась по лестнице и прошла по коридору на кухню. Настольная лампа горела, и теплый электрический свет заливал дверной проем. Роган сидел за столом, перед ним был открыт ноутбук. Он склонился вперед, подбородок покоился на груди. Глаза были закрыты. Казалось, стул уменьшился в размере. Он был так хорошо сложен, что было легко забыть, насколько он огромный. У него были широкие крепкие плечи, мощная грудь и руки, созданные ломать и крушить противников.

Его волосы не были достаточно длинными, чтобы спутаться, но они казались взъерошенными и неаккуратными. На челюсти проступила темная щетина. Он утратил какую-то часть своей убийственной силы, которая делала его таким устрашающим. Он выглядел простым, немного грубоватым человеком. Я представляла его именно таким, растянувшимся на кровати рядом со мной.

Чокнутый Роган в спящем режиме. Все его титулы — Превосходный, герой войны, миллиардер, майор, мясник, бич — были сброшены у его ног. Остался лишь один Коннор, и он был невыносимо сексуален.

Я могла бы просто развернуться и подняться обратно в спальню, но я хотела, чтобы он открыл глаза и поговорил со мной. Мама рассказывала мне, что бывшие солдаты могут засыпать где угодно и как угодно. И они плохо реагируют, когда их резко будят.

— Роган, — позвала я его, стоя в дверях. — Роган, проснись.

Он тут же очнулся, перейдя из сна в полную готовность в мгновение ока, будто бы по

щелчку переключателя. Синие глаза сфокусировались на мне.

— Проблемы?

— Нет.

Я прошла в кухню. Электрический чайник или кофеварка? Кофеварка была быстрее. Я достала из шкафчика чашку, опустила в нее чайный пакетик и стала смотреть, как кофеварка наполняет ее горячей водой.

Он проверил ноутбук.

— Почему ты не спишь? Я думал, мы договорились, что ты будешь отдыхать.

— Мне приснился кошмар. — Я вытащила банку с печеньем из кладовки и принесла ее вместе с чаем на стол.

Он выпрямился, расправляя плечи, и слегка потянулся. Спать на стуле было явно неудобно.

— Чем занимаешься? — Я заглянула в его ноутбук. Кадр из видео, где «субурбан» проезжает мимо нашего «рендж ровера», замораживая за собой дорогу. Должно быть, он пересматривал кадр за кадром, пытаюсь найти пропущенную им зацепку.

— Багу ведь очень хорошо удаются такие вещи, ты же знаешь, — сказала я ему.

— Знаю. — Он отодвинул ноутбук в сторону. В уголках его голубых глаз все еще таилась сонливость.

Перед ним стояла чашка кофе. Я ее стащила.

— Я еще не допил.

— Кофе уже холодный. Я подогрею его, чтобы тебе было, что пить. Нельзя есть печенье всухомятку. — Я сунула кружку в микроволновку. — Почему ты не спишь на своем надувном матрасе?

— Я работал. О чем был твой кошмар?

Микроволновка звякнула, я достала чашку и поставила ее перед ним.

— Я оказалась в ловушке в пещере. Там было темно и холодно. Нечто страшное ожидало меня снаружи, потом кто-то поймал крысу, и я знала, что мы будем ее есть.

Я передернула плечами и отхлебнула чая. Он был почти обжигающим, но мне было все равно.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Это не твоя вина. — Я открыла пластиковую банку с печеньем, вытащила оттуда толстую шоколадную печенючку и протянула ему. Он забрал ее и надкусил.

— Вкусное печенье.

— Угу.

Я разломала свое печенье напополам и укусила половинку. Бывали в жизни такие времена, когда сахар превращался в лекарство. Это был как раз тот случай.

— Ты сама пекла?

— Ха. Если бы. Скорее всего, Каталина. Я не умею готовить.

Он нахмурился.

— Что значит, ты не умеешь готовить?

— Ну, я могу сделать неплохой панини, но на этом все. Я смотрю на это так: кто-то приносит на стол еду, а кто-то ее готовит. Я отношусь к первому типу.

Он озадаченно смотрел на меня.

— А ты умеешь готовить, мистер Я-Превосходный?

— Да.

— Разве у тебя нет для этого людей?

— Мне нравится знать, что в моей еде.

Я поставила локоть на стол и положила подбородок на руку.

— Кто научил тебя готовить? — Он мне не расскажет, но ради возможности узнать его поближе стоило попытаться.

— Моя мать. Однажды летом, когда ей было шесть, ее семья праздновала день рождения ее старшей сестры в Испании. Ее сестра обожала заварные пирожные, поэтому на кухне приготовили целую башню этих сладостей с шоколадным кремом и сахарной присыпкой. Для моей матери это было лучшим, что она видела на тот момент.

Его голос был тихим, почти интимным. Я могла бы просто сидеть и слушать, как он говорит, всю ночь.

— Пока взрослые расставляли на башне свечи, ее пятилетний кузен стащил пирожное и съел. Для моей матери это было возмутительным, ведь пирожные предназначались для ее сестры, поэтому она дала ему затрещину. Его сестра, Маргерита, восприняла это на свой счет. Они затеяли перепалку прямо на лужайке. Половина детей начала драться, другая половина рыдать, и поэтому всех отправили по своим комнатам без десерта. Башню накрыли пленкой, потому что их мать была твердо намерена продолжить праздник, когда все успокоятся. Кузен умер спустя полчаса.

У меня екнуло сердце.

— Отравлен.

Роган кивнул.

— У них была долгая вражда с другим Домом.

— Они метили в детей?

— Дети — это будущее любого Дома. Когда моей матери было четырнадцать, она убила виновников, обрушив их летнюю виллу.

Почему-то меня это не удивило.

— Мать готовила мне еду сама, из тех продуктов, что она выращивала или покупала. Потом я сам научился готовить. Как думаешь, кто приготовил гору оладьев, которую лопал Августин на своем посвящении?

— И ты ничего не подмешал в те оладушки?

— Нет. Это было бы несправедливо. — Он улыбнулся мне резкой, довольной волчьей ухмылкой. — Вопрос: ты хотела бы, чтобы я тебе что-нибудь приготовил?

— Например?

— Чего бы тебе хотелось?

Секса.

Роган подался вперед, под рукавами футболки перекачивались мускулы. На лице появилось задумчивое выражение. В том, как он смотрел на меня, было что-то хищное; это не было страхом от присутствия того, кто представляет реальную опасность. Это было ощущение непосредственной близости человека, который хотел соблазнить меня. Мной овладело предвкушение. Неужели он действительно выдернул ощущение вождения из моей головы? Наверно, это просто совпадение.

Он протянул руку.

Я напряглась.

Его пальцы проскользнули так близко от моих, что на мгновение я решила, что они соприкоснутся. Он стянул оставшуюся половинку моего печенья и смотрел на нее.

— Это мое, — сказала я.

— Угу.

— Тут стоит целая банка печенья.

В его глазах блеснула искорка.

— Я хочу это.

— Губа не треснет? Дай сюда. — Я протянула руку.

Он посмотрел на печенье и медленно поднес его ко рту.

— Коннор, даже не вздумай.

Он закинул в рот печенье и прожевал его.

— Я забрал твое печенье и съел. Ты собираешься с этим что-то делать?

Я играла с огнем. Ладно. Он съел мое печенье, я выпью его кофе. Я потянулась за его чашкой. Она ускользнула от моей руки и остановилась возле него.

— Так нечестно.

— Дело не в честности, а во вкусном печенье.

— В таком случае, шиш тебе, а не печенье. — Я схватила банку и поставила ее перед собой. Она взлетела в воздух, повиснув над нами. Моя полупустая чашка чая взвилась ракетой и приземлилась на дальнем конце острова. Так, с меня хватит. Это была моя кухня.

Я вскочила и направилась в обход стола.

Он поднялся, и его руки сомкнулись вокруг меня. Его прикосновение было легким, но я точно знала, что сбежать не выйдет. Он меня поймал.

Всего два слоя тонкой материи отделяли меня от него. На мне даже не было бюстгальтера. Моя грудь прижималась к его твердой груди, а руки лежали у него на плечах. Низкое, настойчивое чувство начало нарастать между моих ног. Я хотела прикосновений и ласк.

Он смотрел на меня, будто я была самым прекрасным существом в мире.

— Что мы делаем? — спросила я севшим голосом.

— Ты прекрасно знаешь, что мы делаем.

Его дыхание стало глубже. Желание и похоть витали в его глазах. Я заглянула в их глубину, ища знакомую ледяную тьму, но она исчезла. Мне удалось ее прогнать. Он был полностью сосредоточен на мне, и я упивалась его вниманием. Боже, я хотела его.

Я провела руками по его предплечьям, чувствуя, как их твердые мышцы напрягаются и вздуваются от нажатия. Он издал низкий мужской рык, но не шелохнулся. Его твердое тело было напряжено рядом с моим, но не сдвинулось ни на дюйм.

Меня озаорило, что он ждет моего выбора.

— Ты очень терпеливый.

— Я могу быть хорошим драконом, когда этого требует случай.

Я облизала губы. Его взгляд переключился на мой язык.

Пора уже что-то решать. Больше я не выдержу. Мы или займемся этим, или мне срочно нужно топтать наверх. Я была взрослой женщиной, черт побери. Я чуть не умерла меньше двенадцати часов назад, а он был здесь, защищая меня, делая все, чтобы моя семья пережила эту ночь. Он был не обязан это делать. Может, он и был социопатом, но даже так, по какой-то причине, я была для него важна. В это мгновение, прямо сейчас, он принадлежал мне.

— На этот раз тебе не стоит таким быть.

— Не стоит быть каким?

— Не стоит быть настолько хорошим.

Он развернул меня. Моя спина прижалась к кухонной стене. Его огромное, мускулистое тело поймало меня в ловушку. Его голубые глаза смеялись.

— Насколько плохим мне позволено быть?

— Не знаю. Давай это выясним.

— Постарайся не кричать. — Он подмигнул мне.

Его магия коснулась моей кожи прямо над коленкой, знакомым бархатным давлением. Его руки погладили мои, прижимая их к стене. Постарайся не закричать, ага. Вот же самоуверенный болв...

Давление лопнуло, рассыпаясь по моей коже покалывающим жаром. О боже.

Я охнула, и его рот завладел моим, поглощая звук. Его вкус затопил мои чувства, переполняя меня. Я хотела его коснуться, но он крепко держал, прижав мои запястья к стене своей левой рукой.

Его магия прошла по моей коже, скользнув в сторону, к чувственной точке чуть выше колена на внутренней стороне бедра. Прикосновение казалось грубоватым, слегка походило на ожог, и было чуть болезненным, но больше всего оно напоминало наслаждение. Задержавшись, он заскользил вверх, всё выше и выше, воспламеняя мою чувствительную кожу и нервы. Голова кружилась. Мне хотелось секса. Хотелось, чтобы он был во мне прямо сейчас. Я хотела ощутить всю его длину внутри себя, почувствовать, как содрогнётся на мне его тело.

Я застонала в его губы. Он целовал меня, мародерствуя во рту, так что гладкое тепло его языка брало верх, и я дразнила его своим языком, покусывая за нижнюю губу. Грудь казалась тяжелой и налившейся; тело стало податливым. Он весь состоял из жестких мышц и грубой силы, и я тянулась к нему, соблазняя, заманивая. Он застонал.

Его магия перекинулась на внутреннюю сторону бедра и лизнула чувствительные губы вокруг моего клитора бархатистым язычком. Меня затопила волна удовольствия, и я вскрикнула. Он поймал мой крик, заглушив его поцелуем.

Между ног нарастал жар, гремучая смесь боли и наслаждения. Я дышала слишком часто и хотела его еще больше.

Пожалуйста. Пожалуйста, еще. Еще.

— Ш-ш-ш, детка, — прошептал он мне на ухо хриплым от желания голосом. Он целовал меня снова и снова, прокладывая дорожку из поцелуев по моей шее. Каждое прикосновение его губ вызывало во мне сладостную дрожь. — Ты так прекрасна. Ты даже не представляешь.

Я хотела видеть его.

— Отпусти меня, Коннор, — прошептала я.

Он помедлил секунду и отступил.

Я стянула его футболку и жадно уставилась, вбирая надежную силу его плеч, мощной груди, ровные жесткие линии живота за единственную заряженную секунду. Его чисто физическая сила была подавляющей. У него было то тело, которое заставляет женщин вздыхать, потому что они знают о невозможности к нему прикоснуться. И вот он здесь, весь мой. Не фантазия. Не картинка на экране. В реальности, прямо тут.

Его руки задрали мою футболку. Сняв ее, он подхватил меня и усадил на кухонный стол, проскользнув между моих ног. Мои соски были холодными, и когда он притянул меня к себе, они прижались к его горячей груди.

Я обхватила его руками, чувствуя, как перекачиваются мускулы на его спине в ответ на давление моих пальцев. Я зашла так далеко, что чувствовала себя опьяненной.

Он целовал мое горло, прокладывая жаркую дорожку вниз по шее. Я поймала его губы и поцеловала, быстро и жадно. Я торопилась.

— Назови мое имя снова, — прорычал он мне на ухо.

Его магия лизала меня, и каждое движение подталкивало все выше и выше. Из-за этого кожа горела, словно от пощечин. Это было за пределами всего, что я когда-либо пробовала, но ощущения были потрясающими. Аааа... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста....

— Назови мое имя, Невада.

— Коннор.

Его магия затапливала меня, выжимая удовольствие. Я пылала в огне. Я впивалась ногтями в его спину. Это была сладкая пытка, и я не хотела, чтобы она завершилась. Он нагнулся и стал дразнить загрубевшими пальцами мои соски. Его рот сомкнулся на одном из тугих ноющих бутон, и он начал посасывать его.

Я выгнула спину в ответ на влажное поддразнивание его языка. Еще. Еще.

Мы занимались сексом на кухонном столе. Часть меня кричала одуматься, но к ней было невозможно прислушаться.

Я нашла его ремень, расстегнула его и запустила руку внутрь.

Святой боже. Мне могут понадобиться обе руки.

Он издал хриплый мужской звук, и я заскользила рукой вверх-вниз по его члену, лаская гладкую кожу...

Его телефон запищал.

— Черт! — Роган схватил трубку. — Что?

Резкий мужской голос выплюнул несколько слов, достаточно громко, чтобы даже я их услышала.

— На большой скорости приближается фура и четыре мотовездехода.

Дерьмо. Мотовездеходы, легкие бронированные машины, служили армейской версией «джипов». На них передвигались солдаты, и каждый мог вместить четырех человек и иногда пулеметчика, а значит, к нам приближалось больше дюжины противников. У нас будет большая компания. Я схватила свою футболку и бросила Рогану его. Он поймал ее одной рукой.

— В каком направлении?

— Они только что свернули на западную подъездную дорогу.

Подъездная дорога позволяла грузовикам подниматься к задней части склада. Мы использовали ее для танков и бронированной техники. Они собирались напасть со стороны гаража.

— Поправка, не фура. Грузовик с цистерной.

Все лучше и лучше.

— Время? — рявкнул Роган.

— Шестьдесят секунд.

Роган помчался в гараж, на ходу натягивая футболку.

Я побежала к пульту сигнализации и ударила по кнопке внутренней тревоги. По складу прокатился громкий металлический писк. Я нажала на кнопку интеркома.

— Цистерна и четыре вездехода движутся к нам по западной подъездной дороге.

Я поспешила в гараж. Две промышленные гаражные двери были подняты, из

прямоугольных проемов лился свет уличных фонарей. Роган вышел на свет и направился вниз по улице. Безоружный.

Я ввела на ноутбуке правильную последовательность и появилась трансляция с четырех камер. Я нажала интерком.

— Я в гараже.

В гараж влетела бабуля Фрида в своей пижаме с желтыми утятами.

— Бабуля здесь, — добавила я.

— На позиции, — доложила мама.

— Я на месте, — сказал Берн со своего поста в Хижине Зла.

— Матильда с Корнелиусом у нас, — отчиталась Каталина.

Я услышала рев набирающего скорость грузовика с цистерной. Время вышло.

Мне была нужна убойная сила. Я взяла дробовик AA-12 из оружейного шкафа, открыла магазин, защелкнула двенадцатипатронную обойму, содержащую фугасные Фраг-12, и схватила гранату.

Краем глаза я увидела, как бабуля Фрида сдернула брезент с Ромео. Настоящим именем Ромео было M551 Шеридан. Это был легкий бронированный танк. Он нес на себе девять противотанковых ракет «Шелайла», и бабуля поддерживала в его идеальном состоянии.

Я подбежала к гаражной двери и выглянула наружу. Грузовик мчал на нас по подъездной дороге, даже не собираясь сбрасывать скорость. За зеленой кабиной вырисовывалась продолговатая цистерна. Черт его знает, что было в той цистерне. На такой скорости, грузовик мог протаранить склад, разорвав стены как бумагу и вывернув по ходу все свое содержимое.

Я не могла позволить ему добраться до склада.

Позади меня с ревом завелся Ромео. Для эффективной работы, он требовал экипажа из четырех человек — командира, заряжающего, наводчика и водителя. Когда бабуля его развернет, в нас уже врежется грузовик.

Роган зашагал по дороге. Очевидно, он решил сыграть с автоцистерной в «кто первый струсит».

Я побежала следом за ним. Если мне удастся закинуть под грузовик гранату, она разнесет его раньше, чем он достигнет склада.

Цистерна мчалась на нас.

Двадцать ярдов между цистерной и Роганом.

Пятнадцать.

— Уходи с дороги! — закричала я.

Десять ярдов.

— Коннор!

Грузовик врезался в пустой воздух. Его капот согнулся, сокрушенный ударом невидимого молота и оторвался. Черные детали двигателя выворотило, словно грузовик вырвало, и рассыпались от удара. Верхняя часть кабины сложилась. Лобовое стекло взорвалось тысячей осколков и рассыпалось на открытый мотор.

Мать моя женщина.

Грузовик все еще ревел, пытаясь продвинуться вперед. Его шины вертелись, выбрасывая едкий дым, а затем взорвались двумя громкими хлопками.

Позади нас взревел танковый двигатель. Я посмотрела через плечо. Ромео вырвался из гаражного отсека и повернул налево, прочь от нас и грузовика, за угол к противоположной

стороне склада. Силы нападающих должны были разделиться.

Двигатель грузовика лопнул с визгом и скрежетом и начал заворачиваться назад, складываясь. Металл трещал, стонал и рычал, складываясь плотнее, загибаясь назад от капота к кабине.

Я невольно остановилась, а мой мозг лихорадочно пытался понять, что я видела.

Он скатывал грузовик, словно полупустой тюбик зубной пасты.

Громкий грохот прорезал ночь. Бабуля Фрида выстрелила из Ромео.

Роган шагнул вперед. Грузовик съехал назад.

Еще шаг. Грузовик скользнул дальше.

Цистерна взорвалась. Меня ударило взрывной волной. Я отлетела назад, когда огромный огненный шар взревел, расцветая в ночном небе ослепительно белым в центре, затем желтым, а потом темным уродливым оранжевым. Я сжалась в комок, пытаюсь прикрыть голову, и ударилась об асфальт боком и спиной. Ой. Что-то в спине хрустнуло. Обломки горящих поддонов застучали вокруг меня.

Бензин не воспламеняется от выстрела. Можно разрядить целую обойму в машину с полным бензобаком, и ничего не произойдет. Они должны были начинить цистерну взрывчаткой для дистанционного подрыва. Этот огромный огненный шар предназначался для моей семьи.

Кусок дерева врезался в руки, обжигая. Черт. Я пнула обломок поддона подальше от себя и вскочила на ноги.

Улица была пуста, если не считать огромного пламени. Где же Роган? Он погиб? Пожалуйста, только не погиб...

Огонь ревел как животное. Ветер завыл, и огненный шар лопнул, превращаясь в торнадо из языков пламени. Смерч закрутился и пополз вбок, словно какой-то огромный обезумевший волчок. Свет от его огня осветил склад через улицу, и я увидела Рогана, вжавшегося в узкую щель рядом с кондиционерами.

Торнадо подбиралось к нему.

Если огненный вихрь его найдет, он сгорит заживо. Маг, управлявший торнадо, должен был находиться дальше по улице, в одном из вездеходов, следовавших за цистерной.

Я перепрыгнула бетонное ограждение, отделявшее меня от двух приземистых зданий «ОКР Индастриз» и прошмыгнула в узкий проход между ними. За мной раздался раскат грома. В воздухе запахло озоном.

Проход окончился. Я выглянула за угол. Передо мной, двое мужчин в тактическом снаряжении с автоматами стояли на краю улицы, скрытые от Рогана фасадом здания «ОКР». Третий, в позе мага — руки согнуты в локтях, ладони вверх — парил в трех футах над землей. Аэрокинетик.

На улице позади них один из вездеходов представлял собой раздавленное месиво с куском автоцистерны, торчащим из разбитого лобового стекла. За ним толстые стальные шпалы перекрывали улицу. Я была на сто процентов уверена, что их не было, когда я возвращалась домой.

— Он должен быть вблизи того здания. Подвинь его еще вправо, — сказал мужчина рядом с магом; его голос звучал с акцентом.

Я сделал глубокий вдох, собираясь с силами. Мне следовало взять с собой винтовку.

— Вот так. Поджарь его.

Я собралась с духом, положила дробовик на плечо и выстрелила. Автоматический

дробовик рывкнул, выплевывая смерть. Боевой дробовик АА-12 выпускал три сотни зарядов в минуту. Каждый трехдюймовый патрон в обойме содержал крошечную боеголовку, которая освобождалась спустя три метра вылета из дула и взрывалась при попадании.

Я всадила две пули в мага, прежде чем он понял, что происходит. Фугасные пули попали в его тело, разрывая плоть. Он даже не закричал. Просто рухнул, но я уже перевела дробовик на его приятелей. Пять пуль покинули дуло. Еще два тела дернулись и беззвучно упали, превратившись в человеческое мясо.

С противоположной стороны улицы загремели выстрелы. Пули жужжали, выбивая куски здания рядом со мной. Я нырнула обратно в проход. Пять пуль на двух человек с такого расстояния было перебором. У меня слишком подскочил адреналин. Нужно успокоиться, или я запаникую, и меня убьют.

Я схватила гранату, выдернула чеку и швырнула ее через улицу. Грохот взрыва раскатился в ночи. Я выглянула и тут же дернулась обратно от задевшей мое плечо пули, похожей на жгучую пчелу. Я в них не попала. Черт.

Справа от меня, маг ветра корчился на земле в конвульсиях. Он должен был умереть. Как это он еще не мертв?

Огненный смерч попал в мое поле зрения, двигаясь широкими зигзагами по парковке по направлению ко мне. Невыносимый жар поглотил весь воздух, словно костер дохнул мне в лицо. Было больно дышать. Я попятилась в закоулок.

Маг все еще дергался. Я подняла дробовик и выстрелила, попав ему в голову. Огонь пронесся надо мной и осыпался вниз. Я побежала из прохода обратно в сторону дома и вылетела на парковку.

За нашим складом с другой стороны здания, молния прорезала небо, вспыхивая снова и снова, в ответ на непрерывное стакато выстрелов. На улице догорали останки автоцистерны, оранжевые языки пламени сражались с темнотой.

Ночь прорезали выстрелы. Я развернулась. Вероятно, это были те же самые люди, которые стреляли в меня с противоположной стороны улицы, когда я убила мага. В этот раз они стреляли не в меня. Они не могли видеть меня из-за здания, так что мишенью, должно быть, был Роган.

Искореженный обломок кабины грузовика пролетел по улице, словно выпущенный из пушки. Лязгнул металл, и выстрелы прекратились. Ха!

Я обернулась и увидела его прислонившимся к зданию напротив. Он сполз вниз. Ранен? Меня пронзил страх. Нет, крови нет. Не ранен. Устал. Роган просто выдохся.

Тени перемахнули через остатки цистерны, на мгновение оказавшись подсвеченными пламенем. Безволосые, сморщенные, ростом чуть выше метра, они не напоминали людей, как и ни одно знакомое мне животное. Их ноги сгибались назад, будто задние лапки какого-то демонического кузнечика, а спереди их тела изгибались вверх, оканчиваясь двумя мускулистыми конечностями с парой когтей, длиннее моей руки, и головой динозавра с круглыми желтыми глазами и чашей зубов.

Твою дивизию.

Ближнее существо испустило ликующий кровожадный визг. словно по команде, вся стая рванула к укрытию Рогана.

Черта с два.

Я вскинула дробовик и выстрелила.

Первая пуля угодила вожаку в брюхо, ничуть его не замедлив. Я нажала на курок и

продолжила стрелять. Заряды Frag-12 вгрызались в плоть чудовищ, разрывая их тела. Посыпались странные кишки. Воздух наполнил ужасный кислый смрад. Создания падали, одно, два, три... Семь зарядов как не бывало.

Вожак был слишком близко к Рогану. Если я буду стрелять в зверя, то попаду в Рогана. Тварь прыгнула почти на десять футов, летя к нему, черные когти приготовились впиться в плоть. Роган увильнул, словно его суставы были жидкими. В руке блеснул нож. Он сделал обманный маневр и вонзил нож твари в бок. Создание забилося, царапая Рогану грудь. Тот продолжал колотить с жестокой эффективностью, погружая нож в морщинистое чужеродное тело снова и снова, перерезал горло твари, и отбросил ее в сторону, его нож был весь в крови.

Всего двадцать ярдов отделяли меня от трех оставшихся существ. Они развернулись и бросились на меня. Я выстрелила дважды. Дробовик щелкнул, опустев, израсходовав снаряды; одна тварь лежала на земле без движения.

Первый зверь прыгнул, вскинув когти, словно серпы. Я отскочила в сторону и замахнулась дробовиком словно дубинкой. Последовал удар, но тварь была слишком огромной. Я с таким же успехом могла ударить ее мухобойкой. Зверь начал крутиться.

Кусок металла врезался ему бок, сбивая его с ног. Роган.

Вторая зверюга врезалась в меня, сомкнув когти на дробовике. Я ударилась спиной об асфальт и вцепилась в оружие, стараясь удержать его между нами. Роган побежал ко мне через улицу.

Динозавровая пасть распахнулась. Монстр встал на дыбы, собираясь наброситься и убить.

Через меня перелетело темное гибкое тело. Зубы Банни блеснули и сомкнулись на горле создания. Доберман развернулся всем телом, бросив весь вес в укус. Морщинистая плоть на шее зверя разорвалась. Банни, рыча, приземлился на асфальт. Я поднялась на ноги.

Монстр изумленно содрогнулся, покачал головой... Череп существа взорвался красным. Я даже не услышала выстрела.

Мама.

Хлопнуло еще два выстрела, один, второй, практически без паузы. Первый убил оставшееся создание в прыжке, когда тот пытался разорвать Рогану грудь. Вторым пристрелил кого-то вне моего поля зрения.

Ночь была тиха.

В десяти футах от меня стоял Роган, с таким видом, будто на его руках было недостаточно крови. Внезапная тишина была оглушающей.

Все было кончено.

— Шестнадцать людей, — доложил помощник Рогана, ответственный за команду обороны склада.

Его звали Майкл Ривера, и он имел спортивное телосложение бойца смешанных боевых искусств в легком весе — мог сойти за обычного человека, пока не напрягал мышцы — тогда становилось понятно, что он может переломать тебе кости голыми руками. Ривере было слегка за тридцать, латиноамериканец, довольно смуглый с темными волосами и до нелепости веселой, доброй улыбкой. Когда он улыбался, все его лицо освещалось. После того, как он начал улыбаться, глядя на одиннадцать трупов аккуратно положенных в ряд на нашей улице, улыбка начала вызывать тревогу.

Роган смотрел с бесстрастным лицом. Он обещал, что если кто-нибудь побеспокоит мой

сон, они уснут навечно. Он сдержал слово. Длинный порез, пересекавший его грудь, сейчас был скрыт повязкой. Рана выглядела неглубокой, но невозможно было сказать, какой яд и бактерии могли быть на когтях этой твари. Я отделалась раной на бедре и несколькими царапинами на пояснице. Медик, обработавший наши раны, защитно кружил вокруг Рогана, готовый начать действовать, но старался не попадаться ему на глаза.

Мои сестры и кузены стояли рядом, прижимаясь друг к другу. Арабелла прикрывала рот рукой. У Каталины были огромные глаза. Она выглядела совершенно взбешенной. Бернард был достаточно мрачен для похорон. Леон по какой-то странной причине казался возбужденным, словно только что покатался на американских горах. Мама прислонилась к дверям. Бабуля Фрида зачем-то нырнула в гараж, и ей требовалось время, чтобы вернуться.

Корнелиус присел рядом с трупами зверей и задумался. Матильда сидела в стороне на каких-то поддонах вместе с Банни. Когда я возразила против ее присутствия при виде мертвых тел, Корнелиус терпеливо объяснил, что они мертвы и не могут ей навредить, и что это ее наследие, и она должна это знать. Она не казалась обеспокоенной, что само по себе было достаточным, чтобы выбить из колеи любого сознательного человека.

— Здесь одиннадцать мертвых, — сказал Ривера. — Двое сгорели в вездеходе, который миссис Афрам сбила из своего танка. Мы собрали останки тел. Двоих невозможно достать, пока сюда не прибудет техника, поскольку майор сбросил на них двигатель грузовика, и мы не смогли его поднять. Еще у нас есть семь МСМ.

— Семь чего? — не поняла я.

— Магически Созданных Монстров, — пояснила мама. — Так называют всех нечеловеческих противников неизвестного происхождения.

— Эти животные не с Земли, — сказал Корнелиус. — Это нечто, призванное из астрального мира.

Отлично. Просто отлично.

— Из этих одиннадцати трое магов, — продолжил Ривера. — Мастер призыва, фульгуркинетик и аэрокинетик.

— Элементалист, — поправил Роган. — Аэрокинетик мог бы создать торнадо, но не смог бы сделать его огненным.

Элементалисты были редкостью. Они контролировали больше одного элемента, обычно воздух в сочетании с водой или огнем. Они почти никогда не достигали ранга Превосходного, но даже на Среднем уровне, они были чертовски опасны.

Наконец до меня дошло. Кто-то по-настоящему пытался убить мою семью. Они пришли с профессиональными солдатами, военным оборудованием и серьезно обученными магами. Меня охватила тошнота. Желудок пытался сжаться и опорожниться. Сейчас это было совсем некстати.

Бронированный автомобиль выехал из-за угла позади нас. Двое людей Рогана вылезли и притаились в поле зрения мужчину, наполовину неся, наполовину волоча его.

— И номер шестнадцать, — четко сказал Ривера. — Который пытался сбежать на оставшемся вездеходе. Мы поймали себе труса. Мы любим трусов.

— Почему? — спросил Леон.

— Они разговорчивые, — сказал Роган. От его голоса у меня по спине побежали холодные мурашки.

Они бросили его на землю. Темнокожий, окровавленный, возрастом между тридцатью и пятьюдесятью. Было сложно сказать из-за всей этой копоти на его лице.

Я посмотрела на Корнелиуса.

— Матильда, — произнес он. — Пожалуйста, зайди в дом.

— Я за ней присмотрю, — сказала Каталина, и ее голос дрогнул. Она забрала Матильду и чуть ли не бегом поспешила внутрь.

— Леон, Арабелла — внутрь, — приказала мама.

— Но... — начал Леон.

— Сейчас же.

Они потопали на склад.

Мужчина посмотрел на меня, подняв перекошенное от страха лицо.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он сжал губы.

— Я могу заставить тебя ответить, — сказала я. — Но я очень этого не хочу. Пожалуйста, просто отвечай на мои вопросы.

На его лбу выступили капли пота и покатались вниз, оставляя чистые дорожки в копоти. Я потянулась магией. Сильная воля. Он выглядел сурово, словно прошел не через один допрос раньше, и это закалило его. Он не рисовался и не давал никаких обещаний. Он просто хранил молчание. С этим потребуется осмотрительность при допросе. Антонио нужно было лишь подтолкнуть, для этого мужика потребуется скальпель.

Ривера посмотрел на Рогана. Роган покачал головой.

— Мел? — попросила я.

Роган запустил руку в карман и вытащил оттуда кусочек.

— Почему ты не стал рисовать круг, когда приближался грузовик? — спросила я.

— Потому что они бы поменяли курс, — сказал Роган. — У них был план, и я хотел, чтобы они ему следовали.

Потому что никто не ожидает, что один человек сможет остановить автоцистерну. Превосходный в круге — совсем другое дело. Я присела и нарисовала усилительный круг на земле: маленький вокруг ступней, чуть побольше вокруг него и три ряда рун между ними. Роган наблюдал с болезненным выражением. Превосходные с рождения практиковались рисовать круги. Мои круги причиняли ему боль.

Я выпрямилась и протянула ему мел.

— Благодарю.

Я вытянула свою магию и обратила ее в круг. Она отразилась назад, словно я подпрыгнула на магическом трамплине. Я продолжила подпрыгивать. Раз, два, три, каждый прыжок был сильнее предыдущего. Четыре. Должно хватить.

Моя магия шелкнула и вцепилась в мужчину мертвой хваткой. Мой голос набрал нечеловеческую силу.

— Скажи мне свое имя.

Ривера округлил глаза. Люди Рогана вокруг нас сделали несколько шагов назад.

Мужчина застыл, крепко сжатый моей магией.

— Рендани Мулаудзи.

— Ваш род занятий, мистер Мулаудзи?

— Наемник.

Его дыхание стало поверхностным и отрывистым. Я практиковалась на своей семье, и мои сестры с радостью мне в этом помогали. Это было игрой. Они пытались утаить от меня правду, а я училась, как осторожно ее из них вытащить. У этого мужчины была сильная воля,

но у Арабеллы она была сильнее. Иногда она теряла сознание, так и не расколовшись, и перед этим у нее ускорялся пульс, и она начинала задыхаться. Мне придется за ним следить.

— Как называется компания, которая наняла вас для этого налета?

— Служба охраны «Скорпион».

— Как долго вы работаете на «Скорпиона»?

— Шесть лет.

— Чем вы занимались раньше?

— Разведкой.

— Южноафриканские силы особого назначения, — сказал Роган.

Неудивительно, что у него была сильная воля. Он не был молодым, а значит, провел не один год в армии, а затем выживал еще шесть лет в качестве наемника.

— Где расположена штаб-квартира «Скорпиона»?

— В Йоханнесбурге.

Южная Африка. Он забрался далеко от дома.

— Сколько подразделений в «Скорпионе»?

— Четыре тактические команды, от шестнадцати до двадцати человек в каждой.

— Сколько команд участвовало в этой миссии?

— Одна.

— Вы были наняты специально для этой миссии?

— Да.

— Кто вас нанял?

— Я не знаю.

— Кто знает?

— Руководитель моей команды.

— Как его зовут?

— Кристофер ван Ситтерт.

— Вы видите его среди мертвых?

— Да.

Ну конечно. Когда бы все было просто.

— Укажите на него, мистер Мулаудзи.

Он указал на один из трупов.

— Какой была цель миссии?

— Устранить следующие цели: Невада Бейлор, Корнелиус Харрисон, Пенелопа Бейлор, Фрида Абрам и Бернард Бейлор в течение двадцати четырех часов по прибытии.

Я никогда еще не была номером один в чем-либо черном списке.

— Что с остальными, присутствующими в доме?

— Их жизни были оставлены на наше усмотрение. Нам не заплатили за их убийство.

— Планировали ли вы убийство детей?

— Я не знаю.

Вопрос вышел слишком общим.

— Лично вы планировали убивать детей?

— Невада, — мягко сказал Роган.

Я подняла руку, давая знак мне не мешать. Для меня это было важно.

— Нет, если они не представляют явную угрозу.

— У вас есть личная неприязнь к перечисленным выше целям?

— Нет.

Я взглянула на Рогана.

— Пока мы не двинулись дальше: он наемник; его наняли выполнить работу и он ее провалил. Теперь он безоружен и пленен.

Глаза Рогана потемнели.

— Ты не хочешь, чтобы я его убивал.

— Нет. Я хотела бы, чтобы ты отправил его обратно в «Скорпион» в подарочной упаковке. Если вся их команда исчезнет, им придется отправить кого-то на разведку. Я не хочу, чтобы они вернулись. В этом случае, им не придется гадать, что случилось. Он расскажет им, что они пришли сюда вооруженные и готовые убивать, и мы оставили в живых только его. Они наемники. Я хочу дать им знать, что игра не стоит свеч.

— Осторожней, — предупредил Роган. — Ты рассуждаешь, как Превосходная.

Я подождала.

— Хорошо, — сказал он. — Мы отправим его обратно к его друзьям.

— Что ты хочешь знать? — спросила я.

— Спроси у него, когда он был нанят.

— Когда тебя наняли?

— Четырнадцатого декабря.

Корнелиус нанял меня четырнадцатого декабря. Вот это скорость.

— Бред какой-то, — пробормотал Ривера. — От Йоханнесбурга до Хьюстона минимум двадцать четыре часа перелета.

— Где вы были, когда получили приказ? — спросила я.

— Монтеррей, Мексика.

— Что вы там делали? — Паузы между его ответами становились все длиннее и длиннее. Скоро мне придется его отпустить.

— У нас было другое задание в Монтеморелосе. Нас перенаправили.

— Монтеморелос в двух часах езды от Хьюстона. Они отозвали их с задания, — сказала мама. — Им требовалась команда извне, чтобы не прослеживалось ее связи ни с одним существующим Домом. Команда «Скорпиона», вероятнее, оказалась ближе всего.

— Опишите ваши действия с момента прибытия в Хьюстон, мистер Мулаудзи.

— Мы прибыли в хьюстонский аэропорт мексиканскими авиалиниями, рейс 2094. Далее мы отправились на оперативную базу.

Роган поднял руку.

— База была организована ими или третьей стороной?

Я повторила вопрос.

— База была организована третьей стороной. Нам выдали оружие и снаряжение, а затем мы посетили брифинг, где показывалось расположение склада и окрестностей. Мы сформировали боевой план. Выждав до оптимального времени, мы привели план в действие. Атака провалилась.

Никаких шуток.

— Какой адрес у этой базы?

Он назвал адрес в Спринге, одном из маленьких городков, которые Хьюстон поглотил по мере своего разрастания, в сорока минутах езды к северу от нас. Ривера сорвался с места, и трое людей Рогана поспешили вслед за ним.

— Что-нибудь еще? — обратилась я к Рогану.

Он покачал головой.

Я отпустила наемника. Он рухнул на землю и свернулся калачиком, закрывая лицо. Его тело затряслось, и до нас донесся низкий, тревожный звук. Он всхлипывал. Я вскрыла его разум при помощи своего магического консервного ключа, выгребла оттуда содержимое и выставила его всем на обозрение. Это было надругательством над его личностью.

Люди смотрели на меня, и их глаза блестели от страха. Несколько из них в тревоге схватились за оружие. Я напугала профессиональных солдат. Я посмотрела на маму. Грусть смягчила ее лицо, уголки ее рта опустились.

Понимание поразило меня. Я была монстром из страшилок. Без меня они допрашивали или даже пытали этого ветерана-наемника. Они бы делали это с пониманием, что он будет сопротивляться, и он не мог винить их за это, потому что на их месте он бы сделал то же самое. В этом была своеобразная профессиональная этика. Что касается меня, я не пыталась. Я сломила его волю, даже не запыхавшись. Каждый из них увидел себя на месте этого наемника. Я могла заставить их рассказать все секреты, и это было куда страшнее Рогана, остановившего цистерну на полной скорости.

Еще никогда в жизни я не чувствовала себя так одиноко.

Роган шагнул между ними и мной с глазами полными чего-то. Что там было — гордость? Восхищение? Любовь? Я держалась за это, словно за спасательный круг. Он понимал. В какой-то момент своей жизни он стоял именно так, пока люди в ужасе смотрели на него. Должно быть, он чувствовал одиночество, потому что сейчас он был здесь и защищал меня от их осуждения.

— Ты — восхитительна, — сказал Коннор Роган, и улыбнулся.

По какой-то непостижимой причине Бернард позволил Леону управлять выносными камерами во время нападения. Они могли вращаться почти на 180 градусов в своих креплениях, так чтобы можно было их точно направить, и именно этим Леон занимался во время боя. Сейчас я находилась в гараже и просматривала запись на компьютере бабули Фриды. И Роган, и Корнелиус, оба стояли со мной, глядя из-за плеча.

Леон решил, что видео нуждается в пояснении, и сопровождал его комментариями по ходу записи. Очевидно, он посчитал все это чрезвычайно интересным.

Камера поймала в кадр два вездехода, приближающихся с севера.

— О да, мы раздобыли себе убийственно крутые тачки, — голос моего кузена доносился из колонок. — Мы так круты, так круты, мы собираемся прикатить и всех поубивать. Погодите-ка, что? О нет, это что танк? Да, это танк. Он направляется прямо к нам. Беги беги, беги... Слишком поздно. Хе-хе-хе.

Передний вездеход взорвался, получив прямое попадание заряда Ромео. Второй вездеход резко свернул и с визгом остановился на узкой улочке рядом с автомастерской, вне поля зрения Ромео. Люди в боевом снаряжении выпрыгнули и побежали в ночь в поисках прикрытия.

Леон приблизил справа изображение мужчины лет сорока, присевшего за вездеходом.

— Я гребаный ветеран. Я видел всякое дерьмо. Я делал всякое дерьмо. Я выжил пять месяцев в джунглях, питаюсь сосновыми шишками и убивая террористов парой старых зубочисток. Я здесь самый отбитый ублюдок.

Позади меня Чокнутый Роган рассмеялся.

— Мне осталось два дня до увольнения. Как только я всех здесь прикончу, я отправлюсь на свою вечеринку по случаю ухода. Там будут подавать креветок на крекерах, и мне подарят

золотые наручные часы, а потом у меня будет кризис среднего возраста, я куплю «порше» и... Вот дерьмо, моя голова только что взорвалась.

По-видимому, моя мать или кто-то из команды Рогана попал наемнику в голову. Кровь и мозги забрызгали вездеход.

Камера резко повернулась вправо, к женщине, пробиравшейся к складу. Она припала к земле за дубом, скрытая низкой каменной стеной рядом с деревом.

— Я смерть. Я призрак. Я найду тебя. Ты можешь бежать, можешь прятаться, можешь умолять, но ничто тебе не поможет. Я приду за тобой во тьме, как ловкая пантера с бархатными лапами и острыми когтями... подождите, мозги, вы куда? Почему вы вытекаете из моей головы? Не покидайте меня!

Я закрыла глаза рукой.

— О, нет, смотрите — мои ноги все еще дергаются. Это так унижительно.

Я убью Берна за то, что он позволил ему это делать. А затем у меня будет серьезный разговор с Леоном.

— У твоего кузена интересное чувство юмора, — заметил Корнелиус.

— Я мистер Качок, — объявил компьютер голосом Леона. Я даже не хотела смотреть это дальше. — Я живу в качалке. У моих зубов есть мускулы, а у моих мышц есть зубы. Я жру гири и сру свинцовыми кирпичами.

Лицо Рогана приобрело расчетливое выражение.

— Нет, — шикнула я.

— Года через три, я мог бы его использовать. Он демонстрирует очень специфическую нравственную гибкость...

— Я лично тебя пристрелю, — пообещала я.

С улицы в гараж ворвалась бабуля Фрида, в сопровождении молодой азиатки в тактическом жилете команды Рогана. Лицо бабушки говорило, что она не потерпит никаких возражений. В руке у нее был зажат баллончик с краской.

— В чем дело, Хань? — спросил Роган.

— Она пометила все вездеходы своими инициалами! — заявила Хань.

— Потому что они мои, — проворчала бабуля Фрида.

— Она не получит все вездеходы.

Лицо Рогана обрело необычайно терпеливое выражение.

— Нет, получу. Я их пометила, значит, они мои.

— Если вы их пометили, это еще не значит, что они ваши. Я могу войти в этот гараж и начать метить вещи направо и налево. Но это не сделает их моими.

— Ага. — Бабуля подобрала увесистый гаечный ключ, и как бы невзначай закинула его на плечо.

— Как ты собралась метить вещи с поломанными руками?

— Не угрожайте мне. — Хань повернулась к Рогану. — Она не может их все забрать.

— Еще как могу, — перебила бабуля, не дав Рогану и рта раскрыть. — Враги напали на нашу позицию; это чрезвычайная ситуация и я, будучи действующим сержантом взвода в этой семье, реквизирую свои машины класса VII. Они на нашей земле.

— Три вездехода — на вашей земле. Тот, что внизу на подъездной дороге — на нашей, — сказала Хань.

— Нгуен, отдай ей вездеходы, — приказал Роган.

Хань раскрыла рот возразить, но тут же его захлопнула.

— Ха! — Бабуля ткнула в Хань гаечным ключом.

— Бабуля..., - начала я. — Если та машина на их земле...

Погодите-ка.

Я резко повернулась к Рогану.

— Что значит вездеходы на вашей земле?

Хань замерла.

Роган выглядел так, будто хотел кого-то придушить.

— Роган?

Он обдумывал подходящий способ уйти от ответа.

— Ты выкупил собственность, прилегающую к нашему складу?

Он закрыл на секунду глаза, затем посмотрел на меня и сказал:

— Да.

— Как много собственности ты купил?

— Немного.

Я уставилась на него.

— А нельзя ли поточнее?

— Все, что находится между Гесснер, Клэй, Блалок и Хемпстед.

Боже праведный. Это были почти две квадратные мили промышленной недвижимости, и наш склад находился прямо посередине его земли. Каждый день я проезжала мимо этих предприятий, и все они выглядели как обычно.

— Когда ты купил эту землю?

— Я начал со дня ареста Адама Пирса.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что ты живешь в гуще индустриальных джунглей, Невада. — Его лицо стало жестким. — Вокруг тебя множество мелких дорог, рядом проходит промышленный транспорт, и здесь больше тысячи мест, где могла бы укрыться команда захвата. Я купил ее, потому что не было другого способа обеспечить должную защиту этого места.

— И ты ее обеспечил? — Я уже давно определила его, как помешанного на безопасности психа, но это уже не лезло ни в какие ворота.

— Да. Теперь эта территория патрулируется, оснащена оборонительными конструкциями и охраняется вооруженным персоналом.

— Нет, Роган. Просто нет.

— Единственная причина, почему они смогли проехать по этой дороге — потому что я им это позволил. Я закрыл на ночь все несущественные дороги. Убедил их, что скрытность — это не вариант. Им пришлось идти напролом на большой скорости, вместо того, чтобы использовать прикрытие, и перерезать вам во сне глотки. Но даже так, нападение подобного масштаба сложно контролировать. Именно поэтому я стоял там и представлял удобную мишень. Теперь у нас есть основательная наводка.

Так вот откуда взялись заграждения с шипами. Стоило догадаться. Когда ты работаешь на Рогана, ему нужно знать, что ты защищен. Он пойдет на что угодно, чтобы оградить тебя от финансового давления со стороны: его компании предоставят тебе кредит на машину, на учебу детей, выкупят твою закладную...

О, нет. Нет, он не мог.

Мой голос мог бы заморозить воздух на складе.

— Роган, тебе принадлежит моя закладная?

— Лично мне — нет.

— Чтоб тебя! — Он не мог завладеть нашим бизнесом. Августин бы ни за что его не продал, поэтому он взялся за мой дом.

— Невада, она в надежных руках. Лично мне она не принадлежит. Она в собственности одной из моих компаний. Я не могу ее отозвать или продать. Условия совершенно точно остались прежними.

— Ты не имел никакого права выкупить мою закладную!

— Я имел на это полное право. Это было правильно. Любой мог ее выкупить и использовать как рычаг.

— Мы с тобой никогда не будем равны финансово; я это понимаю. Но ты не можешь просто скупать мою жизнь по частям! Чтобы между нами что-то было, я должна иметь возможность сказать тебе «нет». Если тебе принадлежит мой дом, я теряю эту способность. Я теряю свою независимость.

— Это смешно.

— Теперь ни одна встреча не будет просто встречей. Любое сообщение от тебя будет приглашением от мужчины, которому принадлежит мой дом.

— Разве я этим воспользовался? Или обмолвился об этом? Может, обернул красивой ленточкой, протянул тебе на серебряном блюдечке и сказал: «Вот твоя закладная, переспшишь со мной?»

— Тебе и не нужно было это делать. Мне достаточно знать, что ты мог.

— Значит, теперь ты обвиняешь меня в том, что я мог бы сделать теоретически?

— Я обвиняю тебя в том, что ты уже сделал. Ты выкупил всю собственность вокруг меня и даже выкупил мою закладную. В любых отношениях я должна иметь право их разорвать. Ты лишаешь меня этой возможности. Ты знаешь, что я пойду на что угодно, чтобы сохранить моей семье крышу над головой.

— В этом даже нет логики, — резко заметил он.

— Правда? Тогда почему ты не рассказал мне об этом?

— Я рассказал, когда ты спросила.

— Давай посмотрим на очередность событий: ты делаешь мне предложение, я говорю «нет», ты покупаешь мою закладную. Тот факт, что ты не рассказал мне об этом, только подтверждает, что ты мог использовать ее, как рычаг. Потому что ты можешь, Роган. Ты используешь все средства в своем распоряжении, чтобы выиграть.

— Я не хочу выигрывать. — На его челюсти заиграли желваки. — Это не какое-то идиотское соревнование между мной и тобой, чтобы проверить, смогу ли я тебя победить. Я не говорил тебе, потому что знал, что именно так ты и отреагируешь.

— Ты знал, что это неверный шаг.

— Очнись, — прорычал он. — Сегодня ночью сюда явилось шестнадцать вышколенных убийц, чтобы тебя прикончить. У них было оружие и техника военного назначения. Они бы загнали сюда цистерну, подорвали взрывчатку и перестреляли бы вас всех, когда вы убежали бы, горя заживо. Ты всерьез считаешь, что твоя семидесятитрехлетняя бабушка в старом танке, хромая мама со снайперской винтовкой, и клетка, полная оружия, способны вас защитить? Это война Домов. Вы уязвимы физически и финансово. Я устранили эти уязвимости.

Его магия бурлила вокруг него в ярости и встретила с моей. Наши силы столкнулись.

— Я не просила тебя их устранять. Они тебя не касались!

— С твоей нормальной жизнью покончено, Невада. Она закончилась, как только ты подписала контракт Харрисона. Когда ты в первый раз засветилась у этих людей на радаре, тебя вынудили выслеживать Пирса. На этот раз ты добровольно полезла в этот переплет. Они больше не станут тебя терпеть. Речь не идет об этике, законах, или благородном соблюдении правил. Речь идет о выживании. Я не говорил тебе, потому что ты отчаянно цепляешься за иллюзию, будто ты все еще нормальный человек с нормальной жизнью, и я пытаюсь сохранить ее для тебя. Я хочу удерживать тебя от падения в реку крови и дерьма настолько долго, насколько смогу.

— Я вошла в эту реку по собственному желанию. Мне не нужна твоя помощь. Убирайся с моей территории, — огрызнулась я.

Роган вышел через открытые гаражные двери на середину улицы, повернулся ко мне и развел руками.

— Теперь я на моей территории. Все теперь в порядке? Все твои проблемы исчезли, и все как не бывало?

— Я его пристрелю, — процедила я сквозь зубы.

— Нет, иначе это будет убийством, — проворковала бабуля успокаивающим голосом. — У тебя был тяжелый день. Давай отложим твою магию в сторону. Знаешь, что тебе нужно? Чашечка хорошего ромашкового чая и успокоительное...

Я развернулась и ушла из гаража. Или так, или я бы просто взорвалась.

Глава 8

Было утро, и мама делала завтрак. Разнообразные животные ели из разных мисок на полу, за исключением Банни, который послушно сидел рядом с Матильдой и пытался не пускать слюни от запаха бекона. Пока я смотрела, Матильда тихонько уронила кусок на пол. Банни заглотил его и продолжил свое бдение.

У мамы было терпеливое выражение лица. Каталина резала клубнику Матильде в тарелку. Арабелла чертила странные узоры на блинчике зубцами вилки. Леон, настолько полный энергии, что хотелось его придушить, пихал в рот бекон. Берн методично уничтожал свою еду. Однажды он бросит притворяться, и расчертит тарелку на графы. Все выглядели уставшими. Никто не разговаривал.

Берн провел ревизию наших финансов. Чокнутый Роган выкупил нашу закладную. Он также выкупил автокредиты и кредитный бизнес-счет. Мы получали документы о смене права собственности на все это, но так как наша закладная уже была один раз продана, мама просто пожала плечами и заполнила бумаги. Небольшая учебная ссуда, которую Бернارد взял в прошлом году в дополнение к стипендии, была единственным, что оставил Роган, вероятно, потому что она проходила по федеральной программе финансовой помощи и не могла быть выкуплена.

— Мы можем выкупить автомобили, — сказала бабуля Фрида. — Я позволила той девчонке забрать последний вездеход, так что у нас осталось два и обгорелые останки. Но две машины в приличном состоянии лишь с небольшими повреждениями. Они — произведение искусства. У меня покупатели выстроились в очередь. Мы можем запросить по триста тысяч за каждый.

— Мы должны оставить один, — сказала мама. — При таком раскладе он может нам понадобиться.

Бабуля Фрида сделала большие глаза и постаралась незаметно ткнуть в мою сторону.

— Оставь один, — сказала я, пытаюсь проглотить блинчик. За ночь красные пятна на шее превратились во впечатляющий синяк. Горло болело.

— Это не имеет значения. Мы все равно должны миллион четыреста тысяч по закладной.

Прошлой ночью я достигла точки кипения. В конце концов, мой гнев перегорел, оставив только спокойную решительность. Роган владел нашей закладной. Мне придется много работать, и я выкуплю ее обратно. Другого пути не было. Мы — Бейлоры. Мы платим наши долги и, когда жизнь сбивает нас с ног, мы собираемся и даем ей по зубам. Иногда это причиняет боль, но мы все равно это делаем.

— Миллион четыреста тысяч? Это же почти изначальная цена склада, — сказала Арабелла. — Мы выплачивали ее семь лет. Как такое возможно?

— Проценты, — ответила Каталина с отвлеченным взглядом, который появлялся, когда она проводила в голове сложные расчеты. — Учитывая 4.5 процента и комиссию за предоставление средств, все верно. Я могу рассчитать тебе точную цифру.

— Это несправедливо. Покупать в кредит — отстой, — заявила Арабелла.

— На нас должны напасть еще три раза, прежде чем мы сможем выкупить залог, — сказала я. — Нам потребуются продать еще шесть вездеходов, чтобы откупиться от Рогана.

Леон наколот свою клубнику на вилку.

— Я, например, приветствую нашего нового лорда Чокнутого Рогана. Я жажду учиться и доказать, что я ценный член его команды.

— Заткнись! — воскликнули Каталина, Бернارد и Арабелла одновременно.

Леон сощурил глаза.

— Может, он бы позволил мне обзавестись пистолетом, в отличие от некоторых.

— Тебе не нужен пистолет, — отрезала мама.

— Ты хотя бы знаешь, откуда эта цитата про лорда? — спросил Берн.

— Из шоу по телику.

— Нет, идиот, это из фильма «Империя муравьев». Посмотри его.

Телефон Берна запищал. Он посмотрел на него.

— Это Баг. Ладно, итак, две новости. Первая: у меня есть видео, как наемника грузят в самолет на Йохеннесбург, живым, как Роган и обещал. Хотите посмотреть?

— Нет.

Роган был самонадеянным, помешанным на контроле засранцем, но когда он давал слово, то держал его.

— Вторая: этим утром я проделал лазейку на сервере «Скорпиона» и Баг провел последний час, танцуя среди их секретных файлов. «Скорпион» был нанят через посредника и получил оплату электронным переводом. Люди Рогана нашли посредника. Ему заплатил наличкой неустановленный мужчина.

— Сколько?

— Полмиллиона.

— Ого! А мы дорого стоим, — воскликнула Арабелла.

— Я оставил «Скорпиону» маленький подарок, — сказал Берн. — Баг активировал его пару минут назад, перед тем, как быстренько свалил с их серверов.

— Что за подарок? — спросила я.

— Когда они попытаются получить доступ к своим секретным файлам, то их ждет

мультсериал «Хеллоу Китти Парадайз». Все выпуски за двенадцать лет в оригинале на японском.

— Мне нравится Хеллоу Китти, — сказала Матильда.

Корнелиус прочистил горло.

— Я чувствую себя отчасти виновным в сложившейся ситуации.

Матильда погладила его по руке.

— Все в порядке, папочка.

Все замерли, коллективно сражаясь с умилением.

— Спасибо, — поблагодарил ее Корнелиус. — Но я все равно в ответе. Я знал, что грядет, ну, по крайней мере, подозревал, и все же преуменьшил риск во время нашего первого разговора.

Я вздохнула.

— Вы ничего не преуменьшили. Я знала о риске, когда бралась за эту работу. Ответственность за все случившееся лежит на мне.

— Ваше возмущение действиями Рогана вполне оправдано, — произнес Корнелиус, очевидно, тщательно подбирая слова. — Но опасность того, что ваша семья пострадает или на нее будет оказано давление, весьма реальна. Он не так уж неправ.

Я бросила салфетку на стол.

— Корнелиус, я знаю, что он не ошибся в оценке ситуации. Я расстроена, потому что он отказывается признать, что я тоже права.

— Если бы он пришел к тебе с этим всем, ты никогда бы этого не одобрила, — сказал Бернارد.

— Наверное, нет, но, по крайней мере, у меня был бы выбор.

— Какой выбор? — спросил он.

— Не знаю. — Я встала и пошла сполоснуть тарелку.

— Мы идем сегодня в школу? — спросил Леон.

— Нет, — отрезала мама.

— Отлично, — улыбнулся Леон. — Тогда я пойду на улицу и узнаю, могу ли я получить пистолет. Раз моя собственная семья мне этого не разрешает, что ж, придется клянчить у незнакомцев.

— Совсем с головой плохо? — фыркнула Каталина.

— Ты считаешь, что пистолеты просто так валяются на дороге? — спросила Арабелла. — Или кто-то посадил пистолетное дерево у нас на парковке?

— Кто-нибудь из вас выглядывал на улицу? — поинтересовался Леон. — Уже после рассвета?

Берн проверил телефон.

— Он прав. Думаю, нам стоит выглянуть наружу.

Я поднялась и прошагала по коридору через офис к входной двери, вся семья шествовала за мной. Я распахнула дверь.

Мимо нас проехал бронированный транспорт, старательно держась по другую сторону белой линии, которую кто-то начертил на асфальте вокруг нашей собственности. На противоположной стороне улицы военные устанавливали 155-мм гаубицу. Мобильная гаубица, которая напоминала танк, с ревом проехала по улице в противоположном направлении. Справа поднималась смотровая вышка, собираемая другой военной командой. Двое коротко стриженных мужчин в тактическом снаряжении прошли мимо нас быстрым

шагом. Тот, что слева, вел создание, выглядевшее как ненормально большой гризли, на смехотворно тонком кожаном поводке. На гризли была надета кожаная упряжь с маркировкой «сержант Тедди».

У мамы отвисла челюсть.

Бабуля Фрида ткнула маму локтем в бок.

— Ущипни меня, Пенелопа. Это — форт Сил.

Я открыла рот, но ничего не произнесла.

Аккуратная женщина примерно моего возраста подошла к белой линии и остановилась. Ее прямые темные волосы были забраны в хвост, коричневая кожа с оливковым оттенком подчеркивала темные глаза. Ее черты указывали на африканские и, вероятно, латиноамериканские корни. Она была одета в бежевый брючный костюм.

— Мелоза Кордеро с сообщением от Чокнутого Рогана, — сообщила она. — Позвольте войти?

Это было нелепо.

— Пожалуйста.

Она переступила белую линию.

— Майор сожалеет, что его присутствие причиняет вам дискомфорт; тем не менее, он хочет, чтобы я сообщила, что вечеринка Барановского завтра, так что он со всем уважением предлагает вам отправиться за покупками. Я буду сопровождать вас. Я уполномочена совершать покупки от его имени.

— В этом нет необходимости. — Роган не будет платить ни за какие мои вещи, если я могу этому помешать. — Вы можете быть свободны. Я сама куплю платье, мисс Кордеро.

— Пожалуйста, зовите меня Мэл. Он сказал, что вы так и скажете. Я здесь, чтобы передать вам, что... — Она прочистила горло и понизила голос, очевидно, цитируя: — «Это сугубо бизнес. Не устраивай истерик, Невада. Это на тебя не похоже».

Истерик, значит, не устраивать? Героическим усилием я заставила себя промолчать. Я была твердо уверена, что стоит мне открыть рот, как я выдохну огонь и начисто спалю ей лицо.

— Еще он сказал, что если у вас появится такое выражение лица, мне стоит сообщить вам, что я эгида, — продолжила Мелоза. — Я — Значительная и являюсь профессиональным телохранителем. Моя миссия состоит в прикрытии вас и Корнелиуса. Также я должна напомнить вам, что безопасность вашего клиента является вашим первым приоритетом.

Я вытащила телефон и набрала Рогану сообщение.

«Спасибо большое, что приставил к нам эгиду. Очень мило с твоей стороны».

«Не за что. Могу ли я сделать для тебя что-нибудь еще?»

«Если так хочется, можешь сжать руку в кулак и хорошенько себе врезать».

«Эта та часть, где мне следует произнести какую-нибудь нелепицу, вроде того, как ты хороша, когда злишься?»

«У тебя есть последнее желание перед смертью?»

«Ты хочешь его исполнить?»

Уфф.

— Корнелиус? — спросила я. — Ваш договор с Роганом прекращается, как только мы выясним личность убийцы вашей жены?

— Да, — ответил он.

— Хорошо. — Потому что как только контракт закончится, я заставлю Рогана сожрать

каждое слово из этого сообщения. Понятия не имею, каким образом я это сделаю, но это случится.

— Если позволите, — вклинилась Мелоза. — В нашей работе есть поговорка. Дареной эгиде в зубы не смотрят.

— Каким было ваше последнее назначение? — спросила мама.

— Я охраняла аргентинского министра финансов, — ответила Мелоза. — Я была отозвана с этого назначения прошлой ночью, но я в рабочем состоянии. Экузол чертовски действенная штука.

— Мне кажется, я что-то упустил. Мы что, идем на благотворительный вечер Барановского? — с озадаченным видом спросил Корнелиус.

Точно. Он же все проспал. Я сказала ему, что мои личные «отношения» с Роганом не будут мешать расследованию. Я сдержу свое слово, чего бы это мне не стоило.

— Входите, — сказала я Мелозе. — У нас есть блинчики и сосиски. Можете перекусить, пока я введу Корнелиуса в курс дела.

Информирование Корнелиуса продлилось гораздо дольше, чем я ожидала, и ко времени, когда я закончила, у меня серьезно разболелось горло. Он хорошо это воспринял. Они с Мелозой посмотрели видео происшествия на эстакаде, и затем Корнелиус объявил, что с этого момента он все время будет ходить с нами.

Именно поэтому все кончилось тем, что мы втроем отправились повидать Ферику Лугу. Корнелиус сказал, что его сестра часто покупала там одежду для деловых мероприятий, и, раз уж у меня не было идей, где купить подходящее платье, я решила довериться его мнению. Я также залезла в свой бюджет для чрезвычайных ситуаций. Я ни за что не буду носить платье, которое купит мне Роган.

Так как моя «мазда» умерла, я оставила притворные попытки смешаться с трафиком, и взяла один из захваченных вездеходов. Вездеходы не были созданы для комфорта или передвижения по городу. Мы выделялись подобно белой вороне, и к концу поездки мне требовалась замена зада. Пока что день начался на высокой ноте. Я не могла дождаться, чтобы увидеть, как замечательно дальше пойдут дела.

Выезжая из района, мы проехали мимо бригады, устанавливавшей электрический забор вдоль Клэй Роуд.

— Роган перенес свою штаб-квартиру куда-то поблизости? — спросила я.

— Да, — ответила Мелоза. — Нецелесообразно защищать две разные штаб-квартиры.

— Где она находится?

— Я не вправе об этом рассказывать.

Я, наконец, поняла, почему его называли Чокнутым Роганом. Не потому, что он был сумасшедшим. А потому, что он сводил вас с ума, доводя до полного отчаяния.

По дороге нам пришлось заехать в старый район, где Корнелиус снова исчез на узкой улочке, вместе с очередным загадочным мешком.

— Что в пакете? — спросила Мелоза.

— Он мне не скажет. Я почему-то решила, что там могли бы быть части тела, и теперь не могу избавиться от этой мысли.

— Это не части тела. Пакет был бы бугристым.

— Я тоже об этом подумала.

Пока мы ждали Корнелиуса, Баг прислал мне отчет о вскрытии Форсберга. Следов инородных частиц обнаружено не было; однако, в ранах присутствовали следы

замороженной ткани. Кто-то заморозил глаза Форсберга и мозг за ними, превратив его в пюре. Почему-то, меня это не удивило. К сожалению, это не давало никакой возможности сузить круг поиска. Журналы учета посетителей Ассамблеи велись от руки и содержались в строгом секрете. Даже Роган не мог получить к ним доступ.

Этот загадочный ледяной маг порядком действовал мне на нервы.

Ферика Луга была невысокой, пухлой женщиной с индейскими корнями. Ее магазин занимал одно из помещений в высотке, зажатый между бухгалтерской фирмой этажом ниже и молодой интернет-компанией этажом выше. Корнелиус упомянул, что она встречается с клиентами только по предварительной записи, так что он заранее позвонил. Не знаю, почему я ожидала увидеть торговое пространство, его там не было. Передняя часть ее рабочего помещения была простой открытой комнатой с рядом кресел с одного конца, окном во всю стену справа и зеркальной стеной слева.

Ферика осмотрела Мелозу и Корнелиуса с головы до пят и указала на стулья.

— Подождите здесь. Вы — идите за мной.

Я последовала а ней в заднюю часть помещения, через дверь в примерочную с круглой платформой в центре. Одну из стен занимало большое зеркало. Сквозь открытую дверь слева я могла видеть швейную мастерскую. Ряды и ряды платьев в пластиковых чехлах висели на металлических штангах, подвешенных к потолку.

— Вы собираетесь на прием у Барановского. — Ферика повернулась ко мне. — Кем вы хотите выглядеть в глазах других людей? Не думайте, говорите первое, что приходит вам в голову.

— Профессионалом.

— Подумайте об этом. Представьте себя там.

Я представила себя на блестящем паркете, куда Роган явится во всем своем драконьем великолелии. Мне понадобятся копьё и шлем.

— Чем вы занимаетесь?

— Я частный детектив.

— Вы хотели бы прикрыть синяк у вас на шее?

— Я пока не решила.

Ферика скрестила руки, задумавшись.

— Как вы его получили?

— Меня пытался убить один мужчина.

— Но раз вы стоите здесь, ему это не удалось.

— Нет.

— Подождите минутку.

Она исчезла между стеллажами с одеждой. Я огляделась. Ничего не привлекало взгляд. Пол был обычным деревянным цвета каштана. На потолке — множество белых панелей. В зеркале было мое отражение — синяк действительно был изумляющим.

— Как давно вы работаете на Рогана? — спросил Корнелиус.

Стена, похоже, была не толще бумаги, потому что он не повысил голоса, но я прекрасно его слышала.

— Довольно давно, — ответила Мелоза. — Можно сказать, я одна из первых сотрудников, которых он нанял после ухода из армии.

— Исходя из вашего опыта, как часто он увлекается женщинами?

Куда он клонит?

Мелоза прочистила горло.

— Я не имею права обсуждать личную жизнь моего работодателя. А если бы и имела, то не стала бы этого делать. Майор заслужил мою верность, и я бы не раздумывая отдала за него жизнь. Он имеет право на личную жизнь, и я буду её оберегать, поэтому вам стоит выбрать другой вопрос.

Что ж, она довольно быстро его оборвала.

Ферика вернулась в компании молодой женщины, несущей черное платье.

— Примерьте-ка вот это.

Я разделась и скользнула в платье под ее взглядом. Оно было на удивление тяжелым. Ферика помогла мне застегнуть молнию на спине, протянула рука и помогла мне шагнуть обратно на платформу. Я взглянула в зеркало и замерла.

Силуэт был классическим: две тонкие бретельки, вырез сердечком, который обнажал шею и большую часть груди, узкая талия и юбка, изящно переходящая в шлейф недостаточно длинный, чтобы стать громоздким и позволяющий двигаться быстро, если возникнет такая необходимость. Ткань платья, черный шелковый тюль, была бы совершенно прозрачной, если бы не тысячи черных пайеток, которыми она была расшита. Сложный узор изгибался вокруг груди, подчеркивал ребра и обнимал бедра, в конце разделяясь на отдельные завитки как раз на уровне середины бедра. Они скользили вниз по прозрачной тюлевой юбке, как языки черного пламени, совершенно истаявая к подолу. Платье не казалось вышитым, оно словно было высечено из обсидиана, как какой-то воображаемый наряд Валькирии. Оно выглядело как броня.

— Сколько оно стоит?

— Сто пятьдесят тысяч.

— Мне это не по карману.

— Я знаю, — сказала Ферика. — Вы можете арендовать его на одну ночь за десять процентов от стоимости. Туфли и клатч будут бесплатно.

Пятнадцать тысяч за одну ночь, и я его даже не покупаю. Технически это было необходимой тратой, и я выставлю Корнелиусу счет за него, но я не могу беспечно обращаться с деньгами моего клиента только потому, что у меня есть такая возможность.

Выражение лица Рогана, когда он увидит платье, будет того стоить.

— Туфли, — сказала Ферика.

Ассистентка поставила передо мной пару черных лодочек. Я надела их. Они идеально подошли.

— Волосы.

Ассистентка зашла мне за спину, распустила волосы из хвоста, завернула их валиком и умело заколола шпильками.

Ферика протянула руку. Я оперлась на нее и сошла с платформы, она вывела меня на открытое пространство.

Корнелиус моргнул. Мелоза нахмурила брови.

— Пятнадцать тысяч за вечер, — объявила я. — Да, нет?

— Да, — в один голос ответили Корнелиус с Мелозой.

Был вечер пятницы. Я сидела у себя в кабинете, наслаждаясь тишиной и покоем, и просматривала фотографии магических тяжеловесов, которые могли присутствовать на вечере у Барановского. Августин прислал мне их по почте, удобно разделив на две категории: «убьет тебя» и «может тебя убить». Это будет еще та вечеринка.

Прозвенел дверной звонок. Я постучала клавишами на ноутбуке, чтобы вывести вид с камеры. На изображении появилось лицо Бага. Он высунул язык, скосил глаза и помахал мне своим ноутбуком.

Я встала и открыла дверь.

— Неужели не спросишь у меня разрешения войти на мою территорию?

— Простите меня, Ваше Божественное Высочество Принцесса. — Баг склонился и удивительно элегантно полоне с эффектным взмахом руки и начал пятиться назад, кланяясь. — Простите смиренного беднягу, простите...

— Проходи в офис, — рявкнула я.

— Что за черт, Невада? Нет, я не собираюсь спрашивать разрешения. — Баг вошел и плюхнулся в клиентское кресло. — Милая хибарка.

— Спасибо, — я уселась в свое кресло. — В чем дело?

Он открыл свой ноутбук, ввел пароль и толкнул его ко мне через стол.

— Кто-нибудь из этих говнюков выглядит знакомо?

Я уставилась на ряд лиц, мужчины возрастом от пятнадцати до шестидесяти.

— Ледяные маги?

— Ага.

Я изучила их одного за другим.

— Нет.

Баг вздохнул и забрал ноутбук обратно.

— Ты уверена в том, что видела?

— Да. Я точно узнаю эту улыбку. Он скалился мне, перед тем, как заморозить дорогу. — Я показала ему список Августина. — Здесь его тоже нет.

— Вот дерьмо, — произнес Баг с кислым лицом. — Снова эта фигня. Мы разбираемся с ней со времен Пирса. Ты думаешь, что есть зацепка, а потом пуфф, — он сделал движение пальцами, — она растворяется и все, что у тебя остается, это разочарование и пердящий звук, который издает лицо, когда ты бьешься им об стол.

Пердящий... что?

— Мы найдем его. Пока мы продолжаем расследование, он рано или поздно объявится.

Баг оглянулся назад, откинувшись, чтобы лучше видеть коридор.

— Хочу еще кое-что тебе показать.

Он обошел вокруг стола, облокотился на него рядом со мной и застучал по клавишам своего ноутбука. Появилась запись прошлой ночи с камер системы безопасности, дополненное потрясающим голосовым сопровождением Леона.

Я поморщилась.

— Да, я знаю. Мой кузен погорячился. Послушай, ему пятнадцать. Он думает, что бессмертен.

— Нет. — Лицо Бага стало совершенно серьезным. — Смотри.

На записи камера приблизила наемника в возрасте.

«Я гребаный ветеран», — произнес голос Леона. — «Я видел всякое дерьмо. Я делал всякое дерьмо. Я выжил пять месяцев в джунглях, питаюсь сосновыми шишками и убивая террористов парой старых зубочисток...»

— Где он был, пока это все происходило? — спросил Баг.

— В Хижине Зла. То есть, в компьютерной комнате.

«...Вот дерьмо, моя голова только что взорвалась».

Камера повернулась к женщине, присевшей за дубом.

«Я смерть. Я призрак. Я найду тебя. Ты можешь бежать, можешь прятаться, можешь умолять, но ничто тебе не поможет. Я приду за тобой во тьме, как ловкая пантера с бархатными лапами и острыми когтями... подождите, мозги, вы куда?»

Я вздохнула.

«О, нет, смотрите — мои ноги все еще дергаются. Это так унижительно».

Может с Леоном что-то не так. Мне следует давать ему больше работы. Может это удержит его от скуки и попыток раздобыть оружие.

— Что бы я не должна была заметить, я этого не вижу.

— Откуда он знает, кто умрет следующим? — спросил Баг. — Он переводит камеру на них в точной последовательности того, как они были убиты.

Это не могло быть правдой. Я перемотала запись. Наемник в возрасте, спортивная тетка, качок, тощий наемник, здоровая тетка... Пять целей точно в том порядке, в каком их убили. В каждом случае камера наводилась на жертву, и Леон начинал свое повествование еще до того, как звучал выстрел.

Вот дерьмо. Я прикрыла рот рукой.

— Если бы твоя мать называла выстрелы, в этом был бы смысл, — сказал Баг. — Но двое из них были подстрелены нашими парнями. Поначалу я думал, что он провидец.

Он перемотал видео на момент как раз после смерти первой женщины.

— Погляди, видишь, он здесь сначала переводит камеру налево?

Я проследила, как камера дернулась влево, на секунду сфокусировавшись на фонарном столбе, словно Леон чего-то ждал. Камера дернулась вверх, мельком запечатлев окно в здании через дорогу, и переключилась на наемника-качка.

— Он не делал этого в других случаях, так что я поговорил с нашими парнями.

Баг застучал по клавиатуре. Экран заполнило изображение улицы.

— Мы поставили туда парня.

Он постучал пальцем по окну.

— Это то окно на видео?

Он кивнул.

— Тощий чувак, которого убили после более крупного, здесь. — Баг указал на место возле склада, скрытое от глаз низкой каменной стеной. — У парня в окне не было возможности совершить прямой выстрел в тощего чувака. Так по приколу, мы поставили манекен на место тощего чувака.

Он нажал клавишу, и на экране возникло изображение улицы с другого ракурса с манекеном на корточках у стены. На голову ему был надет холщовый мешок.

— Зачем вы надели ему на голову мешок?

— Увидишь через минуту. Это вид из окна снайпера.

Экран разделился на две части.

— Не видно цель.

— Да.

Снайпер прицелился в точку на фонарном столбе, которую ранее приближал Леон, и выстрелил. Мешок на голове манекена порвался, и песок посыпался тонкой струйкой.

— Рикошет, — прошептала я. Леон не был провидцем. Он оценил потенциальные цели и расположение стрелков, рассчитал траекторию пули и ждал, когда все случится. Когда ничего не произошло, он переключился на следующую наиболее вероятную мишень. И он

сделал это все за долю секунды.

— Я не знаю, что это, — сказал Баг. — Это какая-то удивительная херня, которую я никогда раньше не видел. Но я подумал, что стоит тебе рассказать.

У Леона никогда не будет нормальной жизни. Есть только один путь для такого рода магии.

Я посмотрела на него.

— Пожалуйста, не говори Рогану.

— Мне придется сказать, если он спросит об этом, — ответил Баг. — Но сам я не буду. Леон знает?

Я покачала головой.

— Решение за тобой, — сказал Баг, забирая свой ноутбук. — Но мой тебе совет, из личного опыта. Если людям не дают делать то, для чего они предназначены, они сходят с ума. Не дай ему сойти с ума, Невада.

Глава 9

Было шесть часов вечера пятницы, я сидела в нашей гостиной в платье за пятнадцать тысяч долларов за вечер, держа крохотную вечернюю сумочку с телефоном, и старалась не шевелиться. Арабелла сделала мне макияж, а Каталина собрала волосы в подходяще небрежную корону на голове и скрепила ее черной металлической заколкой. На ноги я уже обула туфли. Перед тем, как одеться, я сбегала в туалет, не ела ничего, что могло бы вызвать у меня газы и, вероятно, теперь страдала от обезвоживания, потому что закон подлости гарантировал, что стоит мне взять в руку напиток, как я тут же пролью его себе на платье.

Я была готова к выходу. Бабуля Фрида с мамой составляли мне компанию, пока за мной не заедет Августин.

Я провела последние несколько часов, запоминая имена и лица из списка Августина, и мой бедный мозг гудел, будто улей. Несколько мужчин на фотографиях были блондинами. Я разглядывала их целый час, пытаюсь сопоставить их черты с размытым пятном, которое я видела через залитое дождем окно «Субурбана», и не нашла ничего общего.

По телевизору «говорящие головы» строили догадки относительно убийства сенатора Гарза. Полиция все еще скрывала детали расследования, и оголтелость более ранних комментариев утихла, сменившись раздражающими заявлениями, которые звучали очень похоже на нытье. СМИ отчаянно жаждали историю, но они могли предложить лишь догадки и, испытывая информационный голод, были готовы признать поражение и перейти к более интересным темам.

На экране снова возникли фотографии сенатора Гарза. Молодой, привлекательный, с прической и улыбкой политика. Он был убит, и кто-то должен был за это ответить.

— Бедная семья, — вздохнула бабуля.

В комнату вбежал Леон.

— Нева...

Он остановился и уставился на меня.

— Да?

— Невада, ты красивая. — Он сказал это с таким удивлением, будто бы только что обнаружил вземную форму жизни.

— А обычно я...?

— Моя кухня, — ответил он, подчеркнув очевидность этого. — Снаружи лимузин. Два

лимузина.

Я протянула руку, и Леон помог мне встать.

— Как я выгляжу?

— Ты выглядишь хорошо, — заверила меня мама.

— Ни пуха, ни пера! — пожелала мне бабуля Фрида. — Сделай побольше фотографий!

Я вышла из гостиной. Корнелиус ждал меня. На нем был черный смокинг, который облегал его и подчеркивал привлекательное лицо. Он выглядел эффектно и элегантно, как человек, который принадлежит к миру платьев «за-пятнадцать-тысяч-долларов». Я почувствовала себя маленькой девочкой, играющей в переодевания.

Корнелиус предложил мне руку. Я опустила ладонь на его предплечье, и мы пошли по коридору к двери.

— Это словно поход на выпускной, — сказала я.

— Я на свой не ходил. А вы?

— Я ходила на выпускной в средней школе. Моего кавалера звали Ронни. Он вступил в морскую пехоту и двумя неделями позже должен был отправиться на службу. Он встретил меня порядком обдолбанным, и продолжил изменять мне с травкой весь вечер, ведь это был его последний шанс как следует оторваться. Мне это надоело, и я бросила его спустя полчаса, как мы туда добрались.

После этого я с радостью пропустила выпускной в старшей школе.

— Я обещаю вас не покидать, — заверил он.

— С вами, Августином и Роганом, я этого не опасуюсь.

Корнелиус распахнул передо мной дверь, и я ступила в ночь, где нас уже ожидали два лимузина. У одной из машин стоял Августин. Он также облачился в смокинг, и тот сидел на нем, как влитой. Мне понадобилась секунда, чтобы оторвать от него взгляд. Ничего себе.

— Невада, выглядишь отлично. Добрый вечер, Харрисон.

— Добрый вечер, — отозвался Корнелиус.

Водитель первого лимузина, высокая блондинка, вышла из машины и открыла перед ним дверь.

— Мистер Харрисон.

— Мы прибудем по отдельности? — спросила я.

— Да, — ответил Корнелиус. — Я поеду на лимузине своего Дома.

А я отправлюсь с Августином в качестве его сотрудницы. Тоже неплохо.

— Тогда увидимся на месте.

Его лимузин скрылся в ночи. Августин открыл для меня дверь, и я осторожно забралась внутрь.

Он закрыл дверь, обошел машину, сел рядом со мной и мы тронулись.

— Синяк — просто мастерский штрих, — сказал Августин.

— Вы оба сказали, что Барановский предпочитает уникальность.

— Все так и есть. Синяк притягивает взгляд. Вместе с платьем — это серьезно заявление. Ты заметила, что Роган пытался отговорить тебя от этой затеи?

— Да.

К чему он завел этот разговор?

— Роган, по своей сути, подросток, — сказал Августин. — Ведомый, опасный и расчетливый, но все же подросток.

Нет. Роган был совсем не таким. Он стремился сохранять контроль над своим

окружением, своими людьми, и больше всего, над собой. Лишь в редких случаях его эмоции брали над ним верх, но проблеск его истинной природы был настолько мимолетным, что я все еще не могла его до конца понять. В нем не было ничего импульсивного.

— Подростки руководствуются своими эмоциями, — продолжил Августин.

И не говорите. Если бы только в моей жизни были подростки, с которыми бы мне приходилось иметь дело каждый божий день.

— Отбросить в сторону обязательства перед семьей и сбежать в армию — это поступок подростка, — сказал Августин. — Всего лишь способ демонстративно заявить, что ты не просил, чтобы тебя рожали.

Учитывая, что Рогану было девятнадцать, когда он вступил в армию, списывать это на подростковое бунтарство было не очень честно. Я наконец-то поняла, почему Роган стал солдатом. Он пытался избежать предопределенного пути всех Превосходных: учебы в колледже, получения ученой степени, работы на родителей, брака с партнером с правильными генами, и рождения не меньше двух, но не больше трех детей, чтобы обеспечить преемственность. Пути, которому сам Августин старательно следовал, лишь за исключением выбора супруги.

— По-моему, у Рогана иногда бывают эмоциональные реакции, и он действует соответствующе. Он эмоционально отреагировал на то, чтобы поделиться тобой с остальным миром. Я не знаю природу его увлечения. Возможно, это личное. Возможно — профессиональный интерес. Я не верю, что ты осознаешь, какую ценность представляешь, но Роган понимает, и я тоже. А я не люблю проигрывать.

Он провел пальцем по экрану телефона. Мой клатч отозвался приятной мелодией, которую я установила специально для сегодняшнего вечера. Я открыла его и проверила телефон. В почтовом ящике меня ожидал новый e-мэйл от Августина, который я поспешила прочитать.

Контракт. Договор с Домом Монтгомери... Он предлагал мне работу, но не на МРМ, а на Дом Монтгомери. Что-то новенькое. Основной оклад. Работник будет получать основной оклад в размере 1,200,000 \$ в год...

Здесь какая-то ошибка.

Оплата. Основной оклад будет выплачиваться в соответствии с правилами начисления заработной платы Работодателем...

Поправка. Первого ноября каждого года действия договора: (i) Основной оклад Работника будет повышаться не менее чем на 7 %; (ii) Компания будет пересматривать успешность деятельности Работника и может дополнительно увеличивать Основной оклад по своему собственному усмотрению.

Какой же срок? Я пролистала договор. Десять лет.

Августин Монтгомери только что предложил мне контракт на десять лет с гарантированной оплатой в миллион двести тысяч долларов в год, с ежегодной прибавкой в семь процентов, и бонусами, зависящими от успеваемости.

Я могла бы выкупить нас у Рогана и выплатить нашу закладную. Я могла бы обеспечить высшее образование моим сестрам. Я могла бы...

В чем же подвох? Здесь должен быть подвох.

Обязательство не участвовать в конкуренции. Основываясь на надлежащем вознаграждении, и как стимул для компании нанимать работника, если такая работа прекращается по любой причине в течение срока, работник обязуется не вступать прямо или

косвенно, лично или как сотрудник, деловой партнер, компаньон, владелец, менеджер, агент, или в каком-либо ином качестве в любом бизнесе в США и его охраняемых территориях с участием частного сыска, услуг в области информационной безопасности или личного допроса сроком на десять лет. Любой охранный или детективный бизнес, которым владеет работник в настоящее время, должен быть ликвидирован до трудоустройства.

Если подпишу этот контракт, «Детективное агентство Бейлор» прекратит свое существование. И если я уйду с работы или буду уволена по какой-то причине, то просто не смогу содержать свою семью.

Августин улыбнулся мне. Забавно, но под этим углом вы бы совершенно не заметили его акульих зубов.

Если я заключу эту сделку, все годы моей тяжелой работы пойдут прахом. Агентство было не просто наследием моего отца, оно значило много большее. Оно было доказательством нашей стойкости как семьи.

Когда здоровье папы подкосилось, бизнес сошел на нет. Он не мог работать. Мама была сосредоточена на заботе о папе. Когда я мысленно возвращаюсь к тому времени, в моих воспоминаниях оно выглядит приглушенным. Темным и угнетающим, будто заснятое моим мозгом через синий фильтр. Есть время до болезни папы и время после его смерти. Между ними лежат ужасные воспоминания, которые я пытаюсь забыть в самозащите.

Я не смогла помочь папе, а сделала все только хуже. Я прочитала письмо от его доктора, он застал меня за этим и попросил никому не рассказывать. Я хранила его секрет слишком долго. Если бы я рассказала раньше, он мог бы прожить дольше. Когда он заболел, я не могла успокоить своих сестер и кузенов. Все сказанное мной было бы ложью. Мы все знали ужасную правду с самого начала. Папа умирал. Мы боролись за недели, не за годы.

В то время, единственное, что я могла сделать — это начать работать и попытаться раздобыть нам немного лишних денег. Я ступила на утопающий корабль под названием «Детективное агентство Бейлор» и стала затыкать в нем дыры, одну за другой. Я боролась за каждого нового клиента. Я выискивала каждую кроху работы, которую мы могли получить. И потихоньку, наш бизнес стал развиваться. Он спотыкался, кренился вперед, но больше не стоял на месте.

Затем, после того, как отец умер, мы все отчаянно нуждались в чем-то, за что можно держаться. Мы были похожи на бегунов, которые пробежали длинную, изнурительную гонку, пересекли финишную черту, и не знали, как остановиться. Нам нужно было сосредоточиться, и агентство помогло в этом. Оно удерживало крышу над нашей головой и приносило еду на стол. Мои сестры и кузены последние три года не обращались за пособием, потому что они работали в семейном бизнесе. Если когда-нибудь в их взрослой жизни дела пойдут не так, бизнес обеспечит какой-то доход. Он никогда не сделает их богатыми, но поможет с оплатой счетов. Он существовал для всех нас. Сейчас он процветал — живое доказательство того, что мы выстояли как семья. Мы все им гордились. Отец надеялся, что бизнес позаботится о нас, так и случилось, и в гораздо большем, чем просто деньги.

Если я приму предложение Августина, все это исчезнет. Да, я буду зарабатывать больше денег. Безумных денег, которых в противном случае я и не увижу. Но вместо того, чтобы зарабатывать свои собственные деньги, остальным членам моей семьи придется зависеть от моих подачек.

Я хотела отвязаться от Рогана. Очень хотела. С этим я смогу.

Чем же мне придется заниматься за эти деньги? Очевидно, именно тем, от чего так сильно пытались оградить меня родители: работать живым детектором лжи Августина. Заставлять людей сворачиваться в позу эмбриона на полу, после того как я вторгнусь в их разум.

— Это очень щедрое предложение, — сказала я.

— Нет, это справедливое предложение. Я бизнесмен, Невада. Я всегда знаю цену работе. Это предложение не скромное, но и не щедрое. По моему мнению, это адекватная и честная компенсация твоих ценных услуг для Дома Монтгомери. Компенсация, которая, я должен добавить, будет повышаться. Есть столько всего, что я мог бы сделать с твоим талантом, Невада. Даю тебе слово, что я никогда не стану манипулировать твоими чувствами. Я гарантирую, что я никогда не буду угрожать твоей семье или пытаться выкупить все твои закладные без разрешения, стараясь втайне повлиять на тебя.

Он проверил мое финансовое состояние. Ну конечно. Все-таки он владел частным детективным агентством. Августин все знал, и поэтому мог бы сделать то же самое, что сделал Роган. Вот только Роган его опередил.

— Я предлагаю профессиональный союз, Невада. Взаимовыгодное партнерство. Если пролистаешь ниже, то увидишь вступительный бонус. Он позаботится о твоих срочных долговых обязательствах и позволит внести первый взнос за достойное жилье, если ты решишь съехать со склада и начать более независимый образ жизни. Повторюсь, это не жест благотворительности. Я делаю это исключительно, чтобы ты была довольна, как профессионал. По моему опыту, счастливые сотрудники означают стабильный, здоровый бизнес.

Он снова улыбнулся.

— Я понимаю, что прямо сейчас все довольно сумбурно, а это серьезное решение. Раздумывайте сколько нужно. У этого предложения нет срока давности.

Я улыбнулась ему в ответ, стараясь не выдать ничего, кроме легкого любопытства.

— Вы уверены, что Роган не предложит мне больше?

— Он может предложить тебе больше. Вопрос в том, что будет ожидаться от тебя в обмен на эти деньги?

Я подняла брови.

— Я не имею в виду сексуальное взаимодействие, — сказал Августин. — Роган может попытаться соблазнить тебя, но если его личность не претерпела слишком серьезных изменений, он никогда не станет принуждать тебя к сексуальным отношениям против твоей воли. Знаешь, чем Роган зарабатывает на жизнь?

— Множеством различных вещей, как я понимаю.

— Нет, он владеет множеством вещей. Есть разница. Я тоже владею множеством вещей, но я управляю «МРМ». Его люди — наемники. У него и в самом деле одна из лучших частных армий в мире, надо отдать ему должное, и на первый взгляд он занимается забавными вещами, вроде освобождения заложников, охраны сотрудников гуманитарных организаций и миротворческих миссий. Но мы же оба взрослые люди. Ты не хуже меня знаешь, что самые прибыльные операции, вовсе не те, которые проводит рыцарь на белом коне. Гораздо интереснее то, чем он занимается в Хьюстоне.

— Насколько мне известно, он владеет частной охранной фирмой.

— Ему принадлежит «Кастра». Это древнее латинское слово, обозначающее военную крепость. Каждый день римские легионеры проходили двадцать миль в полном

обмундировании, а затем разбивали лагерь и сооружали укрепления из грязи и бревен вокруг него, прежде чем отправиться спать. Кастра — это укрытие в негостеприимных землях, защитная стена, непроницаемая для посторонних. «Кастра» Рогана предоставляет охрану Домам. Вам нужно встретиться со своим соперником? Вы не доверяете ему или своим людям? Вы опасаетесь засады? «Кастра» обезопасит это место для вас. Они элитные, профессионально обученные и неподкупные. Они — причина, по которой Роган знает каждого крупного игрока в хьюстонском преступном мире и почему он так хорошо проинформирован о расправах между Домами. Он хорошо замечает за собой следы. Я знаю об этом, потому что я был причастен к сложной сделке между двумя сторонами, охраняемой «Кастрой», и я узнал одного из его людей.

Это меня не удивило. Как-то Роган сказал, что если ему нужно кого-то найти, его люди приводят этого человека в считанные часы. Это было бы невозможно без обширных связей на теневой стороне Хьюстона, которыми нельзя обзавестись, будучи пай-мальчиком.

— Он знает, что вы знаете?

Августин покачал головой.

— Я не присутствовал там в качестве себя. Со мной твоя работа будет законной и правомерной. Я не могу обещать, что временами тебе не придется сталкиваться с ситуациями, которые будут идти вразрез с твоими принципами, но такие ситуации будут аномалией, не нормой. Какого рода работу ты бы выполняла для Рогана? Кого бы ты для него допрашивала?

Все обоснованно. Вот только Роган не хотел меня нанимать. Он хотел меня во всех значениях этого слова. Он хотел, чтобы я была с ним. Это была не просто похоть. Но пока я не была точно уверена, что же это было.

Августин улыбнулся.

— Тебе следует тщательно обдумать все варианты.

Лимузины заскользили по извилистой дороге мимо пышных садов и прекрасных гранитных террас.

— Где мы? — спросила я.

— Пайни Пойнт Вилладж, — ответил Августин.

Пайни Пойнт Вилладж официально считался самым зажиточным местом в Техасе. Как и большинство соседних поселков, изначально он был маленьким городком, поглощенным Хьюстоном по мере его разрастания. Мне случилось недолго побывать здесь в прошлом году в связи с делом о побеге. Будучи частью зажиточного спального района «Мемориал Вилладжис», Пайни Пойнт ограничил ведение любого бизнеса на своей территории, нанял городского лесничего, и регулировал абсолютно все, включая даже формат вывесок «Продается». По данным переписи населения, в крошечном муниципалитете было всего три тысячи жителей. Налог на недвижимость, который они платили, в сумме составлял два миллиарда долларов.

Лимузин скользнул на круговую дорожку, огибающую великолепный фонтан. На противоположной стороне парковки среди деревьев вырос огромный белый особняк. С этой точки массивное здание напоминало глаз. Большая круглая башня находилась в центре подобно зрачку, окруженная возвышающимися белыми колоннами, которые поддерживали полукруглый балкон. Два изогнутых крыла здания простирались от башни, красиво утопая в зелени. Арочные двери и окна сияли гостеприимным янтарным светом. Я практически слышала голос какого-нибудь агента по элитной недвижимости: «Выстроенное в элегантном

смешении итальянского, французского и раннего Диснеевского стиля, это великолепное владение предлагает тысячи ванных комнат для всех ваших дорогостоящих темных делишек...»

— Насколько этот дом большой?

— Тридцать тысяч квадратных футов, — сказал Августин. — Барановский построил его специально для благотворительного приема несколько лет назад. В башне находится центральный бальный зал, в правом крыле — ресторанное пространство и презентационная аудитория, в левом находятся жилые покои. Когда его здесь нет, он сдает дом в аренду для выездных совещаний.

Лимузин остановился. Вот мы и на месте.

— Не волнуйся, — ободрил меня Августин. — У тебя все получится. Будь собой, Невада.

Водитель открыл мою дверь. Августин обошел вокруг лимузина и протянул мне руку. Я оперлась на нее и вышла из машины.

Он предложил мне руку. Я покачала головой.

Цель была — заявить о себе и выделиться. Прилагаться к Августину в качестве пары заставит большинство людей меня проигнорировать. Мы поднимались по широкой лестнице к арочному входу, обрамленному возвышающимися коринфскими колоннами. Мужчина и женщина, оба в строгих темных костюмах, ждали у входа. Августин встретился глазами с женщиной, и подал небольшую карточку.

Она склонила голову.

— Мистер Монтгомери. Добро пожаловать.

— Добрый вечер, Эльза.

Мужчина поднял сканер и по карте скользнул луч красного лазера.

Охранник коснулся своего наушника и его голос одновременно раздался сразу из двух мест — из его рта и из динамика где-то внутри дома.

— Августин Монтгомери из Дома Монтгомери и гостя.

Они наверняка знали мое имя, вес и размер обуви. Но рядом с Августинем, мое имя ничего не значило. Я стала «гостьей» и меня это совершенно устраивало.

Мы прошли через арочный вход, гранитный пол был отполирован до зеркального блеска. Белые стены поднимались высоко вверх и были украшены длинными баннерами, анонсирующими разнообразные выставки музея Изобразительных искусств Хьюстона: женщина в невероятно широком перламутровом платье с такой же объемной прической и подпись «Великолепие Габсбургов: экспонаты из Венской Императорской коллекции»; керамическая статуэтка мужчины в круглом шлеме, который сидел, скрестив ноги и положив руки на колени, была подписана: «Игрок в мяч: искусство древней Мексики»; и странно выглядящий оранжево-красный пластиковый браслет с узором из черных точек, окруженных белыми и разноцветными шипами, отмеченный «Загадочные ювелирные изделия Рональда Уордена».

Широкая дверь предоставляла доступ в бальный зал прямо перед нами, давая некоторое представление об основном этаже и толпе внутри — женщинах в ярких платьях и мужчинах в черном. Две подвесные лестницы с изящными коваными перилами вздымались по обеим сторонам двери, ведя на верхний этаж к двум дополнительным дверям.

Августин направился напрямиком в бальный зал. Я подняла подбородок и зашагала рядом с ним, будто здесь я была своя.

— Почему бы не провести прием прямо в музее?

— Барановский Превосходный. Нам нравится контролировать наше окружение. Следуй за мной. Мы войдем, а затем просто пустимся в свободное плавание.

Мы вошли в дверь, и мне пришлось сосредоточиться на ходьбе, вместо того чтобы замереть на полпути и глазеть. Просторная круглая комната сияла. Пол был из белого гранита с изящной инкрустацией малахитово-зеленого. Стены — из полированного белого мрамора с золотыми и зелеными прожилками. Широкая мраморная лестница на противоположном конце зала вела на внутренний балкон, огибающий весь бальный зал по периметру, расположенные на нем двери, вероятно, вели на внешний балкон. Бесшовные окна от пола до потолка поднимались по обеим сторонам балкона, запертые между колоннами. Тут и там возле стен были расставлены небольшие группы плюшевых кресел и столы. Магическая элита Хьюстона стояла, сидела, прогуливалась и разговаривала. Плыл смех. Бриллианты сияли. Официанты скользили между собравшимися, подобно призракам, разнося подносы с деликатесами и вином.

Верные его слову, мы прогуливались. Люди смотрели на нас. Я взглянула на Августина. Где-то между передней дверью и балльным залом он стал сногсшибательным. Обычно он был красив — иллюзия предоставляла ему холодное совершенство — но теперь он превратился в греческого полубога. Живое, дышащее произведение искусства, нечеловеческое в своей красоте. Женщины смотрели на него, потом неизменно на меня, их взгляды цеплялись за синяк на моей шее.

Августин повел меня влево. Перед нами возник официант, предлагая шампанское. Августин взял бокал, а я от своего отказалась. Последнее, что мне нужно — опьянеть. Мы продолжили прогуливаться, до нас долетали обрывки разговоров.

— Вы выглядите божественно...

— Ложь, — проворчала я себе под нос.

—так рады видеть вас...

— Ложь.

— ...никогда бы не подумала, что она способна на такой откровенный поступок...

— Ложь.

— Ненавижу эти собрания.

— Ложь, ложь, ложь.

Августин тихо рассмеялся.

Наш путь преградила блондинка лет сорока, в бирюзовом платье и с тщательно уложенной прической. Ее сопровождал кавалер вдвое младше нее, будучи то ли ее сыном, то ли любовником. Темноволосый и привлекательный, он был чересчур холемым и немного женоподобным. Слишком тонко выщипанные брови. Я не узнала их лиц, поэтому был шанс, что они бы меня не убили.

— Августин, дорогой, как я рада.

Ложь.

— Взаимно, Шайенн, — кивнул Августин.

Ложь. Ясно, как божий день, что она не была близким другом.

— Мы залюбовались твоей прекрасной спутницей, — проворковала Шайенн. Они с ее ухажером уставились на меня, и я почему-то вспомнила скалящихся гиен.

— Как интересно, — заговорил ухажер. — Возможно, она сможет разрешить наш спор. Видишь ли, Шайенн считает, что женщина должна сохранять некий намек на свое

естественное состояние, в то время как я твердо уверен, что женское тело должно быть безволосым от бровей и до самых пят. А ты как считаешь?

Понятно. Судя по всему, тот еще идиот. У меня не было времени на чепуху. Я посмотрела прямо на него, выдержала его взгляд целых пять секунд, а затем демонстративно повернулась к нему спиной. Мы с Августином пошли дальше.

— Молодец, — шепнул Августин.

— Кто они?

— Ничего особенного.

Элегантная афроамериканка направлялась в нашу сторону. На ней было розовое платье, но не подавляюще вырви-глаз розовое, а нежно-пастельное, чуть краснее просто белого. Платье фасона русалка, слегка свободное, обнимало ее статную фигуру. Небольшая пелерина спадала с плеч, придавая ей царственный вид. Издалека она выглядела вне возраста, но теперь, вблизи, я видела, что она была, вероятно, вдвое меня старше.

Августин склонил голову.

— Леди Азора.

— Августин, могу ли я украсть тебя на минутку? — Она посмотрела на меня.

Августин повернулся ко мне.

— Конечно, — кивнула я.

— Спасибо, моя дорогая, — поблагодарила меня леди Азора.

Они зашагали прочь.

Я повернулась, чтобы держать их в поле зрения, не пялясь Августину в спину. Из-за группы людей появился мужчина. Афроамериканец, слегка за тридцать, он двигался с атлетической грацией и шел, пока не остановился напротив меня. Вернее сказать, навис. Должно быть, он на три или четыре дюйма выше шести футов. Каждый смокинг и костюм здесь были сшиты на заказ, но для его наряда, должно быть, потребовалось несколько дополнительных ярдов ткани, чтобы вместить его рост и широкие плечи. Его волосы были пострижены очень коротко, такой же длины были усы и бородка, подчеркивающая линию челюсти и подстриженная с невероятной четкостью. Наши взгляды встретились. Живой ум горел в его темных глазах. Один взгляд — и вы понимали, что он был не просто умным, он был пронзительным и расчетливым. Он не будет уничтожать сопротивление. Он разберет его на части.

Мужчина слегка склонил голову в мою сторону. Его голос был низким и тихим.

— Вам нужна помощь?

Я понятия не имела, о чем он говорил.

— Вам нужна помощь? — повторил он тихо. — Одно слово, и я заберу вас отсюда, и никто не посмеет меня остановить. Я обеспечу вам доступ к врачу, безопасное укрытие и помощь психолога. Кого-то, кто понимает, каково это, и сможет вам помочь.

Кусочки пазла сложились в у меня в голове. Синяк. Ну, конечно.

— Спасибо вам, но я в порядке.

— Вы меня не знаете. Сложно мне довериться, ведь я мужчина, и к тому же, незнакомец. Женщина, разговаривающая с Августином — моя тетка. Девушка на противоположном конце зала, в бело-сиреневом платье — моя сестра. Они обе могут за меня поручиться. Позвольте мне вам помочь.

— Спасибо вам, — поблагодарила я. — От имени всех женщин здесь. Но я частный детектив, а не жертва домашнего насилия. Эта травма связана с работой и причинивший ее

мужчина уже мертв.

Какое-то долгое мгновение он меня разглядывал, а затем сунул мне в руку карточку.

— Если решите, что эта травма не относится к работе, позвоните мне.

Августин повернулся к нам.

Мужчина одарил его тяжелым взглядом и зашагал прочь. Я посмотрела на визитку. Она была совершенно черной, с тиснеными серебром инициалами МЛ с одной стороны, и телефонным номером с другой.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил Августин.

— Нет.

— Майкл Латимер. Очень могущественный, очень опасный.

— Его не было в моем списке.

— Он должен был быть во Франции весь следующий месяц. Чего он хотел?

Ничего страшного, если я ему расскажу.

— Он решил, что я жертва домашнего насилия и предложил мне помощь.

— Вот уж не думал, что ему это небезразлично. — Августин сощурил глаза. — Любопытно.

Мужчины и женщины проплывали мимо нас, по мере того, как глашатай продолжал зачитывать размеренную череду имен. Такой-то и такая-то из Дома такого. Такой-то и супруга из Дома сякого. Я увидела Корнелиуса рядом с женщиной, которая могла быть его сестрой. Он мимоходом взглянул на меня, словно понятия не имел, кто я такая, и я вернула ему точно такой же взгляд.

Прошло несколько минут.

Я обернулась и увидела Габриэля Барановского на втором этаже над нами, говорящего с пожилым азиатом. Двое крупных мужчин, с настолько широкими плечами, что они казались почти квадратными в своих дорогих костюмах, молча ожидали поблизости. Телохранители.

По данным нашей проверки, Барановскому было пятьдесят восемь. Он хорошо сохранился. Его стройная, почти худощавая фигура указывала на человека, который либо регулярно занимался пробежками, либо имел стальную волю, когда дело доходило до еды. Его темные волосы спадали свободной волнистой гривой, обрамляя интеллигентное угловатое лицо с длинным носом, острым подбородком и большими глазами. Я изучила его фотографию из досье. Отсюда было не видно, но у него были удивительные глаза, светло-коричневые, цвета виски и имеющие печальное, мудрое выражение. Остальные его черты были довольно обычными, но глаза возвышали его лицо, делая кем-то необычным, кем-то, с кем хочется поговорить, потому что вы уверены, что он скажет что-нибудь замечательное. Глаза человека, который смотрел в будущее. Неудивительно, что он коллекционировал женщин.

И он даже не смотрел в мою сторону.

Голос глашатая дрогнул, и я тут же к нему прислушалась.

— Коннор Роган из Дома Роганов.

Весь этаж вокруг нас застыл и затих. На втором этаже Барановский повернулся к двери, нахмурившись. Пауза продлилась лишь пару мгновений, медленное течение тел и гул разговоров возобновились, но теперь голоса были тише, и, казалось бы, случайные движения приобрели определенное направление, когда присутствующие попытались освободить центр зала, стараясь не выглядеть бегущими со всех ног.

Роган вошел в зал. На нем был черный костюм, но они смотрели на него так, что он с

таким же успехом мог промаршировать в комнату в полном боевом облачении. Он побрился и расчесал волосы, но круги под глазами выдавали тот факт, что он, вероятно, не спал прошлой ночью. На лице застыла хмурая гримаса. Он выглядел так, словно собирался убить каждого, кто окажется на его пути.

С одной стороны, мне хотелось врезать ему по лицу за выкуп моих долгов. С другой же, я хотела пойти ему навстречу и отчитать его за то, что он не спал. Если это была любовь, то тогда любовь была самым сложным чувством, которое я когда-либо испытывала.

Он увидел меня. Удивление отразилось в его глазах, и на какое-то мгновение он слишком опешил, чтобы его скрыть. Платье стоило каждого пенни.

Роган изменил направление. Через зал за ним молча наблюдал Майкл Латимер. Реакции толпы разделились. Большинство лиц стало обеспокоенными. Несколько человек, и мужчин, и женщин, наблюдало за ним также как Латимер, без страха, но в состоянии готовности. Они все были хищниками, которые согласились одну ночь вести себя хорошо, и теперь не были уверены, что зверь с самыми большим клыками в комнате будет следовать правилам.

Роган остановился передо мной и протянул мне руку, не проронив ни слова. Я не посмела проверить, видел ли это Барановский, но, черт возьми, почти каждый в зале глазел на нас. Их взгляды впивались в меня, словно кинжалы.

Сказал «А», говори и «Б». Я вложила мою руку в его.

Он грациозно повернулся, так что моя рука оказалась у него на сгибе локтя, и мы вместе стали подниматься по лестнице. Я ощутила легкое головокружение.

Если я сейчас споткнусь, то никогда этого не переживу.

Мы поднялись вверх, и Роган повернул налево вдоль второго этажа, прочь от Барановского. Открытая дверь впереди вела наружу на балкон, обрамленный кашпо с розами. Их пышные соцветия были темно-красными, почти пурпурными. Роган вышел. Нас омыло порывом холодного вечернего воздуха.

Я вспомнила, что нужно дышать.

— Неужели нужно было сделать это настолько очевидным? — проворчала я.

— Я тебя предупреждал. — Его голос был холодным, а лицо отрешенным. Он посмотрел на меня сверху вниз. — Ты же хотела привлечь его внимание.

Я отвернулась от него и посмотрела на сад внизу. Ни у кого не должно быть цветущего зимой сада, но Барановский каким-то образом это устроил. Кустарник с желтыми цветами обрамлял изгибы садовых дорожек; высокие стрелы незнакомых растений с белыми треугольными цветами покачивались; и розы, много-много роз всех оттенков от белого до красного заполняли клумбы. Среди них небольшие беседки предлагали место для уединения и наслаждения видом. Светлые парусиновые навесы, треугольные и туго натянутые на слегка изогнутые каркасы, словно паруса какого-нибудь галеона, затеняли дорожки между беседками. Остальная часть дома изгибалась вдали, обнимая край сада.

Роган молчал. Ну и ладно. Мы можем просто стоять здесь и ничего не говорить.

Налетел порыв ветра, и я обняла себя за холодные плечи. Вечерние платья не были предназначены для театрализованных побегов на балконы посреди зимних ночей.

Роган снял пиджак и накинул его мне на плечи.

Я передернула плечами.

— Не надо.

— Невада, ты замерзла.

— Я в порядке.

— Это просто чертов пиджак, — прорычал он.

Я прищурилась.

— В чем подвох?

— Что? — В его голосе звучало раздражение.

— В чем подвох с пиджаком? Во что он мне обойдется? Ты продолжаешь отщипывать по кусочку от моей независимости всякий раз, когда пытаешься «позаботиться» обо мне, поэтому я бы хотела узнать цену заранее.

Он выругался.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Красочно, но не очень информативно. — У меня застучали зубы. Я крепко их сжала, и у меня стали дрожать коленки. Замечательно.

— Возьми пиджак.

— Нет.

Мы уставились друг на друга. Хорошо, что взгляды не были мечами, иначе бы мы схлестнулись в дуэли прямо здесь на балконе.

— Можешь уже возвращаться, — сказала я. — Уверена, он явится сюда узнать, в чем вся соль, стоит тебе только уйти.

— Я уйду, когда сочту это необходимым.

Судя по крепко стиснутой челюсти, он и не думал сдвинуться с места, и был слишком большим, чтобы я могла спихнуть его с балкона в кусты роз внизу. Хотя искушение попробовать было.

— Я знаю о «Кастре».

Посмотрим, как он справится с этим.

Он никак не отреагировал.

— Откуда?

— Августин узнал твоих людей во время одного обмена, который они охраняли.

— А. — Он поморщился. — Августин стал интересоваться моими делами после идиотизма Пирса. Для такого случая я обзавелся служебными собаками. Он может изменить свой облик, но не может изменить свой запах. Похоже, я немного опоздал.

— Какие сделки ты охраняешь? Кто твои клиенты? Наркодилеры? Убийцы?

— Да, убийцы. Но только если их имя относится к Дому. Я никогда не имел дел с наркоторговлей. Я знаю преступный мир, и он знает моих людей. Мы проходим мимо как два незнакомца на улице, которые знают друг о друге, но никогда не пересекаются, и именно так мне бы и хотелось это оставить.

Правда.

— Зачем ты этим занимаешься?

— Информация, — сухо ответил он. — Я существую вне общества Превосходных по собственному выбору, но знаю о нем больше, чем те, кто в нем укоренился. Информация дает мне власть, и когда необходимо, я ее использую.

Налетел очередной порыв ветра. Если Барановский не объявится в ближайшие две минуты, я замерзну насмерть.

Роган взглянул на сад. Парусиновый навес оторвался от остальных, полетел к нам и обернул левую сторону балкона, защитив нас от ветра. В ответ темная тень переместилась в окно третьего этажа на расстояние около пятисот ярдов от нас через сад. Роган отметил

окно взглядом и отвернулся. Он тоже видел. За нами наблюдали, вероятно, кто-то со снайперской винтовкой.

— Именно об этом я и говорила. Я отказалась от твоего пиджака, поэтому ты решил все по-своему. Ты не считаешься с моими желаниями. Совсем.

— Тебе хочется померзнуть? — Он пристально посмотрел на меня.

— Да. — И это прозвучало откровенно глупо. Я вздохнула про себя.

— Невада, мы оба знаем, что тебе холодно. Я слышу, как у тебя стучат зубы. Если ты делаешь это мне назло, то я это уже понял. Это ребячество.

Я уставилась на него.

— Это не ребячество, Коннор. Ты пытаешься отнять мою жизнь. Ты делаешь что-то для меня, даже когда я специально прошу тебя так не поступать, потому что тебе кажется, что ты лучше знаешь. Я отчаянно сражаюсь за свою независимость и границы, потому что иначе от меня ничего не останется. Будешь только ты, а я стану твоим дополнением.

Роган развернулся и прикрыл наполовину зеркальную дверь позади нас. Стекло поймало мое отражение. Черное платье облегло меня словно броня. Светлые волосы короной уложены на голове. Взгляд на лицо вернул меня на землю: в моих глазах было что-то вызывающее, почти жестокое. Я едва себя узнавала.

Мне это не понравилось.

Роган стал позади меня, на его решительном лице отразилась тоска.

— Что ты видишь?

— Я вижу себя в одолженном платье.

— Я вижу Превосходную.

Правда. Он действительно так считал. В горле встал ком. Глубоко внутри я это знала. Я просто не хотела иметь дел со всеми теми вещами, которые этот титул означал.

Его голос стал тихим.

— Это не игра в переодевание. Это ты, Невада. Та, кем ты на самом деле являешься.

Почему его голос прозвучал так, будто он собственными руками подписывал себе смертный приговор?

— Ты уже должна была это понять. Не такая уж это и неожиданность, — тихо продолжил он. — Августин тоже это знает. Он ведь не идиот. Рано или поздно он попытается заполучить тебя в свое услужение. Он попытается предложить тебе сделку, вероятно, похожую на огромную кучу денег в комплекте с цепью и кандалами. На самом же деле, любое его предложение будет лишь скупой подачкой. Если он сможет тебя заполучить, твоя ценность для Дома Монтгомери будет огромной. Твоя ценность для любого Дома будет неизмерима, особенно, если ты не знаешь, кто ты, и подчиняешься, позволяя себя контролировать и использовать.

Например, мне будут предлагать больше миллиона долларов, чтобы я бросила все, что сама построила. Мое чутье меня не обмануло, но ловушка казалась такой искушающей.

Роган шагнул ко мне и мягко набросил пиджак. Тяжелая теплая ткань божественно ощущалась на моих заледеневших плечах. Он возвышался за моей спиной мрачный и немного пугающий.

— Твои долги вроде этого пиджака, Невада. Маленькая услуга, которая ничего не стоит. Ты еще не понимаешь, сколь ничтожно мала их общая сумма, потому что все еще цепляешься за иллюзию жизни обычного человека. Скоро, ты будешь зарабатывать эти деньги в мгновение ока. Ты восходящая Превосходная и это опасное для тебя время. Люди

будут использовать тебя, манипулировать тобой, давить на тебя. Каждый захочет урвать от тебя кусочек. Я просто прикрыл одно из твоих уязвимых мест, пока ты не будешь готова прикрыть их самостоятельно.

Если принять все, что он говорит за чистую монету, это значило, что он охранял меня. Защищал. И если он ожидал что-нибудь взамен, он не сказал, что это должно быть. Но в мире Превосходных ничего бесплатного не бывало.

— Какие еще меры ты принял ради моей безопасности? — спросила я.

— Ты знаешь все, что я сделал.

Правда.

— Я сделал это не ради контроля над тобой. Я сделал это, потому что ты была уязвима.

— Кто-нибудь пытался выкупить у тебя мою закладную?

— Да.

Правда.

— Кто и когда?

— Инвестиционный банк, вчера. Мои люди его отслеживают. Мы узнаем, кто за ним стоит, в следующие двадцать четыре часа.

У меня было чувство, что ниточка приведет к Дому Монтгомери.

— Почему тебя волнует, что со мной будет, Роган?

— Это меня забавляет. — Ни в его голосе, ни в выражении лица не было даже намека на восторг.

— Неужели, Коннор? — Я повернулась и заглянула ему в глаза. Моя магия лизнула его, и мне понравился вкус.

— Если ты делаешь это с членом Дома, то это объявление войны, — предупредил он, и его глаза потемнели. — Держи свою магию при себе.

— Тогда ответ на вопрос, чтобы мне не пришлось с тобой воевать.

Роган развернулся и пошел прочь, оставив меня стоять в его пиджаке.

Я поплотнее укуталась в пиджак и снова посмотрела на сад. Если мы все правильно рассчитали, Барановский придет ко мне сам.

Тишину нарушили размеренные шаги. Кто-то вышел на балкон и прислонился к перилам рядом со мной. Я повернула голову. Барановский смотрел на меня своими удивительными глазами. В коридоре ожидали двое телохранителей, достаточно далеко, чтобы не вмешиваться в разговор, но и достаточно близко, чтобы застрелить меня в голову и не промазать. Я сделала вид, что не заметила их и повернулась обратно к саду.

— Наслаждаетесь свежим воздухом? — спросил Барановский.

— Да, — ответила я. Мне хотелось разрядить обстановку, но чем больше бы мы говорили, тем менее загадочной я бы казалась.

Мы стояли в тишине.

— Немногословная женщина, — заметил он. — Какая редкость.

Я подняла брови.

— Вы слишком искушенные для подобного замечания.

Его губы растянулись в ироничной улыбке.

— Почему вы так решили?

— Вы коллекционер. Вы цените каждый предмет в вашей коллекции за его неповторимый шарм. Столь широкое и нелепое обобщение было бы несвойственно настоящему ценителю.

Он прищурился, разглядывая синяк у меня на шее.

— А вы меня таковым считаете?

— У вас был роман с Еленой де Тревино, женщиной с превосходной памятью, которая могла воспроизвести каждое неверное слово, когда-либо сказанное ей вами.

— Можно сказать, каждая женщина обладает такой способностью.

Я покачала головой.

— Нет, мы помним лишь то, что ранило наши чувства. Елена же помнила все.

Барановский покачал головой, улыбаясь.

— Это опасный разговор.

— Вы правы. Вам стоит поберечь себя и любезно удалиться.

— Кто вы? — спросил он с ноткой удивления в голосе.

Попался. Теперь мне просто нужно было его удержать.

— И гостя.

— Прошу прощения?

— Так меня представили. И гостя, одна из многих. Безымянная, никому неизвестная, которая здесь всего лишь на одну ночь.

— Но которую сложно забыть.

Я снова посмотрела на сад.

— Вы знаете, почему меня привлекают розы? — спросил он.

— Вам нравятся их шипы? — Он просто не мог быть настолько банальным.

— Нет. Каждый саженец уникален. Два семечка одной селекции, происходящие от одних родительских растений, будут различаться в цвете, форме лепестков, самих бутонов, даже в продолжительности цветения.

— Видите? Знаток опасных женщин и цветов с шипами.

— Вы надо мной смеетесь, — произнес он, все еще улыбаясь.

— Самую малость.

Он предложил мне руку.

— Прогуляйтесь со мной.

Я покачала головой.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что вы правы — этот разговор слишком опасен для вас.

— Мне стоит опасаться Рогана? — В его глазах загорелся озорной огонек. Габриэлю Барановскому нравилось ходить по лезвию ножа.

— Вам стоит опасаться меня. — Я одарила его грустной улыбкой, без капли притворства. — Я чудовище иного рода. Думаю, многие предпочли бы иметь дело с Роганом, а не со мной.

— Что же вы делаете?

Разве тебе не хотелось бы это узнать?

— Вы скучаете по Елене?

— Да.

Правда. Моя магия обернула его, насыщая воздух, но не касаясь. Я практически чувствовала нерешительность в его словах, то, что он пытался скрыть. У него была сильная воля, но в отличие от стальной решимости Рогана, Барановский казался гибким. Почти уступчивым. Я могу попытаться подтолкнуть его к правильным ответам. Не достаточно

давления, чтобы вынудить прямой ответ, но хватит, чтобы заставить его сказать больше, чем он собирался изначально. Я никогда не делала этого раньше.

Если он почувствует мою магию, то может меня убить. Барановский не был боевым Превосходным, поэтому полагался на более традиционные средства безопасности, и их у него было в избытке: сейчас его дом был полон людей, стрелявших молниями из кончиков пальцев и изрыгавших огонь. Я была уверена, что в окне был снайпер. Еще больше их должно было быть в саду. Если я скручу его своей силой и заставлю рассказать то, что мне нужно, то никогда не покину этот бал живой.

— Мы были больше, чем просто любовниками, — вздохнул он. — Мы были друзьями.

— Вас обеспокоила ее смерть? — Я продолжила легонько давить, стараясь не выдавать себя, но вместе с тем удерживать его на балконе со мной.

Он прислонился к оgrade и вздохнул.

— Это закон нашей вселенной. Бесконечная цепь каннибализма: сильный охотится на слабого, лишь за тем, чтобы в свою очередь превратится в жертву. Единственный способ выиграть игру — это в нее не играть.

— Вы знаете, почему ее убили?

— Нет.

Ложь. Откровенно наглая ложь. Он знал.

— Вы знали Елену? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Я знакома с ее мужем.

Я настолько сосредоточилась на нем, что мой голос прозвучал, будто совершенно чужой.

— А. — Он вложил весь смысл в один звук.

— Елена мертва. Кто-то должен заплатить за это, — продолжила я. Моя магия обвилась вокруг него потуже.

Его улыбка испарилась.

— Маленький совет. Не копайтесь в этой могиле. Я не знаю вашего влияния на Монтгомери и Рогана, но они не станут рисковать собой ради вас.

Почему-то в моей голове он светился, практически серебристая фигура с темной точкой в левой стороне головы. Он что-то скрывал в этом месте и я должна до этого добраться. Я так сильно сосредоточилась, что моя голова грозила лопнуть.

— Она приходила увидеться с вами перед смертью.

— Вам слишком многое известно об этом.

Он внимательно уставился на меня.

Мягко и осторожно я затягивала вокруг него магическую удавку, притягивая к себе. Я подтолкнула его, направляя ответы в нужную мне сторону.

— Она оставила вам что-нибудь?

Пятно потемнело. Да, да, она оставила. Что она могла ему отдать?

— Возможно, что-то на память о ваших отношениях? — У меня перед глазами промелькнул кадр, где веснушчатый солдат выбрасывал из окна флешку. — Флешка с документами, которые должны быть опубликованы после ее смерти?

— Это было бы ужасным клише, не правда ли?

У меня на лбу выступил пот. Кровь зашумела в голове.

— Она мертва уже несколько дней, а вы так и не опубликовали это. Вы боитесь, Габриэль?

— Она ничего мне не давала.

Ложь.

Он улыбнулся непринужденной улыбкой.

— Мы с вами не переходили на обращение по имени.

Я улыбнулась в ответ.

— Вы ее смотрели?

Ничего.

Мне нужно было подтолкнуть его, совсем немного, чтобы он этого не почувствовал.

Совсем чуть-чуть...

Темное пятно немного посветлело в ответ на мою магию.

— Как я и сказал, она ничего мне не оставила. А если бы и оставила, если бы такая вещь существовала, мне было хватило здравого ума спрятать ее в безопасном месте, подальше от остального мира. Где-то, где она оставалась бы скрыта.

— Вы ее видели. — Я улыбнулась шире. Перед глазами поплыли круги, я едва могла видеть. — Где бы она была скрыта?

На мгновение, темное пятно полностью исчезло.

— Она в безопасности в моей спальне.

Мои чары над ним рассеялись.

Барановский нахмурился.

— Моя дорогая, как я и сказал, если бы такая вещь существовала, я бы уничтожил ее давным-давно.

Он даже не понял, о чем рассказал мне под воздействием моей магии. Если все прошло гладко, то его память об этом разговоре будет совершенно отличаться от моей.

Барановский разочарованно пожал плечами.

— Этот разговор начинался так многообещающе, но, к сожалению, превратился в заурядную беседу. У меня нет времени на банальности. Наслаждайтесь остатком вечера.

Он развернулся и ушел.

Пора убираться с балкона, пока меня не пристрелили.

Я заставила себя медленно выйти в коридор, борясь с желанием осесть на пол прямо у балконных перил. Грудь болела. Живот тоже. Перед глазами поплыли круги.

Дыши. Дыши, дыши, дыши...

Я продолжала идти, не видя, где и что происходит, пока не подошла к лестнице. Роган догнал меня. Я оперлась на его руку, и он проводил меня в зал. Я практически висела всем весом у него на руке.

— Полегче, — тихо сказал он. — Шаг за шагом.

— Я вот-вот рухну и опозорю нас обоих.

— Я не дам тебе упасть. Я тебя держу.

Я еще немного оперлась на его каменно-крепкую руку. Я должна продолжать идти.

— Ты перенапряглась? — спросил Роган ровным голосом.

— Немного.

— Барановский знает? — Он спрашивал, не придется ли ему прокладывать обратный путь с этого приема кулаками.

— Он ничего не почувствовал. Я была очень осторожна, и поэтому теперь у меня заплетаются ноги. Елена отдала ему копию флешки, и он сказал, что она в безопасности в его спальне. Это цитата.

Лестница окончилась. Я попыталась повернуть направо к двери, но Роган повернул налево, увлекая меня за собой.

— Куда мы идем?

— Искать Августина.

— Зачем?

— Потому что Барановский держит рабочий компьютер в своих покоях. Он не подключен к Интернету и его нельзя взломать извне. Любой загруженный в него документ в безопасности.

— Откуда ты это знаешь?

Роган улыбнулся, не размыкая губ.

— Я подкупил его команду уборщиков. Немногие люди более мотивированы, чем родитель, у которого ребенок поступил в университет Лиги плюща, и нет возможности за него платить.

— Ты можешь их использовать, чтобы добраться до компьютера?

— Нет. Это слишком рискованно. Поэтому нам нужно найти Августина.

Августин был Превосходным магом иллюзии и мог принять любой облик.

— Ты хочешь, чтобы Августин стал Барановским, прошел в его спальню и выудил информацию из его компьютера?

— Именно.

— Ты отправишь его на смерть, — пробормотала я.

— Как-то раз он три часа бродил по штаб-квартире ЦРУ, проходя сканеры отпечатков пальцев и сетчатки. — Губы Рогана изогнулись в ухмылке. — Пока они не придумают, как сделать мгновенную проверку ДНК, ни один объект не будет в безопасности от Августина. Это будет детской забавой.

Впереди Августин отошел от группы людей и направился к нам.

— Коннор, — окликнула его женщина слева.

Роган оглянулся на голос. Его лицо смягчилось, и он остановился.

— Ринда.

Рыжеволосая женщина улыбнулась Рогану. Она была примерно его возраста, стройная, даже хрупкая, с лицом в форме сердца, обрамленным медными кудрями, безупречным цветом лица и серыми глазами, настолько светлыми, что они почти светились серебром. Я сразу же ее узнала. Ее звали Ринда Чарльз, теперь Ринда Шервуд, после того как она вышла замуж, и в какой-то момент в далеком прошлом Роган должен был жениться на ней. Он как-то упомянул об этом в случайном разговоре, и я проверила ее данные.

— Приятно тебя видеть, — сказала Ринда. — Не похоже на твое любимое место.

— Так и есть, — ответил он. — Как там Брайн и дети?

— Отлично. — Она снова улыбнулась. Она обладала обворожительной улыбкой, буквально освещающей ее лицо. Если бы вы поставили нас бок о бок в одинаковых платьях и впустили в комнату десять человек, они бы собрались вокруг нее, оставив меня стоять в одиночестве. Это меня совершенно устраивало. Я не хотела привлекать чье-либо внимание.

Но тут осознание рухнуло на меня, будто тонна кирпичей. Я хотела внимания Рогана. Я ревновала, и моя ревность была настоящим монстром с иглами, клыками и когтями. Роган мог принадлежать только мне.

Черт. Когда я только успела до этого докатиться?

Я взглянула на них украдкой. Они говорили друг с другом с непринужденностью старых

друзей. Они хорошо смотрелись вместе. Роган — огромный, суровый и мрачный — и Ринда: милая, легкая, утонченная. Ну и я, третье колесо, желающая стереть эту милую улыбку с ее лица.

— Джессика в первом классе, а Кайл пойдет в школу в следующем году, — сообщила Ринда. — Можешь в это поверить? Я останусь совсем одна.

— Уже чувствуешь себя покинутой? — спросил Роган.

— Да. Я знаю, это совершенно неразумно.

Я посмотрела в сторону Августина. Спаси меня, пожалуйста, пока она не заметила мое существование, и я не наделала глупостей.

Он двигался к нам, но не настолько быстро, как мне бы того хотелось.

— Кто твоя спутница? — спросила Ринда.

— Никто, — ответила я.

Роган с удивлением посмотрел на меня.

— Мы не вместе, — сказала Ринда. — И никогда не были.

Если бы я могла раствориться в воздухе, то так бы и сделала.

— Простите, видимо, вы не правильно поняли суть наших отношений. Мистер Роган не мой спутник. Я работаю на Дом Монтомери, а он просто любезно вызвался меня провести. Кажется, я уже вижу там Августина. Прошу прощения.

Я попыталась ускользнуть от Рогана, но он обнял меня за талию. Я не могла никуда сбежать, не привлекая при этом внимания.

Ринда посмотрела мне в глаза.

— Нет, пожалуйста, останьтесь. Простите, я не хотела, чтобы вы чувствовали себя неловко.

— Я не чувствую себя неловко, — возразила я. — Я просто не хотела мешать.

— Ты не мешаешь, — сказал Роган.

И вот случилось именно то, чего я меньше всего хотела. Они оба теперь сосредоточили свое внимание на мне.

Я оглянулась на Августина, отчаянно надеясь, что он близко. По какой-то причине он развернулся на полпути и пошел влево. Вместо него к нам направлялась женщина, выглядевшая точной копией Ринды, только на двадцать лет старше.

— Приближается твоя мать, — заметил Роган.

— Я знаю. Уже слышишь «Полет Валькирий»? — Ринда вздохнула. — Пожалуй, тебе пора бежать.

— Слишком поздно, — сказал Роган.

Миссис Чарльз остановилась рядом с нами и вскинула брови, одарив меня придирчивым взглядом. Затем она переключилась на Рогана, посмотрев на него, будто на грязного бродягу, посмеявшегося клянчить у нее мелочь при ее выходе из лимузина.

— Слишком поздно для сожалений, Коннор.

Лицо Рогана снова превратилось в маску Превосходного, холодную и излучающую высокомерие.

— Я тоже рад тебя видеть, Оливия.

— Нет, радость здесь всецело моя. Прошло уже больше десяти лет. Моя дочь сияет. Ее муж успешен и оба ее ребенка, скорее всего, будут Превосходными. Ну а ты отшельник, докатившийся до того, чтобы сопровождать сотрудницу своего бывшего друга-однокашника. — Она с жалостью посмотрела на меня. — Разве ты не мог сделать что-то с ее

шей? Уверена, Августин сделал бы тебе это маленькое одолжение. Или ты умудрился разрушить и эти отношения?

— Довольно, мама, — вклинилась Ринда.

Роган разглядывал Оливию с легким любопытством, как диковинное насекомое.

— Нет, я так не думаю. — Взгляд Оливии мог бы резать не хуже ножа. — Я наслаждаюсь мстью. Пятнадцать лет финансового планирования и генетических прогнозов пошли насмарку, потому что ему захотелось поиграть в солдата.

Она повернулась снова ко мне.

— Позволь пояснить тебе кое-что, голубушка. Если ты надеешься когда-нибудь что-то из себя представлять, то сбежишь от этого мужчины настолько быстро, насколько это возможно. Ты стоишь здесь, судя по всему, во взятом напрокат платье, и думаешь, что если вы с ним ходите под ручку, то ты Золушка с морем грез в голове, а он твой прекрасный принц.

— Мама! — одернула ее Ринда.

— В действительности, ты лишь дополнение, наподобие шарфа, которым он дополнил свой наряд. Ты его не заботишь, только мимолетная выгода, которую он может получить. И когда он это сделает, он повесит тебя обратно в шкаф, где ты будешь висеть, забытая и все еще надеющаяся, пока твои мечты будут умирать одна за другой.

Ее магия выросла за ней словно клубок невидимых змей, тянущихся ко мне. Ее голос эхом раздавался у меня в голове, проникая глубже в мой разум.

— Лучше беги, дорогуша. Беги быстро и со всех ног, и никогда не оглядывайся. Вперед.

Ее магия обрушилась на меня мощной волной, принуждая меня уйти, подчиниться ей против моей воли. Псионик.

Я могла бы посмотреть ей в глаза и ударить в ответ. Ее воля была сильной, даже пугающей, но я ничем ей не уступала. И если бы я победила, то заставила бы ее выдать все ее грязные секреты прямо здесь и сейчас. Мне очень этого хотелось.

Вместо этого, я развернулась, высвободилась из объятий Рогана и пустилась наутек в произвольном направлении, которое могло бы привести меня к Августину.

Роган тихо рассмеялся мне вслед.

Идиот, я делаю вид, что спасаюсь от тебя бегством. Не портить впечатление.

Голос Ринды задрожал.

— Теперь ты счастлива?

— Я буду счастлива, когда он умрет в одиночестве, — отрезала ее мать.

— Всегда с удовольствием, Оливия, — довольно ответил Роган.

Толпа не обратила на меня внимания, сосредоточившись на Рогане и Оливии. Никто не глазел открыто, но большинство поглядывали на них — кто-то с интересом, кто-то с тревогой. Барановский наблюдал за спектаклем со своего любимого места на втором этаже у лестницы. Он потягивал из бокала шампанское, насмешливо глядя вниз.

Августин шагнул мне на встречу. Я сделала вид, что случайно на него натолкнулась.

— Что происходит? — спросил он.

— Я публично сбегая от Оливии Чарльз и ее магии, — прошептала я. — Я просто в ужасе. Вы должны успокоить меня где-нибудь в укромном месте, где никто не поймет, что два Барановских — это уже перебор.

— Конечно, — сказал Августин, бережно приобняв меня за плечи. — Идем сюда.

Роган сказал что-то Оливии, но мы были слишком далеко, чтобы расслышать.

Августин увел меня в сторону, направляясь в коридор.

— И чем этот второй Барановский будет заниматься?

— Делать копию флешки Елены с компьютера в своей спальне.

— Отлично, — ухмыльнулся Августин. — Это будет весело.

Позади нас разлетелось стекло. Я резко обернулась.

Габриэль Барановский схватился за горло. Его шею залила кровь, ярко алая на фоне бледной кожи. Он споткнулся, закачался над лестницей, будто какая-то странная птица, готовящаяся взлететь, и повалился вниз. Его плечо хрустнуло, соприкоснувшись со ступенями, голова подскочила от удара о красную дорожку, и тело перевернулось, скатившись на середину лестницы. Он замер, глядя невидящим взглядом в потолок.

Двое телохранителей направили пистолеты на толпу.

Никто не закричал. Никто не бросился на помощь.

Тишина была оглушающей.

Вся масса людей развернулась, как один, и двинулась к выходу, прямо мимо охранников, покидая коридоры и спускаясь по лестнице. Пространство вокруг нас моментально заполнили гости, двигаясь в одном направлении.

Я попыталась пробиться в коридор, но Августин схватил меня за руку и потянул к выходу.

— Нет! Они запрут особняк! Мы будем заперты здесь на долгие часы.

Черт.

Охрана ворвалась в комнату, разбив толпу напополам. Сбоку от меня появился Корнелиус.

— Нам нужно уходить!

В середине человеческого потока Роган развернулся и зашагал против движения тел, прокладывая путь в нашем направлении. Вероятно, он даже не мог нас видеть.

— Роган! — окликнула я его.

Впереди, высокий блондин повернул голову. Наши взгляды встретились и он улыбнулся.

Я уже видела эту улыбку раньше в окне «субурбана».

— Роган! — я выдернула телефон из клатча, и подняла, нажав на иконку камеры, чтобы активировать режим серийной съемки. Телефон защелкал стаккато, сделав десятки снимков толпы в быстрой последовательности.

Блондин развернулся и растворился в толпе.

Позади нас заскрипел металл, когда ворота системы безопасности стали закрываться.

— Сохраняйте спокойствие! — объявил четкий голос из динамиков.

Толпа ускорила марш к дверям.

Из массы тел появился Роган.

— Парень из «Субурбана»! — воскликнула я.

— Где? — рявкнул он.

Я ткнула в сторону дверей. Я больше не могла его разглядеть — слишком много людей разделяли нас и выход. Мы его никогда не догоним.

Роган поднял руку.

Стена слева от нас взорвалась. Куски мрамора усеяли пол, вывалившись наружу в холодную дождливую ночь.

— Выход со сцены слева, — пробормотал рядом со мной Корнелиус.

Я скинула туфли, подобрала подол платья и стала карабкаться по обломкам прочь из

особняка Барановского.

Глава 10

Гламурная хьюстонская элита эвакуировалась на всех парах. Несколько магов ветра скрылись в ночном небе; телепортеры спешно ретировались сквозь пылающие голубым круги, оставляя свои тайные следы на тротуаре. В воздухе кружили вертолеты, с парковки разъезжались машины. Самый настоящий хаос. Я провела десять минут в этом переполохе, разыскивая ледяного мага, пока Роган чуть ли не силой утащил меня прочь и загрузил в свой бронированный внедорожник. Корнелиус с Августином запрыгнули к нам в кабину и машина тронулась.

Я пролистала изображения на телефоне. Мне удалось сделать тридцать две фотографии. Три из них показывали мага улыбающимся, разворачивающимся и смотрящим вдаль. Я получила его портрет в три четверти, в профиль, а также фото затылка. Снимки были паршивыми, черты его лица размытыми, но этого должно было хватить для Бага.

Я попыталась отправить их себе на почту. Нет сигнала. Черт.

— Дай мне, пожалуйста, свой телефон, — попросила я Рогана.

Он передал его мне. Я приблизила самый удачный снимок мага, щелкнула мой телефон на телефон Рогана, и вернула его обратно. Просто на всякий случай.

Роган посмотрел на изображение мага и покачал головой. Я передала мой телефон Августину.

— Он выглядит знакомо. — Августин нахмурился. — Я встречал его, но не могу вспомнить, где или когда. — Он протянул телефон Корнелиусу.

— Я его не узнаю, — пробормотал Корнелиус, буравя мага взглядом. — Вы считаете, что он убил Нари?

— Мы этого не знаем, — встряла я, пока никто другой не успел что-нибудь сказать или Корнелиус не решил выпрыгнуть из машины и отправиться обратно искать ледяного мага. — Мы знаем, что был причастен маг льда. Мы знаем, что этот ледяной маг пытался меня убить. Больше нам ничего не известно.

— Но здесь должна быть связь, — не унимался Корнелиус.

— Вероятно, она есть. — Я изо всех сил старалась говорить как можно спокойнее и обоснованнее. — Помните, я обещала вам доказательства. Мы должны быть уверены, прежде чем что-либо предпринимать.

Корнелиус сжал руку в кулак.

— Он может все еще быть там.

— Мы до него доберемся, — пообещала я.

— Нам известно, как он выглядит, — убедительно сказал Роган. — Теперь нет такого места, где он сможет укрыться.

Через час мы ввалились в дверь штаб-квартиры Рогана, расположенной в большом двухэтажном здании в одном квартале от нашего склада. Судя по открытому первому этажу, это должно было быть какое-то промышленное здание, но теперь оно было заполнено машинами и людьми. Мы вошли и пересекли этаж налево, поднялись по лестнице и оказались на втором этаже, который высоко поднимался над бетонными просторами первого. Здесь тоже было просторное открытое пространство. В центре была возведена металлическая конструкция, удерживающая девять компьютерных экранов и пучки кабелей, в кресле перед экранами сидел Баг, а Наполеон спал в том, что напоминало мягкий трон

собачьего размера, обтянутый красной тканью с золотыми геральдическими лилиями. Он увидел нас, но решил, что это недостаточный стимул, чтобы встряхнуться.

— У меня есть для тебя лицо, — сообщила я Багу.

Он вскочил со стула.

— Давай!

Я отдала ему телефон.

Он подключил к нему кабель, и экран заполнили мои фотографии.

— Который?

Я указала на мага.

Баг плюхнулся в свое кресло. Его пальцы заплясали над клавиатурой с ловкостью виртуозного пианиста. Лица замельтешили на девяти мониторах, появляясь и исчезая в мгновение ока.

Раму окружали расставленные неровной подковой диваны и кресла. У левой стены стоял большой промышленный холодильник рядом с тумбой с тремя кофе-машинами, каждая с полным кувшином. Кофе!

Августин опустился на кожаный диван, приняв элегантную позу.

— У меня есть превосходные программы распознавания лиц в здании «МРМ».

— Баг быстрее, — сказали мы с Роганом в унисон.

Корнелиус смотрел на экраны. Роган встал рядом с Багом, о чем-то тихо с ним разговаривая. Вероятно, пересказывая ему вкратце наши занимательные приключения.

Я набрала сообщение Берну.

«Все в порядке?»

«Да».

Я ждала подробностей. Ничего. Отлично, Берн. Иногда мой кузен понимал вопросы слишком буквально.

«Как ребята, мама и бабуля Фрида? Как ты?»

«Мы в порядке. Ты пропустила вечер жареного риса. Мне пришлось подержать кота Матильды, чтобы она промыла ему глаза. Леон все еще пытается получить пистолет. Тетя Пен сказала, что возьмет его потренироваться в прицельной стрельбе, когда это все закончится. Бабуля Фрида желает знать, когда свадьба».

«Никогда».

«Я так ей и скажу».

— Я его нашел! — объявил Баг.

На экране возник портрет мужчины чуть за тридцать, старше Рогана лет на пять или около того. Темно-пшеничные волосы были коротко подстрижены по бокам, переходя в более длинные на макушке, стильно зачесанные назад. Светлая щетина добавляла мягкую шероховатость его челюсти. Его лицо было привлекательным и красиво сложенным, и очевидно, что он не заморачивался с иллюзией, улыбаясь на фотографии все той же спокойной, лукавой улыбкой, которую я видела всего час назад, отчего в уголках его светлок-карих глаз появились морщинки. На фото он был одет в смокинг и галстук-бабочку.

— Дэвид Хоулинг, — сказал Баг. — Из Дома Хоулингов.

— Здесь какая-то ошибка, — нахмурился Августин. — Дом Хоулингов — фульгуркинетики.

Хоулинги ничего не замораживали. Они стреляли молниями.

Мой телефон звякнул. Текстовое сообщение от бабули Фриды.

«Как там у тебя делишки с твоим парнем?););)»

«Он не мой парень!»

— Дэвид Хоулинг зарегистрирован? — спросил Корнелиус.

— Средний фульгуркинетик, — доложил Баг. — Говорится, что он три раза пробовал сдать тест на Значительного, но провалился.

— Проверь генеалогию, — сказал Роган.

Баг проиграл очередную мелодию на клавиатуре. Средний экран моргнул, открывая семейное древо Дома Хоулингов, в котором были перечислены нынешний глава Дома, супруги и дети.

— Проверь Диану Коллинз, — приказал Роган.

На экране возник Дом Коллинзов.

Голос Бага раздался громко и четко.

— Диана Коллинз относится к нью-йоркской ветви Дома Коллинзов, и зарегистрирована как Превосходный аквакинетик с психокинетической специализацией.

Психокинетик означал «ледяной маг».

— Темная лошадка, — с презрением поморщился Августин.

Я слышала о «темных лошадках», по большей части из-за множества любовных и приключенческих сюжетов о Превосходных, закрученных вокруг них. Превосходные разглашали достаточно информации о своих способностях, чтобы поддерживать статус, часто скрывая свои вторичные таланты. «Темные лошадки» в этом вопросе продвинулись значительно дальше. Они вообще не регистрировались, как Превосходные, стараясь казаться как можно более безобидными, чтобы незаметно проворачивать темные делишки в семейных интересах.

— Значит, это не выдумка?

— К сожалению, нет, — покачал головой Августин. — Дом Хоулингов — семья фульгуркинетиков. На этом завязан весь их бизнес. Вместо того чтобы зарегистрировать Превосходного мага льда, который не принес бы семье никакой пользы, они оставили Дэвида в тени. Вероятно, он прошел весьма специфическое обучение.

— Он наемный убийца, — сухо сказал Роган. — И весьма хороший. Баг, установи наблюдение за его домом. Найди его автомобиль. Я хочу знать его местонахождение днем и ночью.

— Барановскийпил шампанское, когда умер, — подумала я вслух. — Мог ли Хоулинг заморозить жидкость в его горле?

— Очень на то похоже. Он не просто ее заморозил, иначе Барановский бы просто подавился кубиком льда. Дэвид превратил жидкость в плоское, острое лезвие, которое прорезало его горло изнутри. — Роган посмотрел на экран, и в его глазах отразился расчет. — В мозгу Форсберга также обнаружили следы повреждения холодом.

— Это жестокая практика, — продолжил Августин, в его голосе звучало отвращение. — И куда более редкая, чем это показано в фильмах. Она требует огромных жертв со стороны темных лошадок. Они никогда не подтверждают свой статус Превосходных и не имеют возможности воспользоваться преимуществами, которые он предоставляет. Их окружение всегда смотрит на них свысока. В своей жизни я встречал лишь двух темных лошадок, и в обоих случаях это не закончилось ничем хорошим для них или их семей.

Я продолжила прокручивать в голове воспоминание о пьющем Барановском. Я могла представить, как он стоит там с бокалом шампанского, смотрит... смотрит на Рогана и

Оливию Чарльз. Оливию Чарльз, которая дала мне мысленный толчок к бегству. Что там говорил Роган о манипуляторах? Они часто регистрируются под другими специальностями, отдавая предпочтение псионикам.

— Роган, как зарегистрирована Оливия Чарльз?

— Превосходный псионик. — Его губы сжались в тонкую линию, а в глазах отразилась злость.

— Что такое? — Августин посмотрел на нас с Роганом.

— Нас обвели вокруг пальца, — сказала я. — Оливия Чарльз разыграла диверсию, и пока все сосредоточились на Рогане и ее спектакле, Дэвид Хоулинг выследил Барановского и превратил шампанское в его горле в кусок льда. Они нас использовали.

— Это серьезное обвинение, мисс Бейлор, — сказал Августин.

Забавно, всего секунду назад я была просто Невадой, пока не посмела обвинить одного из Превосходных.

— Нари и остальные адвокаты были убиты ледяным магом и манипулятором, работавшими вместе. Роган, если бы Оливия была манипулятором, кто-нибудь знал бы об этом?

— Оливия Чарльз — Превосходная в четвертом поколении. — Августин подался вперед. — Если ей кто-то не нравится, она может быть злобной, как гадюка, но ее репутация не подлежит сомнению.

— Кто-нибудь знал бы? — повторила я, глядя на Рогана в ожидании ответа.

— Нет, — мрачно ответил он. Судя по выражению лица, он размышлял о жестокой расправе.

— Погодите. — Августин вскинул обе руки. — Давайте вернемся назад, к здравому смыслу. Мы говорим не о каком-то взбалмошном и испорченном ребенке вроде Пирса или темной лошадке от второго брака, о котором едва знают в свете. Мы говорим о ком-то с безупречной репутацией и огромными связями в нашем обществе. Моя мать ненавидит Оливию Чарльз, но когда Оливия приглашает ее на обед, она посещает его, скрипя зубами. Перед тем, как идти против Оливии, вы должны обзавестись железобетонными доказательствами ее вины. Если вы заснимете, как она пыряет кого-то мясницким ножом, а затем покажете запись в Ассамблее, половина людей поклянется, что видео сфабриковано, а еще четверть заявит, что она пила с ними чай в момент убийства. Если вы обвините ее в чем-либо без доказательств, вас просто распнут. Мне придется отрицать любую связь с вами. У тебя никогда больше не будет именитых клиентов. — Он повернулся к Рогану. — А ты лишишься последних остатков своего положения.

— Мне плевать, — сказал Роган.

— А зря. — Августин вернул сползшие очки обратно на переносицу. — У тебя ничего нет. У тебя есть лишь гипотеза и предположение. Такой курс действий скажется не только на тебе.

Баг прочистил горло.

— Он скажется на мне, наших семьях, и даже на Ринде. Такого рода обвинения требуют исключительной осторожности. Более того, весьма сомнительно, что Оливия может быть причастной к этому делу. Она на вершине жизни. У нее есть власть, богатство и влияние. Зачем ей ставить это под угрозу?

Баг прокашлялся погромче.

— Что? — спросил Роган.

— Вуаля. — Баг щелкнул по клавише. Центральные экраны заполнил фасад особняка Барановского, заснятый сквозь пелену дождя в обрамлении темных влажных листьев.

Дэвид Хоулинг стоял в сторонке и курил со знакомой ухмылкой на лице. Он казался невозмутимо спокойным и довольным.

К парадной лестнице подкатил лимузин. Водитель подбежал к пассажирской двери, раскрыл зонтик и распахнул дверь, придерживая над ней черный зонт. Вышла Оливия Чарльз, поднялась по лестнице, остановилась на мгновение перед охраной и вошла внутрь. Пятнадцать секунд спустя Дэвид щелчком отбросил наполовину выкуренную сигарету и последовал за ней в дом.

Августин побледнел.

— Боже мой.

Но это ничего не доказывало. Они не посмотрели друг на друга. Не перебросились ни единым словом. Все в комнате понимали, что это не было совпадением. Хоулинг ожидал снаружи, чтобы удостовериться в ее прибытии. А мы ничего не могли поделать с этим фактом.

— Он прав, — сказала я Рогану. — У нас нет прямых доказательств.

— Тогда мы их должны достать, — ответил он. — Нам нужна флешка.

Он посмотрел на Бага.

— Как? — воскликнул Баг. — Сеть Барановского заблокирована замком безопасности. Я мог бы напрямч мелкого ее взломать, но даже если бы Берн открыл все кибер-двери, это ничего бы нам не дало. Нельзя взломать что-то, что не подключено к интернету. Для этого должен быть физический доступ к компьютеру. Кто-то должен войти туда, забрать компьютер или хотя бы жесткий диск, и уйти вместе с ним. Каждый охранник из службы безопасности Барановского сейчас в особняке, не говоря уже о рыскающих там копах. Этот дом закрыт крепче, чем гигантский моллюск. К этому моменту пролом в стене уже, вероятно, заделали, а если нет, то охраняют его как Форт Нокс.

— Как вы получили эту запись? — спросил за моей спиной Корнелиус.

Я чуть не подпрыгнула. Он вел себя так тихо, что я забыла о его присутствии.

— Дрон транслирует запись со своей камеры. — Баг махнул рукой. — Дрон за пятьдесят тысяч долларов, которого я, кстати, лишился, потому что какой-то ублюдский маг ветра сбил его в небе, как раз, когда я пытался его восстановить. Последнее, что он передал — это кадры дерева вблизи.

— Если я правильно понимаю, вам не нужен весь компьютер. — Корнелиус поставил локоть себе на колено и подпер голову рукой. — Вам нужен лишь жесткий диск.

— Да, — Баг развел руками. Наполеон решил, что все стало достаточно интересно, чтобы оправдать его вклад и один раз гавкнул, подчеркивая момент.

Роган посмотрел на Августина.

— Пожалуй, я мог бы попытаться прикинуться одним из охранников, — сказал маг иллюзии. — С тем условием, что мы похитим кого-то с доступом к внутреннему святилищу Барановского. Но на это потребуется время и силы.

— Как насчет телепортации на короткую дистанцию? — спросила я. Телепортация была средством на крайний случай. Обычно она никогда хорошо не заканчивалась, но эта троица должна была знать хотя бы одного мага, на нее способного.

— Слишком рискованно, — сказал Августин. — Это место кишит охраной. К тому же, две трети человеческих телепортаций — если телепортер не Превосходный —

заканчиваются телепортацией половины тела, напоминающей сырой мясной рулет.

— Выясни, кто охраняет особняк, — поручил Роган Багу. — Давай узнаем, не сможем ли мы их подкупить.

— Мне понадобится еще один дрон, — заявил Баг.

— Фретки, — сказал Корнелиус.

Все посмотрели на него.

— Фретки? — переспросил Августин.

— Это одомашненная форма европейского хорька, — пояснил анимаг. — Близкий родственник ласки, норки и горносталя.

— Я знаю, что такое фретка, — отрезал Августин, явно сохраняя спокойствие титаническими усилиями. — Я спрашиваю, как фретки помогут нам заполучить компьютер.

— Полагаю, в особняке есть прачечная? — невозмутимо спросил Корнелиус.

— Да, — доложил Баг.

— Промышленные сушилки?

— Вероятнее всего.

— И вам требуется всего лишь жесткий диск компьютера?

— Да, — сказал Баг.

— В таком случае, я могу раздобыть его для вас, если вы сможете прикрепить очень маленькую камеру и радиопередатчик на шлейку хорька. Я должен иметь возможность говорить с ними и должен видеть, что они видят. У меня есть несколько шлеек на складе Невады, но мою камеру необходимо заменить, а я пока не удосужился этого сделать.

— Ты хочешь отправить хорьков в шлейках через вентиляцию в прачечной? — Августин явно никак не мог переварить эту идею.

— Да, — ответил Корнелиус.

Я моргнула.

— Разве вентиляция не охраняется сигнализацией?

Все трое посмотрели на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Не имеет смысла охранять вентиляцию в прачечной, — пояснил Роган. — Она слишком мала и ведет в сушилку.

— Мне интересно, как ты это себе представляешь? — спросил Августин. — Сетка из перекрестных лазерных лучей и проскальзывающие между ними, как ниндзя, хорьки?

Тьфу. Пора отплатить ему его же монетой. Я добавила льда в голос.

— Мистер Монтомери, в отличие от того, в чем нас уверяют развлекательные шоу, лазерные лучи никак не красные и их нельзя увидеть в обычных условиях. Я думала, человек во главе сыскного агентства должен это знать.

Августин вспыхнул.

— Я это знаю, поэтому и задал этот вопрос.

Я не собиралась легко сдаваться.

— Как бы то ни было, лазеры не являются оптимальным выбором для защиты вентиляции сушилки. В воздухе там полно сухих ворсинок с одежды, которые вызвали бы ложное срабатывание тревоги и, в конечном счете, засорили бы зеркальную систему. По той же причине отпадают датчики тепла и движения, но вытяжку можно было бы обезопасить датчиком давления. Насколько развита паранойя у Барановского? Я не хочу, чтобы хорьки Корнелиуса погибли. Это причинит ему боль.

Корнелиус потянулся ко мне и сжал мою руку.

— Спасибо, что вы думаете обо мне.

— Я куда больший параноик, чем Барановский, — сказал Роган. — Вентиляции в моей прачечной не охраняются, но я полагаю, что на них есть металлические решетки.

— Кто-нибудь еще считает эту идею с хорьками-грабителями немного абсурдной? — Августин обвел взглядом присутствующих.

— Решетки — это не проблема, — улыбнулся Корнелиус.

— Твои животные умеют обращаться с отвертками? — спросил Августин.

Корнелиус встретил его взгляд.

— Предположим, что я трачу столько же времени на подготовку моих животных и оттачивание своей магии, как и ты на совершенствование своих иллюзий.

— Насколько вы уверены, что это сработает? — спросила я Корнелиуса.

Он мне улыбнулся.

— Давайте это сделаем, — сказал Роган.

Роган владел фургоном для слежки. Снаружи он выглядел как кемпер средних размеров. Внутри была стена высокотехнологичных компьютерных экранов, оборудования, кабелей и разнообразных мониторов. Я сидела в черном кожаном кресле, которое могло поворачиваться на 270 градусов, когда не было заблокировано, и было снабжено ремнем безопасности и подогревом сидения, и наблюдала за данными с камеры ночного видения на главном экране, пока два хорька и чуть больший зверек, которого Корнелиус называл китайским хорьковым барсуком, прокладывали путь сквозь кустарник. Китайский хорьковый барсук был очаровательно пушистым, и мне удалось погладить его и скормить немного изюма, прежде чем Баг надел на него шейку с камерой и коммуникатором. Два боковых монитора предоставляли одинаковые данные с камер хорьков. Корнелиус с Багом сидели перед ними, у обоих были надеты наушники с микрофонами.

— Поверить не могу, что ты установил камеры на хорьков, — сказал слева от меня Августин.

— Ты же устанавливаешь камеры на дронов, — ответил Корнелиус.

— Да, но на дронах и должны быть камеры. Это же... это неестественно.

Корнелиус воздержался от улыбки.

На экране по-прежнему моросил дождь. Это была как раз та ночь, когда холод пробирает до костей. Я наклонилась поближе, наслаждаясь возможностью быть в сухости и тепле. Пока они разбирались со шейками, я быстренько сбегала домой, где сменила мое прекрасное и промокшее под дождем платье на прозаичную футболку и джинсы. Мои волосы все еще были собраны в прическу, но с макияжем пришлось распрощаться. Так я чувствовала себя более естественно, но было что-то волшебное в том платье, в присутствии на балу и прогулке с Роганом на балкон. Что-то, что заставляло вспомнить о почти детской вере в магию и чудеса. Когда я мысленно возвращалась к этому вечеру, то мне следовало бы помнить Барановского, мужчину, с которым я говорила всего за несколько минут до его смерти в его же собственном особняке. Вместо этого, я помнила прикосновение пальцев Рогана к моим, и его лицо, когда он сказал «Я вижу Превосходную». Он произнес это так, словно его это ужасало. Меня это беспокоило. И беспокоило куда больше, чем убийство Барановского.

Неужели я стала привыкать к смерти? Надеюсь, нет.

По словам Бага и его специалистов по наблюдению, Дэвид Хоулинг так и не добрался домой. Он исчез с карты где-то между особняком Барановского и своим домом в Ривер Оукс.

Ни Баг, ни двое его помощников не смогли его выследить. Когда Баг выудил мобильный номер Хоулинга из какого-то источника в интернете и набрал его по указанию Рогана, номер оказался вне обслуживания.

Кустарники закончились, и три маленьких зверька остановились. Перед ними простиралось двадцать ярдов открытого пространства, за которыми маячили стены северного крыла особняка, где по сведениям Рогана, располагалась прачечная. Между кустарником и стеной местами росли декоративные растения и розовые кусты. Вентиляционная решетка из прачечной, судя по всему, была замаскирована зеленью.

Корнелиус щелкнул переключателем на своих наушниках, его голос стал чистым и дружелюбным, как если бы он говорил с группой маленьких детей.

— Посмотрите налево.

Камеры переместились, когда зверьки одновременно посмотрели налево.

— Посмотрите направо.

Камеры покорно повернулись вправо. Все чисто.

— Бегите к стене.

Три зверька прошмыгнули через лужайку, к розовым кустам у стены.

Корнелиус сосредоточился, его взгляд сфокусировался, а голос стал тихим и почти гипнотизирующим.

— Резкий запах. Желтый ядовитый запах. Найдите его.

— Ядовитый запах? — переспросил Роган.

Он подошел, остановившись рядом, и тут я поняла, что он стоит всего в нескольких дюймах от меня. Я хотела, чтобы он меня коснулся. Но он не стал этого делать.

— Отбеливатель, — тихо сказал Баг. — Он дал им понюхать бумажные полотенца, смоченные в отбеливателе. Запах остается на одежде, даже в сушилке.

Зверьки побежали налево, свернули за угол и остановились перед квадратным отверстием вентиляции шириной с фут, забранном металлической решеткой.

— Используйте маленький зуб, — напел Корнелиус. — Откройте нору.

— Чувствую себя в диснеевском мультике, — брезгливо вставил Августин.

Один из хорьков потянулся и вытащил крохотную отвертку из шлейки барсука, затем поднял ее и вставил в винт. Другой хорек на нее нажал и электрический инструмент тихо зажужжал, выкручивая винт. Отвертка соскользнула. Хорек терпеливо вернул ее на место.

Августин моргнул.

Им понадобилось почти пять минут, но, наконец, болты ослабли, и трое пушистых воришек запустили своих коготки в решетку, вытащив ее из прохода.

— Балу, входи в нору. Локи, входи. Гермес, входи.

Барсук скользнул в вентиляцию, хорьки последовали за ним. Хлопковая пыль клубилась в воздухе, когда они двигались. Один из хорьков очаровательно чихнул. Пожалуйста, не попадитесь, маленькие зверьки.

Грабители Корнелиуса быстро прошмыгнули по вентиляции. Внезапно металлический тоннель закончился т-образной секцией с двумя тоннелями расходящимися вправо и влево. Должно быть, к нему было присоединено больше одной сушилки.

— Локи, подожди. Гермес, подожди.

Два хорька послушно присели.

— Балу, рывок.

Барсук рванулся вперед и врезался в т-образную секцию стены. Весь тоннель

содрогнулся. В мягком металле появилась вмятина.

— Еще раз.

Зверь снова протаранил стену. Изображение с его камеры сместилось, подрагивая. Тоннель прогнулся. Вес барсука деформировал соединение полужесткого металлического воздуховода, ведущего к сушилкам, со стеной. Между воздуховодом и вентиляцией сушилки возникла щель.

— Откройте нору, — пропел Корнелиус. Хорьки вонзили коготки в дыру.

Роган наблюдал за происходящим со странным выражением лица.

Три минуты спустя Локи, светлый хорек, выскользнул из отверстия и стянул хомут, отсоединяя воздуховод.

Роган поднес телефон к уху и тихо сказал:

— Маргарет? Узнай насчет установки датчиков давления в вентиляцию нашей сушилки... Да. Вентиляцию сушилки.

Августин печатал что-то на телефоне с отрешенным видом. Так тебе и надо.

Грабители рванули в дом, лавируя в просторном здании и следуя командам, которые терпеливо давал Корнелиус, руководя ограблением. Баг был прав. Место кишело охранниками и детективами. Один раз, как раз когда хорьки нырнули за штору, в камеру Гермеса попала Ленора Джордан, прокурор округа Харрис. Около сорока, с шоколадной кожей и гривой волос, собранных в небрежный пучок, она с хмурым лицом шагала по дому. Убийство Барановского было достаточно важным событием, чтобы вытащить ее из кровати, и она определенно не была счастлива по этому поводу. За ней следовала группа людей в официальных костюмах, которые выглядели изможденными и следили за каждым ее движением. Скорее всего, это были юристы Барановского. Должно быть, он сделал распоряжения на случай своей смерти.

Ленора Джордан была моим героем. Я мечтала быть как она, когда вырасту.

Медленно, фут за футом, пушистые воришки продвигались все дальше вглубь дома.

Я так устала. Это был долгий вечер. Если я просто прикрою глаза на секундочку, никто этого и не заметит...

Рука Рогана слегка скользнула по моей спине, когда он нагнулся, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Кофе?

Я встрепенулась, проснувшись.

— Да. Спасибо.

Надо было сказать нет. Блин.

Он отошел и вернулся с кофе, уже со сливками.

Августин поднял брови, глядя на него.

— А ты, и правда, стараешься.

Роган бросил на него прямой взгляд. Более слабые люди уже бы бежали, спасая свою жизнь, но Августин явно был сделан из более крепкого материала.

— Мои поздравления, Невада, — Августин позволил себе слегка улыбнуться. — Я действительно надеюсь, что ты оценишь всю серьезность этого знаменательного события. Чокнутый Роган физически перенес свое тело, чтобы принести тебе кофе, вместо того чтобы просто заставить его приплыть к тебе на колени. Настолько вопиющая манипуляция, что на это больно смотреть. К несчастью для него, я все еще лучший работодатель.

Роган остановился рядом с ним.

— Если тебе нужен совет, как достойно вести себя с женщиной, позже я могу преподать тебе урок.

— Прощу, — Августин поднял ладонь вверх. — Избавь меня от этого. Ты, правда, считаешь ее настолько глупой, чтобы на это купиться? Что дальше? Пикник под звездами? Насколько коварным ты планируешь быть в своем процессе найма?

Чья бы корова мычала.

— Спасибо, Роган, — поблагодарила я. — Кофе превосходный.

— Ты его даже не попробовала, — заметил Августин.

— Кофе божественный, — повторила я и отхлебнула. На вкус он, и правда, был божественным, потому что в нем было как минимум половина сахарницы.

— Мы добрались до компьютера, — доложил Баг.

Личный компьютер Барановского был башней инопланетного дизайна, собранной из диковинных пластиковых чешуек. Хорьки разобрали его за минуту, вытащили жесткий диск, бросили его в пластиковый мешочек, вытасченный из шлейки Гермеса, и начали свой длинный путь обратно в прачечную. Действие кофе закончилось где-то между первым и вторым этажом. Я притянула ноги к груди и попыталась поудобнее устроиться на сидении. Сегодня я израсходовала слишком много магии. Мне нужно было научиться себя контролировать.

Я дождалась чудом удавшегося прохода по комнатам обслуживающего персонала и бешеного бега по мокрому от дождя лесу. Наконец, на экране появился грузовик. Роган открыл дверь, и промокшие зверьки ворвались внутрь и облепили колени Корнелиуса. Они урчали и попискивали, словно в последний раз в жизни.

Лицо Корнелиуса осветилось. Он улыбнулся, это была первая искренняя улыбка, которую я видела на его лице. Это была красивая улыбка, исполненная простой радости. Локи бросил в него мешочком с жестким диском, задев Корнелиуса по лицу. Звериный маг подхватил диск, передал его Багу и приласкал пушистых зверьков. Я выдохнула. Хоть что-то прошло по плану. Я была уверена, что позже нам придется заплатить за это, но сейчас я могла просто сидеть и наблюдать за Корнелиусом и его животными.

Вскоре зверьки успокоились, хорьки обрадовались предложенной вареной курице, а хорьковый барсук жевал сливы. Корнелиус измучено осел в кресле.

— Это было невероятно, — сказала я.

— Спасибо. Самая большая проблема — удерживать хорьков сосредоточенными на задании. Они словно гиперактивные дети.

— Нашел ее, — сообщил Баг.

Загорелся экран, показывая на ночной записи мужчину в светлом плаще, выходящего из высотки. Мужчина повыше, в костюме, следовал за ним по пятам. Телохранитель.

Угол съемки был слишком низким для уличной камеры наблюдения. Кто-то снимал это все из машины. Я сама делала так сотни раз, и мои видео выглядели точно так же.

Телохранитель и мужчина какое-то мгновение ожидали. Из-за угла выехала машина, и свет фар осветил телохранителя и мужчину в плаще. У меня перехватило дыхание. Сенатор Гарза.

Машина плавно остановилась. Телохранитель открыл дверь.

Из угла экрана вылетела молния, ее перистые усики вцепились в телохранителя, сенатора Гарзу и машину, связывая их единое горящее целое. Молния пылала и пылала, двое мужчин бились в объятиях смерти. Передняя часть машины расплавилась. Огонь вырвался

из-под днища, взрывая шины.

Молния мигнула и исчезла. Медленно и тряско камера переместилась влево. На улице стоял единственный мужчина, пожилой, темноволосый, в деловом костюме, его руки были подняты в характерном магическом жесте: согнуты в локтях, ладони подняты вверх. Камера приблизила его лицо. Выражение лица было вялым, почти безмятежным, но глаза полыхали яростью, в них бились боль и отчаяние человека не контролирующего свое тело.

Молния погасла. Камера вернулась к панорамному изображению. Машина сгорела, превратившись в обугленный каркас. Дымящиеся тела Гарзы и его телохранителя лежали на тротуаре.

Вид переключился на мужчину. Он в ужасе смотрел на два тела, а затем развернулся и бросился бежать.

— Я его знаю, — резко сказал Августин. — Это...

— Ричард Хоулинг, — закончил Роган. — Управляемый Оливией Чарльз. Дом Хоулингов убил сенатора Гарза.

Теперь это было очевидным, и сложить все вместе казалось второстепенным. Но я все равно это сделала, просто чтобы чего-нибудь не пропустить.

— По какой-то неизвестной причине, Оливия Чарльз желала смерти сенатора Гарзы. Вероятнее всего, он наткнулся на их махинации и стал угрозой. Им нужно было его убрать и сделать это так, чтобы никто не вышел на них.

— Выходит, они убили двух зайцев, — сказал Августин. — Оливия использовала свою магию на Ричарде Хоулинге, заставив его убить Гарзу. Таким образом, она устранила угрозу, а заодно подставила самого Хоулинга.

— Но зачем использовать Ричарда Хоулинга? — спросил Корнелиус. — Если она смогла внушить свою волю Хоулингу, то могла бы взять под контроль и телохранителей Гарзы.

— Это было одолжением Дэвиду, — сказал Роган. — Сомневаюсь, что это первый раз, когда он убивает по их указанию.

Августин кивнул.

— Сестра Ричарда в браке с другим Домом. В отсутствие Ричарда, Дэвид становится единственной стоящей кандидатурой, чтобы возглавить Дом. Как я и говорил, темные лошадки никогда не приносят ничего хорошего. Они склонны ненавидеть тех, кто ими помыкает.

— Все шло хорошо, — продолжила я. — Вот только Оливия и Дэвид не знали, что Форсберг следил за Гарзой. Когда Форсберг понял, что было на записи, он попытался использовать ее в своих интересах. Он передал ее своей команде юристов, поручив им заключить сделку с людьми Гарзы, Хоулингом либо кем-то еще. Оливия об этом узнала, и они с Дэвидом убили каждого, кто знал о записи, чтобы избежать ее обнаружения. Но зачем Форсбергу нужно было следить за Гарзой?

— Потому что Форсберг был «Стюардом», — сказал Роган. — В Ассамблее есть несколько фракций, но крупнейшие из них — это «Гражданское большинство» и «Стюарды». «Стюарды» отстаивают интересы магов, а «Гражданское большинство» — людей.

— Это упрощение, — возразил Августин. — «Стюарды» рассматривают себя и Дома как главную руководящую силу человеческого общества. Они отрицают современную демократическую модель и выступают за большую власть и влияние Домов. Проще говоря,

они хотят править. «Гражданское большинство» берет свое начало из цитаты Йоханны Хемлок, философа девятнадцатого века и Превосходной. «Гражданское большинство» стремится ограничить участие Домов в политике.

— Какой цитаты? — поинтересовалась я.

— «В стране, где правит гражданское большинство, даже самое маленькое меньшинство имеет больше защиты, чем большинство живущих в стране, где власть находится в руках немногих избранных лиц», — процитировал Корнелиус.

— Это звучит практически альтруистично, — сказала я. — Не поймите неправильно, но Дома не склонны отказываться от власти.

Августин вздохнул.

— Нет, это не альтруизм. Это личный интерес. До недавнего времени наша политика невмешательства отлично работала. Мы богаты, живем в безопасности и можем многое потерять. Гарза был любимцем «Гражданского большинства». Маттиас Форсберг был активным членом «Стюардов». Скорее всего «Стюарды» сговорились уничтожить приход Гарзы к власти, так что Форсберг, должно быть, установил за ним слежку, надеясь накопать какой-нибудь грязи, чтобы «Стюарды» могли сфабриковать скандал.

Я потеряла лицо, пытаясь стряхнуть сонливость.

— Выходит, Оливия и ее люди заполучили видео, — сказал Роган. — И теперь у них есть неожиданное преимущество. Что они будут с ним делать?

— Шантаж — самый очевидный выбор, — предположил Августин. — Хоулинг контролирует «Модераторов», третью крупнейшую фракцию в Ассамблее. Это может быть связано с выборами в Ассамблее.

— Нет, — Роган вскочил с кресла и начал расхаживать взад-вперед, словно запертый в клетку тигр. — Эти люди хотят дестабилизации. Хаоса. Видеозаписи не должно существовать, но она существует, и у них есть ее копия. Если мы спрячем запись, и они решат удержать свою, Ричард Хоулинг станет их марионеткой. Если мы отправим запись Леноре, ей придется арестовать Ричарда Хоулинга. Последует общественный протест из-за убийства Гарзы главой Дома. Дэвид все равно получит то, что хочет. Если они опубликуют копию вперед нас, Дэвид снова заполучает свой Дом, а офис окружного прокурора выглядит некомпетентным. Последует огромная волна общественного возмущения.

— Не важно, что мы предпримем, они выиграют, — сказал Августин. — Это не просто обычная политика Домов. Это похоже на сейсмический сдвиг в структуре власти, я не уверен, что у нас есть сила противостоять. Роган, мы не на той стороне?

Роган развернулся к нему.

— Они убили гражданских и почти снесли центр, что вызвало бы гибель еще тысяч. Они никогда не будут на той стороне. Я намерен выиграть эту войну.

— Я это знаю. — Августин выглядел уставшим. — Мне просто интересно, в истории мы останемся как герои или как злодеи.

— Зависит от того, кто ее напишет, — сказала я. — Мы должны отдать его Леноре.

Роган пристально посмотрел на меня.

— Зачем?

Он прекрасно знал зачем.

— Ты сам сказал, эти люди заинтересованы в хаосе. Невозможно создать хаос, если не накрутить публику. Они опубликуют видео, сделают это там, где его невозможно остановить — например, в соцсетях — и будут подогревать возмущение. Будет выглядеть так, словно

прокуратура специально скрывала факт, что любимый сенатор и защитник людей был убит Превосходным. Я не понимаю, почему они до сих пор его не опубликовали.

— Они ожидают подходящего момента, — сказал Роган.

— Именно поэтому, чем раньше оно окажется у Леноры, тем лучше.

— Мы поговорим с Ленорой завтра утром, — кивнул Роган. — Мне нужно время, чтобы подготовить бумаги.

Он знал, что я права, так какого же черта он тянул время?

— Ты собираешься запросить «Исключение Вероны»? — спросил Августин, и в его глазах появилось расчетливое выражение.

— Да.

— Тогда тебе потребуется кооперация с Домом Харрисонов. — Августин повернулся к Корнелиусу.

— Что такое «Исключение Вероны»? — Я могла бы посмотреть это на телефоне, но была слишком уставшей.

— Оно названо в честь вражды Капулетти и Монтекки, — объяснил Корнелиус. — «Ромео и Джульетта» начинается с того, что князь Вероны выдвигает обеим семьям ультиматум, обещая предать смерти того, кто возродит вражду. Затем он уходит со сцены и умывает руки до тех пор, пока своими действиями они не заставляют его вернуться.

— «Исключение Вероны» означает подачу иска против Дома Хоулингов окружному прокурору, — продолжил Роган. — Трой — мой сотрудник, как и ты, ввиду моего соглашения с Корнелиусом. Хоулинг напал на вас обоих, не приложил никаких усилий для возмещения ущерба и не может быть найден обычным образом.

— Но ты не можешь этого знать. — Мой мозг был настолько медленным и уставшим, что когда я попыталась напрячься и поразмыслить, он попытался отключиться. — Ты же не звонил главе его Дома.

— Я позвоню Ричарду утром, — сказал Роган. — Он станет отрицать любую причастность к инциденту. Он не желает быть в этом замешанным, ради этого он и сделал Дэвида «темной лошадкой».

— «Исключение Вероны» фактически заявляет, что теперь это становится открытым столкновением между конкретными членами этих трех Домов», — сказал Августин. — Предоставив «Исключение Вероны», прокуратура признает, что существует достаточно доказательств, чтобы оправдать возмездие от Дома Роганов и Дома Харрисонов и дать им возможность осуществить его, при условии, что они не будут грубо нарушать гражданское благополучие.

— Значит, оно дает им право умыть руки и позволить нам разбираться самим? — спросила я.

— Да, — кивнул Роган.

Это имело смысл. Среди сотрудников офиса окружного прокурора были обладатели магии, и Ленора Джордан была самой опасной из них, но если бы они вмешивались каждый раз, когда конфликтовали двое Превосходных, результат был бы катастрофическим для полиции.

— Это стандартная процедура, — сказал Роган. — Окружной прокурор вовлекается, лишь когда на кону общественная безопасность. Мне понадобятся письменные показания от тебя и разрешение от Дома Харрисонов, в котором указано, что они допускают участие в этом Корнелиуса.

— Это может быть проблемой, — тихо сказал Корнелиус. — У нас маленький Дом. Мы ведем себя осторожно и ни во что не вмешиваемся. Мои родители много лет придерживались этой политики, и моя сестра старается ее соблюдать.

Та же сестра, что прислала открытку и цветы, когда узнала, что жену ее младшего брата убили.

— Я поговорю с ней завтра, — сказал Корнелиус.

Завтра может быть уже поздно. Если это видео взорвет интернет, поднимутся беспорядки. Не для того я чуть не погибла с десятков раз, пытаясь спасти Хьюстон от сожжения, чтобы увидеть, как он сам разрывает себя на куски.

Я повернулась к Багу.

— Можешь сделать мне копию этого видео?

Он посмотрел на Рогана.

Я притворно вздохнула.

— Это становится утомительным. Роган и мой наниматель подписали контракт и этот контракт работает в обе стороны. Если мы должны делиться с тобой данными, ты тоже должен делиться ими с нами, особенно в том случае, когда их добыл мой наниматель. Я бы хотела получить копию видеозаписи, пожалуйста. На электронную почту будет отлично.

— Делай, как она говорит, — сказал Роган, улыбаясь. Понятия не имею, что его так повеселило.

Мой телефон звякнул оповещением о новом e-мейле.

— Спасибо.

— Можешь не торопиться, Корнелиус, — сказал Роган. — Как я и говорил, возня с бумагами займет время и Ленора может даже не встретиться с нами завтра, учитывая происшествие с Барановским. Это очень деликатный вопрос.

— Если моя сестра откажется, я выступлю от своего имени, но в нашем случае желательно наше обоюдное согласие.

Я встала.

— Где здесь ванная комната?

Роган указал на дверь в дальней стене.

— Спасибо.

Я поднялась, прошла в ванную и закрыла за собой дверь. Был ли тут конфликт интересов? Я обещала Корнелиусу, что предоставляю ему имя убийцы его жены, но также с абсолютной ясностью донесла, что не буду убивать этого человека для него. Соглашение Корнелиуса с Роганом технически меня не касалось. Оно определяло только взаимное сотрудничество и связывало Рогану руки.

Нет, тут не было конфликта интересов. В моем распоряжении оказалась видеозапись убийства двух граждан. Моим долгом перед законом было сообщить о ней. Я написала Берну. «Это очень важно. Я собираюсь кое-что тебе прислать. Можешь найти способ отослать это Леноре Джордан, так, чтобы следы не привели к нам?»

Нет ответа. Было три часа утра.

«Прости, что бужу тебя, но это очень важно. Пожалуйста, просыпайся.»

Если я продолжу забрасывать его сообщениями, сигнал оповещения его разбудит.

«Прости».

«Проснись».

«Прости еще раз».

«Просыпайся».

На экране выскочил ответ.

«Проснулся. Уже работаю. Ты в порядке?»

«Да. Спасибо большое».

Я выдохнула. Он найдет способ, как это сделать.

Я убрала телефон и взглянула на себя в зеркало. Под глазами были мешки и вовсе не от «Прада». Внезапно я почувствовала такую усталость, что едва могла стоять. Мне нужно выбраться из этой ванной, потому что пол начал выглядеть уютно и гостеприимно.

Я вымыла руки, вышла и села на диван. Они продолжали о чем-то говорить, но я не могла больше уловить сути разговора. Мои глаза слипались. Я изо всех сил пыталась держать их открытыми, но веки будто налились свинцом. Августин сказал что-то, что я не смогла толком расслышать. Роган ответил, а затем мир вокруг стал мягким, теплым и темным, и я погрузилась в приятную темноту.

Глава 11

До меня донесся дразнящий аромат кофе. Я открыла глаза.

Потолок выглядел незнакомым. Я была не у себя дома, а значит...

Я села прямо. Я была у Рогана в пункте управления на одном из его больших черных кожаных диванов. Кто-то положил подушку мне под голову и укрыл одеялом. В дальнем конце комнаты Роган наливал кофе в большую черную кружку. На нем была белая футболка и черные штаны. Футболка обтягивала бицепсы. Он выглядел так, словно потратил последний час на тренировку и только что принял душ.

Он увидел меня и улыбнулся. Это была порочная улыбка, и у меня в голове зазвучал тревожный сигнал.

— Который час?

— Десять минут десятого.

Меня охватил ужас.

— Утра?

Пожалуйста, только не говори утра.

— Да.

— О, нет. Ты сказал моей семье, где я?

— Нет.

Я выдохнула.

— Но подозреваю, Корнелиус сделал это, когда вернулся обратно на твой склад.

Блин. Я плюхнулась обратно на диван и натянула одеяло с головой. Я этого не переживу. Бабуля Фрида с сестрами будут беспощадны. «Неужели ты провела ночь с Чокнутым Роганом? И как тебе? Когда свадьба?»

Одеяло съехало, явив Чокнутого Рогана, стоящего надо мной, слишком близко, чтобы это было комфортным. С этого угла он казался еще больше, и это было ловким трюком, потому что он и так огромный. Он побрился, его подбородок был абсолютно гладкий. Щетина мне нравилась больше. Она делала его... более человечным. Теперь он до последнего дюйма выглядел Превосходным, за исключением узкой красной царапины на щеке.

«Я вижу Превосходную...» Превосходная я или нет, мы с Роганом все равно были не равней. И никогда ею не будем.

— Где все? — спросила я.

— Мы ожидаем одобрения от сестры Корнелиуса. Ждать здесь не было смысла, поэтому все разошлись по домам. — Он улыбнулся злорадной ухмылкой, будто я была аппетитной овечкой, которая умудрилась забрести в его волчье логово. — Все, кроме тебя.

Я вздохнула.

— Ты не можешь рассчитывать, что все так разрешится.

— Полагаю, они не слишком близки.

— Его сестра не видела Матильду, с тех пор, когда ей исполнился год.

— Опасаешься того, что может подумать твоя семья? — поинтересовался он, отпивая кофе.

— Я не опасаюсь. Я мысленно готовлюсь к активной обороне. Тебе следовало меня разбудить.

— Ты перенапряглась, — ответил он. — Твое тело нуждалось в отдыхе.

— Я всего лишь на минутку закрыла глаза.

— Ты потеряла сознание, — сказал он, скривив губы в усмешке. Мужчина не должен быть настолько красив с утра.

— Я ничего подобного не делала.

— Ты в курсе, что ты храпишь? — поинтересовался он.

— Неправда.

— Правда. Это очаровательно, — он мне подмигнул.

Я швырнула в него подушку. Она зависла в паре дюймов от его лица, а затем вернулась обратно на свое место на диване. Роган присел на корточки передо мной, и расстояние между нами вдруг резко сократилось. Его чашка кофе переместилась на столик рядом.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он. Его взгляд переключился на мои волосы, и он коснулся рукой моего светлого локона. — Я думаю, твоя семья считает, что ты осталась здесь, и у нас тобой был незабываемый грязный секс.

Мои мысли приняли неприличный оборот.

— Особенно, когда они увидят твои волосы.

Я запустила руку в волосы.

— А что не так с моими волосами?

— У тебя сейчас особенная прическа под названием «утро после».

Я потрогала голову. Вчерашний лак для волос, дождь и моя подушка явно сговорились создать незабываемый кавардак на моей голове. Судя по ощущениям, волосы у меня стояли дыбом.

Роган смотрел на меня, и в глубине его голубых глаз я увидела все ту же ледяную тьму. Только не снова.

— Ты звонил Дому Хоулингов?

— Еще нет. А что? Ты хотела бы посмотреть?

— Наверное.

— Лохматое чудовище.

— Роган!

Он улыбнулся мне. Такая улыбка обычно прокладывает путь от твоего сердца в разум, а затем выскакивает у тебя в голове, когда ты задаешься вопросом, почему ты все еще терпишь мужчину, который доводит тебя до белого каления.

— С утра ты выглядишь очень сексуально, Невада. — Его голос ласкал меня, а магия

танцевала по моей коже, вызывая крохотные вспышки желаний.

— Прекрати, — предупредила я. Магическая ласка испарилась.

— Было бы стыдно разочаровывать твоих родственников.

— Я заведу себе привычку разочаровывать их на постоянной основе. — Я протянула руку и бережно коснулась кожи под порезом. — Как это случилось?

— Поранился вчера в толпе, — чуть хрипло ответил он.

Я все еще касалась его, ощущая его теплую кожу под своими пальцами. Меня окутал легкий запах сандалового дерева. Он сидел совершенно неподвижно, будто боясь, что я могу убрать руку.

— Я думала, это Оливия тебя поцарапала. Она не самая большая твоя поклонница.

Он улыбнулся.

— Ты заметила.

— Похоже, тебе нравится Ринда. Почему ты на ней не женился?

— Потому что она слишком сильно мне нравится.

Болезненный укол. Я медленно отвела руку. Не стоило мне заводить этот разговор.

Роган уселся на пол рядом со мной и положил руку на согнутое колено.

— Когда мне было три года, мой отец пережил шестое покушение на свою жизнь. На него напал манипулятор. Моя мать убила наемника, но это подстегнуло озабоченность моего отца компенсировать наши слабости. Ты не можешь убить то, что ты не видишь. Вот если бы мы были телепатами и телекинетиками... тогда бы мы чувствовали приближение убийц. Он пытался создать гибрид телекинетика-телепата в моем лице и потерпел неудачу. Но он был настроен преуспеть с моими детьми, поэтому принялся искать мне невесту.

— Тебе было три года.

— Он любил планировать все заранее. Ринда — сильный телекинетик и эмпат. Мой отец предпочел бы телепата, но в одном Превосходном очень редко сочетаются телекинез и управление разумом. Они почти никогда не встречаются вместе. Он опасался, что если я женюсь на Превосходном телепате, наши дети могут утратить телекинез. Отец Ринды — телекинетик, ее мать — псионик, поэтому ее набор генов был идеален для его целей. Предварительная договоренность о нашей помолвке была заключена, когда мне было три, а ей два года. Это был первый раз, когда она попыталась левитировать объект и ей это удалось.

— Что она левитировала? — невольно спросила я.

— Ее родители ссорились, и она попыталась сунуть соску в рот матери, чтобы заставить ее замолчать.

Я представила себе Оливию с соской во рту и усмехнулась.

— Ринда всегда была миротворцем. Ей нравится, когда все спокойно.

— Выходит, ты всю свою жизнь знал, что женишься на ней?

— Да, — кивнул он. — И большую часть детства и юности меня это вполне устраивало. Свадьба была чем-то, что должно было случиться в далеком будущем, и мне нравилась Ринда. Особенно, после полового созревания.

Ревность впиалась в меня множеством острых иголок.

— Ринда красивая.

— Великолепная, — подхватил он. — Элегантная, утонченная, изысканная, неповторимая...

Теперь он решил надо мной поиздеваться. Я сделала вид, что разглядываю ногти.

— Вижу, ты расстроен, что у нее дети от другого мужчины. Все в порядке, Роган. Не нужно так убиваться. Я уверена, ты найдешь кого-нибудь, кто тебя пожалеет... в конечном счете.

Он тихо засмеялся.

— А ты любишь поёрничать с утра. Я мог бы к этому привыкнуть.

— Не-а. Ты собираешь рассказать мне историю до конца или я уже могу идти домой?

— Ладно. Когда мне было шестнадцать, Ринда пришла на вечеринку в нашем доме. Я уже не помню, по какому случаю было торжество, но я очень сильно расстроил мать, и она все еще из-за этого переживала. Я был трудным подростком.

— Да неужели. — Я закатила глаза.

— Мне было шестнадцать. — Роган пожал плечами.

— Что ты сделал, что твоя мама так на тебя злилась?

Он вздохнул.

— Ранее тем летом мы с отцом поссорились, и он заявил, что если мне не нравятся правила дома, то я могу убраться вон и жить в картонной коробке на улице. Я так и сделал. Я ушел, в чем был, с пустыми руками. Им понадобилось почти три недели, чтобы меня найти.

— Куда ты направился?

— В центр, — ответил он. — Я не думал, что со мной может случиться что-то плохое. Я спал на улице, питался с раздачи еды для малоимущих, и несколько раз дрался с другими бездомными парнями. Затем я обнаружил, что люди делают ставки на бои под эстакадой, и избил пару парней за деньги. Я заработал пятьдесят баксов и разбитую голову, благодаря парню, который мог магически усиливать свои кулаки. Один мужик пытался подцепить меня обещаниями водки и пиццы. Мне не понравился его взгляд, поэтому я сел к нему в машину, посмотреть, что будет дальше. Как оказалось, он был любителем душить. Для него это плохо кончилось. Я так и не умудрился найти себе картонную коробку для сна. Я спал в парке под кустами, пока охрана моего отца не оглушила меня «тазером», накачала успокоительными и доставила меня обратно домой.

Я просто уставилась на него. Он не лгал.

— Короче, когда я очнулся в своей комнате, мать устроила мне разнос. Она говорила, как она волновалась, и что я не имел права так ее пугать. Это было куда хуже любой ночевки на улице. Ко времени вечеринки, мы уже разрешили наши семейные конфликты, поэтому, когда Ринда спросила у моей матери, где я был последние три недели, мать ей рассказала. Ринда расплакалась.

— Почему?

— Она переняла остаточные следы стресса и страха от моей матери. Это ее расстроило. Она сидела, заливаясь слезами, и спрашивала мою мать, как она справляется со мной. Мама сказала ей, что я одаренный ребенок, а одаренные дети часто делают неординарные поступки. Ринда ответила, что в таком случае, она не хочет одаренных детей. Тогда-то я и понял, что не могу на ней жениться.

— Потому что она не хотела одаренных детей?

Коннор наклонился поближе и улыбнулся снова, но улыбка не коснулась его глаз.

— Нет. Потому что я не любил ее. Браки между Превосходными редко основаны на любви, но Ринда бы знала, что я ее не люблю и это всегда причиняло бы ей боль. А еще я понимал, что быть с Риндой — значит всегда быть одному. Она хотела семью, детей и

стабильность. Безопасность. Я не знал, что именно я хочу, но точно знал, что не этого. Я бы шел на риск и это бы ее убивало. И если бы я подавил свою волю и согласился на брак, то всегда был бы холоден с ней. Я бы никогда не позволил ей почувствовать всю силу моего гнева, страха или беспокойства, потому что это было бы жестоко.

Личность Рогана была подобна его магии: мощный тайфун, сметающий все на своем пути. Я видела мощь его гнева и силу его желаний. Когда он сосредотачивается на тебе, то делает это со всей душой, и ты невольно чувствуешь себя привилегированной быть объектом его внимания. Настоящие отношения требуют честности. Будучи испуганным, разгневанным, или беспомощным, ему пришлось бы успокоиться и справиться со своими чувствами, прежде чем отправиться домой. Он был бы вынужден ей лгать.

Роган никогда мне не лгал. Осознание этого рухнуло на меня, словно тонна кирпичей. Иногда он тщательно подбирал свои ответы, но никогда не врал мне, за исключением того раза на балконе, после просмотра записи об убийстве его людей. Он соврал намеренно, зная, что я отреагирую. Он мог бы отказаться отвечать на мои вопросы, но вместо этого всегда говорил мне правду, даже зная, что мне не понравятся ответы.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, — солгала я. — Продолжай историю.

— Осталось уже немного. Я официально разорвал помолвку в восемнадцать лет. Они еще надеялись переубедить меня в следующем году, но, когда я вступил в армию, стало ясно, что все их планы прогорели. Спустя полгода Ринда вышла замуж за своего нынешнего мужа. Он не интересуется политикой и рискованными играми, и, судя по всему, он ее любит.

— Ты сожалеешь об этом?

— Нет. Она счастлива, а мне нужен кто-нибудь другой. Кто-нибудь, кто не сломается под моим давлением.

Правда.

— Это непростая задача.

Выражение его лица стало задумчивым.

— Помнишь ту длинную речь, которую я произнес в твоём гараже?

— Какую именно? — Я вздохнула. — Их было несколько. Я уже подумываю установить тебе личную трибуну с табличкой.

— Где я сказал, что ты будешь умолять меня переспать с тобой?

— А, эту. Как я могла ее забыть? Все жду, когда ты начнешь колотить себя в грудь, как вожак горилл.

— Забудь, что я сказал...

Включился громкоговоритель и в комнате раздался голос Бага.

— Невада, проснись. Берн просит ему сейчас же перезвонить. Это срочно.

Я схватила телефон с тумбочки. Кто-то поставил его на беззвучный режим. Я набрала Берна.

— Да?

— Монтгомери на видеосвязи в твоём офисе, — сообщил кузен. — Он в ярости. Я пытался объяснить ему, что ты перезвонишь, но он по-прежнему висит на линии.

Случилось что-то плохое.

Я соскочила с дивана, подхватила стоявшие рядом ботинки и стала обуваться. Роган наблюдал за мной.

— Проблемы?

— Вероятно.

— Тебе нужна помощь?

— Нет. — Августин знал, где я. Он не стал звонить сюда, а значит, каким бы срочным ни было дело, оно касалось меня и только меня. Со своими делами я буду разбираться сама.

Я взглянула на него. Он снова превратился в знакомого холодного Превосходного — могущественного, жесткого и смертельно опасного.

— Если я стану Превосходной, ты будешь моим врагом, Роган?

— Нет, — ответил он. — Тебе нечего меня опасаться.

— Ловлю тебя на слове.

Я помчалась на склад. Голубая «Хонда CR-V» стояла на моем месте на парковке. Берн встретил меня в дверях.

Я указала на «хонду».

— У нас клиент?

— Нет.

Лицо Берна приобрело сосредоточенное выражение, обычно означавшее, что он собирается восстановить точную череду событий, которые привели к появлению «хонды» и, вероятно, начнет свою историю прямо с Великого Потопа.

Я подняла руку, надеясь предотвратить поток информации.

— Потом. Какого черта бесится Августин?

— Может быть, из-за этого. — Берн протянул мне свой планшет. На нем красовался заголовок: «Вопрос к Леди в Зеленом: должны ли Превосходные делать больше?»

Как раз то, чего мне не хватало. Я плюхнулась в свое кресло, постаралась пригладить волосы назад, и щелкнула по клавиатуре.

— Да?

Идеальное лицо Августина было настолько холодным, что с таким же успехом могло быть высечено из льда.

— Мои поздравления, Леди в Зеленом.

Проклятье.

— Твой альтруизм породил гнилые плоды. Я тебя предупреждал.

— Это одна несчастная статья, Августин.

— Я говорю не о статье.

Я откинулась назад и скрестила руки на груди.

— Тогда нельзя ли сразу к делу?

— С моим офисом связались люди Виктории Тремейн. Она уже на пути в Хьюстон, чтобы встретиться со мной. Ее интересует личность Леди в Зеленом.

Я тут же села ровнее. Много лет назад, когда я только поняла, что являюсь правдоискателем, я стала искать Дома с таким же талантом. В континентальной части США их было всего три, и Дом Тремейн был наименьшим и самым опасным. В нем был лишь один Превосходный: Виктория Тремейн. Ей было около семидесяти и люди прятались, услышав о ее приближении. Она не просто вытягивала правду из своих жертв; она могла буквально сделать им лоботомию и часто так и делала. Богатая и опасная, она обладала беспрецедентной силой. Я вспомнила, как рассматривала ее фотографию — высокая аристократичная женщина со злыми глазами — и подумала, что она похожа на злую ведьму. Ведьму с благородным титулом, которая могла приказать содрать с вас кожу живьем, случись вам пролить подаваемый ей напиток.

— У меня нет желания разочаровывать Тремейн, — процедил Августин. — Как и желания видеть ее в своем офисе, но я просто не могу избежать с ней встречи. У тебя есть всего один шанс пояснить мне, почему она тобой интересуется.

— Понятия не имею.

— Ты уж постарайся это выяснить. Если тебе нужна защита от Тремейн, то ты должна подписать предложенный мной контракт. Мой Дом защищает своих. У тебя есть... — Он проверил экран компьютера. — Двадцать два часа.

Связь оборвалась. Я посмотрела на Берна. Он развел руками.

Если Августин встретится с Викторией Тремейн, она выудит сведения обо мне у него из головы. Я была начинающей Превосходной и при этом смогла заставить Барановского выдать мне его секрет. Виктория же практиковалась в этом всю жизнь. Но почему она мной интересовалась?

У меня зародилось ужасное подозрение. Если Роган был прав, и я была Превосходной, то мои таланты должны были откуда-то взяться. Спонтанные появления Превосходных в семьях, где никто не обладал подобной силой, были крайне редки.

— Мама дома?

Бернард кивнул.

— Невада, насчет машины...

— Потом.

Я встала, прошла через коридор в дом и свернула на кухню. Мама споласкивала в раковине тарелку. За столом сидела Арабелла, играя в телефоне.

Мама оценила мою прическу.

— Бурная ночь?

— Есть ли причина, по которой мной может интересоваться Виктория Тремейн?

Мама побледнела. Тарелка выскользнула из ее рук и со звоном разлетелась об пол.

— Мама! — подскочила с места Арабелла.

— Выйди из комнаты. — Ее голос стал холодным и жестким.

Арабелла заморгала.

— Мам, что случи...

— Сейчас же.

Сестра вышла из кухни, удивленно округлив глаза. Мама смерила Берна ледяным взглядом. Он удалился, не проронив ни слова.

Мама медленно вытерла руки полотенцем. Ее лицо превратилось в жесткую и расчетливую маску. Я уже видела однажды это выражение, когда она стала совершенно незнакомым мне человеком и покончила со своей карьерой частного детектива. Меня пробрал страх.

— Что ты сделала? — спросила она до жути спокойным голосом.

— Я спасла маленькую девочку. Эми Мадрид.

— Кто об этом знает?

— Августин и его секретарша. Мам, ты меня пугаешь.

— Виктория направляется в город?

— Да.

— Когда она прибывает?

— Завтра.

Мама повесила полотенце на крючок отточенным движением.

— Послушай меня очень внимательно. Ты должна стереть разум Августина.

— Что?

— Ты должна стереть разум Августина. Поджарить его, если понадобится.

Я отшатнулась.

— Ты хоть понимаешь, о чем меня просишь? Даже если бы я знала, как это сделать — а я этого не знаю, — это превратило бы его в овощ.

— Ты можешь это сделать, — сказала мама с полной уверенностью.

Она превратилась в кого-то, кого я не узнавала.

— Я его знаю. Он живой человек. Я не могу просто так разрушить его разум. Я не стану этого делать.

— Тогда я его убью.

— Ты с ума сошла? — воскликнула я.

— Сотри его разум или я его убью.

— Мама! Мы таким не занимаемся. Мы не такие. Папа бы никогда не...

— Это касается не только тебя. — На ее лице наконец-то отразился проблеск эмоций. — На тебе ответственность за твоих сестер! Если эта сука Тремейн доберется до нас, то убьет меня и бабушку. Арабелла закончит свои дни в клетке, а вы с Каталиной будете прислуживать Виктории до конца ее жизни. Ты этого хочешь? Ты должна защитить свою семью.

Я лишь молча разинула рот.

У мамы задрожала нижняя губа. Она пересекла кухню и сгребла меня в охапку, крепко обняв.

— Я знаю. Я знаю, это тяжело. Ничего страшного. Я прошу тебя о слишком многом. Не переживай, детка. Я об этом позабочусь. Забудь, что я тебе сказала.

Я высвободилась из объятий.

— Почему она нас преследует?

— Она твоя родная бабушка.

Волоски на моих руках встали дыбом. Я опустилась на стул.

— Она не могла выносить ребенка, поэтому она... кое-что сделала, и родился твой отец. Она хотела, чтобы ее сын был Превосходным. У твоего папы не было магии. Никакой. Она всегда пренебрегала им, но в ожидании проявления его таланта, каждый день вторгалась в его разум, ища признаки магии. Когда она осознала, что он совершенно нормальный, безразличие превратилось в ненависть. Он сбежал от нее, как только смог. Она отчаянно в тебе нуждается, потому что без другого Превосходного, ее Дом закончит свое существование на ней.

Боже мой.

— Не волнуйся, — сказала мама. — Я сама...

Нет, не сама. Как говорит Роган, это была война Домов. Я была старшей Превосходной в моей семье и сама заваривала всю эту кашу. Это была моя ответственность. Я подняла руку, мой голос прозвучал глухо.

— Нет. Я сама об этом позабочусь.

— Невада...

— Я сама с этим разберусь, мама. Я улажу все до вечера. Пообещай мне, что будешь ждать. Пообещай.

— Я не стану ничего делать, пока ты мне этого не скажешь, — вздохнула мама.

Я встала и с высоко поднятой головой отправилась в свою комнату привести себя в порядок.

Я приняла душ, высушила и расчесала волосы, и надела мою рабочую одежду, действуя на автопилоте. Мне следовало бы паниковать, но почему-то, я не могла выдавить из себя ни одной эмоции. Мной руководил холодный и методичный расчет. То, что мне и было нужно.

Виктория Тремейн была моей бабушкой. Если оглянуться назад, все становилось на свои места. Нежелание отца говорить о своей семье, его требование, чтобы я была очень осторожна с моей магией, и недоверие мамы к Превосходным. Если бы Виктория Тремейн была моей свекровью, я бы тоже не доверяла Превосходным.

У Виктории Тремейн не было наследников. Превосходных наследников, в частности. Это был общеизвестный факт. Если она узнает о моем существовании, то сотрясет землю и небо, чтобы сделать меня частью Дома Тремейн. Она сделает это, удерживая моих сестер в заложниках. Из нас троих, только я была правдоискателем. Это будет рабством для меня и сестер.

Я не могла допустить ее встречи с Августином. Она раздавит его, как грецкий орех.

Но и стереть разум Августину я тоже не могла. Мы не занимались подобным. Это... это шло вразрез со всем, что я отстаивала. И, тем не менее, я должна была это сделать, чтобы спасти свою семью. Или это, или моя мама его убьет.

Я не видела другого выхода. Мне нужно было позаботиться о моей семье.

Я спустилась вниз по лестнице. Из гостиной мне на встречу вышла Каталина, следом за ней семенила Матильда, копируя походку моей сестры. В любое другое время я бы сочла это забавным.

— Что происходит? — спросила Арабелла. — Мама сошла с ума...

— У мамы сейчас непростой период. Не волнуйся. До завтра все пройдет.

— Какой еще «непростой период»? Почему? У тебя такой вид, будто ты собираешься кого-то убить.

Забавная игра слов.

— Никто никого не будет убивать.

— Ненавижу, когда ты относишься ко мне, как к ребенку.

Я пристально посмотрела на нее, чтобы дать ей понять всю серьезность происходящего.

— Нас пытаются убить. Мама в ужасе, Августин нервничает, я пытаюсь все уладить. Было бы очень кстати, если бы хотя бы ты на меня не психовала.

Она умолкла. Я пошла дальше.

— Куда ты идешь?

— Составлять план.

Я вышла из склада и задержалась у «Хонды». Она выглядела совершенно обычной, выпуска минимум трехлетней давности. Нужно будет спросить про нее у Берна, когда я вернусь. Я покинула склад, прошла два квартала и остановилась на тротуаре перед штаб-квартирой Рогана. Это точно был не самый разумный шаг с моей стороны, но у меня не оставалось другого выбора. Я набрала его номер.

— Да? — ответил он.

— Мне нужен твой совет, — сказала я. — Я перед твоим штабом. Можно войти?

— Да.

Я прошла мимо солдат, которые тут же прекратили все разговоры, стоило мне к ним приблизиться, и поднялась по лестнице. Роган меня ждал. Он окинул взглядом мою рабочую

одежду с привычной сосредоточенностью.

— Я не хочу, чтобы Баг нас слышал, если это возможно.

— Это возможно.

Роган провел меня к двери в дальней стене и распахнул ее. Я вошла в маленький кабинет. Стол, пара стульев, и книжная полка, забитая блокнотами и пособиями. Роган закрыл дверь и сел на край стола.

Я сглотнула. Все во мне бунтовало против раскрытия информации, но у меня не было выбора. Он уже знал, что я Превосходная и сказал, что у него нет намерений враждовать со мной.

— Виктория Тремейн — моя бабушка.

Эти четыре слова будто воздвигли невидимую стену между нами.

Его брови чуть приподнялись.

— Я ожидал Дом Шаффер. Тремейн — это сюрприз.

— Завтра она встречается с Августинном. Если она узнает о моем существовании, то уничтожит мою семью. Моя мама убьет Августина, если я не сотру его разум.

— Патовая ситуация, — бесстрастно заметил Роган, словно он всего лишь играл особенно запутанную партию в шахматы. — Ты хочешь, чтобы я тебя выручил?

Это было заманчиво. Так заманчиво.

— Нет. Я хочу совет.

В его глазах блеснула гордость.

— Ты превращаешься в дракона.

— У меня нет выбора. Это моя проблема. Даже если мама приложит все силы, я сильно сомневаюсь, что она сможет застрелить Августина.

— Согласен. Хорошо. — Он подался назад. — Викторию Тремейн презирают и боятся, и она это знает. Она путешествует с эгидой, клоакером и телепатическим прикрытием. Ее тело и разум всегда превосходно защищены, а стоит ей попасть под атаку, как клоакер тут же поможет ей исчезнуть за долю секунды. Она чрезвычайно сложная цель для поражения. Вы не сможете ее устранить. Твоя мать это знает, потому и сосредоточилась на Августине.

Я кивнула. Мне удалось узнать то же.

— Августин для меня наиболее близок к понятию «друг» среди прочих представителей Домов. У него есть сестра, намного младше него, и брат. Его отец умер и теперь он их опекун. Не путай его профессиональный интерес к тебе с дружбой или приятельством. Если он хоть на секунду решит, что ты представляешь, пусть даже наименьшую, угрозу для его семьи, он убьет тебя. С точки зрения Превосходной, ты ничего ему не должна.

— Роган, я не могу просто так стереть его разум.

— Не можешь или не хочешь?

Я вздохнула.

— Я не знаю.

— Нет, знаешь. — Его взгляд был безжалостным.

— Я могу. — Я могла бы сломить Августина. Я уже была на грани стирания разума прежде, когда допрашивала наемника и практиковалась с моими сестрами. Я точно знала, где проходила эта грань, и изо всех сил старалась никогда к ней не приближаться.

— У Августина сильная воля. Если я атакую разум Августина, позволю ему это почувствовать и зайду слишком далеко, он искалечит сам себя, пытаясь бороться со мной. На это уйдет время, минуты, возможно, час, поскольку это не боевая сила, но после его

психика останется перемолотой. Я могу это сделать. Но не стану.

— Но тебе все равно нужно защитить свою семью.

— Да.

— Этого я и пытался избежать, когда отговаривал тебя идти на прием к Барановскому. Но так или иначе, это случится, и быстрее, чем мне или тебе того бы хотелось. Я думал, у нас будет больше времени. Сейчас вопрос не в том, что ты должна делать. Ты это и так знаешь. Вопрос, сможешь ли ты с этим жить?

— Может ли Августин добровольно открыть свой разум для Виктории?

— Он скорее умрет, — без колебаний ответил Роган. — Августин чрезвычайно скрытный. Человек, который никогда не показывает миру свое настоящее лицо, ни за что не допустит вторжения в свое внутреннее святилище.

— Пойдет ли он навстречу предложению о защите?

— С твоей помощью? Тебе пришлось бы сначала убедить его, что он беспомощен перед правдоискателем. Будь очень осторожна, Невада. Если ты сделаешь эту демонстрацию слишком личной, он нападет на тебя. Попробуй что-нибудь конфиденциальное, но к чему нет эмоциональной привязанности. Он не должен чувствовать, что были затронуты его самые сокровенные тайны.

Это будет очень изощренный танец, и даже если я добьюсь желаемого, я не была уверена, что смогу это сделать.

— Что ты планируешь делать?

— Я планирую прибегнуть к урокам, которым меня научил Адам Пирс. — Я покачала головой. И если мне это не удастся, моя жизнь рухнет, а Августин проведет остаток своей жизни, питаясь через трубочку и не зная, где он и кто он. Только и всего.

— Допустим, эта проблема решена, — продолжил он. — Что дальше? Виктория Тремейн просто так не сдастся. Она не развернется и не отправится домой с пустыми руками, а продолжит преследование. Это всего лишь кратковременное решение для грядущей огромной проблемы.

Я заставила себя заговорить.

— Я это понимаю.

— Какова твоя долгосрочная стратегия?

— У меня ее нет.

Роган нахмурился.

— Есть ли в твоей теперешней семье больше одного живого Превосходного?

Он спрашивал о моих сестрах.

— Да.

— Этот другой маг тоже правдоискатель?

— Нет.

В его глазах отразилось удивление.

— Но ты уверена, что они смогут квалифицироваться как Превосходные?

— Да.

— Тогда наилучшим выходом для тебя будет подать заявку на образование твоего собственного Дома. Для этого потребуются, чтобы ты и другой Превосходный публично подтвердили свою магию. Процесс квалификации и формирования Дома очень быстрый — менее сорока восьми часов, как только заполнены все необходимые бумаги и назначена дата испытаний. Стоит тебе стать Домом Бейлор, как тебе будет обеспечен иммунитет от

агрессии со стороны всех других Домов в течение трех лет. Это кардинальное правило, которое даже Виктория Тремейн не посмеет нарушить. Оно существует, чтобы защитить возникновение новой магии, которое благоприятно для всех, и является краеугольным камнем нашего общества.

Дом Бейлор. Я брошу себя и своих сестер в кишацие акулами воды.

— Это лучший вариант действий с твоей стороны. — На его лице дернулся мускул, но затем его выражение стало совершенно расслабленным, словно он намеренно напустил на себя невозмутимость. — Ты просила у меня совет. Стань Домом.

Как жаль, что сейчас для этого слишком мало времени, иначе проблема Августина была бы решена. Нет, я должна об этом подумать. Образование Дома должно быть последним выходом.

— Еще одно. Как только ты официально регистрируешь Дом Бейлор, это... что бы там ни было между нами, должно будет прекратиться.

Что бы там ни было? Я откинулась назад, закинув ногу на ногу.

— Почему?

— Как у главы молодого Дома, твоей главной задачей является обеспечение будущего твоей семьи. Ты должна наладить связи и заключить союзы, чтобы по истечении трехлетнего периода, ты твердо стояла на ногах и могла отразить любую атаку. Лучше всего добиться этого, заключив брак. Это обеспечит защиту и будущее твоего Дома. Существуют службы, которые исследуют твою ДНК и предложат подходящую партию, которая с наибольшей вероятностью даст в результате детей с Превосходным талантом правдоискателя, кого-то из Домов правдоискателей или же кого-то с дополнительной силой вроде манипулятора, чтобы компенсировать твой недостаток боевой магии. Мы с тобой несовместимы. Наша магия происходит из совершенно разных измерений. Исходя из опыта моего отца, наша кровь плохо смешивается с контролирующим разум магами. Наши с тобой дети могут не быть Превосходными.

А. Так вот к чему он вел.

— Угу.

Голос Рогана был пугающе спокойным.

— Ты считаешь, что тебе будет все равно, но это не так. Подумай о своих детях, и как тебе придется им объяснять, что их таланты ниже среднего, потому что ты не удосужилась подобрать им правильные гены. Это будет важно, Невада.

— Как скажешь. Сейчас же меня больше волнует Августин.

— Не переживай. Ты добьешься своего. Все как-нибудь образуется.

Он сказал это с полной уверенностью. Роган был не тем человеком, чтобы оставлять что-либо на волю случая. Меня охватила неуверенность. Только что я могла сделать что-то очень глупое.

— Роган, я хочу все еще раз прояснить. Я пришла сюда только за советом. Не вздумай действовать от моего имени.

Он улыбнулся мне в ответ. Маска цивилизованности лопнула, и я увидела дракона во всем его свирепом великолепии, с оскаленными зубами и ледяным взглядом. Он убьет Августина, если я не справлюсь.

— Нет, — предупредила я. — Он твой друг. У тебя их и так немного.

Он продолжил улыбаться. Я была бессильна. Я не могла ничего противопоставить обещанию убийства, которое я видела в его глазах.

— Ты обещал.

— Нет.

Черт. Нужно было заставить его пообещать, прежде чем что-то рассказывать.

— Я больше никогда не буду с тобой разговаривать.

— Это было бы ужасно, — съязвил он.

— Я не хочу этого. Я не хочу смерти Августина. Ты опять идешь мне наперекор, считая, что лучше меня знаешь, как для меня будет лучше.

— Мы, Превосходные, порой склонны бывать такими засранцами.

— Я тоже Превосходная.

— Да, но я Чокнутый Роган.

Из всех дурацких, твердолобых, идиотских доводов...

— Если с Августином что-то случится, ты не будешь нести за это ответственность, — сказал он.

— Но ты будешь.

— Я знаю, чем я являюсь, — отрезал Роган.

— Коннор...

— Роган, — поправил он. — Чокнутый Роган.

Мужчина, рассказавший мне историю о побеге из дома в шестнадцать лет, и Превосходный, здесь и сейчас не могли быть одним и тем же человеком.

— Ты меня пугаешь.

— Отлично, — ответил он. — Ты начинаешь понимать. Таков мир, в который тыходишь. Здесь требуются люди вроде меня, способные на ужасные поступки, чтобы люди, которых они любят, могли жить дальше.

Он сказал это не просто так.

Я была влюблена в Коннора Рогана. А он любил меня.

Я встала и направилась к нему. Шаг. Еще шаг. Еще один, и я оказалась в его личном пространстве, стоя слишком близко. Он возвышался надо мной. Нас разделял едва ли дюйм пространства, я подняла подбородок и посмотрела в его глаза. Я увидела только холодную решимость и ничего больше. Он скрывал все остальное.

Он желал меня достаточно сильно, чтобы убить своего друга для моего спасения, но он же сказал мне, что я — Превосходная. Он велел мне сейчас образовать Дом, в полной уверенности, что уничтожает на корню всякую надежду на отношения, потому что верил, что это в моих интересах. Способности Превосходного управляли его жизнью, и он думал, что возможность стать Превосходной превзойдет все для меня.

— Если бы у тебя был ребенок, — кто-то, вроде Матильды, — и этот ребенок не был бы Превосходным, несмотря на все правильные гены, ты бы все равно ее любил?

— Конечно.

— Ты бы защищал ее и заботился о ней? Ты бы учил ее и старался, чтобы у нее была счастливая жизнь?

— Да.

— Рада это знать.

Он сощурил глаза.

— Что это значит?

— Это значит, что ты не убьешь Августина, Роган. Ты позволишь мне самой с этим разобраться.

Его магия вырвалась, поднявшись диким тайфуном, достаточно мощным, чтобы заставить вас вопить от ужаса. Он закружился вокруг нас и натолкнулся на холодную стену, которая была моей силой. Его челюсть напряглась. Все верно. Это я не сдаюсь под твоим напором.

Сила наполнила его голос. Дракон смотрел мне прямо в лицо, в его глазах отражалось бушующее пламя и выжженная земля.

— И почему я должен это сделать?

— Потому что убийство твоего друга тебя ранит, а я этого не хочу.

Его магия бушевала, но моя ей не уступала. Я посмотрела ему в глаза.

— Уважай мои желания, Роган. И я буду уважать твои.

Я развернулась и ушла, прямо сквозь поток его магии, искажающей реальность вокруг нас.

Глава 12

Мне нужна сила. Когда вы являетесь магом, существует только один способ увеличить свой запас силы. Именно поэтому я вошла в гараж бабули Фриды с коробкой мела и книгой по магическим кругам. Она увидела мой наряд из спортивного лифчика и шорт из спандекса, и ее брови поползли вверх. Если бы это было возможно, я бы разделась догола, чтобы увеличить обмен силой, но моя комната и ванная были единственными местами, где я могла дефилировать обнаженной. В комнате был неровный бамбуковый пол, на который плохо ляжет мел, а в ванной — плитка. Первое и самое главное — мои круги не представляли собой ничего выдающегося, и я хотела ровное пространство.

Я выбрала место в уголке подальше от прохода и открыла книгу на странице с подзаряжающим кругом. Он выглядел достаточно мудреным, чтобы сломать мне мозг. Крупные Дома комбинировали круги зарядки со специальным ритуалом, который назывался «Ключ», совершенствуясь с каждым поколением. Как-то раз я наблюдала, как его выполнял Роган. Он нарисовал созвездия магических кругов на гаражном полу и перемещался между ними с убийственной грацией; его руки разили как оружие, удары ломали кости невидимых противников, пока тело поглощало магию. У меня не было Дома и «Ключа», так что я воспользуюсь простым заряжающим кругом. Я уже его испытывала и он работал.

Я присела на корточки и принялась рисовать на бетонном полу. У меня был соблазн воспользоваться инструментами, но каждый источник, с которым я сверялась, утверждал, что использование чего-либо, кроме мела и твердой руки, уменьшит силу круга. Было это правдой или всего лишь магической легендой, роли не играло. Я не могла позволить себе оплошность. Я позвонила Августину и назначила с ним встречу на восемь часов. Мне потребуется полчаса на дорогу, поэтому если я начну сейчас, у меня будет где-то восемь часов для подзарядки. Польза от подзарядки уменьшается с каждым часом, проведенным в круге, так что восьми часов мне хватит с головой.

Голубая «хонда» была припаркована посередине гаража, а бабуля Фрида ковырялась в ее двигателе.

— Чья это машина?

— Твоя, — ответила она. — Люди твоего не-парня притащили ее сюда. Вот записка. — Она протянула мне маленькую карточку.

Я открыла ее. «Прости за «мазду»

— Ты собираешься биться в истерике и требовать, чтобы он забрал ее обратно? —

покосилась на меня бабуля.

— Нет. Может, позже.

Мне понадобится машина этим вечером.

Я присела на корточки, тщательно стараясь перерисовать тайный круг со страницы на пол. Блин... Смахивает на рисунок пятилетнего ребенка. Вот какого черта он такой сложный? И почему я только не изучала тайные круги раньше?

— Так как там дела с Чокнутым Роганом? — поинтересовалась бабуля Фрида, вытирая руки полотенцем.

— Хорошо.

Круг внутри круга внутри другого круга... Кто-нибудь, убейте меня.

— Вы все еще ссоритесь?

— Нет.

Три круга снаружи. Три меньших круга внутри.

— Ты так сосредоточилась, что я прямо вижу, как у тебя из ушей валит пар.

— Угу.

— Вы уже это сделали?

Я оторвалась от рисования и посмотрела на нее. Серьезно?

Бабуля отгородилась от меня полотенцем будто щитом.

— Не смотри на меня так.

Я вернулась к рисованию.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я буду счастлива, когда все, кто пытается нас убить, будут мертвы.

— Говоришь, как он. — У бабули дрогнул голос. — Невада, Пенелопа сидит в своем «вороньем гнезде» уже целый час. Она едва перекинулась со мной парой слов этим утром, и у нее такой вид, будто она готовится к похоронам. Теперь еще ты выглядишь так, будто хочешь кого-то ударить. Милая, что не так?

Что не так? Отличный вопрос. Роган влюблен в меня, но не хочет этого показывать, потому что я Превосходная, которая рано или поздно создаст свой собственный Дом. Моя мать врала мне годами напролет, и я даже не знаю, были ли все те разы, когда она и папа заставляли меня скрывать мой талант, мне на благо, или же только, чтобы нас не обнаружила моя другая, полоумная бабуля. Она на пути в город, и Роган с моей мамой оба хотят прикончить Августина. Нам известно, что Дэвид Хоулинг помог убить Нарю, но мы не знаем, где он, и у нас нет доказательств, чтобы напасть на его сообщника. А сегодня вечером я должна убедить одного человека, который все это время пытался меня использовать, что в его же интересах позволить мне поковыряться в его мозгах. В остальном же, все просто отлично.

— Я просто устала, — вздохнула я. — У меня есть еще дела, которые нужно закончить до вечера.

— Я тебе не верю.

Я практически рывкнула: «Тебе и не нужно», но ее ярко-голубые глаза были так полны беспокойства, что я проглотила ответ, прежде чем успела открыть рот. Я не собираюсь грубить бабуле.

— Я могу что-нибудь сделать? — спросила бабуля.

— Можешь меня обнять, — предложила я.

Ее лицо вытянулось.

— Ладно, теперь я действительно волнуюсь.

— Ты меня обнимешь или нет?

Бабуля Фрида раскрыла объятия. Я подошла и обняла ее, вдыхая знакомый успокаивающий запах машинного масла, и на короткое мгновение мне снова стало пять лет, и мир снова стал простым и ярким. Она нежно похлопала меня по спине.

— Я установила новую систему компьютерного наведения в Ромео. Просто скажи мне, кого застрелить, ладно?

— Ладно.

Если бы все мои проблемы можно было решить с помощью Ромео, я бы и горя не знала.

Кто-то стоял снаружи моего круга. Я медленно открыла глаза. Тело блестело от пота. Внутри круга слегка парило, словно я была в сауне. Матильда присела возле меловой линии. Ее зверинец расселся вокруг нее: кот и енот с одной стороны, а Банни с другой.

Мы ничего не говорили. Просто смотрели друг на друга.

Матильда потрепала Банни. Он встал и потрусил прочь, цокая когтями по твердому полу. Пару мгновений спустя он вернулся, неся маленький розовый спальник. Матильда расправила его, залезла внутрь, устроившись возле самого круга и свернувшись, глядя на меня большими карими глазами. Животные легли рядом, кот и енот у ног, а большой доберман с другой стороны. Она вытянула одну руку к кругу, близко, но не касаясь хрупкой меловой линии, и смотрела на меня.

Довольно долго мы оставались в таком положении, пока ее глаза не закрылись, и она не заснула.

Когда я в следующий раз открыла глаза, в помещение вошел Корнелиус. За ним следовала женщина, небольшого роста, но на высоких каблуках, ее волосы были такого же светло-серебристого цвета, как и у него. Мерцающее платье с вырезом лодочкой облегалo ее стройную фигуру. Умело нанесенный макияж подчеркивал теплые карие глаза и тонкие арки бровей. За ней следовали две пантеры на бархатных лапах.

Должно быть, я так долго подзаряжалась, что мой бедный мозг начал галлюцинировать.

— Вот она, — тихо сказал Корнелиус, кивнув на Матильду.

Пантеры уставились на меня своими золотистыми глазами. Я уже приготовилась к неминуемой схватке между Банни и пантерами, но ничего не случилось.

Все три зверя старательно игнорировали друг друга.

Я качнулась вперед, пытаюсь подняться на ноги. Мои ноги и попа затекли, и крошечные электрические иголки от тока крови возвращающейся к мышцам вонзились мне в бедра.

— Пожалуйста, не вставайте ради меня, — сказала сестра Корнелиуса.

Корнелиус прихватил стул из металлической сетки с поста охраны и подкатил его сестре.

— Пожалуйста.

Она аккуратно подобрала платье рукой и села. Пантеры устроились у ее ног.

— Просто, чтобы убедиться, что мы все на одной волне — все видят пантер? — тихо поинтересовалась я.

— Они настоящие, — ответила сестра Корнелиуса. — Хотя, по большей части, для галочки. Я присутствовала на деловой встрече перед тем, как приехать сюда, и хотела напомнить другим участникам, что я Превосходная. Я не могла оставить их в машине, без присмотра они становятся раздражительными и когтят кожаную обивку. Если вы действительно нуждаетесь в защите — собаки лучше всего. Средние и крупные, ничего

слишком громоздкого. Вам нужна спортивная собака, которая сможет бегать и прыгать, но с достаточной массой, чтобы сбить нападающего с ног. Доберманы, бельгийские овчарки, ротвейлеры...

Она погладила голову левой пантеры кончиками пальцев. Огромный зверь поднял голову, совсем как домашняя кошка-переросток, и приласкался к ее руке.

— Собаки умрут, защищая своих хозяев, не промедлив ни секунды. Кошек же нужно убедить, что это их проблема.

Она посмотрела на Банни.

— Мой брат из нас троих всегда был самым прагматичным.

Корнелиус улыбнулся.

— У меня есть, кого еще охранять кроме себя, Диана.

Она взглянула на Матильду. По ее лицу пробежала тень. Казалось, она чем-то встревожена.

— Почему она так лежит?

— Нарі была эмпатом. — Его голос наполнила печаль, угрожая перерасти в отчаяние.

— Я этого не знала, — сказала Диана.

— Ее магия была слабой. Она никогда ее не регистрировала. Тем не менее, она ей помогала — когда у нее был суд или отбор присяжных, Нарі проводила ночь так же, внутри круга. Матильда скучала по ней, поэтому приходила и спала рядом.

Я посмотрела на ручку Матильды, протянутую к кругу. Такая крохотная. Ее мать ушла навсегда, поэтому она пришла и легла спать рядом со мной, потому что это было ей знакомо и на несколько секунд, когда она была между сном и явью, она могла подумать, что я ее мать, живая и ожидающая ее в круге. Кто-то запустил руку мне в грудь и выжал всю кровь из моего сердца.

Диана заерзала на стуле.

— Это не наша линия поведения, Корнелл. Роган, Хоулинг, Монтомери — все это громкие имена, и Харрисоны к ним не принадлежат. Ты просишь меня одобрить то, что может поставить под угрозу всех нас. Это не вернет твою жену. Она была... партнером.

— Заменяемой, — сказал Корнелиус.

— Я этого не говорила.

— Но ты это имела в виду.

— Она была человеком, — тихо сказала Диана. — Я никогда не понимала твоей преданности по отношению к ней. Это...

Матильда села и посмотрела на меня мокрыми глазами.

О, нет. Пожалуйста, малышка, только не плачь.

Ее нижняя губа дрожала. Она развернулась посмотреть на отца и тетю. Диана моргнула, вдруг опешив. Матильда встала, подошла и забралась Диане на колени. Превосходная Харрисон сидела совершенно неподвижно. Ее племянница обняла Диану, прижалась крепче и положила голову тете на грудь.

Диана сглотнула и обняла маленькую девочку руками, чтобы не дать ей соскользнуть.

— Что это значит?

— Твоя племянница тоскует, — ответил Корнелиус. — Она чувствует твою магию, и она ей знакома. Она знает, что ты — член семьи и женщина, а она скучает по матери. Ей нужно утешение, Диана.

Матильда тихо вздохнула. Ее тело расслабилось.

— Это почти как... как привязывание.

— Это больше, — возразил Корнелиус. — Когда к нам привязывается животное, это просто удовлетворение потребностей. Сделай это и получишь преданность. С ребенком все намного сложнее и многослойнее, но это прекрасно, потому что эта любовь отдается добровольно. Никакого обмена. Иногда, если тебе очень повезет, тебя полюбят, и тот, кто тебя любит, ничего не ожидает взамен. Она доверяет тебе, а ведь она даже не знает тебя.

Диана посмотрела на Корнелиуса.

— Почему этого нет между нами?

— У нас это было. Помнишь клубничный сироп?

Она со стоном закрыла глаза.

— Это была моя любимая футболка. Я ее обожала.

— Но ты не рассказала маме, что это сделал я.

— У тебя и так проблем хватало. Тебе приходилось проводить дни напролет с этим мелким монстром Пирсов... — Диана вздохнула. — Полагаю, ты прав. Мы выросли.

— И теперь мы семья лишь на словах.

Она поморщилась.

— Думать об этом на удивление болезненно.

Часы на стене показывали четверть седьмого. Мне нужно было одеваться. Я встала и медленно потянулась. Они даже не заметили.

— Когда ты последний раз видела Блейка? — спросил Корнелиус.

— Лично? — Диана нахмурилась. — Обычно, он присылает e-мейлы. Полгода? Нет погоди, год. Я столкнулась с ним на том ужасном приеме Национальной бейсбольной ассоциации в прошлом декабре.

Я взяла щетку и смела меловые линии с пола.

— Я не видел его уже два года, — признался Корнелиус.

— Он живет в полчаса езды, — сказала Диана.

— Я знаю.

Диана выгнула шею, чтобы посмотреть на племянницу.

— Она уснула?

— Да, — сказал Корнелиус.

Я направилась к двери.

— Расскажи мне о ней еще раз, — попросила Диана за моей спиной. — О своей семье. Расскажи мне о своей жене.

Через два часа после заката центр Хьюстона не демонстрировал никаких признаков замедления жизни. Рваные облака плыли по темно-фиолетовому небу, обрамляя огромную серебряную луну, сияющую над небоскребами. Высокие деловые здания тянулись к ней, усыпанные огнями, в то время как офисные работники проводили вечер перед электрическим светом мониторов. Город был бурным океаном, его здания скалистыми пиками вырывались из улиц, а светящиеся ручейки трафика вились вокруг их оснований. И ассиметричный треугольник штаб-квартиры «Международных расследований Монтгомери» со всеми своими двадцатью пятью этажами, облицованными кобальтовым стеклом, был акулой, рассекающей эти воды, чтобы вонзить в меня бритвенно-острые зубы.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я пошла с вами? — спросила Мелоза. Я обнаружила ее ожидающей у машины, когда вышла из дома. Она настояла на том, чтобы поехать со мной и, учитывая в какие кипящие воды мы совались, я была бы идиоткой, если

бы отказалась.

— Нет. Со мной все будет в порядке.

— Ладно. — Судя по тону, ей это совершенно не нравилось, но она ничего не могла с этим поделать.

Я вошла в знакомый ультрасовременный вестибюль и поднялась на лифте на семнадцатый этаж. Блестящий нержавеющей сталью стол, служивший Лине рабочим местом, был пуст, и ее сумки не было на стуле. Секретарши Августина не было на месте. Ничего страшного; я достаточно хорошо помнила дорогу в его офис. Я шла через огромные пространства, слева от меня покатаая гладь синих окон, а справа — морозно-белые внутренние стены. Я находилась в самом углу акульего плавника, в логове Августина, а Дом Монтгомери не жалел денег на элегантный дизайн. Он всегда казался мне слегка стерильным, слишком чистым и к тому же лишенным персональных черт, но выглядело это потрясающе. В течение дня тонированные стёкла окрашивали офис в мягкие синие тона, словно вы находились на дне неглубокого моря, но ночью стекло растворялось в темноте, практически исчезая, и раскинувшийся внизу город казался бездонным и сиял огнями.

Впереди замаячила стена с заиндивелыми белыми перьями. Стеклянная секция была сдвинута в сторону и в проеме я видела Августина за столом, что-то читающего на планшете. Я подошла к двери.

— Входи, — пригласил он, не поднимая головы.

Я вошла в кабинет и села. Он продолжил чтение. Августин напоминал мне, что он мой босс.

Осторожно, мягко, я выпустила мою магию. Она стала расползаться по офису тонкими усиками, разветвляющимися и разрастающимися, будто корни огромного дерева. Я притянула ее назад, позволив ей чуть пробраться вперед. Мне не следует торопиться.

Наконец, Августин поднял голову.

— У меня есть несколько вопросов насчет моего контракта, — заявила я.

В его глазах отразилось удивление, а затем сменилось расчетом. Он сложил два и два. Надвигающееся прибытие Виктории Тремейн напугало меня, и я решила согласиться на его предложение десятилетнего рабства в обмен на защиту Дома Монтгомери.

— Отлично. Я постараюсь ответить на все вопросы.

Я достала распечатанный контракт и камеру. Августин поднял брови.

— Предпочитаю бумажный вариант, чтобы делать на нем пометки, — пояснила я. — И я бы хотела записать наш разговор, если вы не возражаете.

— Я должен бы оскорбиться тем, что ты считаешь меня способным отказаться от своих слов, но думаю, вместо этого, я похвалю твою предусмотрительность. Давай приступим.

Я нажала кнопку записи на камере.

— Пункт I, «в интересах успешности компании». Не могли бы вы более подробно пояснить специфику «успешности»? Здесь это описано довольно размыто.

— Успешность Дома — многосоставное понятие. С одной стороны, она представляет отношения Дома Монтгомери с его заказчиками и клиентами. Такая успешность подтверждается повторными контрактами с существующими клиентами и рекомендациями нас новым клиентам. Менее специфический аспект успешности Дома включает нашу репутацию, имя и положение. Дом Монтгомери означает конфиденциальность. Мы — местный Дом с прочными связями с обществом и проверенной историей. В нашем деле, доверие на первом месте, и как подчиненная Дома Монтгомери, вы будете придерживаться

высокого стандарта...

Моя магия ползла вперед. Я задавала вопрос, он отвечал, каждый обмен репликами усиливал структуру, и с каждым ответом я завоевывала чуть больше его, пока он не оказался полностью окутанным моей силой.

— Пункт V, «материально отмеченный». Что это значит?

— Где? — Августин пролистал его на планшете.

— Вот. — Я протянула ему лист бумаги и позволила своей магии расползтись чуть дальше. Чем больше я его отвлекаю, тем лучше.

Он сосредоточился на параграфе, бесшумно шевеля губами.

— Это опечатка. Должно звучать «материально ответственный». — Он поморщился. —

Прошу прощения.

— Без проблем. — Я исправила совершенно правильный абзац.

— Ненавижу небрежность. Я уже подчеркивал ранее, что машинная проверка орфографии не заменит человеческой внимательности. Чем больше глаз просмотрит контракт, тем лучше.

Он добровольно делился со мной информацией, которую не должен был раскрывать. Августин был готов, и я не смогла бы удерживать его так вечно. Сейчас или никогда.

— Как я буду получать вознаграждение за свои услуги?

Августин раскрыл рот.

Я легонько его подтолкнула.

— Прямым переводом на твой банковский счет.

— Из какого банка будет происходить перевод?

— «Первый Дом».

— Не могли бы вы сказать мне номера маршрутизации и счета?

Это был шаг ва-банк. Если ему понадобится их посмотреть, он может отвлечься. Но Августин был весьма педантичен в своем внимании к деталям.

— Конечно.

Он назвал две строчки цифр. Я их записала.

— У вас есть онлайн доступ к счету?

— Да.

— Какой ваш логин и пароль?

— ДжулиенМонт. LoT45B9!n.

— Кто такой Джулиен?

— Я. Это мое второе имя, которое я ненавижу.

— Пункт XII, третий абзац гарантирует мне три недели оплачиваемого отпуска. Я могу брать их все сразу или по отдельности?

— Как пожелаешь.

Я начала оттягивать магию обратно. Еще два вопроса, и я полностью его освободила. Августин поморщился. Должно быть, он что-то почувствовал, но не смог толком понять.

— Думаю, мы со всем разобрались, — сказал он, наконец. — Остается лишь твоя подпись.

Я откинулась назад.

— Я не стану подписывать контракт, Августин.

Он посмотрел на меня.

— Это ошибка. Роган сделал предложение получше?

Я покачала головой.

— Нет. Это не имеет отношения к Рогану. Мы оба знаем, что вы предлагаете мне непропорционально маленькую компенсацию моей способности помочь вашему Дому. Я понимаю, куда вы клоните. Завести Превосходного вассала было бы отличным приобретением для Дома Монтгомери.

Он сощурил глаза.

— Ты считаешь себя Превосходной?

— Позволит сэкономить время для цели этого разговора, если вы будете обращаться со мной, как с Превосходной.

Может, он прислушается ко мне. Может, мне удастся его убедить, и потом я заберу свою камеру, и ему никогда не придется столкнуться с тем, что на ней.

На его губах заиграла снисходительная улыбка.

— Я тебе подыграю. Продолжай.

— Завтра Виктория Тремейн войдет в этот офис и расколется ваш разум, как орех. Вы не сможете ничего сделать, чтобы ее остановить. Если она решит быть аккуратной, она оставит вам способность соображать. Если же ей не понравится, как вы выглядите, покрой вашего костюма или цвет стен в кабинете, она сделает вам лоботомию.

Августин прищурился. Он снял очки.

— Очаровательно.

Неа. Придется действовать жестко.

— Я пытался проявить великодушие своим предложением. До сих пор я был чрезвычайно терпелив, — продолжил он. — Ты показала мне ошибочность моего выбора, так что позволь дать тебе последний бесплатный совет. Ты провела некоторое время в обществе Рогана и моем собственном, и думаешь, что знаешь, как делаются дела между Домами, и ты осмелилась наставлять меня, словно наши роли поменялись, и я какой-то невежественный дилетант.

Понеслось.

— Ты можешь быть, а можешь и не быть Превосходной. Твои силы и способности открыты для обсуждения. Ты любитель с завышенной оценкой своих собственных возможностей и важности. Я был Превосходным всю свою жизнь. Я — глава сильного Дома с четырьмя живыми Превосходными, я управляю многомиллионной международной корпорацией и имею безупречную репутацию в обществе. Виктория Тремейн лишь старая карга, чей Дом в упадке.

Ладно, он перешел от фактов к полным преувеличениям. Я по-настоящему его разозлила.

— Если я буду не в настроении для ее визита, я с ней не увижусь. Если я решу оказать ей такую любезность, она будет помнить о приличиях и не сделает ничего, чтобы поставить свою безопасность под угрозу, или я выставлю ее на улицу.

Я перевернула верхний лист на стопке контракта и подвинула его к нему.

— Сама мысль о том, что она войдет сюда, и я просто выложу ей свои секреты — абсурдна. Твое присутствие в моем кабинете абсурдно. С меня хватит.

— Посмотрите вниз.

Августин уставился на меня, потом на бумагу. На ней я аккуратными цифрами записала маршрутный и банковские счета, а также его логин и пароль.

— Откуда это у тебя? — прорычал он.

— Вы сами мне сказали.

Августин схватил камеру, отмотал запись и посмотрел, как он сам диктует пароль. Его лицо стало мертвенно-бледным. Он нажал кнопку перемотки и послушал себя еще раз.

Он выронил камеру, и бросился через стол. У меня не было времени отскочить. Его руки вцепились мне в плечи, и он рывком поднял меня на ноги. Разъяренная гримаса искадила лицо Августина, и его черты зарябили, будто иллюзия грозила вот-вот соскользнуть с его лица.

— Что еще?

— Больше ничего другого, кроме вашего второго имени — Джулиен. Можете проверить запись. На вашем месте я бы отпустила. У меня имплантированы шокеры, и я не хочу их применять.

Он меня отпустил.

Я опустилась обратно на стул.

— Общение с Превосходными для меня в новинку. Мне удалось узнать лишь некоторые подробности, включая то, что Превосходные редко раскрывают все возможности своих талантов. Правдоискатели относятся к редчайшим из Превосходных. То, что люди считают нашим основным талантом — определение, когда кто-то нам лжет — на деле, лишь пассивный талант. Это побочный эффект дара правдоискателя, что-то, что мы делаем с минимальными усилиями.

Августин внимательно на меня смотрел. Гнев и беспокойство смешались в его глазах.

— Знаете, как Роган понял, что я Превосходная? Кто-то попытался убить мою бабушку. Я подумала, что это был он, и подавила его волю своей, заставив его отвечать на мои вопросы.

Я смогла удержать его всего несколько секунд, потому что подавлять волю Рогана было все равно, что пытаться удержать цунами, но на те пару решающих секунд, я его одолела.

Я никогда раньше не видела, как у человека в буквальном смысле отваливается челюсть. Это принесло глубокое удовлетворение.

— Вы правы. Я новая Превосходная. Но Виктория Тремейн — нет. Я здесь, чтобы сообщить вам: все услышанное вами о ней — правда. Каждая жуткая история и мерзкая сплетня, которую вы могли знать — считайте, она может это сделать. Виктория ненавидит мою семью, и пойдет на все, чтобы навредить нам, и она способна на поистине ужасные поступки.

Это удобно обходило правду, но не было совершенной ложью.

— Если вы откажетесь с ней встретиться, она дождется удачного момента оказаться вблизи вас и разрушит ваш разум. Даже если вы расскажете ей все, что знаете, она все равно продолжит копаться у вас в голове, ища большего. Ей плевать на ваш статус Превосходного, ваши связи или размер бизнеса. Виктория идет за тем, что она хочет, и она это получает.

Наконец, Августин закрыл рот. Его глаза потемнели.

— Зачем ты здесь?

— Потому что я хочу защитить ваш разум.

— Ты хочешь меня зачаровать? — Он стиснул зубы. — Наложение заклятия требует нескольких недель.

— Нет. Я хочу создать видимость заклятия. Когда я раскрыла разум мистера Эмменса, чтобы выяснить, что искал Пирс, мне удалось как следует разглядеть структуру чар. Заклятие создает преграды в вашем разуме, затрагивая самую суть вашей магии, а затем оборачивается

вокруг него твердой скорлупой, глубоко укорененной в вашей психике. Если использовать грубую силу, чтобы разбить скорлупу, то можно убить питающий ее разум. Можно лишь заглянуть под нее, медленно и осторожно, угадывая ее содержимое. Чем сильнее маг, тем сложнее разрушить заклятие.

Если вы мне позволите, я сымитирую эту скорлупу в вашем разуме. Вы Превосходный с огромным магическим резервом и скорлупа будет казаться непроницаемой. Если Виктория Тремейн прощупает ваш разум, она наткнется на скорлупу. Ее разрушение будет вне вопроса — вы умрете и заберете свои секреты с собой. Дальнейшие попытки потребовали бы слишком много времени и подготовки, вроде магического круга и вытягивая ответы на задаваемый ею вопрос. Она жаждет узнать мою личность, а это очень специфическая информация. Она не сможет просто сидеть и бесконечно ковыряться в вашем мозгу. Вы это почувствуете. Она осознает, что это вне ее досягаемости.

— Сколько продержится эта скорлупа?

— Несколько дней. — Сказано это было наугад. В книге, по которой я училась, говорилось, что фальшивая преграда может продержаться пару месяцев, если все сделать правильно. Учитывая, что раньше я никогда подобного не делала, пара дней были более чем вероятным итогом. — И еще мне понадобится ваша помощь. Вам нужно раскрыть свой разум и самому захотеть, чтобы там появилась скорлупа.

— Ты когда-нибудь уже делала это раньше? — потребовал он.

— Нет.

Он откинулся назад, с отчаянием выдохнув.

— Каковы риски?

— Я могу повредить ваш разум.

— Что это значит, мисс Бейлор?

— Я не знаю. Но это единственный расклад, не оканчивающийся вашей смертью, — сказала я.

— Моя жизнь окажется под угрозой, если я откажусь?

Лгать не было смысла.

— Да.

— Почему тебя это заботит? Не проще ли было бы просто убить меня?

Потому что я не смогу спать по ночам. Потому что я не такая. Он не поймет. Я должна дать ему причину, с которой он сможет смириться, что-то достаточно меркантильное, чтобы пощадить его гордость.

— Потому что если возникнет Дом Бейлор, ему понадобятся могущественные союзники.

Мгновения тянулись.

Августин положил очки на стол.

— Роган звонил мне за полчаса до нашей встречи.

Я попросила его не убивать Августина. Я не просила его не звонить.

— Что он сказал?

— Он сказал, что если сделать череду неправильных выборов, то, в конечном итоге, выбора больше не будет. В тот момент я подумал, что он говорит о Хоулинге. Теперь я понимаю, что ему удалось объединить упрек и смертельную угрозу в одном предложении.

Августин смотрел на меня, не отводя взгляд.

— Мы сидим здесь из-за моего высокомерия. Я принял череду неверных решений. Я

позволил тебе допрашивать серийного убийцу вопреки своим принципам, зная, что ты скрываешь свою магию, и осознавая весь масштаб твоего возможного обнаружения. Я это сделал, потому что Корнелиус — мой друг, а наше общественное положение мешало мне предложить ему подачку, а его не вынуждало принять ее, но я хотел, чтобы ты занялась этим делом. Я также позволил упоминать свое имя в этом расследовании, потому что меня привлекала мысль быть связанным с правдоискателем. Тогда я сделал осознанный выбор, предложив тебе несправедливый контракт. Я мог бы обращаться с тобой как с юной талантливой Превосходной с редким даром, но вместо этого я попытался воспользоваться твоей неопытностью.

Тогда я прибегнул к манипуляции, чтобы выиграть порядком доставшее состязание с Роганом, даже понимая тот момент, что если мой интерес сугубо профессиональный, то он эмоционально привязался. И вот мы здесь. Ты, моя бывшая сотрудница, желающая вторгнуться в мой разум, и если я этого не позволю, мой лучший друг меня убьет.

— Августин...

Он поднял руку.

— Пожалуйста. Я знаю Рогана намного дольше, чем ты. Я понял телефонный звонок. Я просчитался в этой игре, и просчитался порядком. Я спасен исключительно твоей неопытностью и тем фактом, что ты еще не научилась устранять проблемы жестким упреждающим ударом. Случись эта ситуация пятью годами позже, я был бы уже мертв.

— Августин...

— Это довольно унижительно. Я работал, планировал и ухитрился манипуляциями загнать себя в такое место, где у меня не осталось выбора. Я полагаю, в этом заключен некий урок. — Он открыл верхний ящик и положил кусок белого мела на стол. — Действуй. Давай с этим покончим.

Час спустя я вышла в ночь. Холодный ветер насквозь пронизывал одежду. Усталость окутала меня, словно якорь, притягивая к земле. Я вбухала все свои резервы в скорлупу для разума Августина. И теперь мне нужно доехать домой. Я не хотела вести машину. Я хотела лечь прямо здесь на асфальте и закрыть глаза. Он выглядел довольно мягко и приглашающе. Определенно лучше, чем стоять прямо...

Так, мне нужно добраться домой.

Я осмотрела парковку. Одинокая «хонда» ждала на парковочном месте. Прислонившись к ней, стоял Роган.

Я подошла к нему.

— Где Мелоза?

— Уже дома.

Он открыл для меня пассажирскую дверь. У меня промелькнула мысль забрать ключи. Нет. Я была настолько уставшей, что, вероятно, врезалась бы в ближайшее дерево. Я скользнула на пассажирское сидение. Он сел рядом со мной и выехал с парковки.

Его магия заполнила салон, касаясь меня, словно зверь с острыми клыками, готовый вырваться наружу. На этот раз я не отстраняюсь. Моей собственной магии не осталось. Его сила обернулась вокруг меня, словно одна из Дианиных пантер — опасная, переменчивая, но в настоящий миг спокойная.

Город проносился за моим окном. Я превращалась в кого-то другого. Августин сказал, что через пять лет я бы его попросту убила. Пару месяцев назад подобное казалось невозможным, чем-то, чего я бы никогда не сделала. Теперь я могла видеть скользкий путь

решений, которые приведут меня туда. Все они будут нелегкими, принятыми во имя друга, или ради защиты моей семьи, и каждое будет даваться чуть легче, пока все, что я обещала себе никогда не делать, не станет само собой разумеющимся. Я вообще узнаю себя через пять лет? Заглядывая в будущее, я могла видеть лишь черную дыру и женщину в платье, напоминающем броню.

От Рогана исходило напряжение. Мрачная холодность сковала его черты, превратив их в суровую маску, напоминающую лицевую пластину какого-нибудь древнего шлема. Магия усилилась, сильнее обвивая меня. Передо мной закружились картины крови и пепла, а за ними в суровой холодной темноте...

Я потянулась и положила ладонь на его руку. Он вздрогнул и посмотрел на меня.

Интерьер автомобиля дрогнул, и другое место пробилось в мое сознание. Домик, освещенный мягким электрическим светом, желтое дерево и стекло, за которым вздымались белые горы, резкие очертания которых смягчались снегом и бархатистым подбоям далеких деревьев. Снаружи царствовала зима, суровая и холодная, но внутри, в домике, уютное тепло насыщало воздух. Я сидела на большой кровати, и простыни подо мной были мягкими и шелковистыми. Я была укутана в белое одеяло, мягкое, как облачко, и упоительно теплое. Я чувствовала запах шоколада. И ощущала себя абсолютно и полностью довольной. Моя жизнь со всеми ее проблемами осталась далеко позади, а здесь, на краю мира в снежной пустыне, мне не нужно ни о чем беспокоиться.

Я пошевелилась, и иллюзия зарябила. Я все еще была в машине, Роган был за рулем, а моя рука по-прежнему покоилась на его мускулистом предплечье. Он проецировал. Это, должно быть, воспоминание, наверное, из детства. Я не знаю, делает ли он это специально, или это бессознательный побочный эффект его воспоминаний, но у меня был выбор. Я могла бы отвергнуть это и остаться в машине, несчастная и жалеющая себя, или могла позволить себе погрузиться в место, где я была в безопасности и тепле, пока снаружи бушевала зима. Я полностью замерла и с удовольствием погрузилась в проекцию.

Мы ни о чем не говорили, пока он не припарковался перед нашим складом. Домик растаял в воздухе. Я расстегнула ремень безопасности. Я должна зайти внутрь и объяснить маме, что ей не нужно убивать Августина. Я должна буду объяснить, что я сделала. В настоящий момент это казалось устрашающим.

Роган заглушил мотор и приблизился. Его пальцы сжались вокруг моей руки, успокаивая и пытаясь наладить связь.

— Это ты прислал мне книги? — тихо спросила я.

— Да.

Я перегнулась через сидение и поцеловала его. Время замерло, и на несколько блаженных мгновений не было ничего, кроме Коннора, пьянящего и неотразимого, его вкус, его запах, грубая мужская сила его рук, и нежное соблазняющее прикосновение его губ... А потом я вышла из машины и ушла, прежде чем сила того поцелуя развеялась.

Глава 13

Я открыла глаза из-за яркого света и громкого сигнала будильника. Вырубив его, я стянула телефон с тумбочки. Три сообщения: Рогана, Дианы Харрисон и третье с неизвестного номера. Я прочитала сообщение Рогана первым.

«Дом Хоулингов отрекся от Дэвида. Ленора встретится с нами сегодня утром в восемь. Мы с тобой едем одни. В разрешении для Корнелиуса указано, что он должен держаться в

стороне, обеспечивая защиту Матильды.»

Выходит, Корнелиус все-таки получил свое благословение, но не совсем так, как ему бы того хотелось. Я щелкнула по сообщению от его сестры. «Мой брат редко привлекает к себе внимание. Не недооценивайте Корнелиуса. Он опасный маг и настолько любит свою жену, что по-прежнему готов пожертвовать ради нее каждым привязанным к нему животным. Я считаю вас лично ответственной за безопасность моей племянницы».

Отлично. Она знает обо мне всего пять минут, а уже возлагает на меня ответственность.

Я открыла последнее сообщение. Фотография улыбающегося Дэвида Хоулинга, с напитком в левой руке и «стреляющего» указательным пальцем правой. Мне уже доводилось играть в эту игру. Я набрала ответ: «Мило».

Ну же, ответь мне.

Ничего. Наверняка, он использовал одноразовый телефон.

Можно подумать, что в глазах Дэвида была некая дикость. Нечто говорившее, что он был хладнокровным, расчетливым убийцей, но нет. Они были теплыми и спокойными, цвета лесного ореха. Его лицо было расслабленным, улыбка искренней. Что же тобой движет, Дэвид?

Сообщение было отправлено мне, но на деле предназначалось Рогану. Я переслала его ему.

Ответ не заставил себя ждать. «Мило».

Ха! Злые умы мыслят одинаково.

Кто-то постучал.

— Кто там?

— Это я, — раздался голос Каталины за дверью.

— Входи.

Сестра вошла внутрь и плотно прикрыла за собой дверь. Ее лицо было бледным, губы превратились в тонкую ниточку.

— Что случилось?

Она села на кровать и протянула мне планшет.

— Это планшет Матильды?

Каталина кивнула.

— У Матильды есть e-мейл адрес, чтобы ее мама присылала ей с работы картинки с котятами. Она знает, как проверить почту и сегодня утром там было вот это.

Я посмотрела на планшет. Видеоролик. Ладно. Я щелкнула на него.

На экране возникла улыбающаяся рожа Дэвида Хоулинга.

— Привет, Матильда.

Ах, ты ж, сукин сын.

— Я слышал, что твоя мамочка умерла.

Меня охватила ярость.

— Ты скучаешь по своей мамочке? Мне так жаль, что она ушла. Неправильно, когда мамочки уходят вот так. Но не грусти. Скоро ты с ней увидишься. Я об этом позабочусь.

Он наставил указательный палец на экран, подмигнул, и изобразил выстрел. Видео остановилось.

Мир вокруг окрасился красным, и на секунду я даже не могла ничего видеть.

— Ей всего четыре года. — У Каталины задрожали губы от едва сдерживаемой злости.

— Корнелиус это видел?

— Нет.

— Поговори с Берном и скажи ему, чтобы он удалил это сообщение из почтового ящика Матильды и сервера. Его отправили, чтобы позлить нас и заставить сделать какую-нибудь оплошность.

Корнелиусу и так было не по себе. Это е-мейл мог стать последней каплей.

Каталина схватила планшет.

— Ты убьешь его, Невада. Убей его или это сделаю я. Он не тронет ни волоска на голове Матильды.

— Убью, — пообещала я ей.

Тридцать минут спустя, приняв душ, одевшись и должным образом вооружившись, я заняла пассажирское сидение в «Рендж Ровере» Рогана. Мелоза кивнула мне с заднего сиденья. Обычно, я прятала свой пистолет в полотняном мешке или сумочке. Сегодня я не стала с этим заморачиваться. Мой «Бэби Дезерт Игл» покоился в набедренной кобуре. В его магазине было двенадцать патронов калибра 0.4 дюйма «Смит энд Вессон», и я прихватила с собой два запасных магазина во внутреннем кармане жакета.

Мы ехали в центр города молча, за окнами пронесился Хьюстон под пасмурным небом. Новая штаб-квартира Леноры разительно отличалась от мраморной элегантности старого Судебного Центра, который Роган сравнивал с землей, пытаюсь спасти город. Новый Судебный Центр был возведен одним из крупных Домов в качестве многоэтажного офисного здания и выкуплен городом Хьюстоном за три дня до своего открытия.

Новый Центр Правосудия был выстроен из полированного закатно-красного гранита, его фасад представлял собой сложный узор из прямоугольников и треугольников, обрамленных тонированным стеклом. Когда солнце падало на него под правильным углом, все здание сияло, его оттенок менялся от времени суток и цвета неба. Иногда оно было огненно-оранжевым, иногда почти фиолетовым, а иногда и красным. Оно вонзалось в облака огромным заостренным обелиском, занимая целый квартал между улицами Тревиса и Капитолия. Башня была злее, тоньше и крепче, памятником хьюстонской решительности и отваги, и поводом врагов позлословить. Люди называли ее Шпилем. Название подходило.

Роган припарковал «Ренж Ровер» на парковке в двух кварталах от места, Шпиль возвышался над городом, и пасмурное небо окрасило его в пурпурно-фиолетовый цвет свежего синяка. Меня охватило дурное предчувствие. Хотелось бы, чтобы мы могли взять больше поддержки. К сожалению, эта часть центра города была признана «зоной без сопровождения» по взаимному согласию между Домами. Мы взяли Мелозу, которая могла сойти за водителя, но это было все.

Теоретически ограничение делало центр города безопасным. На практике, на нас напали лишь в нескольких кварталах от старого Центра Правосудия, и политика «без сопровождения» не внушала мне доверия.

— Удачи, — пожелала Мелоза.

Ага. Вот только я надеялась, что она нам не понадобится.

Мы без проблем попали в здание, где я сдала свое оружие, а затем прошли в огромный вестибюль «Шпиля», с полом из полированного белого мрамора и красными гранитными колоннами, поднимающимися на головокружительную высоту. Мы выбрали правый лифт, и он благополучно перенес нас на двадцать третий этаж. Охранница Леноры Джордан, коренная американка лет сорока, окинула нас придиричивым взглядом и кивнула на дверь. Мы вошли в кабинет, и я едва поверила своим глазам.

Ничего не изменилось. Те же массивные книжные шкафы, те же кожаные кресла для посетителей, те же темно-красные шторы. Даже массивный стол из старой древесины выглядел таким же. Комната не просто походила на ее прежний кабинет — это была его точная копия, словно обрушения здания не было и в помине.

Ленора Джордан сидела за столом, печатая на компьютере. Встретившись с ней впервые, я не могла вспомнить, как дышать. Ленора была героиней моего детства. Неподкупная, могущественная, уверенная, она связывала преступников магическими цепями и тянула их на суд. Как когда-то сказал Роган, закон и порядок были ее богами, и она молилась им искренне и часто.

Может быть, это было потому, что мы встречались в третий раз или, может быть, слишком многое произошло, но я не могла отыскать благоговение перед героем. Вместо этого я заметила тонкие морщинки вокруг ее рта и легкую отечность вокруг глаз. Ее кудрявые черные волосы были по-прежнему идеальны, и макияж, подчеркивающий ее шоколадную кожу, все еще был безупречен, но усталость искажала совершенство. Прокурор округа Харрис работала сверхурочно.

— Да? — спросила она, не поднимая головы.

Роган достал телефон, провел пальцем по экрану, чтобы включить запись смерти сенатора Гарзы, и поместил его между глазами Леноры и монитором ее компьютера. Она выдернула телефон из его руки. С каждой секундой записи, взгляд Леноры заострялся. Она сосредоточилась на видео, будто хищная птица, могучий орел, готовый нанести удар.

Видео закончилось.

— Желаешь осведомиться насчет этого? — поинтересовался Роган.

Ленора подняла голову. Ярость затопила ее глаза. Все волосы у меня на затылке встали дыбом. Мамочки.

— Я уже знаю об этом, — рявкнула она.

Роган положил флешку на стол. Ленора забрала ее и спрятала в ящик стола.

— Откуда у вас это видео?

— Перед своей смертью, Габриэль Барановский сообщил мисс Бейлор, что Елена де Тревино, сотрудница Дома Форсбергов, поделилась с ним этой записью. Они с Еленой были любовниками. Он намеревался предать это видео огласке и передал его мисс Бейлор.

Глядя на Рогана, я бы в жизни не догадалась, что он только что солгал.

— Складно врешь. — Ленора впиалась в меня взглядом. — Что произошло на самом деле?

— Барановский упомянул о наличии видео, но на него напали раньше, чем мы смогли получить запись, — сказала я. — Поэтому мы использовали секретную команду хорьков, которая проникла в дом и стащила ее из его компьютера.

Ленора уставилась на меня. Я почувствовала себя никчемной.

— Хорьки?

— Да.

— Если точнее, два хорька и один хорьковый барсук, — поправил Роган.

Она закрыла глаза, а затем медленно их открыла. Интересно, не считала ли она про себя, стараясь успокоиться.

Роган раскрыл свою черную папку на молнии и положил перед Ленорой лист бумаги.

— Это копия полицейского отчета об убийстве четырех юристов Дома Форсбергов в

отеле «Ша Ша» тринадцатого декабря. Среди них были Елена де Тревино и Нари Харрисон жена Корнелиуса Харрисона, третьего отпрыска Дома Харрисонов.

Еще один лист бумаги.

— Это обоюдное соглашение о сотрудничестве между Домом Роганов и Домом Харрисонов для установления личностей, причастных к смерти Нари Харрисон.

Роган продолжал выкладывать бумаги.

— Это копия полицейского отчета об обнаружении следов психокинетической активности на месте гибели Нари Харрисон и Елены де Тревино.

— Это юридическое заявление от меня, Коннора Рогана, главы Дома Роганов, описывающее имеющиеся у меня доказательства того, что эгоциссор и психокинетик объединили свои силы, чтобы совершить вышеупомянутые убийства. Это юридическое заявление от Авраама Левина, моего подчиненного и главы службы наблюдения, в поддержку моих слов.

Я понятия не имела, что настоящее имя Бага — Авраам Левин.

— Это отчет о происшествии и юридическое заявление от Троя Линмана, сотрудника моего Дома, и Невады Бейлор, детектива, нанятого Домом Харрисонов для расследования смерти Нари Харрисон. Эти показания описывают неспровоцированное нападение третьего отпрыска Дома Хоулингов, Дэвида Хоулинга, с целью убийства мистера Линмана и мисс Бейлор.

— Это объявление вражды и ходатайство о «Веронском исключении» для Дома Рогана и Дома Харрисона с целью привлечь Дэвида Хоулинга и всех его сподвижников к ответственности.

Я мысленно сделала себе пометку никогда не тягаться с Роганом в бумажной волоките.

Ленора Джордан пролиставла стопку бумаг.

— Вам известна личность манипулятора, работающего с Дэвидом Хоулингом?

— У нас есть подозреваемый, — сказал Роган.

Ленора подумала над этим. Роган проводил четкую линию: манипулятор был причастен к смерти сенатора Гарзы; Елена де Тревино владела записью вышеупомянутого убийства, которой она поделилась с Барановским; Елена и Нари Харрисон были убиты манипулятором и ледяным магом; когда мы пытались расследовать убийство, ледяной маг попытался убить нас, и этим ледяным магом был Дэвид Хоулинг. Чтобы добраться до манипулятора, нам придется поймать Дэвида Хоулинга. Я не юрист, но даже я могла видеть, что, хотя у нас было достаточно причин, чтобы объявить вражду, у Леноры не было достаточно доказательств, чтобы идти в суд. Видеозапись смерти Гарзы была украдена, и подтверждение ее подлинности будет означать борьбу с Домом Форсберга. Даже если подлинность видео будет подтверждена, и оно будет представлено в суде, оно не предоставляло никаких доказательств активности ледяного мага. Фактически, смерть Гарзы и нападение Дэвида Хоулинга на нас могут быть совершенно несвязанными инцидентами.

Ленора подтянула ходатайство и подписала его.

— Ходатайство о «Веронском исключении» одобрено. Участники предоставят достоверную информацию и приложат все разумные усилия для задержания обвиняемых, с тем, чтобы они могли быть допрошены правоохранительными органами. Не облажайся, Роган.

Мы покинули массивный вестибюль, и вышли на Милам Стрит. Пока мы разговаривали

с Ленорой Джордан, в облаках появились разрывы, и теперь узкие лучи солнца пробивались сквозь сумрак. Высокие здания превратили улицу в каньон с потоком машин внизу. Мы повернули налево, дошли до конца квартала и свернули направо на Раск Стрит, двигаясь против движения машин. В этой части Хьюстона улицы шли в одном направлении, пересекаясь под прямым углом. Раск направляла движение на юго-восток, Мириам пересекала ее в юго-западном направлении, и с обеих сторон я не видела ничего подозрительного. Пока все идет хорошо.

Впереди, на углу Луизианы и Раск, Мелоза, скрестив руки, стояла, прислонившись к Рендж Роверу, ее лицо было мрачным. Рядом с ней стоял Леон с выражением «я-ничего-такого-не-делал-и-не-знаю-как-это-случилось» на лице. Как...

— Я его убью, — процедила я сквозь зубы.

— Он водит машину? — спросил Роган.

Я ускорила шаг.

— Нет, не водит. Думаешь, мы бы позволили ему сесть за руль? Должно быть, он забрался в твою машину.

— На это не было времени, — заметил Роган.

— Он одаренный.

Как только я до него доберусь, все ноги повыдергаю.

Роган схватил меня за плечо, и отдернул назад. В тротуар передо мной вонзилась карминная молния. Воздух хлопнул, словно ударяя невидимым кулаком по барабанным перепонкам. Энеркинетик.

Я вытащила пистолет.

Еще одна малиновая вспышка понеслась на нас сверху. Металлический указатель метро сорвался со здания и рванул, чтобы перехватить ее. Молния выплеснулась на него, разбрызгиваясь и шипя, как светящаяся кровь. Впереди уличный фонарь повернулся, словно отрезанный у основания, и полетел прямо вверх, оборвав электрические кабели.

Позади нас завизжали тормоза. Я развернулась, прижавшись спиной к спине Рогана.

Существа неслись к нам по Раск Стрит, уворачиваясь от отдельных машин. Ростом четыре фута и оплетенные стальными мускулами, они двигались подобно гигантским кошкам, ускоряясь, чтобы поймать добычу.

— Предупреждение! — крикнула я.

— Мелоза, уводи его отсюда! — рявкнул Роган, его голос был отчетливо слышен через улицу.

Я рискнула оглянуться. Мелоза схватила Леона. Вокруг нее развернулась голубая сфера эгиды, и она потащила его прочь, убегая вниз по Луизианна Стрит.

Над нами красная энергия молотила по указателю метро, разрывая его на части. Фонарный столб взлетел и развернулся горизонтально, сметая все с крыши приземистого двухэтажного здания.

Первая тварь запрыгнула на такси и пробежала по кабине. Начиная от горла, она напоминала поджарую львицу, покрытую колючей фиолетово-голубой шерстью с черными розетками, каждая с красным пятном в центре. Из ее плеч прорастали тонкие пушистые щупальца, которые извивались сами по себе, взбивая воздух, будто венчики. Четыре маленьких красных глаза, каждый в черном кольце, усеивали ее голову. У нее не было ушей и видимого носа, только лишенный губ рот, наполненный клыками.

Тварь на мгновение замерла на крыше такси, не зная, куда направить следующий

прыжок. Ее рот раскрылся слишком широко, распахнувшись, словно змеиная пасть. Тонкие мембраны щек пылали красным.

Я прицелилась и выстрелила.

Первые две пули разорвали морду монстра и из его черепа полетели розовые брызги. Он прыгнул вперед, направляясь ко мне.

Я выдохнула и снова выстрелила, быстрой очередью. Три, четыре.

Красные ступки энекинетической магии осыпались на тротуар вокруг нас, словно багряный град, взрываясь с электрическим шипением.

Четвертая пуля проделала дыру между глаз существа. Оно пролетело еще несколько футов по инерции, а затем рухнуло, уткнувшись мордой в землю.

Вторая тварь выскочила между машин. Я выстрелила в нее два раза.

Пять, шесть.

Она продолжала приближаться. У меня осталось тридцать пуль. Нужно целиться поточнее.

Сердце все еще колотилось, кровь все еще шумела в голове, но я оставила это позади, осознавая, но абстрагировавшись, как если бы это происходило с кем-то другим. Цель была единственным, что имело значение.

Семь, восемь. Девять, десять.

Тварь затормозила и рухнула.

Рядом со мной шлепнулась красная молния. Две твари выпрыгнули на открытое пространство: одна на машину, другая — на землю рядом. Я выстрелила дважды, опустошив магазин в создание наверху. Оно заскулило, издав жуткий высокий вой, не принадлежащий ни одному земному животному, и атаковало.

Одним движением я извлекла магазин, защелкнула новый, подняла пистолет и нажала на курок. Пули впивались в череп твари одна за другой, поражая одну и ту же точку между ее глаз. Одна, две, три, четыре...

Она продолжала приближаться.

Пять, шесть...

Свет в ее глазах померк. Она все еще бежала, но была уже мертва. Я развернулась к ее приятельнице. Она была большой, на целых четыре дюйма выше предыдущей. Я выдохнула и выстрелила. Пистолет загрохотал. Пули вонзались в морду твари, но она даже не замедлилась.

Мужчина закричал и упал сверху на тротуар, приземлившись на пути у зверя. Роган нашел энекинетика.

Тварь увернулась и бросилась вперед. Десять ярдов.

Прогремели два последних выстрела. Я опустошила мой «Дезерт Игл».

Восемь ярдов. Оно разорвет меня на кусочки.

Я извлекла магазин.

Шесть ярдов.

Вставила в пистолет новый магазин. Последний магазин.

Пять. Тварь прыгнула, оскалив клыки, растопырив пальцы на массивных лапах, готовая резать и рвать своими красными когтями.

Фонарный столб врезался в существо сбоку, пронзив его и впечатав в стеклянный фасад темного здания слева от меня. Стекло разлетелось вдребезги.

— Могла бы попросить о помощи, — заметил Роган.

Меня окатило волной магии, тревожное эхо огромного магического резерва, выплеснутого за раз. Не хорошо.

Вниз по Раск Стрит несколько машин, которые не смогли уехать, скользнули в стороны, словно их толкнула какая-то мощная сила. В тротуаре появилась круглая вмятина размером с канализационный люк. Другая. Третья. Что-то огромное и невидимое направлялось в нашу сторону.

Роган протянул руку. От здания справа отломился кусок и прорезал пустое пространство там, где должно было находиться существо. Обломок пронесся по воздуху без какого-либо сопротивления и замелькал туда-сюда, вверх и вниз, пока Роган пытался поразить невидимого гиганта. Как, черт побери, можно сражаться с чем-то, у чего нет тела? Он мог нас ранить, а мы не могли причинить ему вреда.

Бух! Выбоина.

Бух! Еще одна.

Бух!

Следующая должна была очутиться на синем внедорожнике. Внутри съежилась женщина. Роган сдвинул автомобиль с пути, и невидимая нога приземлилась на асфальт.

Я могла попытаться пристрелить его, но было непонятно, где окажутся пули, если их ничего не остановит. Мы были прямо в центре города с тысячами людей вокруг.

Всего лишь пол-квартала отделяли нас от прозрачного гиганта.

Роган обрушил кусок здания туда, куда должен был прийти следующий шаг гиганта. Невидимая сила прошла прямо сквозь него. Автомобиль мчался по улице Мириам и вильнул, пытаясь избежать выбоин. Роган взмахнул рукой, и машина свернула влево, убираясь с пути невидимого явления.

— Слишком много гражданских, — прорычал он. — Мы не можем разобраться с ним здесь.

Я попятилась.

— Ему не нужны гражданские. Ему нужны мы.

Нам нужно открытое пространство. Что здесь есть подобного? Парк Транквилити находился в двух кварталах от нас, но он был окружен каменной стеной со всего несколькими открытыми проходами. Впрочем, рядом с ним была площадь Германна, участок ровного широко открытого пространства среди улиц-каньонов центра города.

— Площадь Германна.

Роган развернулся.

— Живее.

Мы развернулись и побежали к «Рендж Роверу»

Шаги за нами ускорились, сотрясая тротуар торопливым стакатто. Бух, бух, бух.

Я должна бежать быстрее, черт возьми. Быстрее!

Воздух обжигал легкие. Мы домчались до парковки, и я развернулась. То, что нас преследовало, все еще было невидимым, но здание слева со стеной из черного стекла отражало улицу. Раздробленное изображение мелькнуло во множестве стеклянных панелей, пока невидимый гигант топал по направлению к нам.

Я прищурилась не в силах отвести взгляд. Оно было огромным и бледным и тащилось вперед на двух массивных ногах-валиках из сочащейся жировой ткани. Ноги поддерживали продолговатое морщинистое тело, без волос, с зачатками передних конечностей. У него не было шеи. Его тело просто наклонилось вперед, как вопросительный знак, и в конце этого

вопросительного знака находился округлый черный рот, заполненный рядами треугольных когтевидных зубов, словно какой-то кошмарный кишечный паразит высотой тридцать футов.

Боже мой.

— Невада! Забирайся в машину!

Я запрыгнула на пассажирское сидение и пристегнулась.

— Поехали! Сейчас же!

Роган выехал с парковки. Если мы поедем по Раск, это приведет нас к чудовищу, а не от него. Осталось только одно направление — на северо-восток по улице Луизианы.

Я оглянулась назад.

— Оно гонится?

Двадцатифутовая секция здания разлетелась вдребезги, усеивая тротуар черным стеклом. Бум! Вмятина в асфальте.

— Гонится. У тебя есть план?

Он повернул налево на улицу Капитолия. Здесь машины все еще двигались, не обращая внимания на происходящее в квартале отсюда. Роган посмотрел на здание справа. Ряд окон на третьем этаже взорвался. Машины сделали все возможное, чтобы разъехаться.

— Помогло, если бы я знал, что это, — сказал он.

— Это похоже на гигантскую личинку.

— Можешь ее видеть?

— Я могу видеть ее отражение.

Существо топало к улице Капитолия. Где же копы? В центре была целая армия копов. Шпиль и мэрия в нескольких кварталах позади.

— Воспользуйся телефоном, — посоветовал Роган.

Я повернулась и сделала снимок на телефон. На маленьком экране возник гигантский ленточный червь во всей своей омерзительной красе. Я показала фото Рогану.

— Кром Круак. Это призыв Превосходного уровня и кто-то его прикрывает.

— Но почему ты не можешь его поразить?

— Потому что у него нет материального тела в нашем мире. Они призывают не само создание, а лишь его магический отпечаток. Тварь по-прежнему находится в своем потустороннем мире. Мы же видим его магическое эхо.

— Если у него нет тела, тогда как оно может крушить улицу?

— Оно создано из тайной магии. Когда магия вступает в контакт с нашей реальностью, то причиняет урон.

Роган мастерски подрезал другую машину.

— Значит, оно может нам навредить?

— Еще как.

— Как мы можем его убить?

На его губах мелькнула улыбка, быстрая и острая, словно выдернутый из ножен меч.

— Мы убьем его с помощью воды. Он в нашем мире, потому что призывающий удерживает его здесь с помощью магической связи. Вода нарушает связь. Если мы утопим его в воде, он либо воплотится, либо исчезнет.

В парке Германна был большой прямоугольный фонтан.

Роган резко свернул налево на улицу Смит. Вся левая сторона была перекрыта строительными заграждениями, потому что рабочие разобрали тротуар перед Департаментом общественных сооружений. У нас оставалось только две полосы для

маневра, но они были свободны. Роган надавил на газ. Рендж Ровер взревел, ускоряясь, каменная стена парка Транквилити промелькнула мимо.

Я полезла в карман и нашла кусочек мела. Вероятно, нам понадобится круг...

Впереди пятеро детей ждали на тротуаре, все они ученики начальной школы и держались за руки, с ними была единственная женщина среднего возраста. Театральный квартал находился как раз дальше по улице. Нам только не хватало паникующих детей. Чертовски неудачное время для школьной экскурсии.

Немолодая женщина повернула голову. Светло-каштановые волосы, привлекательное лицо с высокими, выразительными скулами, бледно-розовая помада, широкие глаза под высокими дугами бровей, выщипанных в тонкие ниточки, и взгляд в ее глазах... Взгляд глубокого, сильного удовлетворения. Келли Уоллер. Кузина Рогана.

Дети вышли на улицу, держась за руки, встав живой баррикадой на нашем пути.

— Роган! — закричала я.

Мы двигались слишком быстро. Он не успеет вовремя остановиться.

Роган вывернул руль вправо. Рендж Ровер пробился сквозь узкий проем в стене парка Транквилити. Я краем глаза заметила бетонный стол для пикника. Рендж Ровер врезался в него с отвратительным хрустом. Подушка безопасности ударила меня в лицо. Я по инерции дернулась вперед, ремень безопасности обжег плечо. Тяжелый автомобиль взмыл, мучительное мгновение пролетел по воздуху и рухнул вниз, переворачиваясь по траве. Мы остановились крышей вверх, подушки безопасности, обмякнув, свисали с приборной панели. Я почувствовала привкус крови во рту.

— Невада?

— Я в порядке.

Роган зарычал, как животное, и вырвал свой ремень безопасности, его лицо было нечеловеческим, он источал враждебность подобно теплу.

Я должна выбраться из машины. Я отщелкнула ремень безопасности, рывком распахнула дверь и шагнула на траву. Белые меловые линии вспыхнули вокруг нас холодным пламенем. Мы находились в магическом круге, он был настолько огромным, что, должно быть, достигал тридцати ярдов в диаметре. Символы вспыхнули один раз, пламя разгорелось, а затем что-то скользнуло мне в горло холодными скользкими руками, вцепилось во внутренности и попыталось вырвать их через рот.

Земля исчезла. Я барахталась в воздухе, подвешенная в какой-то первозданной темноте; тело билось и ломалось в агонии, выкручивающей кости, затем темнота разорвалась, и я рухнула на ледяной пол, боль угасающим эхом отдавалась в суставах. Грудь ударилась о грубую холодную поверхность. Я была обнаженной. Роган упал рядом со мной и перекатился на ноги, обнаженный.

Я заморгала, пытаюсь смахнуть слезы.

Улица исчезла. Хьюстон исчез. Вместо города, нас окружала каменная пещера размером с футбольное поле, с аккуратными рядами тонких бетонных колонн, поддерживающих каменный потолок высотой в три этажа. Круглые электрические светильники освещали пространство, испуская желтое свечение с вершин колонн.

Тайные линии вокруг нас горели бирюзой. Мы находились внутри круга — самого многослойного и сложного, какой я когда-либо видела — нарисованного на бетонном полу. Внутри круга пол был чистым, но за пределами линий, он был белым от инея. Узкий силовой канал шириной в ступню, созданный из идеально прямых линий, питал круг. Я

подняла голову. В десяти футах от нас силовой канал расширился во второй меньший по размеру круг. В его центре обнаженный и покрытый голубыми глифами стоял Дэвид Хоулинг.

— Привет, — улыбнулся он.

Было холодно. Было так невыносимо холодно. Я поднялась с пола и обхватила себя руками, пытаюсь сбросить то небольшое тепло, что еще осталось в моем теле. Рядом со мной стоял Роган с расправленными плечами, расставленными ногами, мышцы на бедрах были напряжены, словно он готов был рвануться вперед. Глядя на его лицо, я могла слышать, как ломаются кости Дэвида. К сожалению, он целиком и полностью был там, а мы — здесь, запертые внутри круга.

Это был тот еще круг, сложный и накрученный. Его основа, должно быть, происходила от Rùbù, круга высшего уровня, названного китайским словом, означающим водопад. Rùbù начинался как два круга, один больший, другой меньший, соединенных узким силовым каналом около восемнадцати дюймов шириной. Меньший круг питал больший, канал фокусировал и увеличивал силу мага, как лупа. Дэвид модифицировал его, добавив еще ряд глифов, вторую границу и странные созвездия маленьких кругов, ответвляющихся от внешней границы.

— Вот мы и встретились, — сказал Дэвид.

Магия Рогана зашевелилась, медленно формируясь, словно готовящийся высвободиться ураган. Я заставила себя стоять спокойно. Он собирался дать себе волю и сделать то, что заработало ему все его пугающие прозвища.

— Я бы этого не советовал, — произнес Дэвид небрежным голосом. — Оглядишься, Роган. Это место должно выглядеть знакомо. Позволь освежить твою память. Ты такой же Кроноверский ворон, как и я. История хьюстонских Домов — обязательный предмет старшей школы в Кроноверской академии? Обязательная обзорная экскурсия по цистернам, дополненная лекцией о дуэли Джона Пайка и Мелиссы Кроновер? Что-нибудь припоминаешь?

Роган огляделся. Его магия потухла, словно задутая.

Я посмотрела на него.

Он покачал головой с мрачным лицом.

— Специально для прекрасной дамы, — сказал Дэвид, — эта цистерна является одним из многих подземных резервуаров, построенных хьюстонскими Домами после 1878 года. Эта конкретная цистерна принадлежит Дому Пайк. Она расположена всего в двух шагах от болот Буффало, и над ней сейчас находится университет Пайк, который в этот час заполняют примерно три тысячи студентов. Или что-то около того.

Воспоминания о рушащемся центре города поплыли передо мной, здания вокруг нас разрушались, когда импульсы силы Рогана крушили их, в то время как он сам парил в круге с отрешенным и безмятежным лицом. Когда Роган использовал магию, сделавшую его Мясником Мериды, она не просто генерировала нулевое поле. Она пробивала дыру в реальности. Ничто не могло коснуться его в этом круге, но его сила пронзила бы скалу и кампус над нами. Первый же импульс его магии раскрошит землю вокруг нас, а следующий спровоцирует обрушение. Даже если я снова смогу остановить Рогана, как я сделала это раньше, к тому моменту как мы закончим, кампус будет в руинах, частично засыпан, а воды болот Буффало, стремящиеся в углубление, утопят всех выживших. Мы выживем. Никто больше не сможет.

Температура понижалась. Я задрожала. Как же холодно.

Роган подошел ближе, прижавшись своим большим телом ко мне. Его тепло было таким приятным, и я обняла его. Я не хотела, чтобы он умер.

— Это не моя идея, — сказал Дэвид. — Я предпочитаю быстрые, точные убийства, но очевидно, на ваши трупы существуют определенные планы. Мне поручено убить вас без каких-либо видимых ран или повреждений на лицах и конечностях, что исключает мой привычный выбор оружия и оставляет для вас гипотермию. К сожалению, телепортация переносит лишь живые создания. Поэтому мы оказались здесь обнаженными, лишившись всякого достоинства. Я не люблю противоборства, и честно говоря, вся эта ситуация весьма неприятна. Это пространство довольно большое, поэтому мне понадобится еще двадцать-тридцать минут. Подобная смерть довольно длительна, но боль будет уменьшаться по мере приближения к исходу. Станет проще, когда наступит спутанность сознания. В какой-то момент вы даже почувствуете тепло. Мне уже приходилось видеть бредящих людей. Они уходят в Великое Ничто, даже не понимая, что погибают. Постарайтесь расслабиться.

Если бы я только могла дотянуться до него руками, то мигом бы стерла эту ехидную улыбку с его мерзкой рожи.

Роган погладил меня по спине. Суровое выражение его лица сказало мне все, что мне нужно было знать. Мы были в ловушке. Внутренняя граница нашего круга отрезала нас от остального мира и от Дэвида. Никто не знал, где мы находились. Помощи ждать неоткуда. Мы умрем здесь, обнаженными, а Дэвид Хоулинг будет смотреть и улыбаться.

Теперь холод стал невыносимым. Мои зубы застучали, а колени захотели колотиться друг об друга.

Я переминалась с ноги на ногу и наступила на что-то твердое. Отступление от Рогана и тепла причиняло физическую боль. Я присела, обнимая колени, словно пытаюсь согреться, и держалась между Дэвидом и тем, на что я наступила. Я пощупала вокруг рукой и наткнулась на знакомые очертания. Кусок мела, который я сжимала в руке, когда выбиралась из машины. Я почти закричала. Вместо этого я поднялась и снова обняла Рогана.

— Неосмотрительно с твоей стороны, — сказал Роган, глядя на Дэвида. Его голос был спокойным.

— Я сделал все, что было в моих силах. Телепортация — капризная штука, — сказал Дэвид. — Никто не хотел, чтобы вы в итоге превратились в фарш. Если бы это произошло, они бы смирились с такой смертью, но она точно была бы далека от идеала. Телепортация требует места, относительно близкого и достаточно большого, чтобы поглотить отголоски телепортации, в то время как мне требовалась изолированная, закрытое место с высокой влажностью и расположенное так, чтобы твоя склонность к разрушению городов не была проблемой.

— Все равно, риск слишком высок. Больше пятидесяти процентов телепортаций неудачны.

Дэвид покачал головой.

— Ни у одного из вас не было хирургических вмешательств, требующих неорганических компонентов. Я рискнул предположить, что у мисс Бейлор нет грудных имплантов. К счастью для нас всех, я был прав, иначе все могло бы выйти довольно мерзко. Единственным спорным моментом было, переедете вы детей или нет, но после инцидента в доме Антонио де Тревино, я был совершенно уверен, что вы сделаете все в ваших силах, чтобы этого избежать. Принципы делают нас предсказуемыми. У нас всех есть границы, которые мы не

переходим. Ваши просто оказались одними из самых очевидных.

— Соединения органического происхождения, — просипела я.

— Прости, что? — переспросил Дэвид.

— Телепортация не влияет на живые организмы. Она влияет на соединения органического происхождения.

— Да, но я не улавливаю твоей мысли. Даже если бы кто-то из вас был бы одет в одежду из чистого хлопка или шелка, это только бы продлило вашу смерть на несколько минут.

Я впилась в него взглядом и передала Рогану мел. Его глаза загорелись. Он крепко поцеловал меня, притянув к себе. Это был не поцелуй, а объявление войны, и я им упивалась. Он отпустил меня.

— Как мы выберемся из этого круга? — спросила я у него.

— Мы его убьем, — ответил он.

— Отлично. Давай убьем его и отправимся домой.

— Думал, ты никогда не попросишь. — Роган повернулся и принялся изучать круг с мелом в руке.

— Какой заманчивый поворот. — Дэвид по-прежнему улыбался, но его глаза выдавали тень сомнения.

Роган смотрел на линии, во взгляде был расчет. Его губы начали синеть.

Он найдет выход. Если кто-нибудь и мог это сделать, это был он.

Холод просачивался в мои кости. Дыхание срывалось с губ бледными облачками пара, унося с собой драгоценное тепло. Я была очень уставшей, но сердце колотилось, и я не могла его успокоить. Желудок просил пищи, словно я не ела несколько дней. Тело осознало, что я замерзаю насмерть, и отчаянно искало источник подпитки, чтобы согреться.

Роган повернулся ко мне.

— Помнишь, что ты сказала мне в лифте?

В лифте я высказала ему сразу несколько вещей.

— Это обещание все еще в силе?

Какое обещание? Что я сказала? Он схватил Корнелиуса, я сказала ему отпустить моего клиента, он отпустил, а потом я сказала... Сделаешь так еще раз, и я врежу тебе шокерами до потери памяти.

— Да, — кивнула я.

Он указал на точку напротив и чуть левее того места, где канал ведущий к Дэvidу соединялся с нашим кругом.

— Встань туда.

— Я переместилась. Он обнял меня, быстро отпустил и присев нарисовал идеальный полукруг вокруг моих ног, отрезая меня от остального внутреннего пространства. Вокруг моих ног осталось едва ли полтора фута. Роган поднялся, его глаза встретились с моими. Я хотела придвинуться и коснуться его, но нас разделяла меловая линия и я чувствовала первые всплески силы, проходящей сквозь нее.

— Доверься мне, — сказал Роган.

Я кивнула.

— Это бесполезно, ты же знаешь, — фыркнул Дэвид. — Ты не можешь разрушить этот круг. Даже если бы каким-то чудом тебе это удалось, это ничего бы не дало. Некоторые изменения так же неизбежны, как морские приливы.

Роган опустил на одно колено и начал рисовать.

— Вы предприняли согласованные усилия, чтобы дестабилизировать Хьюстон. Чего вы хотите? — его голос был небрежен, словно мы сидели где-нибудь за обедом.

— Лично я или мы все?

— И то и другое.

— Лично я смогу лицезреть публичное уничтожение Дома Хоулингов.

— Так сильно ненавидишь своего брата и сестру? — Мои зубы клацнули. Было тяжело говорить. Температура снова понизилась.

Дэвид пожал плечами.

— Это обычная история. Мужчина становится вдовцом; мужчина женится на женщине намного моложе его; дети от первого брака считают ее злой узурпаторшей памяти их матери и превращают ее жизнь в настоящий ад. Дом Хоулингов не был уютным домашним очагом. Что касается коллективных желаний и потребностей, то это вы уже должны были понять.

— Просвети меня.

Роган разделял круг, рисуя идеально прямые линии с одной стороны. Я не могла перестать дрожать. Чудовищная сила воли, к которой он прибегал, чтобы не дать руке дрогнуть, пугала.

— История циклична, — сказал Дэвид. — Ты всегда был хорош в истории, Роган. Я сидел позади тебя на Классической на первом курсе в Гарварде. Ее вел профессор Кормак. Тот, который первую же лекцию начал со слов: «Вы должны понимать, что древние греки были преимущественно гомосексуалистами».

Роган продолжал рисовать, создавая сеть линий и глифов на полу.

— Ты не помнишь меня. Я оставался в тени, пока ты был занят, упиваясь молодостью и своими успехами.

— Я не упивался, — фыркнул Роган.

— Я так не думаю. — Дэвид улыбнулся, пока в меня вгрызался холод. — Однако ты помнишь лекции. Рим — коррумпированная, богатая и дезорганизованная республика, которая управляла миром, но не могла управлять собой. Его сенаторы борются за власть в порочных политических дрязгах; политика компромисса забыта в пользу личной выгоды. Его армии обещают свою верность генералам, а не республике, которой они призваны служить. Его население разрывается между оптиматами, поддерживающими традиционные правила и популярными, действующими в интересах немых масс плебса. Сборище насильников, предателей и убийц.

— Угу. — Роган написал цепочку глифов вдоль одной из линий и повернулся на носках, нарисовав идеальный круг вокруг себя.

Дэвид выгнул шею, склонив голову набок, и принялся разглядывать линии.

Роган уселся по-турецки в только что созданном круге, и нарисовал два меньших круга, соединив их с границей идеально прямыми линиями.

— Интригует. Теоретически возможно, но практически ты исчерпаешь все силы, — заметил Дэвид. — Сначала тебе нужно вырваться из моего захвата.

— Посмотрим.

— Ты пытаешься спасти девчонку. Какой бы путь ты ни выбрал, ты все равно труп, Роган. Настолько большой расход магии имеет свою цену.

Роган закрыл глаза, его лицо было безмятежным.

— Тогда у нас соревнование, — ухмыльнулся Дэвид. — Посмотрим, смогу ли я заморозить тебя первым.

Я не могла ничем помочь Рогану, но я могла отвлечь Дэвида. Пока Дэвид будет говорить, ему придется разделять свое внимание между умерщвлением нас и размышлениями.

— При чем здесь урок истории?

— Как и многие до нас, мы — Рим, — сказал Дэвид. — Дома заботятся лишь с собственной выгоде. Концепция настоящей службы обществу забыта. С тех, кому многое дано, многое и спросится, и мы не оправдали надежд. Мы плывем по течению без цели и направления. Мы ни во что не верим и ничему не принадлежим. В служении есть честь. В том, чтобы выступать за что-то большее, чем вы сами.

Меня одолело головокружение. Я старалась не качаться.

— В каждом Риме есть свой Цезарь, — сказал Роган.

— Именно, — кивнул Дэвид. — В нашем тоже.

— Так это и есть план?

Слова получились искаженными. Мне пришлось напрячься, чтобы заставить губы двигаться. Казалось, что ноги превращаются в глыбы льда. Кожа болела, каждая мышца под ней налилась ледяной агонией.

— Погрузить Техас в хаос и использовать его для создания диктатуры? Ты думаешь, что Техас просто поддержит это?

— Когда мы закончим, они примут с распростертыми объятиями любого, кто пообещает им стабильность. И наш Цезарь безупречен. Человек истинной чести.

Продолжай заговаривать ему зубы.

— Даже если бы вам это удалось, Соединенные Штаты не стали бы это терпеть.

— Это скользкая дорожка, — сказал Дэвид. — Наша республика предлагает лишь иллюзию свободы. Вы бы удивились, узнав, сколь много людей променяли бы ее на определенность.

— И ты считаешь, что это оправдывает убийство невинных людей.

— Да, — кивнул Дэвид.

— Даже детей?

— Если необходимо. Рождение новой нации никогда не обходится без жертв. Если же ты имеешь в виду Матильду, то я не получаю удовольствия от убийства ребенка. Обещаю, что когда буду обрубать все концы, то это произойдет очень быстро.

Вот ублюдок.

— А Оливия Чарльз тоже не против убийства маленькой девочки? Есть ли у нее хоть какие-то сожаления или чувство вины из-за убийства матери Матильды?

— Оливия происходит из старого Дома. Она знает, что от нее требуется, и делает это. Чувствует ли она вину из-за убийства Нари Харрисон, я не знаю.

Я получила свое подтверждение. Оливия Чарльз убила мать Матильды. Если я выживу, то сообщу Корнелиусу имя убийцы его жены.

Роган открыл глаза и поместил ладони в два маленьких круга перед собой. Сила врезала по кругу, словно ударили в огромный гонг, сплавляя старое и новое в объединенное целое. Белый свет вспыхнул от Рогана, побежал по меловым линиям, как пламя по детонационному шнуру, и обрушился на бирюзу основного круга.

Плечи Дэвида задрожали, и он стиснул зубы.

Белый и бирюзовый схлестнулись, две волны, пытающиеся поглотить друг друга.

Каждый мускул в теле Рогана напрягся. Лицо Дэвида задрожало от усилий, будто он поднимал слишком тяжелый для него вес. Он застонал.

Роган зарычал, оскалив зубы. Grimаса исказила его лицо. Его сила побежала по магическим линиям бурным потоком.

Дэвид дернулся, его руки отбросило назад.

Белый свет захватил круг, заглушая бирюзовый.

— Это тебе не поможет. — Дэвид поднялся на ноги, выплевывая слова, будто взбешенная собака. — Давай! Я тяжелее ее на пятьдесят фунтов и знаю, как убивать.

Тугие бугры мышц на руках Рогана задрожали и магический поток приостановился. Медленно, чрезвычайно медленно сила повернула вспять, словно Роган забросил веревку и теперь вытягивал ее обратно. Я даже не знала, что такое возможно. Если он продолжит вытягивать магию...

— Давай же! — подначивал Дэвид. — Я убью ее.

Спина Рогана изогнулась, массивные плечи сместились вперед в классической позе гребца. Его спина задрожала от усилия. Он стиснул зубы, и потянул, распрямляясь. Линии кругов начали вращаться в разных направлениях. Меньший круг с Дэвидом скользнул по полу ко мне, неся с собой ледяного мага. Я забыла, как дышать. Большой круг словно превратился в катушку, а Дэвид — в болтающуюся нитку. Катушка повернулась, наматывая нитку и принеся Дэвида ближе.

— Я выжму из нее жизнь голыми руками, — прорычал Дэвид.

У Рогана из носа потекла кровь. Он потянул снова, и Дэвид скользнул ближе.

У меня были шокеры, но он был Превосходным. Он был сильнее, быстрее; он был опытным, а я была полумертвой. Но я была зла. Я была невероятно зла.

— Ты увидишь, как она умрет. Последним, что ты увидишь перед тем, как потраченная тобой магия прикончит тебя, будут мои руки на ее горле.

Он делал с Роганом то же самое, что пытался сделать с Корнелиусом. Нет. Не выйдет.

— Я сломаю ее. Ты услышишь, как хрустят ее кости.

От холода у меня стучали зубы.

— Поторопись. У нас нет для этого целого дня.

Глаза Дэвида заблестели.

— Готова умереть?

— Матильда получила твой e-мейл, — сообщила я ему. — Ты угрожал смертью маленькой девочке, кусок дерьма. Посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Я выгляжу испуганной?

Дэвид моргнул.

— Ты — бородавка, — выплюнула я. — Тебя нужно удалить. Я это сделаю, и три месяца спустя никто о тебе и не вспомнит.

От холода было больно дышать. Мир вокруг зарябил. Не отключайся, не сейчас. Роган почти истратил всю магию. Если он держится, то и ты можешь.

Если я не смогу, Роган умрет. Хоулинг убьет Корнелиуса и маленькую Матильду, просто чтобы замести следы. Он убьет ребенка и продолжит жить своей жизнью, как ни в чем не бывало.

Роган закричал, в его голосе была чистая агония. Линии обернулись в последний раз. Дэвид рванул ко мне. Его круг распался, поглощенный большим тайным рисунком, и внезапно мы оказались в одном пространстве, около восьми футов друг от друга. Он

атаковал меня, ударив кулаком, как молотом. Я попыталась увернуться, но его костяшки врезались мне в грудь. Что-то хрустнуло. Острая вспышка боли сжала внутренности. Я подавила ее и кинулась на него, использовав весь свой вес и метя в шею. Должно быть, он ожидал, что я упаду, потому что едва смог увернуться. Моя рука сомкнулась на его предплечье. Агония зародилась в плече и покатила по руке до кончиков пальцев.

Дэвид Хоулинг закричал.

Он вертелся у меня в руках, слюна летела из его рта, пока моя магия была из пальцев в его тело болезненным кнутом, словно кабель под напряжением. Он снова закричал и замолотил меня, впечатывая кулак мне в плечо, в голову, в бок, везде, куда мог дотянуться, в отчаянной попытке отцепить меня. Я сгорбила плечи, пытаюсь спрятаться от града ударов, и держалась. Рот наполнился кровью. Он ударил меня по лицу ладонью и попытался выдавить правый глаз большим пальцем. Я дернулась прочь, но пальцы все еще сжимать его запястье. В живых останется только один из нас. Я не позволю ему убить меня. Я не позволю ему убить никого другого.

Светящиеся червячки поплыли у меня перед глазами. Мне нужно отпустить, иначе шокеры меня убьют.

Я разжала пальцы. Он попятился назад, с обезумевшим взглядом и сочащейся изо рта пеной. Я подняла ногу, отклонилась назад и ударила его по коленной чашечке. Дэвид взвыл, отвернулся от меня и рухнул вниз на одно колено. У меня было всего несколько секунд, пока он не пришел в себя и не задушил меня. Я запрыгнула на него сверху, схватила его за голову и вдавила ее в его шею. Позвонки сомкнулись, и я ее свернула.

Испуганное лицо Нари промелькнуло у меня перед глазами. Я поняла тебя. Я не позволю ему навредить твоей дочери.

Кости хрустнули с сухим щелчком. Я отпустила, и Дэвид повалился лицом вниз, с вывернутой под неестественным углом головой.

Странный звук прокатился по цистерне, и до меня дошло, что это был смех Рогана.

Вокруг меня таяла сила круга, линии снова превращались в простой мел, и я увидела его лежащим на спине.

Ноги не желали двигаться. Я пошатнулась и упала возле него. Его глаза были открыты, грудь едва поднималась.

— Коннор? — Я повернула его лицо к себе. — Коннор, поговори со мной!

— Бородавка, значит? — слабо прохрипел он. — Хорошая речь.

— Я вычитала ее в каком-то фанфике в «Герольде».

Я так устала. Я хотела просто сесть и посидеть минуточку. Но сидение означало смерть.

— Давай, нам нужно тебе поднять. Пора выбираться отсюда.

— Ты иди, — сказал он. — Приведи помощь. Я тут немного отлежусь.

Ложь.

Я огляделась. Дэвид был мертв, но его магия нанесла урон. Пол был белым от инея. Мы уже миновали рубеж замерзания. Нужно выбираться отсюда, или мы умрем.

— Нет, не отлежишься. Нужно несколько часов, чтобы цистерна прогрелась.

— Со мной все будет в порядке.

Ложь.

— Иди за помощью. Чем быстрее ты кого-то приведешь, тем выше мои шансы. Все будет хорошо.

Ложь.

— Ты на пределе, — сказала я. — Ты замерзнешь еще до того, как я смогу вернуться.

— Нет.

Ложь.

— Прекрати мне лгать!

Он поднял руку и погладил мою щеку пальцами.

— Послушай меня.

— Мы должны выбираться отсюда!

Он сфокусировался на моем лице и на мгновение старый Роган со стальным взглядом объявился и растаял обратно в Коннора.

— Тот кошмар, что тебе приснился, про пещеру и крысу, был не твоим. Он был моим. Я не знаю как или почему, но ты настроилась на меня. Ты восприимчива к моим проекциям. Ты видишь их, даже когда я не концентрируюсь на отправке их тебе.

Я попыталась подтянуть его, чтобы усадить, но мои руки были слишком слабыми.

— Будучи в стрессе, я проецирую. Как только я отрублюсь, мой разум отреагирует и попытается вытолкнуть все это дерьмо из моей головы, чтобы я смог отдохнуть. Я буду проецировать в бессознательном состоянии, а ты полностью вымотана. У тебя нет защиты. Если ты останешься здесь, то перестанешь быть собой. Ты будешь мной. Ты не будешь понимать, где ты или что ты делаешь. Мне нужно, чтобы ты ушла сейчас, Невада.

— Нет.

Он смотрел на меня так, словно только я когда-либо имела для него значение.

— Если ты не выживешь, ничего из этого не будет иметь для меня смысла. Я люблю тебя.

— Нет.

— Да. Я изначально знал, что мы не выберемся отсюда вдвоем. Уходи. Сейчас же.

— Со мной все это героическое дерьмо не прокатит. Вставай. Ты Чокнутый Роган. Вставай.

— Черт побери, — рявкнул он. — Отвали от меня.

— Вставай, или я умру вместе с тобой. Я лягу прямо здесь на полу.

— Уходи отсюда! — Он попытался сесть, но у него тут же закатились глаза, и я едва успела его подхватить, не дав удариться об пол. Он был тяжелым. Таким тяжелым. Роган повалился на меня, обмякнув.

По моим щекам потекли слезы.

— Коннор, пожалуйста. Пожалуйста. Я не смогу тебя нести. Пожалуйста, очнись. Я люблю тебя. Не оставляй меня.

Его кожа была холодной. Он перестал дышать. Меня захлестнула паника. Я отодвинула его, прижалась головой к его груди и услышала биение сердца, отдаленное и слабое, но размеренное. Я прижалась щекой к его носу. Легкое трепетание воздуха согрело мне кожу. Еще жив. Я выпрямилась. Он не приходит в сознание. Думай. Думай...

Дэвид не телепортировался сюда, а значит, у него должна быть одежда. Я встала и поковыляла искать одежду, сумку, что угодно.

Цистерна передо мной разорвалась, бетонные колонны растворились, и джунгли дохнули мне в лицо своей буйной зеленью. Я сопротивлялась этому всеми силами. Это не реально. Расплывчатые бетонные колонны выскочили перед глазами. Я заставила себя двигаться. Вот! Вещмешок у одной из колонн.

Нечто шло за мной. Я могла слышать, как оно пробирается сквозь буйную

растительность. Нечто с длинными зубами-иглами, укус которых обжигал, будто лед и покрывал твою кожу сине-черными пятнами некроза. Оно было близко. Мне нужно было спрятаться.

Мешок. Оставайся с мешком. Мешок. Мешок. Мешок.

Я подошла к нему и опустилась на колени. Одежда — футболка, нижнее белье, джинсы, ветровка — ключи от машины, пистолет, телефон. Да! Я провела по экрану. Заблокирован паролем.

Я была на открытом пространстве, а тварь с зубами-иглами таращилась мне в спину. Ее взгляд пронзал меня насквозь. Я должна убраться. Должна спрятаться.

Я нажала экстренный вызов. Нет сигнала.

Существо шло за мной, а Роган лежал на виду, посередине поляны. Я должна забрать его оттуда, пока оно его не нашло.

Я схватила мешок, закинула его на плечо и, пошатываясь, побрела к Рогану. Я вытащила ветровку и обвязала ее вокруг его бедер. Так его будет легче тащить.

Джунгли не были реальными. Это было нереальным. Я подхватила его под мышки и потянула. Ноги заскользили на инее, и я шлепнулась на задницу. Почему это происходит? Я просто хочу выйти. Помогите кто-нибудь, я хочу выйти из этого кошмара. Я просто хочу, чтобы это прекратилось. Я могу застрелиться. Просто прекратить это. У меня был пистолет.

Если я убью себя, кто выведет их из джунглей?

Я пробралась сквозь видения, наводнившие мой мозг. На правой стене в тридцати пяти ярдах от меня в сплошном бетоне была дверь. Я должна доставить нас к той двери. Я поползла назад и подтянула его огромное тело к себе. Он сдвинулся на дюйм. Я согласна на дюйм. На дюйм ближе к двери, чем раньше.

Мне было тепло. Боже мой, мне было тепло. Это означало, что я умираю.

Там была лестница.

Я не смогу подняться по лестнице. Он был слишком тяжелым.

Даниэла его починит. Даниэла чинила всех и всё, за исключением пуль в голове.

Маги-охотники приближались. Я могла слышать их дыхание. Я держала пистолет и ждала.

Подняться повыше. Связь для эвакуации.

Хименес подждал меня наверху лестницы с ножом. Его туманное лицо плавало передо мной, а глаза были бездонными черными лужами.

— Это не он. Он бы уже сломался. Это кадровый офицер. Отведите его назад и пристрелите.

У меня все еще оставалось шесть патронов.

Подняться на высоту.

Они идут за мной. Их голоса доносились до меня.

Нет. Нет, я прошла весь этот путь не для того, чтобы теперь они нас убили.

Что-то укусило меня. Тело не выдержало. Я рухнула на пол. Надо мной замаячила пасть магической гончей со склизким змеиным языком и тонкими острыми зубами, и проглотила меня целиком.

Глава 14

Простыни были такими теплыми и мягкими, будто я была завернута в нагретое облако.

Я была жива. Я улыбнулась.

Роган!

Я села в постели. Я была в большой комнате с единственной больничной кроватью.

— Эй? Есть кто-нибудь?

Дверь распахнулась и в комнату вошла доктор Ариас. Около сорока и выше шести футов — Даниэла Ариас была массивной: широкие плечи, мощные ноги и мускулистые руки. Ее крупные и привлекательные черты лица были скорее благородными, чем милостивыми, но сейчас на ее лице застыла маска холодного профессионализма. Я уже встречалась с ней раньше. Она была частным врачом Рогана.

— Роган жив?

— Живее тебя.

Меня охватило облегчение. Я плюхнулась обратно на подушку. Он выжил. Мы оба выжили.

— Что случилось?

Она подтянула стул.

— Ты вытащила его. Каким-то образом ты смогла протащить его тридцать ярдов по полу и поднять на два лестничных пролета. Его спина и задница — один сплошной синяк из-за того, что ты волокла его по бетону, так что его мечты о работе обнаженной моделью ненадолго разбились.

Я бы рассмеялась, но ее лицо убедило меня, что это не лучшая идея.

— Дверь резервуара обладает отличной водонепроницаемостью, что вас и спасло. Воздух снаружи был нормальной температуры. Ты поднялась на второй уровень, где поймала сигнал и позвонила в 911, сказав им, что вас нужно забрать, потому что за вами идут Казадорес. Они решили, что ты бредишь, но мы отслеживали звонки в 911.

— Как?

— Твой кузен и Баг, насколько я понимаю. После того, как вы с Роганом исчезли, а его поисковый маячок пропал, они переключились туда. Команда Риверы отправилась в центр для зачистки, а моя команда сидела, ожидая любого знака от вас. Как только мы засекали твой звонок, то тут же выехали к вам. Нам уже приходилось иметь дело с Роганом в отключке, поэтому мы знали, чего ожидать. У тебя был пистолет, так что сначала мы оглушили тебя тазером, а потом уже сделали все то, что обычно делаем, когда спасаем чью-то жизнь. И вот мы здесь, спустя почти двадцать часов. У тебя два сломанных ребра. Хоулинг хорошо поработал над твоим лицом, поэтому модельный бизнес тебе тоже пока не светит. Я уведомила твою семью, что ты в безопасности, но пока занята. Думаю, тебе не помешает время прийти в себя. С твоим кузеном все в порядке, Мелоза его вывела. Призванный монстр исчез сразу после вашей телепортации, так что с Хьюстоном все тоже хорошо.

— Кузина Рогана? Она вывела детей на дорогу, чтобы перегородить нам путь. Поэтому мы и разбились.

Даниэла покачала головой.

— Она исчезла.

Само собой.

Она протянула мне зеркало. Синяки покрывали правую половину моего лица. На правом плече вздулась шишка. Я походила на боксера в конце финального раунда поединка за чемпионский титул.

— Ничего не болит, — сообщила я ей.

— Не переживай, заболит, — «обрадовала» она. — Как только обезболивающие отпускают.

— Где Роган?

— Он решил дать тебе время подумать.

Это был не ответ. Я потянулась к одеялу.

— Я понимаю, первое твое желание — это демонстративно выпрыгнуть из кровати и рвануть к нему, — сказала Даниэла. — Отличный план, но сейчас ты настолько напичкана лекарствами, что с трудом дойдешь до ванной комнаты, не говоря уже о том, чтобы сесть за руль. Почему бы тебе не посидеть пока здесь и не поболтать со мной?

— А у меня есть выбор?

Ее взгляд был жестким.

— Не совсем.

— Ладно.

Даниэла прочистила горло.

— У меня есть племянник. Милейший парень. Мартину сейчас уже двадцать четыре. Он провел четыре года в армии, заработал на обучение в колледже и поступил в Университет Северной Каролины. Мартин хочет стать геологом. Говорит, что любит камни, потому что они не стреляют в тебя в ответ.

Это было похоже на шутку, но, опять же, она не улыбалась.

— Месяц назад его исключили. Знаешь, есть такой фильм ужасов, где парень в маске поросенка гоняется за детьми в общежитии колледжа. Скример что-то там.

— Скример-Дример. — Жизнь в одном доме с тремя подростками сделала из меня эксперта по фильмам ужасов. Это был дурацкий дешевый фильм, но почему-то цепляющий, и интернет кишел мемами Поросенка-убийцы с остроумными надписями.

— Радиостанция общежития разыгрывала людей в прямом эфире. Один из их парней, одетый в маску свиньи и черный балахон, прятался за чем-нибудь, а затем выскакивал из укрытия с пластиковым ножом в руке и гонялся за людьми вокруг. Они снимали это для YouTube.

Да. Звучит типично для студентов. Я точно знала, к чему идет эта история.

— Поросенок погнался за Мартином, а Мартин забрал у него нож и ударил его. Он ударил его не единожды. Сначала он выкрутил у него нож, вывихнув парню плечо, а затем меньше, чем за две секунды, ударил его по голове четыре раза. Понадобилось трое людей, чтобы оттянуть его от того парня. Я спрашивала у него об этом. Он сказал, что внутри него просто что-то щелкнуло. Он увидел угрозу и отреагировал. Мартин не жестокий малый и никогда не ввязывался в драки. Он чувствовал себя просто ужасно и приносил извинения. Колледж исключил его, и грозили более серьезные последствия, пока не вмешались адвокаты Рогана и не свели все до хулиганства. Тем не менее, это навсегда останется в его личном деле. В январе он отправится в частный университет.

— Поросенку следовало прикинуться мертвым, — сказала я. — Если бы он перестал шевелиться, Мартин перестал бы его бить.

— Наверно, — согласилась она. — Парень, которого осенила блестящая идея пугать людей ножом, не ожидал оказаться в больнице, потому что гражданские обычно не пытаются убить тебя, когда ты их пугаешь.

— Это было безответственно в любом случае.

Даниэла вздохнула.

— В нашем обществе есть правила. Не укради. Не навреди другим. Не убей. Это самое важное. Мы же берем этих детей, которым порой едва стукнуло восемнадцать, говорим им, что эти правила больше не действуют и бросаем их в зону военных действий. Борьба или бегство — это ответная реакция, идеальный шторм внутри твоего тела. Она делает тебя быстрее, сильнее, внимательнее, но у всего есть своя цена. В битве солдаты пробегают биохимический марафон, вот только для них этот марафон не заканчивается. Он изнашивает тело и прокладывает новые неврологические пути в твоём мозге. Он меняет тебя. Навсегда. Потом ты наконец-то попадаешь домой и люди ожидают, что ты оставишь это все в прошлом и тут же вспомнишь, как это быть нормальным человеком.

Даниэла откинулась на спинку стула.

— Мой племянник, Мартин, относительно неплохо адаптировавшийся ветеран. Ему просто нужно время и немного помощи, чтобы приспособиться к гражданскому миру. Переключатель, который отвечает за силу его реакции, должен быть откалиброван. Некоторые люди этого не понимают.

Я это понимала. Я знала статистические данные и видела истерию собственными глазами. Когда у мамы случился нервный срыв, приставленный к ее делу помощник прокурора назвал ее тикающей бомбой, и твердил направо и налево о посттравматическом синдроме, которого у мамы не было. С его слов это звучало так, будто она готова открыть стрельбу в любую минуту. В реальности же, большинство ветеранов представляли опасность скорее для самих себя, чем для других. Количество самоубийств среди ветеранов было на пятьдесят процентов выше, чем среди остального населения.

— Как я уже говорила, — продолжила Даниэла, — Мартин был славным парнем. Знаешь, кто еще был славным парнем, пока не попал в лапы армии? Коннор Роган. Я знала его с самого начала его службы. Он был таким молодым. Самоуверенным, немного дерзким и идеалистичным. Военные шишки быстро поняли, что попало к ним руки, поэтому оберегали его, как алмаз «Хоуп» и контролировали все, что он видел. Мы называли его НЛ-надутым лейтенантом. Они заключили его в надутый пузырь патриотизма. Все, с кем он общался, говорили ему, что он герой, что он служит своей стране, спасает жизни и делает правильные вещи. Они выведут его, скажут ему, сколько тысяч жизней будут спасены, если он сделает то, что они приказали, затем он сокрушит город, и они выдергивают его обратно, прежде чем мы начнем прочесывать руины. Он знал, что есть жертвы, но никогда не видел мертвых тел. Он был только офицером. Когда они выдвинули его на капитана, мы посмеялись.

Голос Даниэлы дрогнул. Она подняла на мгновение руку, а затем продолжила.

— Спустя два года такой службы, он стал их абсолютным оружием. Один слух о его присутствии в области менял условия боя. В то лето командование получало доклады о строительстве супероружия в Майянском лесу — тринадцати миллионах акров джунглей, протянувших через Белиз к Юкатану. Это была своего рода супербомба, которая могла сравнять город с землей и отравить все вокруг радиацией, и мексиканские военные уже достаточно отчаялись, чтоб ее применить. Я никогда не знала всех подробностей — выше моего уровня допуска — но что бы это ни было, оно внушало доверие, потому что командование собрало команду захвата и прикрепило к ней Рогана. План заключался в том, чтобы тайно высадиться в Кампече, дать Рогану прицелиться, как только сооружение будет уничтожено, вызвать помощь, чтобы нас забрали. Спустя десять секунд после десантирования мы уже знали, что по уши в дерьме, потому что они открыли по нам огонь,

пока мы еще были в воздухе.

Она остановилась, ее взгляд затуманился.

— Капитан Грегори умер еще до того, как его ботинки коснулись земли. Топ, наш старший сержант, погиб после того, как Роган стал продвигаться в джунгли, и они сбросили на нас напалм. Едва оправившись, мы наткнулись на башню Казадорес.

Все знали, кто такие Казадорес. Специальное военное подразделение мексиканской армии, охотящееся на магов. Они были элитным войсками — опасными, эффективными и смертельными.

— Это была ловушка, — догадалась я.

— Угу. Они так отчаянно хотели заполучить Рогана, что выстроили фальшивую фабрику в джунглях, надеясь заманить его туда, и мы преподнесли им наше сильнейшее оружие на серебряной тарелочке. — Лицо Даниэлы помрачнело. — Джунгли наводнили Казадорес и их ищейки — создания, которых они вытащили из астрального мира.

— Я видела их в воспоминаниях Рогана. — Я поборола дрожь.

— Тогда ты понимаешь. Увидишь одну, и кошмары будут мучить до конца жизни. Мы быстро усвоили это правило. У Казадорес есть и другие ищейки — маги, чувствительные к магии. Стоило нам воспользоваться ею, как нас ждал очередной налет с воздуха. Любая попытка радиосвязи — налет с воздуха. Любой признак нашего присутствия тут же притягивал дюжины отрядов. Нас не могли забрать. Если бы мы позвали на помощь, то тут же бы погибли. У Рогана был выбор. Он мог связаться с базой по радио и, если бы использовал всю свою силу, то смог бы удержать нулевое поле достаточно долго до прихода подкрепления. Но он был бы единственным, кому удалось бы выжить. Или же он мог попытаться выбраться из джунглей вместе с нами. Он выбрал нас. После смерти Грегори, Роган стал старшим офицером и Харт, наш старший сержант, стал старшим унтер-офицером. Ты ведь еще не знакома с Хартом, верно?

— Не думаю.

— Поверь мне, знакомство с ним ты бы не забыла. Предполагалось, что мы отправимся туда на сорок восемь часов. У нас был запас еды на пять дней. Люди считают, что джунгли — это рай, полный фруктов и развлечений. Я же тебе скажу, что джунгли — это ад. Там нечего есть и нечего убить, особенно, если ты не можешь стрелять. Ночью выползают насекомые и безжалостно кусаются, пытаясь напиться твоей крови. Обезьяны-ревуны следуют за тобой и кричат, кричат, кричат день и ночь напролет. Там нет чистой воды. Мы ели змей. Мы ели червей.

Темная пещера промелькнула у меня перед глазами.

— Крыс, — сказала я.

— Да. Иногда, ночами, Казадорес были так близко, и там не было ни огня, ни света, только джунгли и гончие, всегда рядом, всегда слушающие и ожидающие. Роган мог уйти в любой момент. Вместо этого, он оставался и заботился о нас. Когда Хаяши свалился с инфекцией, нести носилки сквозь заросли было невозможно, поэтому мы соорудили раму из дерева и привязали ее к Рогану. Он два дня нес Хаяши на своей спине.

Это меня не удивило. Ничуть.

— Чтобы спуститься с горы, нам требовалось миновать лагерь Казадорес, и мы не могли его обойти. Роган сам отправился туда и позволил им его схватить, чтобы они отправили разведывательную команду в том направлении, откуда он пришел, а мы могли прокрасться мимо. Мы обошли лагерь и ждали до следующей ночи, чтобы вернуться за ним. Они

удерживали его четырнадцать часов. Мы слышали, как он кричал.

Она сглотнула.

— У них были только довоенные снимки Рогана, а к тому времени, спустя пять недель в джунглях, он выглядел на десяток лет старше. Он представился им именем Грегори, и они какое-то время его пытали, пока Хименез, их старший, не решил, что если бы Роган был Превосходным, играющим солдата, то он бы уже раскололся. В конце концов, Хименез приказал его расстрелять. Наверное, ты видела жетоны Рогана. Они не его. Он убил Хименеза, когда они сняли его с дыбы для пыток и забрал его жетоны. Это напоминает ему, что он выжил.

Теперь жетоны, скорее всего, были утрачены, исчезнув из-за заклинания телепортации. Рогану придется найти что-то другое, что будет напоминать ему, что он жив.

— Мы провели в джунглях девять недель, борясь и голодая, пока Казадорес обескровливали нас, как волки обескровливают раненого оленя. Двадцать четыре человека ушло. Шестнадцать вернулось.

Баг говорил, что Луанна была одной из шестнадцати. Теперь все становилось на свои места. Шестнадцать людей, которые вернулись вместе с Роганом.

— С моей профессиональной точки зрения, Коннор Роган умер в тех джунглях, — сказала Даниэлла. — Война забрала Коннора, стерев его в порошок и преобразив в Чокнутого Рогана. Он стал им, чтобы выжить. Я говорила тебе, что мой племянник Мартин приспособился к гражданской жизни с кое-какой помощью. Чокнутый Роган не приспособится к ней никогда. Его мир делится на черное и белое. Есть лишь враги и союзники.

— И гражданские, — добавила я.

Неужели Роган надоумил ее на эту речь? Нет. Роган не стал бы этого делать. Со своей грязной работой он привык разбираться сам. Должно быть, доктор Даниэлла сама решила проявить инициативу и все мне объяснить.

— Он признает невоенных, хотя его определение гражданских весьма неустойчивое. Роган не убьет детей и всегда старается не лишать человека жизни, если тот не представляет непосредственной угрозы, но если он решил убить, то он это сделает. В Доме Роганов всего двое Превосходных: он и его мать, которая не желает во что-либо вмешиваться. У него есть мы, и мы сделаем ради него что угодно. Мы все пытались разойтись по разным дорогам, но в итоге все равно вернулись сюда. Мы хорошо выполняем свою работу, но ни один из нас не является Превосходным. Рогану приходится полагаться на себя и его это вполне устраивает. Он считает, что это помогает ему оставаться живым и жестким, и, пожалуй, он прав. Он не чувствует, что ему нужно измениться и не желает никакой помощи.

— Вы не рассказали мне ничего нового, — вздохнула я. — Я уже знаю, какой он. Я все видела.

— Тогда ты понимаешь, что с ним не будет нормальной жизни. В ней не будет места нежности и свету.

Ты удивишься.

— Я знаю.

— Любовь делает нас беспомощными, — сказала Даниэлла. — Ты думаешь об объекте своего обожания все время. Твое счастье или несчастье зависят от настроения другого человека. Ты отказываешься от власти над собой, даруя ее человеку, которого любишь, и веришь, что он будет с ней бережен. Ты знаешь, что майор ненавидит больше всего?

— Чувствовать себя беспомощным?

— Он пойдет на что угодно, чтобы этого избежать. Я даже не знаю, способен ли он на создание отношений в традиционном смысле. Он никогда не изменится, Невада. Максимум, на что ты можешь надеяться — что он иногда меняет свою линию поведения из уважения к тебе, но не считает то, что он делает, неправильным. Он безжалостен, и когда посвящает себя чему-то или кому-то, эта преданность — пугающая вещь, которая не всегда выдерживает столкновение с реальностью. Послушай моего совета. Уходи.

— Нет.

— Его здесь нет. Он оставил тебя здесь и отправился домой, зная, что тебе понадобится время подумать. Он оставил дверь для тебя открытой, поэтому ты можешь спокойно уйти. Без всякого чувства вины или давления. Ты все еще можешь повстречать кого-то нормального и зажить счастливой жизнью.

— Вы закончили?

— Продолжение разговора поможет?

— Нет. Я слышала, что вы сказали. Спасибо за беспокойство о моем благополучии. — Я сдернула одеяло и опустила ноги на пол.

— Что будет, когда ты скажешь ему, что тебя кто-то раздражает, а он сбросит этого человека с крыши?

— Он не станет. Он даст мне самой разобраться, потому что единственный способ добиться уважения своих желаний — это уважать мои.

— Уходи, — снова повторила Даниэла.

— Это Роган попросил вас провести эту беседу?

— Ему это и не нужно. Я забочусь о нем. Мы все о нем заботимся. Я не хочу, чтобы ему причинили боль. Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Я посмотрела на нее и позволила той силе, что делала меня Превосходной, показаться в моих глазах.

— Я сидела здесь и слушала ваш рассказ целый час. Я вас услышала, поняла и с меня довольно. Я собираюсь встать, забрать мою одежду и одеться. Затем вы вызовете машину, чтобы отвезти меня к Рогану. Если вы попытаетесь меня остановить или каким-то образом мне воспрепятствовать, я выбью из вас шокерами все дерьмо. Мы поняли друг друга, доктор Ариас?

Я глубоко вдохнула и нажала на дверной звонок дома Рогана. После того, как я выбралась из постели, люди Рогана запаниковали. Ладно, запаниковали это слишком громко сказано. Они засуетились с завидным усердием. Мне принесли спортивные штаны и футболку, и когда я вышла из здания, меня уже ожидала машина с водителем и Мелозой на переднем сидении, в сопровождении еще одной машины с вооруженной охраной. Они доставили меня к парадной двери Рогана и тактично удалились.

Я воспользовалась случаем спросить у Мелозы про Леона. Судя по всему, он почувствовал, что со мной и Роганом может случиться что-то плохое, поэтому стащил «глок» из нашей клетки с оружием и приехал в центр города. Он планировал, что Мелоза прикроет его, пока он будет героически расстреливать наших врагов в пух и прах. Мелоза отметила, что он был так подавлен, когда осознал, что щит эгиды работает в обе стороны, что ей почти стало его жаль.

Я ожидала, чувствуя себя глупо. Роган был где-то в доме. И вот она я, одетая в какие-то спортивные штаны и мятую белую футболку. Волосы у меня наверняка жирные и грязные.

Правая сторона лица — один сплошной мерзкий синяк. Я...

Дверь распахнулась, и я увидела Рогана, стоящего в гостиной.

До меня наконец-то дошло. Мы оба выжили. Мы оба были живы, он был здесь и был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. Я заглянула в его глаза, и ледяная тьма посмотрела на меня в ответ.

Нет. Он был моим. Под этим льдом скрывался дракон, и я вытащу его наружу.

Я переступила через порог. Дверь позади меня осталась открытой. Он оставлял мне отходной путь.

— Ты меня нашла, — сказал он.

— Ты плохо прячешься. А я частный детектив.

— Невада, ничего не изменилось.

Выражение его лица было отстраненным, голос звучал почти невозмутимо. Он скрыл все свои эмоции за стальной стеной своей воли. Слишком поздно, Роган. Я помню, как ты смотрел на меня в той цистерне.

— Рано или поздно, ты станешь Домом, — продолжил он.

— Ты мне уже говорил.

— Будут важны генетика и дети.

— Дети всегда важны.

— Я не смогу делить, Невада. Я не стану.

— Делить что?

— Делить тебя, — жестко сказал он. Что-то дикое пыталось вырваться из него наружу. Маска холодности трещала по швам. — Я не смогу быть с тобой, зная, что ты будешь возвращаться к другому мужчине, без разницы, любишь ты его или нет. Это выше меня. И ничем хорошим не закончится.

— Отлично, потому что я тоже не собираюсь ни с кем тебя делить.

— Я дал тебе все предупреждения, какие мог дать, — сказал он. — Пан или пропал, Невада. Решай.

— Какой же ты дурак, Коннор. — Я выскользнула из туфель и сделала шаг к нему.

Дверь за моей спиной с грохотом захлопнулась.

Огонь вспыхнул в его глазах, прорываясь сквозь тьму. Это было больше, чем похоть. Больше, чем желание. Никто никогда не смотрел на меня так, как он.

Меня охватило предвкушение.

Он шагнул ко мне — уверенный, неторопливый дракон в своих владениях.

— Я в ловушке?

— Ты зашла в мое логово.

Он, крадучись, обошел меня.

Первая капля его магии упала мне на затылок, горячая и мягкая, будто бархат. У меня перехватило дыхание.

— Я дал тебе шанс сбежать.

Магия потекла по моей спине, воспаляя каждый нерв.

— Ты им не воспользовалась. — Он оказался позади меня.

Быстрое, едва ощутимое прикосновение пробежалось по моим плечам и устремилось к бедрам. Я повернулась. Он стоял в нескольких футах от меня.

— Теперь ты моя.

Я пошевелилась, и футболка с трениками тут же с меня слетели.

Я ахнула.

Он стянул свою футболку, обнажив огромное золотистое тело, и ждал, давая мне последний шанс сбежать.

Я сократила два шага между нами. Моя грудь расплющилась об его скульптурный торс. Жар его мощного тела опалил меня. Он намотал мои волосы на руку и заклеил рот поцелуем.

Магия стекала вниз по бедрам подобно растопленному меду, горячая и мягкая. Она собиралась лужицами на коже, согревая, ощущение было таким острым, что удовольствие просто ошеломляло. Тело стало податливым. Грудь заболела, внезапно налившись.

Он пах сандаловым деревом. Его вкус у меня во рту сводил меня с ума.

Настойчивый жар зарождался между ног. Я прижималась к нему, терлась, приглашая, заманивая и пытаюсь соблазнить.

Он коротко по-мужски зарычал. Подхватил меня под задницу и притянул к своим бедрам, удерживая мой вес, словно я была пушинкой. Его напряженный член прижался прямо к моему ноющему естеству. Его язык проникал мне в рот снова и снова, терзая его. Голова кружилась. Я хотела почувствовать его твердый как сталь член, обернутый в шелковистую кожу. Хотела, чтобы его штаны и мои трусики исчезли. Хотела, чтобы он вошел в меня. Ожидание было пыткой. Я обнимала мощные мышцы на его спине и двигала бедрами, потираясь об него.

Бархатное тепло заскользило по внутренней части бедер, медленно, так медленно. Дюйм. Еще дюйм. Ну пожалуйста. Пожалуйста.

Он позволил мне перевести дыхание. Мы стояли лицом к лицу. Его глаза были темными и дикими.

— Снова скажешь мне не кричать? — спросила я.

— Кричи, сколько влезет, — ответил он.

— Ты так уверен, что можешь заставить меня...

Сладостный жар пронесся по моим ногам и скользнул внутрь меня, прямо к ноющей точке. Растопленный мед затопил мой клитор. Наслаждение взорвалось во мне, и я закричала.

Он понес меня через комнату, глубже в дом.

Перед нами распахнулась тяжелая деревянная дверь. Комнату занимала массивная кровать — высокая, прочная, ее изголовье было древним и покрытым рубцами. Он бросил меня на кровать, и дверь за нами захлопнулась.

Я была в драконьей пещере, на драконьей постели, и он считал, что поймал меня. Но он ошибался. Это я поймала его.

Коннор завис надо мной. Его штаны исчезли. Он был огромным, обнаженным и мускулистым. И у него был большой член. Мама дорогая.

Он стянул с меня трусики. Его взгляд блуждал по моему телу, и судя по его глазам, увиденное ему понравилось.

Я так сильно его хотела. Предвкушение меня убивало, заставляя дрожать всем телом.

— Тебе холодно? — спросил он наигранно спокойным голосом.

Магия выплеснулась на мою ключицу и покатила ниже. Ее бархатное давление окутало груди. Соски напряглись. Пьянящий жар скользнул над ними, превращая боль в блаженство.

Я застонала. Он лежал на мне, лаская своими большими руками. Его губы сомкнулись

на левом соске и посасывали, а язык выписывал жаркие круги поверх его магии. Это было практически невозможно выдержать.

Его голова и магия опускались ниже, заставляя меня стонать.

Он целовал мой живот.

Развел мои ноги в стороны.

Я хотела схватить его голову за волосы и притянуть его к своей ноющей точке, но он крепко прижал мои руки по бокам.

Он провел языком по внутренней стороне моего бедра.

Ожидание было агонией.

Его магия поднялась, проливаясь в складочку между ног. Бархатный жар очень нежно сжимал и отпускал, омывая меня и откатываясь назад, все быстрее и быстрее. Его рот прижался ко мне. Язык затанцевал по моему клитору.

Я закричала.

Он лизал меня снова и снова, его магия ласкала меня. Я извивалась под ним. Ноги дрожали. Кровать исчезла, комната исчезла, я могла только ждать, напряженная и пылающая, сосредоточенная на нем и своей потребности в освобождении. Казалось, если я сейчас не кончу, то умру.

Мое тело содрогнулось с первым импульсом оргазма.

Вселенная взорвалась.

Оргазм потряс меня, но этот обычно мимолетный момент экстаза не заканчивался. Восторг нарастал и нарастал, переполняя, удовольствие было таким глубоким, таким полным, я даже не подозревала, что мое тело способно на это. Я даже не могла дышать. Глаза распахнулись, и я увидела его. Он нависал надо мной с дикими и опьяненными глазами. Он чувствует это, поняла я. Чувствует мое удовольствие и разделяет его.

Наконец, экстаз отпустил меня, растворившись в череде приятных сокращений.

Я обмякла на простынях, вымотанная, мое лицо было влажным от пота. Магическое давление ослабло, все еще осязаемое, но теперь почти невесомое.

Он был рядом со мной, его рука гладила мой бок.

Так вот он значит какой, секс с тактилем.

Он моргнул, в его глаза вернулась ясность и превратилась в похоть. Было в его взгляде что-то голодное, суровое и мужское, когда он смотрел на меня. Взяв меня за бедра, он подтянул меня к центру кровати.

Бархатное касание магии между моих ног потеплело, стало горячим, а затем настолько горячим, что я едва могла его выдержать. Это вернуло меня из сонливого блаженства в сознание.

Он замер надо мной: мышцы на животе и груди напряжены, голубые глаза потемнели, и потянул меня на себя, закидывая мои ноги себе на плечи. Его теплые пальцы ласкали кожу, когда он проводил руками по ногам, заставляя дрожать от прикосновения.

Последние отголоски оргазма, наконец, исчезли.

Он положил руки на мои бедра и вошел в меня.

О мой бог.

Я закричала, выгибая бедра, пытаюсь принять всю его длину. Он входил снова и снова, сильно, неустанно, доминируя, каждое движение его члена посылало всплеск удовольствия до самого основания позвоночника. Его магия опаляла меня. Все мои нервные окончания были в огне. Я вскрикивала с каждым толчком. Я была горячей и такой влажной, он

продолжал двигаться, его магия ласкала тело в неизменном ритме.

Давление внутри меня стало нарастать.

Он раздвинул мне ноги, обернул их вокруг поясницы и оказался на мне. Я извивалась под ним, пытаюсь поймать ритм. Его сильное золотистое тело поймало меня в ловушку, все эти напряженные мышцы направлены на одно движение.

Экстаз затопил меня. Тело содрогалось, пытаюсь выдоить его член. Меня опять потряс оргазм.

Он зарычал, удерживаясь без движения. Его глаза подсказали, что мой оргазм прокатился и по нему и практически подвел к собственному освобождению. Но он поборол это.

Волны наслаждения накатывали на меня одна за одной. Я больше даже не могла пошевелиться. Я просто лежала, обессиленная и дрожащая, пока они не утихли.

Его губы прижались к моей шее. Он поцеловал меня и потянул на себя, а затем я оседлала его бедра. Он смотрел на меня так, словно я была прекраснейшей женщиной на свете.

Я потянулась к его рукам, переплетая наши пальцы, и заскользила. Мы задвигались в идеальном ритме, занимаясь любовью так, будто наши тела были созданы друг для друга.

Его магия кружила вокруг меня. Я оперлась на нее, расправив плечи, позволяя ей заявить на меня права.

Он вонзался в меня.

Я почувствовала нарастающую кульминацию. Она вырвалась подобно волне. Я содрогнулась, чувствуя его твердость внутри, и рухнула ему на плечи обмякшая, задыхающаяся, удовлетворенная. Насыщенная и более счастливая, чем когда-либо в своей жизни.

Он обнял меня и кончил с коротким грубоватым рыком. Меня поглотил взрыв удовольствия, настолько интенсивный, что все, что было до этого, меркло перед ним, и я поняла, что чувствую отголосок его оргазма.

Мы так и лежали, прижавшись, обнимая друг друга.

Медленно, Роган опустил меня на кровать. Я свернулась калачиком, он обнял меня и накрыл нас покрывалом. Я не хотела засыпать, чтобы насладиться его объятиями, но вместо этого зевнула и провалилась в сон.

Когда я проснулась, первым, что почувствовала, был Роган рядом со мной.

Он потерся носом о мою шею, его рука гладила мой живот.

— Ты жива?

— Пациент скорее жив, чем мертв. — Я попыталась улыбнуться. Боль пронзила лицо и я скривилась.

— Ай.

— Я причинил тебе боль?

— Нет, действие обезболивающих закончилось. — Я попыталась осторожно перевернуться, но вместо этого больно задела весь правый бок.

— Ой. — Я наконец-то плюхнулась на спину.

Он протянул руку и осторожно убрал волосы с моего лица. В его глазах бушевала злость.

— Я засранец.

— Ты это только сейчас понял?

— Мне следовало подождать.

Я изобразила свой лучший соблазнительный взгляд. С моими опухшими глазами выглядел он наверняка по-дурацки.

— Это было не твое решение.

— Нет, мое.

— А какая была альтернатива? Оставить меня стоять обнаженной у тебя в гостиной? Потому что туфли были только первым шагом. Следом была бы одежда.

— Альтернативой было бы не набрасываться на тебя и не тащить в мою спальню, как какой-то неандерталец.

Я поцеловала его.

— Глупый, глупый Роган.

— Не начинай, — предупредил он.

— Ты понимаешь, что теперь никогда не сможешь услышать эти слова, не подумав о сексе?

Он покачал головой.

— Не хочу разрушать твои иллюзии, но это ничего не меняет. Что бы ты ни говорила, я думаю о сексе. Когда бы я тебя не видел, я думаю о сексе.

Я погладила его лицо.

— Неужели я настолько сексуальна с синяками на лице и спутанными волосами?

Он поцеловал меня, легко и нежно.

— Да.

— Дай-ка мне взглянуть на твою спину, — попросила я.

Он сел и повернулся. Вся его спина была сплошной раной и выглядела так, будто кто-то протащил его по асфальту следом за машиной.

Я застонала.

— Мне следовало натянуть на тебя хоть какую-то одежду.

— Тебе следовало меня бросить. — Он развернулся и прильнул ко мне. — В следующий раз, когда я скажу тебе меня оставить, ты так и сделаешь, поняла?

— Нет. Я сделаю то, что посчитаю нужным.

В следующий раз...

— Что? — спросил он.

— Может быть следующий раз?

— Все может быть, — ответил он. — Эта заваруха еще не закончена. Это опасная игра, и теперь мы в ней замешаны. Обратного пути нет.

На меня нахлынуло воспоминание о нем, беспомощно лежащем в круге. Я вспомнила свои руки на голове у Хоулинга. Это было слишком. Я закрыла лицо руками.

— Не надо, — тихо попросил он.

— Роган, я свернула мужчине шею голыми руками. Я даже не знаю, как я это сделала.

— Хорошо, — похвалил Роган. — Ты сделала это хорошо. Даже слишком хорошо.

Я уставилась на него.

— Это было быстро, без всякой боли. Попадись он мне в руки, я бы сделал это в последнюю очередь. Но вместо этого, я валялся на полу, не в силах пошевелиться, и смотрел, как он тебя молотит.

Я подвинулась к нему еще ближе. Он коснулся моего другого, менее пострадавшего бока, и притянул меня к себе. Я положила голову на его мускулистое предплечье.

— Я не хочу этого, — сказала я.

— Не хочешь чего?

— Жизни Превосходной. Я не хочу всего этого.

— Слишком поздно. — Он поцеловал меня в лоб. — Теперь уже выбора нет.

Мы прошли через это все, а Оливия Чарльз по-прежнему была на свободе. И пока она будет оставаться на свободе, никто из нас не будет в безопасности, а Корнелиус будет ждать правосудия. Мы должны все это закончить.

Но даже если мы с этим покончим... Дэвид упоминал Цезаря. Оливия не была Цезарем. Когда Дэвид упоминал ее имя, то говорил безразлично. Когда же он называл Цезаря, в его голосе звучало благоговение.

— Баг нашел что-нибудь в телефоне Дэвида? — спросила я.

— Он совершенно новый, и Хоулинг был осторожен с сообщениями и звонками — все они поступали на одноразовые телефоны. Сообщения весьма интересны. Ниточки тянутся очень далеко. Вовлечены минимум шесть Домов, но, вероятно, их много больше. В тот момент, когда мы вошли в кабинет Леноры, видео взорвало Интернет. — Его губы растянулись в ухмылке.

— Тогда почему ты улыбаешься?

Это была катастрофа. Мы прошли через все это, ничего не добились, а те, кто за всем стоял, все же получили гражданский протест.

— Я улыбаюсь, потому что я отправил видео Леноре в тот же вечер, как мы его достали. Я обошел вас с Берном на десять минут.

Я села.

— Что?

— Не делай такой удивленный вид. Я понял, что ты отправишь его Леноре, как только ты попросила копию.

Я уставилась на него.

— Может, я и дракон, но ты — паладин. — Он сложил руки за головой, выглядя невыносимо самодовольным.

— Почему ты просто не рассказал мне все сразу? — спросила я.

— Изначально, у этих ублюдков было два варианта: продолжить шантажировать Хоулинга, или же обнародовать запись его действий и вызвать общественные беспорядки. Как только бы они поняли, что запись у нас, то тут же бы выложили свою версию. Ты была права. Если хочешь дестабилизировать существующую структуру власти, то нужно натравить на них общественность. Они ожидали подходящего момента и, как только Хоулинг решил подмигнуть и улыбнуться тебе с другого конца зала, я понял, что этот момент привязан к нам. Мы раздражали, продолжая копать под них. Нас нужно было устранить и у них были на нас планы. Или, скорее, на наши трупы. Мы должны были стать топливом для их костра.

Чокнутый или нет, но Роган был героем войны и человеком, который спас город от Адама Пирса. Хьюстон гордился своим смертоносным, ужасающим сыном. Если бы они обнародовали видео убийства Гарзы, а затем оставили бы нас где-нибудь в публичном месте, — мертвых, обнаженных, выброшенных как мусор, — посыл был бы очевиден. Мы убили вашего представителя, а сейчас получите своего героя, раздетого догола, униженного и мертвого. Он не смог защитить себя или женщину, которая была с ним. Если мы смогли

сделать это с ним, подумайте, что мы можем сделать с вами. Поэтому-то Хоулингу пришлось прибегнуть к гипотермии. Они хотели убить нас с помощью магии, не обезобразив и дав понять людям, что мы умерли медленной и мучительной смертью.

Хьюстон бы непременно взбунтовался.

Роган погладил мою руку.

Я медленно выдохнула. Мы были очень близки к катастрофе.

— Поэтому, когда ты уснула после налета хорьков-ниндзя, Ленора позвонила мне по моей частной линии. Августин, Ленора и я переговорили. Ей требовалось поместить Ричарда Хоулинга в безопасное место. Мы предполагали, что за ним следят, поэтому Августин вызвался предоставить свои услуги. В тот день, Ричард Хоулинг как обычно отправился на работу, а затем он разделился. Один Хоулинг поднялся в свой офис, а другой был тайком вывезен из города хьюстонской полицией. Затем первый Хоулинг просто растворился.

— Какая с этого выгода Августину?

— Августин, несмотря на все свои бессовестные деловые уловки, всегда старается оставаться на правильной стороне закона и окружного прокурора, — Леноры, в частности. Он оправдывает это благоприятностью для бизнеса. На самом деле, у него просто есть такие раздражающие закидоны, именуемые принципами.

— У Августина?

— Знаю, это шокирует. — Роган ухмыльнулся.

Я поцеловала его.

— Что было дальше?

— Нам нужно было выиграть для Леноры время, чтобы она расставила все шахматные фигуры по своим местам. Тот факт, что Оливия и Хоулинг преследовали Барановского, означает, что они знали о существовании видеозаписи, и что у него была копия. Либо они кого-то подкупили, либо, что более вероятно, все дело в простом логическом выводе. Елена де Тревино имела доступ к видеозаписи, и, если она хотела подстраховаться, она оставила бы копию самому влиятельному человеку, которого знала, на хранение.

Имело смысл.

— После нашего появления, я знал, что они будут за нами наблюдать. Никто просто так не отправляется на встречу с Ленорой без доказательств, поэтому стоило нам сделать этот шаг, как они бы сложили два и два, и поняли, что у нас либо есть запись, либо мы знаем, где она. Из-за этого я оттягивал эту встречу, а затем мы с тобой навестили Ленору при свете дня. Она решила устроить шоу, на благо всех, кто бы его услышал. Между тем, Хоулингу обеспечили безопасность, а правая рука Леноры, Атвуд, созвал пресс-конференцию. Ко времени, когда видео взорвало социальные сети, он уже был на середине своей речи, поясняющей, какими негодьями они были. Взрыв Оливии обернулся пшиком. Возмущение по-прежнему есть, но и близко не такое сильное, как они надеялись.

— Ты мог бы рассказать мне обо всем этом с самого начала, — сказала я.

— Ты пыталась решить, что делать дальше с Августином. Это казалось не лучшим временем.

— И что теперь?

— Как оказалось, доминирование создает связь между доминантом и человеком, чей разум он захватывает. Ричард Хоулинг назвал Оливию Чарльз тем доминантом, который заставил его убить Гарзу. Оливия исчезла. В подписанной Ленорой веронской петиции

указывается, что мы вольны преследовать Дэвида Хоулинга и всех его известных пособников, причастных к нападению, что разрешает нам убрать Оливию, если мы сможем ее найти. Окружная прокуратура предпочла бы Оливию Чарльз живой, но они поймут, если это не удастся в сложившихся обстоятельствах.

— Значит, нам нужно найти Оливию.

Роган оскалился, выходя хищно.

— Люди Хоулинга поставили на мою машину жучок. Очень хитрая штука, похожая на канцелярскую кнопку. Мы проехали по ней и подцепили ее на свою шину. Хоулинг привязал к ней свой телефон и все время знал, где мы были. Но он не понимал, что каждый раз, когда он использовал приложение, оно записывало его местоположение.

Я рассмеялась.

— Дэвид провел кучу времени на ранчо в пригороде Хьюстона, принадлежащем корпорации «Дедал». Баг все еще распутывает, кто за ней стоит. Это укрепленный комплекс. Шестнадцать часов назад туда прибыла Оливия Чарльз с вооруженной охраной и горой чемоданов.

— Когда мы отправляемся?

— Завтра, — сказал он. — В особняке множество людей. Это будет долгая битва.

— Мне нужно увидеться с семьей.

— Я отвезу тебя.

— Но не сейчас.

— Что бы ты хотела сделать сейчас? — спросил он.

Я развернулась, прижимаясь к его груди.

— Я хочу, чтобы ты меня убедил, что мы живы и мне все это не снится. Как думаешь, сможешь это сделать, Чокнутый Роган?

Его магия заскользила по мне, а его голубые глаза потемнели.

— Да.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Глава 15

Я сидела в гостиной на нашем складе и у меня жутко гудела голова после превосходных болеутоляющих, которые Даниэла прислала мне на дом. Боль они сняли, но оставили легкое чувство головокружения, и меня то и дело клонило вправо.

Моя семья смирилась с моей лиловой физиономией точно так же, как и с тем фактом, что Чокнутый Роган поцеловал меня у всех на виду, прежде чем отправиться в свою штаб-квартиру напротив склада. Никто не проронил ни слова.

Я соскучилась за ним. Он ушел меньше двух часов назад, а я уже по нему скучала. И от этого становилось грустно.

Я официально сообщила Корнелиусу, что Оливия Чарльз была тем человеком, который нажал на курок и убил его жену. Дэвид Хоулинг ей в этом помог, но именно Оливия завладела разумом людей Рогана. В ответ Корнелиус так же официально поблагодарил меня и предложил освободить меня от контракта с полной оплатой.

— Нет, — отказалась я. — Я буду идти до конца.

— Ладно, — тихо ответил он.

Затем они с Матильдой отправились на кухню. Он готовил что-то особенное ей на ужин.

Мама прорабатывала планы нападения. Обе мои сестры тихо сидели в комнате. Леон разглядывал изображение ранчо на телевизоре. Оно было записано с воздуха. Корнелиус с Багом прикрепили камеру к шлейке Талона.

Здание высилось на поляне, словно грозная испанская крепость, потому что именно таким и было — массивная прямоугольная структура, укомплектованная смотровыми башнями, толстыми стенами и крытыми переходами. Баг доложил о наличии пулеметов M240G и M249.

— Сколько там вооруженных людей? — спросила мама.

— По их подсчетам, около сотни, — ответила я. — Часть из них бывшие солдаты, часть — частные охранные службы, а еще часть — гражданские сотрудники.

— Почему бы Рогану просто его не обрушить? — предложил Леон.

— Потому что это убьет всех, кто будет внутри. Нельзя просто так рушить полное людей здание. У них должен быть шанс сдаться. — Из-за гудящей головы было трудно собраться с мыслями. — Возможно, некоторые из них даже не понимают, во что оказались втянуты.

— Но так было бы безопаснее, — заметил Леон.

— Так поступают плохие парни, а мы ими не являемся. — По крайней мере, некоторые из нас. Насчет себя я уже не была так уверена. — К тому же, контракт Корнелиуса обеспечивает ему право самому разобраться с убийцей Нары. Технически, мы не можем убить Оливию Чарльз.

— Контракты важны, — согласился Леон.

Я посмотрела на маму.

— Леон, — обратилась мама. — Мужчина является мужчиной, потому что он придерживается определенных принципов, и у него есть линии, которые он не переходит. Это демонстрирует его дисциплину, преданность и силу воли, необходимые для выполнения работы. Мужчина — это тот, на кого можно положиться, потому что он придерживается высоких стандартов. Только так ты заработаешь себе уважение. Тебе нужно сесть и подумать, где находятся твои линии, или ты вырастешь одним из тех ублюдков, которых все презирают, потому что они готовы задушить собственных родственников ради денег. — Она посмотрела на моих сестер. — То же самое касается вас. Я сказала «мужчина», потому что обращалась к нему, поэтому замените это слово на «женщина» и возьмите эту речь себе на заметку.

Все промолчали.

Каталина прочистила горло.

— Невада, я могу с тобой поговорить?

— Конечно.

— У тебя в кабинете.

Заставив себя встать с дивана, я прошла в свой кабинет и уселась за стол. Каталина с Арабеллой проследовали за мной.

— В том здании больше сотни людей? — спросила Каталина.

— Да.

— И они вооружены?

— Да.

Сестра расправила свои узкие плечи.

— Тогда я иду.

— Исключено.

— А если тебя застрелят? — Каталина скрестила руки на груди. — Что, если ранят Рогана или Корнелиуса? Или кого-то из их людей?

— Мы все взрослые. Мы...

— Я не потеряю тебя в этой заварухе. Эти люди приходили сюда и пытались нас убить.

Они пытались убить Матильду.

— И обоссались, — встряла Арабелла.

— Следи за языком, — осадила ее я.

Она помотала светлыми кудряшками.

— Чья бы корова мычала, Невада. Ты сама ругаешься, как сапожник.

— Мне двадцать пять, — огрызнулась я.

— Ага, а мне пятнадцать, и у меня больше причин ругаться, чем у тебя.

— Если я пойду, — перекричала нас Каталина, — никому не придется ни в кого стрелять!

— Нет, — отрезала я.

Она посмотрела мне в глаза.

— Да.

— Ты не можешь это контролировать.

— Нет, могу. — Она подняла подбородок. — У меня уже лучше получается.

— Да неужели? — Я повернула голову набок. — Ты можешь разорвать связь?

— Иногда, — замялась она.

— Ей не придется разрывать связь, — вмешалась Арабелла. — Я ее выведу.

— Ты собираешься увести ее на глазах у кучи народа, который непременно вас увидит.

Вы совсем сдурели?

— Это уже неважно, — сказала Арабелла.

— Мы знаем, — добавила Каталина.

— Знаете что?

— Мама рассказала нам о Тремейн, — сказала Каталина. — Теперь мы в курсе о другой бабушке.

Я потеряла лицо. Они имели право знать, но мне бы очень хотелось, чтобы мама с этим подождала. Между нами повисла напряженная тишина.

— Что случится, если она нас найдет? — спросила Арабелла.

— Много чего плохого. — Я не хотела вдаваться в подробности.

— Как мы собираемся защитить маму? — продолжила Арабелла. — Она считает, что я закончу свои дни в клетке.

Десятилетия неведения, а затем тонна информации в одно мгновение. Спасибо, мама.

— С мамой все будет в порядке, и никто не посадит тебя в клетку. Когда это все закончится, мы образуем Дом.

Сестры уставились на меня. Они были такими разными — высокая, стройная Каталина с длинными темными волосами, и низенькая, подтянутая Арабелла со светлыми кудряшками. Каким макаром у них вышло одинаковое выражение лиц, ума не приложу.

— Наш собственный Дом? — переспросила Арабелла.

— Да. Если мы образуем наш Дом, она не посмеет нас тронуть в течение трех лет. Этого времени достаточно, чтобы как следует окрепнуть.

— Мы не образуем никакого Дома, если ты погибнешь, — бесстрастно сказала

Каталина. — Я иду с тобой, Невада. Ты не можешь меня остановить.

— Нет, могу. Вы в меньшинстве.

Каталина подняла подбородок.

— Я Превосходная.

— Как и я.

— Да-да-да, мы все особенные, — вклинилась Арабелла. — Но она права. Что будет, если тебя убьют? Кто о нас позаботится? Кто принесет нам суши?

— Я это сделаю, — не отступала Каталина. — Я не позволю им навредить тебе, Корнелиусу, Матильде или кому-то еще. Если поступим по-моему, то никто не пострадает.

Должно быть, именно так я выглядела восемь лет назад, когда заявила родителям, что они не продадут нашу семейную фирму. Что я возьму ее управление на себя и удержу ее на плаву. И я это сделала. Тогда мне тоже было семнадцать.

Она была права. С ее участием мы бы сократили потери и травмы до минимума.

— Ладно. — Я откинулась назад. — Ты это сделаешь, а затем приложишь все усилия, чтобы разорвать связь. — Я повернулась к Арабелле. — Ты выведешь ее оттуда, не причинив никому вреда. Заберешь сестру и сделаешь ноги. Без всякой самодеятельности.

Она восторженно взвизгнула.

— Окей, леди-босс!

— Мы не рассказываем об этом маме, — предупредила я. — Не делаем намеков и не отпускаем ехидных замечаний.

Мы с Каталиной посмотрели на Арабеллу.

— Я буду нема, как рыба.

— Ладно. — Надеюсь, мне не придется об этом пожалеть.

Девочки вышли из моего кабинета, и я набрала Рогана. Он тут же ответил.

— Да?

— Скорее всего, нам не понадобится осаждать форт. С нами идут мои сестры.

Он выдержал длинную паузу.

— На что мне тогда рассчитывать?

— Нужна команда захвата, достаточно большая, чтобы удержать Оливию Чарльз. Но нам не нужно будет штурмовать особняк.

— Ты в этом уверена?

— Да.

— Не слышу в твоём голосе восторга.

— Его и нет. — Сейчас было не лучшее время, чтобы обсуждать все сложности, связанные с магией Каталины. — Все, что нам нужно — позволить Каталине добраться до как можно большего количества людей в крепости. Чем больше людей, тем лучше. Ты мне доверяешь? — Я не хотела, чтобы это было вопросом.

— Хорошо, — согласился он.

Повисло молчание. Мне нестерпимо хотелось его увидеть.

— Где ты? — спросил Роган.

— У себя в кабинете. А ты?

— Под твоей входной дверью.

Мой пульс ускорился. Я встала, опустила жалюзи в моем кабинете, замкнула дверь между коридором и остальным складом, и открыла входную дверь. Он убрал телефон от уха, и вошел внутрь. Мы прошли в мой кабинет. Я закрыла за нами дверь, а затем его руки обняли

меня, и завтра исчезло. Он поцеловал меня, долго и жадно. Воспоминания о том, как он лежал рядом со мной обнаженным, завертелись у меня в голове. Я все целовала и целовала его, покусывая его губу, касаясь языка, вдыхая его дыхание...

Мой телефон зазвенел. Я не обратила на него внимания.

Его телефон запищал.

Интерком ожил и из него раздался голос Берна.

— Невада, где ты? Мне нужно с тобой поговорить. Это срочно.

Телефон Рогана запиликал еще раз, затем еще раз, а потом испустил высокочастотный электронный писк. Он застонал и поднес его к уху.

— Да?

Писклявый голосок на том конце линии сообщил ему что-то срочное. Роган закатил глаза.

— Да. Да. Нет. Разберитесь с этим. Да.

Он отключил телефон и швырнул его на стол. Тот зазвонил снова. Роган уставился на него, как на змею.

— Ответь, — вздохнула я.

Он повернулся ко мне. От Чокнутого Рогана не осталось и следа. Был лишь мужчина и он был зол, как черт.

— Когда все это закончится, едем в любое место. Куда захочешь.

— А тот домик в горах настоящий?

— Да.

— Отвези меня туда, — попросила я.

Десять минут спустя я вошла в Хижину Зла, обнаружив обеих моих сестер стоящими у компьютера Бернарда.

Кузен был бледен, как мел.

— Августин переслал вот это.

Он нажал на клавишу и на экране возникло видео, демонстрирующее ультрасовременный интерьер офиса Августина в «МРМ». Камера располагалась с правой стороны прямо за Августином. Дверь была открыта нараспашку. Обычно матовые стеклянные стены, отделяющие его рабочее пространство, теперь были прозрачными, и с этой точки обзора был виден весь путь до стола секретаря. Лина отсутствовала. Ее место занимал молодой человек, поглощенный работой за компьютером. Я никогда не видела его раньше и он, вероятно, даже не знал о моем существовании.

Высокая женщина вошла в коридор, ее лицо было изрезано морщинами. Ее осанка была совершенно прямой, седые волосы были тщательно уложены, темно-карие глаза бросали вызов всякому, кто оказался был на ее пути. За ней следовали двое телохранителей, одетых в костюмы, оба с квадратными челюстями, одинаково коротко стриженные и с одинаковым выражением на лицах.

Августин встал.

— Добрый день, миссис Тремейн. Чем обязан такой чести?

Она впиалась в него взглядом, разглядывая его с пристрастием хищника, заметившего свою добычу. Ледяные коготки заскребли по моей спине. Вот и все.

Виктория Тремейн развернулась, и, не проронив ни слова, удалилась восвояси.

На мне был одет пуленепробиваемый жилет «Скорпион», шлем, штурмовой костюм и ботинки. Люди Рогана предлагали мне легкий ручной пулемет, но я отдала предпочтение

моему «бэби дезерт игл». С ним я чувствовала себе спокойнее.

Мы забрались в техасский кустарник по периметру забора, ограждающего крепость Оливии Чарльз. Впереди в будке сидел одинокий охранник.

Я чувствовала себя черепахой. Как мои мама с бабушкой только умудрялись таскать всю эту амуницию на себе годами?

Рядом со мной Арабелла, облаченная в такой же наряд, надула губы и сделала селфи. Тьфу.

— Ты помнишь отходной путь? — спросила я.

Она кивнула.

— Мы поворачиваем на север и быстро бежим пять миль через кустарник к вертолету Рогана. Я все поняла. Не волнуйся.

На дорожку заехал лимузин и остановился перед воротами.

— Вы уверены, что это работает? — спросил Корнелиус.

— Да, — заверила его я.

Корнелиус меня беспокоил. Он не взял с собой никаких животных или оружия, которое я могла бы увидеть. Его лицо было спокойным, взгляд отчужденным. Его мысли были заняты чем-то серьезным.

— Просто ваша сестра такая застенчивая, — пробормотал он. — Я провел в вашем доме целую неделю, и она едва перекинулась со мной парой слов.

Окно лимузина опустилось. Я не могла видеть его под этим углом, но знала, кто был внутри. За рулем сидела Мелоза, готовая в любой момент развернуть свой щит эгиды; моя сестра на пассажирском сидении и Ривера на заднем, вооруженный до зубов.

Охранник что-то сказал.

Давай, Каталина. Ты можешь это сделать.

Ворота распахнулись. Охранник вышел из своей будки и остановился рядом с машиной.

— Так. — Я поднялась на ноги.

В нескольких ярдах поодаль от нас, из-за дерева выступил Роган. Если что-то пойдет не так, он планировал убрать будку и охранника вместе с ней. Я раздвинула ветки и потрусилась к лимузину. Вокруг меня команда захвата Рогана — шесть человек, которых он отобрал — заняли свои места. Корнелиус рядом со мной пожал плечами.

Роган присоединился к нам, и мы подбежали к лимузину, где ждал охранник. Он увидел нас и подмигнул. Его лицо расплылось и на его месте возникло знакомое совершенство Августина.

— Роган, ты притащил детей? Я-то думал, ниже падать тебе уже некуда.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Роган.

— Разве я мог такое пропустить и позволить, чтобы все лавры и информация достались тебе одному? — Августин вернул очки на переносицу. — Идем?

Лимузин двинулся вперед. Мы пошли следом.

Впереди замаячил второй контрольный пункт.

— На этот раз это настоящий солдат? — спросила я.

— Да.

Лимузин остановился, окно опустилось вниз, и я ощутила, как на расстоянии поменялась магия — легкий всплеск, будто упала капля в ночи. Солдат покинул свою будку и подошел к лимузину. Мы свернули на дорогу к вахте охраны на пороге крепости. Нас

увидели, подняв оружие.

Солдат помахал охранникам. Лимузин снова остановился. Охранники убрали свое оружие и присоединились ко второму солдату.

— Кем же является твоя сестра? — спросил Августин.

— Вы сами все увидите. — Для этого дара не было названия, подобный талант никогда не регистрировался прежде. Но вы бы его точно не смогли забыть. — Просто не смотрите прямо на нее, как только она начнет.

Солдаты отперли массивные входные двери, затем один из них подошел к лимузину и открыл дверь. Каталина вышла из машины. Солдат ждал возле нее, его лицо было расслабленным, но я внимательным, как у коридорного в дорогом отеле. Из лимузина вышла Мелоза, с широко распахнутыми от удивления глазами.

Каталина повернулась и помахала нам. Я ускорила шаг, стараясь сократить расстояние. Пожилой мужчина в серой униформе с солдатской нашивкой нам улыбнулся.

— Вы ее друзья?

— Да, — ответила я.

— Просто отлично. Идемте, я проведу вас внутрь. Сейчас обеденный перерыв.

Каталина расправила плечи и шагнула в крепость. Двое часовых поднялись со своих мест. Пожилой солдат помахал им.

— Идемте со мной.

Мы прошли по узкому коридору, повернули направо, повернули налево. Во рту стоял медный привкус. Не стоило мне позволять ей это делать. Впереди, в открытых дверях, виднелась столовая.

Команда захвата вокруг меня вставила в уши беруши, и остановилась. Мы проходили этот маневр на стадии планирования. Если бы они вошли в этот общий зал, мы бы остались без команды. Роган, Корнелиус, Арабелла, Августин и я последовали внутрь за Каталиной. Я говорила им, что это плохая идея, но они все равно решили сделать по-своему.

Минимум шестьдесят человек сидели за столами, обедая. Все остановились и посмотрели на нас.

Моя сестра улыбнулась.

— Привет!

— Привет? — ответила женщина за ближайшим столом. — Кто ты такая?

— Я просто ребенок.

Каждая пара глаз наблюдала за ней.

— Я хожу в старшую школу Седар, и вы не поверите, что случилось со мной вчера на алгебре.

Роган посмотрел на меня.

— Смотри, — шепнула я.

— Я как раз сидела за своей партой, когда Дейс Коллинз порвал со своей девчонкой.

Шестьдесят людей в помещении и ни один из них не ел. Все они замерли.

— Он сделал это на глазах у всего класса. Она расплакалась. Это было так неловко. Я не знала, что делать.

Комната погрузилась в тишину.

— Дейс Коллинз такой засранец, — сказал мужчина слева.

— Да, какого черта? — воскликнул молодой парень справа. — Какой мелкий панк мог такое учудить?

— Не волнуйся, милая, — заговорила первая женщина. — Не накручивай себя из-за этого. Он того не стоит.

— Как он посмел поставить тебя в такое положение? Тебе не должно быть стыдно из-за него, и его подружки, — сказала другая женщина. — Ты хочешь, чтобы мы пошли и привели его для тебя? Потому что мы можем сделать это прямо сейчас.

Пожилой солдат кивнул на толпу.

— Джейк и Марша, отправляйтесь в гараж за транспортом, найдите этого Дейса и приведите его сюда. Мы проведем с ним беседу и растолкуем ему, как нужно вести себя с леди.

— Нет-нет, все в порядке, — успокоила Каталина. Привести Дейса Коллинза было бы непростой задачей — он был персонажем «Лжецов», свейжайшей мыльной оперы для подростков. — Не хотели бы вы лучше послушать продолжение истории?

— Да, — одновременно отозвались несколько голосов. — Да, пожалуйста.

Они двинулись к ней, окружая ее плотным полукругом.

— Так уже достаточно, — сказала она.

Они не хотели останавливаться, но все же повиновались.

— Я очень хочу рассказать вам продолжение истории, но не могли бы вы привести сюда остальных? Им тоже может быть интересно, что случилось дальше.

Пожилой солдат поднял рацию.

— Всему персоналу срочно собраться в общем зале. Повторяю, всему персоналу срочно собраться в общем зале. — Он посмотрел на Каталину, ласково улыбаясь. — Они все сейчас будут здесь.

— Очень хорошо. Пожалуйста, присаживайтесь.

Они все, как один, опустились на пол, излучая щенячью преданность. Рядом со мной Корнелиус попытался опуститься на колени. Я схватила его за руку и дернула вверх.

— Мой друг сейчас проделает дыру вон в той стене. — Каталина указала на дальнюю стену. — Чтобы у нас было больше света.

— Это отличная идея.

— Да, больше света никогда не помешает.

Я толкнула Рогана. Он поднял руку. Дальнюю стену прорезала трещина, расширившись до двадцатипятифутовой дыры в железобетоне.

— Больше, — пробормотала я. Арабелле понадобится отступить быстро.

Дыра растянулась до сорока футов.

— Больше.

Стена рухнула.

— Спасибо! — поблагодарила Каталина.

— Вы такие хорошие, — сказал один из солдат Рогану. — Я рад, что нее есть такие хорошие друзья, как вы.

— Это твой брат? — поинтересовалась женщина.

— Нет, это парень моей сестры.

— У тебя есть сестра! Как это замечательно. У меня тоже есть сестра.

Еще больше людей прибыло в общий зал. Подтянутый мужчина с длинным шрамом на лице заподозрил неладное. Он увидел нас и сощурил глаза.

— Мать вашу, что здесь происходит?

— Она рассказывает историю, — сказал пожилой солдат. — Ты должен ее услышать,

Гейб. Она ужасно интересная.

— Черт возьми, вы совсем рехнулись?

— Добро пожаловать, Габриэль, — поприветствовала его моя сестра. — Добро пожаловать всем.

Глаза Габриэля потеплели, и он поднял руку. На его суровом лице расплылась робкая улыбка.

— Привет.

— Я рассказывала о Дейсе, — пояснила Каталина. — Так вот. Дейс один из тех парней, которые ни рыба, ни мясо. Он не блещет умом и до атлета ему далеко. Поэтому он просто слоняется по школе и пытается казаться задирой...

Они смотрели на нее с пристальным вниманием.

— Нам пора идти, — пробормотала я.

Роган вздрогнул, будто проснувшись.

— Подождите, — сказал Августин. — Я хочу дослушать до конца.

— Нет, не хотите.

— Нет, правда, это очень увлекательно, — прошептал Корнелиус.

Роган взял правой рукой Августина за плечо, а левой — Корнелиуса, и поволок их обоих к двери.

— Ты все поняла? — спросила я у Арабеллы.

Она кивнула.

— Она им не достанется.

Я вышла и закрыла за собой дверь. Команда захвата сомкнула ряды и продолжила идти, уводя Августина и Корнелиуса дальше по коридору. Мы прошли двадцать ярдов, прежде чем они перестали оглядываться через плечо.

— Что это было? — пришел в себя Августин.

— Любовь, — сообщила я ему. — Они любят ее.

— Поэтому она так нравится Матильде? — спросил Корнелиус.

— Нет. Каталина никогда не использует магию на своих близких. Матильда любит ее, потому что она добрая и заботится о ней. У нас есть примерно тридцать минут. Чем дольше они остаются рядом с ней, тем больше они ее любят. Далее им захочется к ней прикоснуться. Они захотят заполучить кусочек ее одежды или еще лучше пучок волос или палец. Она не может это остановить. Через двадцать минут Арабелле нужно будет забрать ее оттуда или они разорвут ее на части.

— А как же Арабелла? — спросил Корнелиус.

— У нас с ней иммунитет. Каталина наша сестра и мы уже любим ее всем сердцем.

Мы побежали по узким проходам, проходя здание комната за комнатой. Как только мы выбрались из коридора за общей комнатой, Корнелиус начал напевать себе под нос непрерывную, почти гипнотическую мелодию. Она не походила ни на одну песню, которую я слышала раньше. Вероятно, из-за груза переживаний он все-таки повредился умом.

На нас набросились трое людей. Команда захвата уложила двоих, пока Роган сцепился с третьим и сломал его, как тряпичную куклу. Мужчина осел на полу, часто дыша, а его правая нога была вывернута под неестественным углом.

Я присела перед ним на корточки.

— Где Оливия Чарльз?

Руки мужчины сжались в кулаки. Он весь напрягся, но моя магия была слишком сильной.

— На нижнем этаже. Она в комнате в конце коридора.

Мы оставили его в коридоре, всхлипывающим.

Спустя восемь минут мы добрались до комнаты, просторного пустого пространства с абсолютно черными стенами и полом. Я уже видела похожую комнату прежде, в «МРМ». Она была выкрашена краской для меловой доски. На полу был выведен наполовину законченный круг, рядом валялся кусочек мела. Оливии Чарльз и след простыл. Мы разбрелись по комнате. Никаких дверей, кроме той, через которую мы пришли.

Рация Рогана ожила.

— Спецназ в пути, — оповестил Баг. — Три машины.

Должно быть, Леноре Джордан надоело ждать. Я повернулась к Рогану и понизила голос.

— Нам нужно сейчас же найти Оливию. Если спецназ увидит Арабеллу, то попытается ее убить.

— Она здесь, — сказал Корнелиус.

Он остановился у стены. Мы с Роганом стали рядом с ним.

— Ты уверен? — спросил Роган.

— Да, — Корнелиус кивнул, его глаза затуманились. — Она здесь.

Роган посмотрел на стену. Она задрожала.

Колин, низкорослый темноволосый мужчина, направил на нас пистолет. Ривера взял его в захват до того, как Оливия заставила его сделать что-то еще.

Я повернулась к стене, собрала свою магию и ударила по находившемуся за ней разуму.

На меня набросилась сила, сжимая мой разум в стальных тисках и заставляя меня скорчиться от боли. Я могла только ее сдерживать.

Колин перестал сопротивляться и уронил голову.

Краем глаза я увидела Рогана на полу у моих ног. Он стягивал с меня левый ботинок, затем правый.

— Сэр? — подал голос Ривера. — Не могли бы вы сломать стену?

— Никогда не вмешивайтесь в дуэль двух ментальных магов, — сказал Августин. — Если вы убьете одного, второй может лишиться своего разума.

Раскаленные докрасна тиски сжимали мой разум...

Мне просто нужно продержаться. Пока она занята мной, она не сможет добраться до других.

Мои босые ноги коснулись пола. Роган суетился вокруг меня, рисуя.

Она крушила мой разум, будто ореховую скорлупу.

Магия подо мной ожила; словно я опустилась на поверхность пруда, но вместо воды в нем была чистая сила. Роган нарисовал усилительный круг. Я отправила в него свою магию, из-за боли отдав немного больше положенного, и она вернулась ко мне, делая меня сильнее. По моим венам зациркулировала магия. Я отдавала магию кругу снова и снова, и снова. Пять. Еще немного и я бы выдохлась.

Я сбросила тиски. Они отскочили назад, а затем снова сжали мой разум, превращаясь в кандалы.

Комната растворилась. Я стояла в просторной темной пещере. Свет заливал круг под

моими ногами. Мои руки светились, испуская бледный, почти белый свет с легким вкраплением желтого. Рядом с собой, я увидела и другие силуэты: бледно-золотистый, ощущавшийся Корнелиусом, ярко-голубой маячок Рогана и контрастный союз тусклого белого и серого, принадлежавший Августину. Передо мной другая человеческая фигура стояла в похожем круге, ее свет пульсировал фиолетовым. За нами, на расстоянии, выделялись еще два силуэта, один бледный и светло-желтый, как и я, а другой с переплетением огненно-красного. Каталина и Арабелла.

Что это? Где я?

Магия противника сжала меня, пытаюсь раздавить.

Я сдернула оковы. Фиолетовая сила отшатнулась и снова ударила, оборачивая вокруг меня невидимые цепи, пытаюсь связать меня. Я потянулась глубже, к своей внутренней силе и позволила магии взорваться. Она вырвалась из меня мощным потоком света.

Мое тело задрожало от напряжения. Она оборачивала свою волю вокруг меня. Я почувствовала, как я выпутываюсь, отступая все дальше и дальше вглубь самой себя.

Свет моих сестер растворился.

Я должна победить. И я это сделаю. Я должна узнать, кто этот невидимый кукловод, который дергает за ниточки за сценой. Я должна встретиться с Цезарем, потому что, если я проиграю, он продолжит посылать людей за моей семьей. Я должна знать.

Еще больше цепей вынырнуло из темноты, пытаюсь меня схватить.

Нет. Ты не свяжешь меня. Ты не сможешь контролировать мой разум. Я освобожусь.

Я надавила. Я должна победить.

Первая цепь лопнула, разорвавшись. За ней еще одна и еще одна.

Никто не контролирует меня, кроме меня самой.

Цепи лопнули. Другая светящаяся фигура закричала. Моя магия устремилась к ней и проглотила ее в один присест. Пещера вокруг нас взорвалась, разлетаясь на куски.

Я раскрыла рот и позволила заговорить моей магии. — Как мне открыть эту дверь?

— С левой стороны есть панель, — ответил бесцветный голос Оливии Чарльз откуда-то из скрытого динамика. — Код 31BC.

Год зарождения Римской империи.

Роган открыл панель и ввел код. В стене что-то лязгнуло. Она отъехала в сторону на несколько дюймов и остановилась.

— Почему дверь не открылась? — Тело начинало ныть. Моя магия все еще не восстановилась на сто процентов после того, как я потратила все силы на атаку шокерами Дэвида. Моя энергия была на пределе.

— Я повредила механизм изнутри.

— Время на исходе. — Роган поднял руку. — Ты закончила?

Я отступила, притягивая магию назад.

— Да.

Часть стены задрожала, и ее с оглушительным треском испещрили тонкие трещины. Отдельные куски бетона задрожали и осыпались между нами ровными линиями, открывая маленькую комнатку. Внутри нее в усилительном круге стояла Оливия Чарльз. Ее взгляд впился в меня.

— Ты!

— Я.

Ее взгляд переключился на Рогана.

— Наслаждайся своим жалким триумфом. Долго он не продлится.

Я прильнула и заглянула в ее разум. Черт.

— Она была зачарована, — сообщила я. — У нее есть нужная нам информация, но понадобится масса времени, чтобы вытянуть ее из нее.

— Как много времени? — спросил Роган.

— Дни. — Мне понадобится немало времени, чтобы восстановить достаточно магии для взлома ее заклятия.

— Нет, — произнес Корнелиус пугающим, полным угрозы голосом. — Она убила мою жену.

В глазах Рогана отразилась внутренняя борьба. Нам была нужна Оливия. Очень нужна.

На его челюсти заиграли желваки.

Он обещал.

Роган раскрыл рот.

— Я держу свое слово. Она ваша.

— Отпустите ее, — сказал мне Корнелиус.

Я отпустила ее. Еще мгновение, и я утратила бы над ней контроль.

Корнелиус смотрел на Оливию, бледный, как мел.

— Вы лишили жизни Нары. Вы забрали у меня мою жену. Вы оставили моего ребенка без матери.

Оливия фыркнула.

— Что ты мне сделаешь, жалкое ничтожество? Ты даже не Превосходный. Призовешь выводок щенков, чтобы они зализали меня до смерти? Давай же, действуй.

— Когда мой дед приехал в эту страну, — невозмутимо продолжил Корнелиус, — он взял себе новое имя, такое, которое было бы знакомо его новым согражданам.

Оливия скрестила руки на груди.

— Наша настоящая фамилия не Харрисон, а Гамельн.

Позади нас раздался низкий звук, похожий на шум водопада, настойчивый и тревожный.

— Нас называли так не в честь местности, из которой мы исходим. Нас называли так в честь места, где задолго до открытия сыворотки Осириса, наши предки были известны своей магией.

Корнелиус раскрыл рот и пропел длинную ноту. В комнату ворвалась черная волна. Она кишела и шевелилась, продвигаясь вперед, не цельная, а состоящая из тысяч крохотных тел.

Оливия Чарльз закричала, не в силах сдержать животный ужас.

Голос Корнелиуса усиливался, повелевающий и прекрасный. Казалось, он проникал в грудь, сжимал сердце холодным кулаком и крепко держал. Волна прокатилась между нас и поглотила Оливию, погребая ее тело. Она вопила и отбивалась, но крысы все прибывали, тысячи и тысячи, пока она не превратилась в копошащуюся гору меха. Я могла лишь беспомощно стоять и слышать, как ее сжирают заживо, под ангельское пение Крысолова из Хьюстона, скорбящего по своей возлюбленной.

Я сидела у себя в кабинете и смотрела, как корреспонденты из «Свидетельских новостей» теряют все самообладание при виде снимка останков скелета Оливии Чарльз. Как они умудрились его заполучить, ума не приложу. Полиция Хьюстона оцепила место ее гибели со всех сторон. Когда мы вышли из здания, мое сестры уже ушли, и большинство

охранников крепости ушли вместе с ними. Спецназ обнаружил их позже, слоняющимися в кустарнике, всхлипывающими и рассказывающими истории о девушке и существе, которое ее украло. Никто не мог адекватно описать существо, только то, что оно было огромным и монстроподобным, что нам и было нужно. Нас пронесло.

Ленора потребовала присутствия Рогана и Корнелиуса на подведении итогов и разборе гор документов. Меня не пригласили, за что я была очень признательна. Я отправилась домой, обняла сестер, заказала пиццу и уснула на диване еще до того, как ее доставили. Сейчас был уже день — я проспала до самого утра и спала бы дальше, если бы бабуля Фрида не заволновалась и не приложила к моему лицу кубик льда, дабы убедиться, что я «не в коме». Пришло время уладить все вопросы с моим клиентом, который должен был войти в мою дверь в любую минуту. Он провел весь день, занимаясь переездом.

От Рогана не было ничего слышно. Ни звонков, ни сообщений, ничего. Прошло меньше двадцати четырех часов без связи с ним, но я уже ощущала беспокойное чувство дежавю. Он не мог просто так снова исчезнуть.

Словно по команде, Корнелиус прошел через дверь, отделяющую офис от остального дома и постучал по стеклянной стене моего кабинета.

Я выключила трансляцию на ноутбуке.

— Входите, пожалуйста.

Он вошел и опустился на стул.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я.

Он задумался.

— Я испытываю облегчение. Злость исчезла, осталась лишь печаль. Спасибо вам за все, что вы сделали.

— Пожалуйста. Я рада, что вам стало легче.

— Могу ли я спросить у вас, почему вы передумали? — любопытно спросил Корнелиус. — Ранее вы говорили, что не желаете быть причастной к смерти убийцы.

— Дэвид Хоулинг прислал Матильде сообщение, в котором угрожал ей смертью.

Корнелиус сел ровнее.

— Почему мне об этом не сказали?

— Потому что его целью было вывести вас из равновесия. Я беспокоилась о вашем душевном здоровье. Вы не спали и продолжали таскать загадочные мешки во всякие странные места.

— Это были мешки с зерном, — пояснил Корнелиус. — Крысам требуется много еды, чтобы вырасти из шайки в стаю.

— Шайки?

— Это подходящий термин для группы крыс. Свора собак, стая ворон, шайка крыс. Они недооцененные создания. На самом деле, они разумные животные, живущие колониями. К примеру, исследования доказали, что крысы сперва покормят своих плененных в клетке сородичей, а потом поедят сами. Но люди инстинктивно их боятся, поэтому я держал точный способ своей мести при себе. И нет, я не помешался.

— Это было мое решение, и я его приняла.

Он кивнул.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Когда Хоулинг удерживал нас с Роганом в кругу, он заверил меня, что ему не доставляет радости убийство ребенка и что он покончит с ней с минимальной болью.

Корнелиус стиснул челюсть.

— Неужели?

— Я поняла, что пока они с Оливией Чарльз живы, ваша дочь не будет в безопасности. Еще я поняла, что Оливия никогда не позволит себя поймать и допрашивать. Не знаю, почему, но их преданность этому новому Цезарю не знает границ. Когда Хоулинг говорил о своем новом видении, его лицо буквально светилось. Они искренне считают себя патриотами. Но патриоты не пытаются уничтожить свое государство. Я могла бы умыть руки и оставить всю грязную работу вам с Роганом или же прийти и помочь. Я выбрала помощь и буду следовать этому решению.

Я открыла папку и вручила ему чек.

— Это ваш конечный счет.

Какое-то мгновение он его разглядывал.

— И это все?

— Да. Вы можете видеть итоговую разбивку часов и растрат ниже. Сумма за платье имеет свое пояснение. Из-за независящих от меня обстоятельств, я не смогла вернуть платье вовремя, поэтому была вынуждена оплатить дополнительную сумму в две тысячи долларов. Поскольку эти обстоятельства были прямым результатом расследования, надбавка была списана на ваш счет. С вычетом уже внесенных пятидесяти тысяч долларов, ваш итоговый счет составляет всего \$7,245.

Корнелиус вытащил чековую книжку и выписал мне чек. Обычно, я не принимала чеки, но здесь у меня не было сомнений в его подлинности.

— Спасибо.

Я выписала квитанцию и вручила ему. Он посмотрел на бумажку.

— Почему-то мне не кажется, что этого достаточно.

— Вы можете заплатить больше, если хотите, но подозреваю, что вам могут понадобиться эти деньги. Что вы будете делать теперь? — Я не стала добавлять «после смерти вашей жены». Именно Нарри зарабатывала им на жизнь.

— Найду работу, — сказал он. — И я надеялся попросить ее у вас.

— У меня?

— Да. Я видел, чем вы занимаетесь, и считаю, что могу вам с этим помочь.

Я заморгала. Кроме моей семьи, никто никогда не просил меня о работе. Если я смогу его заполучить, то буду плясать от радости. С птицами, котами и хорьками, мы смогли бы расширить наши возможности для слежки, минимизировать риски и удвоить нашу прибыль.

Если. Было одно большое если.

— Я была бы рада, если бы вы работали у нас.

— Чувствую, здесь будет «но», — заметил он.

— Вы член Дома и ваша магия уникальна. Пожалуй, я не смогу платить вам по достоинству.

— Как вы обычно производите оплату? — спросил Корнелиус.

— Это зависит от дела. Бернард получает почасовую оплату. Обычно, он не занимается делом от начала до конца, так как его услуги требуются по мере необходимости. Иногда мои сестры берутся за индивидуальные дела и зарабатывают комиссионные в случае удачного исхода. Фирма забирает тридцать процентов выручки, наемный работник — семьдесят. Мы предоставляем стоматологическую и медицинскую страховки.

— Я буду работать за комиссионные, — сказал он.

— Для начала, это будет не так уж много денег.

— У меня есть финансовая подушка, — парировал анимаг. — Вернее, вы мне ее предоставили. Я пришел к вам в офис, готовый выписать чек на полмиллиона.

— Полагаю, я пояснила наши условия оплаты.

— Да. — Он улыбнулся. — Но я не ожидал, что вы согласитесь на это предложение.

— Но есть один момент, с которым вам придется считаться. Что вы заявляете клиенту — то и получаете. У нас есть правила. Первое правило: мы верны своему клиенту. Как только нас наняли, мы не меняем стороны. Правило номер два: мы нарушаем закон только в чрезвычайном случае. Правило номер три: в конце дня мы не должны стыдиться своего выбора и принятых решений.

Корнелиус обдумал услышанное.

Снаружи донесся громкий грохочущий звук. Когда Роган наконец-то объявится, нам придется обсудить превращение нашего района в военный лагерь. В какой-то момент я вернусь к нормальному ведению бизнеса без всей этой шумихи. Если он объявится. Меня охватило беспокойство. Возможно, он передумал.

Нет. Это просто был разговор на эмоциях.

— Согласен, — кивнул он. — Когда я могу приступить?

Сегодня была среда. Мне понадобится минимум несколько дней, чтобы прийти в себя.

— На следующей неделе, — сказала я.

— Тогда до следующей недели.

Он встал и протянул мне руку. Поднявшись, я пожала ее.

— Можете меня не провожать.

Он ушел, а я снова плюхнулась в кресло. Мы только что наняли нашего первого постоянного сотрудника.

Я услышала, как открылась входная дверь, и в комнату ворвался грохочущий шум. Ну это уже перебор.

— Невада! — позвал Корнелиус, пытаясь перекричать механический рокот. — Я думаю, это за вами!

Что еще? Я встала и вышла в коридор.

Посреди перекрестка стоял причудливый военный вертолет, создавая своими вращающимися лопастями искусственный ветер на улице. Ко мне шел Роган.

Что...

Он сократил дистанцию и взял меня за руку.

— Идем.

— Куда идем?

— Ты говорила, что хочешь увидеть домик. — Он ухмыльнулся.

— У меня нет одежды.

Он подмигнул мне.

— Тебе не понадобится одежда.

У меня загорелись щеки.

— Мне нужно сказать семье...

— Ты сможешь позвонить им с воздуха.

— Но...

Его голубые глаза смеялись надо мной, теплые и светлые.

— Идем со мной, Невада.

Я закрыла рот и побежала вместе с ним к вертолету.

Эпилог

Невада слепила из пригоршни снега шарик. Ее улыбка практически светилась, и он поймал себя на мысли, что никогда не видел, чтобы человек так радовался игре в снежки. Удивительно, как вокруг нее ничего не таяло. Она была подобна весне — теплая, полная жизни и надежд. Когда она была рядом с ним, он не чувствовал холода.

Они провели три блаженных дня, наполненных лишь снегом, хорошей едой, жарким огнем и еще более жарким сексом. Он мог бы оставаться в этом домике вечно. Роган знал, что это невозможно, и одна мысль о возвращении назад навевала ужас. Все равно, что вернуться обратно на войну.

Расслабься, сказал он себе. Она сейчас здесь, счастливая и невредимая. Ее семья захочет увидеть ее на Рождество, и ему придется отвезти ее обратно, но пока они могут просто поиграть в снегу.

Он уже купил ей подарок.

Снежок пролетел по воздуху и ударил его в грудь.

— Серьезно?

— Что, слабо? — поддразнила она, ее глаза сияли.

Он поднял руку, собирая вокруг себя магию. Из сугроба за ним поднялся рой снежков, пронесся по воздуху и обрушился на Неваду. Роган делал так, чтобы все удары были мягкими, разрушая снежки, как только они ее касались. Она попятилась назад и упала спиной в снег, заливаясь смехом.

— Не честно!

— Я — Чокнутый Роган. Я не играю честно.

Его телефон звякнул. Он достал его и провел пальцем по экрану. Сообщение от Бага.

Его пробрал холод.

Он не видел Неваду, пока она не оказалась на нем сверху. Она сбила его с ног и приземлилась ему на грудь. Ее губы накрыли его, и он поцеловал ее, в то время как его мозг лихорадочно перебирал дюжину различных стратегий.

— В чем дело? — спросила она.

— Что?

— Ты был здесь со мной, а теперь нет. В чем дело, Коннор?

Он раскрыл рот сказать ей, что все в порядке, жаждая еще нескольких часов блаженства, но затем вспомнил, кем она была.

— Баг идентифицировал подставную компанию, которая пыталась выкупить твою закладную.

Невада сдвинула шапку назад.

— И?

— Мы думали, что это был Августин. Это не так. Подставная компания принадлежит Дому Тремейн. Твоя бабка знает, Невада. Нам нужно возвращаться. Твоя семья в опасности.

Бонус 1

к

”

Пылай для меня

"

Был прекрасный день. Солнце было теплым, небо голубым и мне не хотелось ничего больше, кроме как взять выходной и оказаться где угодно, лишь бы не сидеть в машине, ожидая, пока объявится некий Превосходный проходимец. Адам Пирс носился по Хьюстону, устраивая поджоги и убивая людей. Я понятия не имел почему, и в нормальной ситуации не стал бы вмешиваться, но он связался с моей семьей и теперь заслужил моего пристального внимания. Не то чтобы я был особенно близок с ними, но когда кузина приходит к тебе рыдающая и в полном отчаянии, потому что ее сын-подросток замешан в убийстве и находится в бегах, ты просто не можешь сказать «нет». Я имею в виду, что вы могли бы, но тогда стали бы именно той равнодушной сволочью, которой вас все считают. Может я таким и был, но она была моей любимой кузиной, и мысль о том, что этот крикливый позер Пирс использовал мальчишку для помощи со всем этим ужасным дерьмом, по-настоящему меня взбесила.

Я знал парней вроде Адама всю жизнь. Рожденные в богатстве, привлекательные, получившие самое лучшее образование, дорогие игрушки: все, кроме чувства долга. Никакой ответственности, кроме как потратить деньги и хорошо провести время. В основном это были безобидные придурки, которые в конце концов успокаиваются и рожают новых бесполезных придурков. Большинство не взрывают банки и не испепеляют дежурящих копов. Во что играет Пирс? Ему не нужны деньги. Я знаю, что мамочка до сих пор втихаря дает ему на карманные расходы. Может он просто развлекался? С чего вдруг такой резкий переход от мелкого вандализма до убийства? Несмотря на то, что Адам невероятно сильный огненный маг, до сих пор он казался вполне довольным развлекаясь мелкими пакостями: небольшими пожарами, драками в барах — неприятностями, из которых семья всегда его вытаскивала. Это было другое. Теперь он убил человека, полицейского, без всякой причины, и втянул в это свою семью.

Самый большой вопрос — зачем? Зачем становиться из плохого парня и сердцееда самым разыскиваемым хьюстонским преступником? Может кто-то дергал его за ниточки, манипулируя им, также как он делал это с Гевинном? Когда я его найду, нужно будет его расспросить, прежде чем я вырву ему язык и засуну в задницу. Эта мысль вызвала улыбку на губах.

Но сначала мне нужно его найти, а до сих пор это было легче сказать, чем сделать. Предполагалось, что это будет просто. Парень был чертовым призраком. Ни один из моих контактов не дал ничего полезного, кроме единственной ниточки — мастерской по ремонту мотоциклов, где Адам предположительно забирал мамочкины денежки раз в месяц. Сегодня был тот самый день, так что я расположился на соседней парковке и ждал его. Вот только теперь он знал, что стало слишком жарко. Он не появился, но пришел кое-кто другой. Молодая девушка в рабочей одежде, у которой не было никаких причин находиться здесь. Она огляделась, прежде чем войти, не похоже, что она была завсегдатаем, бывавшим здесь раньше. Не коп, но кто-то...

Кто ты такая, милашка? Давай-ка выясним.

Я быстро сфотографировал ее в профиль и один из ее номерных знаков, после того, как она скрылась внутри. Спустя небольшое время, я знал, что ее звали Невада Бейлор, и она была главным детективом и совладельцем «Детективного Агентства Бейлор». Это ни о чем мне не сказало; хотя, финансовый отчет показывал, что бизнес в залоге у «МРМ».

По закону они не находились в собственности у Монтгомери, но Августин держал их на поводке, в чем я и убедился, когда она выйдя из мастерской направилась прямо в «МРМ». Я припарковался через два ряда от нее и наблюдал, как она, выйдя из машины, направилась в нелепое здание Августина. Без сомнения, чтобы повидаться с самим Монтгомери. Я подошел к ее машине, поставил жучок и вернулся обратно в свою. Никто из охраны не появился, чтобы поинтересоваться, чем я занимаюсь на парковке Августина. Обидно.

Я сидел в машине и наблюдал за зданием. Итак, Оладушек, как ты ввязался во все это?

И тут меня осенило. Должно быть, дом Пирсов нанял его помочь Адаму.

Чек должен быть огромным. В настоящий момент Адам был врагом общества номер один. Каждый коп в Хьюстоне жаждал крови.

И все же деньги были деньгами. К тому же, Оладушек обзаведется компроматом на них, и дом Пирсов будет должен ему и дому Монтгомери услугу. Неужели мамочка настояла, чтобы они также передавали малютке Адаму денежки на обед? Одно дело быть в бегах от всех правоохранительных сил Хьюстона, но оставить его без средств к существованию, что ж, это просто не пройдет.

Августин, которого я помнил, никогда бы не замарал рук в таком грязном деле. Если всплывет, что он помогал убийце полицейского... разве что, он заставил кого-то сделать за него грязную работу, кого-то, кого он нанял и от кого может так же легко избавиться, если это понадобится. Кого-то вроде привлекательной молодой девушки. Она должна бы знать, что пособничество печально известному преступнику может означать потерю лицензии частного детектива и семейного бизнеса. Заставлял ли ее Августин или она сама хотела помочь? Скорее всего — второе. Привлекательные, подходящие Превосходные всегда очаровывали определенный тип людей. Возможно, дело в имидже плохого парня, а может то, что он в розыске, делает его еще более заманчивым для нее.

Мне почти хотелось зайти в здание и спросить Августина, что, черт побери, случилось с юным идеалистом, который собирался изменить мир и не хотел иметь никаких дел с политикой дома? Полагаю, в конце концов, он стал таким же, как и его старик.

Девушка выбежала из «МРМ» и практически рванула к машине. Теперь это становится интересным. Куда она направляется? Должно быть она забрала деньги из мастерской, принесла их Августину, котрый позвонил Пирсу и одобрил платеж. Она собиралась встретиться с Адамом. Я завел машину.

Наконец-то.

Все казалось ясным, как день. Следовать за девушкой, найти Адама, замотать его в этот милый рулон военной огнеупорной ткани (лучший в жизни подарок для психически больного пирокинетика), отвезти его домой и с пользой провести некоторое время вместе. Затем, после того как он расскажет мне, как найти Гевина, я выброшу то, что от него останется в каком-нибудь полицейском участке.

Она ехала, как маньяк, и я старался угнаться за ней, не будучи замеченным. Жучок, который я поместил на ее машину, позволит мне найти ее в любом месте Хьюстона, но если он будет обнаружен, или если она меня заметит, она станет намного более осторожной. До тех пор, пока она не приведет меня к Пирсу.

Движение застопорилось, бампер к бамперу, забивая шоссе. Через одну машину вперед со съезда, обозначенного предупреждением о дорожных работах и знаком «стоп», вышел парень в каске и оранжевом жилете. Самосвалы взревели и начали выезжать на шоссе.

Я сделал глубокий вдох и сосчитал самосвалы между нами. Один, два, три, четыре,

пять... твою мать! Да поможет мне Бог, мне хотелось просто разбросать их наподобие детских игрушек или раздавить и выбросить прочь, как пустые банки из-под содовой. Большинство людей время от времени чувствуют что-то подобное. Разница в том, что я могу это сделать. Могу, но не буду. Это были просто люди, гражданские, делающие свою работу, и я не собирался причинять им вред. Нет, это то, что сделал бы тот, кто подобен Адаму. Это означало, что по моим правилам, я мог причинить вред ему. Многими чудесными способами. Я обдумывал их все, пока наблюдал за бесконечной вереницей строительных машин. Наконец, после переломанных костей, но до того как я перешел к химическим и электрическим ожогам, нам разрешили продолжить движение. Разумеется, к этому времени, она обогнала меня на десять-пятнадцать минут.

Трекер мигал на дисплее, двигаясь на север. Куда, черт побери, она направляется?

Пять минут спустя она припарковалась у Мерсеровского ботанического сада. Трекер остановился. Проклятье.

Пятнадцать минут спустя я пробежал мимо ее машины на парковке дендрария «Мерсер» с рулоном ткани под мышкой. Это имело смысл. Общественное место, в то же время уединенное. Тропа петляла по ботаническому саду, разветвляясь в десятки мест, минуя павильоны, фонтаны и площади. Они должны быть где-то на тропинках. Это то, что я бы сделал. На площадях слишком много людей. У него была мишень на спине, а она, вероятно, была увлечена, поэтому они захотели бы, по крайней мере, какого-то уединения. Куда бы я повел симпатичную девушку, которая принесла мне деньги?

Бамбуковый сад. Легко спрятаться, в то же время достаточно живописно. Я ускорил шаг.

Я был в десяти ярдах, когда неподалёку раздался звук заводящегося мотоцикла. Определенно в парке. Это должен быть он. Кто еще будет таким идиотом, чтобы взять мотоцикл в подобное место? И теперь он уезжает, и на его байке нет удобного отслеживающего жучка. Я не могу заставить его рухнуть, если не вижу его, и мне ни за что не поймать его пешком, прежде чем он выедет из парка в город.

Этот день становится все лучше и лучше. Адам, когда я тебя поймаю, а я это сделаю, я позабочусь устроить тебе славный перелом одной или двух ладьевидных костей, бесплатно. Даже когда они заживут, дни его езды на мотоцикле будут окончены. Тяжело ездить, когда адски болят запястья.

Не все потеряно. Адам уехал, но девушка будет пешком. Она принесла ему деньги; не исключено, что она будет знать, как найти его снова. Рев мотоцикла донесся слева. Она очевидно пойдет через площадь. Я припустил.

Минуту спустя я входил на площадь. Блондинка на скамейке у фонтана. Да, это она. Невада Бейлор. Эй, детка, нам нужно поговорить. Я замедлил шаг. Не подкрадывайся к ней, не пугай ее, не забывай подходить элегантно и небрежно. Ты всего лишь приятный парень, который видит привлекательную девушку и хочет с ней поболтать. Что это у меня под мышкой? О, это вовсе не высокотехнологичная огнеупорная ткань. Это просто огромный фруктовый ролл, хочешь кусочек? Не переживай, я безобиден. Я не заинтересован в тебе и том факте, что ты помогаешь убийце, который насмерть спалил человека и использовал ребенка моей кузины для помощи. Эта смерть навсегда останется на совести Гевина. Адаму наплевать, а шестнадцатилетнему мальчишке придется прожить с этим всю жизнь.

Она подняла глаза.

Может, она меня не заметит.

Черт. Заметила. Не убегай, пожалуйста, не убегай. Проклятье.

Я припустил за ней. Она неслась по парку, словно спасаясь от пожара.

Орать: «я не хочу тебя обижать, просто собираюсь связать и усыпить, чтобы забрать в свой секретный пыточный подвал, чтобы допросить» вряд ли поможет. Она свернула на тропинку, ведущую к выходу. Как удобно. Меньше людей вокруг.

Она была довольно быстрой, но я знал, что поймаю ее, до того как она доберется до сувенирного магазина у выхода из парка. Трюк, чтобы поймать кого-то с помощью ткани в том, чтобы не задушить его. Я собрал свою магию и перенаправил ее. Обернуть ее в ткань, взять на руки, и вынести. Легко и просто.

Она развернулась.

И сейчас у нее был пистолет. Я по-настоящему не люблю, когда люди целятся в меня из пистолета.

Она прицелилась и заорала:

— Стой, я буду стрелять.

Я посмотрел ей в глаза. Нет, она меня не застрелит. Я продолжил идти. Даже если она попытается, другие стреляли в меня раньше, и это никогда не заканчивалось для них ничем хорошим.

— Помогите, — закричала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Нет, они не станут. В этом месте не было ни единой души, которая могла бы теперь ей помочь. Все было кончено в ту минуту, когда она достала пистолет. Никто не захочет вмешиваться, а она только что перешла из разряда симпатизирующих врагу в разряд реальной угрозы. Теперь это была честная игра.

Она выстрелила, не в меня, а поверх деревьев. Следовало использовать шанс. С помощью магии я кинул в нее одеяло и завернул ее славно и крепко. Я подхватил ее, прежде чем она упала на землю и вытащил снотворное.

Ну вот, теперь все почти кончено, быстрый укол и ты провалишься в славный долгий сон. Я подхватил ее и направился к выходу.

— Эй, — закричал какой-то идиот в ковбойской шляпе и направился к нам. Большая ошибка.

— Я бы не советовал, — произнес я. Взглянув на него, я мысленно пообещал, что если он сделает еще хоть один шаг, тот станет его последним. Должно быть, он мне поверил, потому что замер как вкопанный. К счастью для него.

Девушка зашевелилась и попыталась что-то сказать. Я перехватил ее в руках так, чтобы видеть ее лицо. Ее глаза были полны страха и смятения. Затем ее осенило.

— Чок... чо... Ччок...

О да. Приятно, когда тебя узнают.

— Чокнутый Роган, — закончил я за нее. Хорошо, что ты знаешь, кто я такой. Надеюсь, это облегчит нам следующую часть.

Бонус 2

Некоторое время спустя, я уложил спящую красавицу на диванчик в своем подвале и приготовился к следующей захватывающей серии под названием «время пыток дядюшки Коннора». Сможет ли наш герой сломить волю вооруженной подружки Адама и найти способ остановить безумца, прежде чем он спалит Хьюстон дотла? Да, наверное. Как только она придет в себя в «Клешне» (технически Акубенс Экземпляр), это будет по-настоящему

неизбежным. Она расскажет мне все, что знает охотно и с благодарностью. Хотя, если до этого дойдет, я выжму из нее правду, как воду из мокрого полотенца.

Надеюсь, до этого не дойдет. Очнуться прикованным к полу, обычно более чем достаточно, чтобы большинство моих... гостей пришло в довольно общительное состояние. Дело в том, что большинство людей даже в таком большом городе, как Хьюстон, чувствует себя в безопасности. Мысль о том, что их могут схватить на улице, похитить и удерживать в отдаленном месте, подвергая интенсивному допросу и даже пыткам кажется абсурдной. С ними не никогда не может произойти ничего подобного. А протом оно происходит. И это пугает их до чертиков. Тв просто срываешь иллюзию безопасности и большинство сделает все, что угодно, чтобы ее вернуть. Сначала идет возмущение, потом осознание и отчаяние. Некоторые борются, некоторые плачут, но все они в конце концов сдаются. Никто никогда не выстоял перед «Клешней» или прессом моей силы, по крайней мере долгое время.

С Невадой Бейлор не будет никакой разницы. Она все еще беззвучно спала. Основываясь на ее среднем росте и возрасте, она будет без сознания еще по меньшей мере час или два. Достаточно времени, чтобы все сделать правильно. Я переоделся из гражданской одежды в рабочую: пару свободных брюк из темного шелка. Шелк является проводником магического потока. Следующими были символы, аккуратно нанесенные на кожу. Они помогали мне направить всю магию и волю в круг, который нас свяжет, и имели дополнительное преимущество, делая меня похожим на невменяемого маньяка с какими-то непередаваемо темными силами.

Все это было подчинено ритуалу. Выстраивание заклинания, рисование круга, все это требовало мастерства и точности, практики и повторения. Это была своего рода медитация, сродни прохождению сложных шагов ката. В какой-то момент просто отключаешь сознание и полагаешься лишь на мышечную память и воспоминание. Для этого круга потребовалось две недели работы. Я готовил его для предыдущей задачи, с которой разбирался, но она решила сама собой, так что я оставил его для Адама Пирса. Раз уж Адама не было поблизости, его подружка следующей отличной целью.

Как только я пристегнул ее и занял свое место, я закрыл глаза и физически «прошел» весь сложный круг. Шаги были знакомыми и если хотя бы дюйм стерся, я немедленно узнал бы об этом.

Нет, он был безупречен. Он сделает свою работу. А если повезет, то и не придется. Я надеялся, что мисс Бейлор проявит благоразумие. Я бы предпочел не использовать против нее свою силу. Было бы намного проще, если бы она просто ответила на вопросы, не заставляя меня ломать ее. Круг был наименее болезненным способом для получения информации, но также не был и приятным. Все-таки она решила связаться с Адамом и будут ли следующие несколько часов для нее легкими или трудными всецело зависит от нее.

Пока я ждал, чтобы она пришла в себя, я постепенно кормил своей магией «Клешню». Медленный и стабильный. Слишком много и слишком быстро, и я окажусь без сил. Это не спринт, а скорее марафон, воздушное перемещение, которое я мог продолжать часами, не уставая и не замедляясь. Даже если она будет сопротивляться, я сомневался, что мне потребуется больше, чем толика магии, чтобы подчинить ее.

Даже с закрытыми глазами я понял, в какой момент она пришла в сознание. Я ждал чтобы она заговорила, поняла где находилась и что происходило. В таких делах лучше не торопиться. Мы встретились взглядами и она попыталась встать. Попыталась и не смогла.

— Ты приковал меня к полу.

Ее голос дрожал: страх или злость?

— Что дает тебе право, — продолжила она, когда я не ответил, — хватать меня посреди улицы и приковывать в своем грязном подвале?

Грязном? В моем доме не было ничего грязного. И я схватил ее в парке, если быть точным. Что дает мне право? Я просто могу. Этого достаточно. Ничего из этого по-настоящему не имело значения. Она должна понять всю серьезность ситуации. Чем быстрее она поймет, что происходит, тем быстрее я получу свою информацию и все мы сможем пойти своими дорогами.

— Ты знаешь, что это такое? — поинтересовался я.

Конечно она не знает, да и опять же почему она должна это знать? Немногие люди за пределами могущественных Домов были знакомы с «Клешней» и несколько из них могли нарисовать ее правильно. Она, казалось, внимательно изучает сложный круг, в центре которого оказалась. Было это узнаванием? Конечно же, нет.

— Для Акубенс Экземplar требуется телепат. Ты же — телекинетик.

Откуда черт побери она это знала? Не важно. Хватит прелюдий, пора переходить к делу. Я еще немного подкормил круг магией, чтобы привлечь ее внимание и добраться до сути.

— Я хочу знать все, что у тебя есть на Адама Пирса. Его местонахождение, его планы, планы на него его семьи. Все.

Время запеть, маленькая пташка.

Она скрестила нескованные руки на груди.

— Нет. Во-первых, меня наняли найти Адама Пирса, и мой клиент рассчитывает на конфиденциальность. Во-вторых, ты напал на меня и приковал к полу.

Она потрясла ногами, как бы подчеркивая тот факт, что я приковал ее лодыжки к креплению в полу. Что было для ее же безопасности. Столкновение с активным кругом весьма болезненно. Если в нем достаточно силы, это может вырубить человека, а ждать пока она снова придет в себя — слишком долго.

Она уставилась на меня. Что ж, у нее был характер, но как бы я не восхищался ее мужеством это означало, что нам не удастся повернуть это легко и просто. Жаль.

— Я не хочу причинять тебе вред, — объяснил я. — Мне нужна информация. Принуждать тебя не доставляет мне удовольствия.

Так и есть. Я не любил пытки и действительно не интересовался ими, когда дело касалось меня. И все же, вот мы здесь: она, прикованная к полу, и я, пытающийся принудить ее говорить, не оставляя себе выбора.

— Если тебе не нравится принуждать, тогда отпусти меня.

Нет, не думаю. Я потратил слишком много усилий, чтобы ее выследить, и она была моей единственной ниточкой к Адаму. Она знала, кто я такой, была прикована к моему полу и знала, что делает заклинание, но не кричала и не билась в истерике. Она не умоляла отпустить ее. Я просчитался. Она была профессионалом, а большинство профессионалов были прагматичными.

— Скажи мне то, что я хочу знать и можешь идти.

Ну, скорее всего, я усыплю ее, завяжу глаза и оставлю в каком-нибудь безопасном месте, и это не так хорошо звучало.

— Нет. Это было бы неэтично и непрофессионально.

Вот так подфартило, работник, хранящий верность нанимателю.

Она скользнула вперед и бросила на меня дерзкий взгляд.

— Ладно, крутой парень. Давай посмотрим, что там у тебя.

Бескомпромиссная последовательность действий. Да будет так. Я скормил кругу еще немного магии. Давай-ка ускоримся и посмотрим, сможешь ли ты продержаться. Я слегка сжал ее сознание, не слишком, больше как предупреждение.

Она дала отпор.

Что ж, у кого-то есть немного сил. Не поможет, будет недостаточно.

— Адам Пирс, — произнес я.

Это было похоже на магический кулак. Каждый раз произнося имя, я буду сжимать ее немного сильнее. Сжимать и отпускать. Суть в том, чтобы не сокрушить ее разум, это сделает ее бесполезной, безопаснее было истощить ее, измучить морально и физически. Она сломается. В конце концов, все ломаются.

Моя магия натолкнулась на железную стену ее воли. Она устоялась на меня.

— Иди нахрен и сдохни.

Полагаю, в конце концов придется пойти сложным путем.

#

В итоге это продолжалось слишком долго. Я начал уставать. В подвале было жарко как в аду, и хотя она разделась до лифчика и обильно потела, мисс Бейлор не показывала никаких других признаков капитуляции. Как она это делала? Она должна быть вымотана. Я ломал Значительных за меньшее время.

— Ты богат, да?

Она казалась измученной. По крайней мере, я не один такой.

— Да.

старался говорить максимально непринужденно. Не дай ей понять, что ты почти выдохся.

— Ты что не мог раскошелиться на кондиционер в помещение?

— Я не собирался сидеть здесь часами. Но если тебе слишком жарко, можешь снять бюстгальтер.

Станет? Подкупить или отвлечь меня близняшками? Нет, вместо этого она показала мне средний палец. Увы.

— Кто ты?

Неужели я похитил чрезвычайно хорошо тренированную Значительную? Или может она была нетренированной, но сильной... нет. Слишком много преимуществ в жизни Превосходного. Она бы использовала свою магию и вышла замуж. Если бы она была Превосходной, она бы не заложила бизнес Августину.

— Женщина, на которую ты нацепил кандалы в своем подвале. Я твоя пленница. — Она устоялась на меня. — Твоя жертва. Да, подходящее определение. Кстати, неужели тебе ни разу не объясняли, что нельзя похищать людей, просто потому, что тебе так хочется?

Она неправильно поняла вопрос, но это было верно. Я мог и сделал, потому что никто не научил ее, как не дать себя похитить.

— У тебя была целая секунда, чтобы меня пристрелить.

Она замешкалась, и теперь я поймал ее. Вот.

— Я не стреляю в незнакомцев, пока они явно не угрожают моей жизни. А насколько я знаю, ты вполне мог оказаться копом, работающим по делу Пирса. Стреляя, я должна быть готова к возможной смерти своей цели. К тому же, разряжать обойму в толпу —

безответственно.

Наконец-то, объявился Адам Пирс, но мы говорили не о нем.

— 22-й калибр отскочит даже от мокрого белья на веревке. Зачем вообще его носить?

Однажды она может кого-нибудь подстрелить из него, и это серьезно разозлит человека.

Она откинулась назад, и я услышал, как хрустнула ее спина. Не удивлен. Казалось, мы заняты этим уже несколько часов, было приятно устроить небольшую передышку.

— Потому что я не стреляю, если не собираюсь убивать. Большой калибр пробьет мишень навывлет, вероятно, задев при этом кого-то невинного. 22-й же войдет в тело и срикошетит внутри, превращая твои внутренности в фарш. Мелкокалиберные ранения в грудь и голову почти всегда смертельны. Если бы я знала, что ты собираешь выудить ленту из рукава как какой-то дешёвый фокусник, связать меня ею и баловаться пытками в своем подвале, я бы в тебя выстрелила. Много раз.

Так вот как она это запомнила? Может я все-таки повредил ее разум.

— Дешёвый фокусник?

Упрямая или глупая?

— Мужчины вроде тебя любят лесть.

Ладно, может и то, и другое. Больше никаких разговоров. пришло время покончить с этим. Ладно, принцесса, перерыв окончен и тебе по-настоящему не понравится то, что последует. Я сжал ее словно тисками, призывая свои резервы.

— Я ломал Значительных магов в этой ловушке.

С ней не будет никакой разницы.

— Я сломаю тебя.

— Ну, попробуй.

Она все еще сражалась. Черт возьми. К этому времени она уже должна была расколоться.

Я напрягся и влил все остатки моей магии и воли в круг. Больше никакого сжатия, теперь это были удары, словно наносимые тяжелым мешком. Я вкладывался по полной в каждый удар, представляя как она ломается, и ее сопротивление рассыпается точно песок. Я почти выдохся. Не смогу долго это проделывать, но и она не сможет.

— Сдавайся, — прорычал я сквозь зубы.

Ее голос дрожал от напряжения.

— Ты первый.

Будь она проклята.

Исчезла любая утонченность и мастерство. Остались только ярость и воля.

Глубокий вдох, Адам Пирс.

Выдох.

Глубокий вдох, Адам Пирс.

Руки налились такой тяжестью, что я едва мог держать их на весу. Голова начала клониться вниз. Но ей тоже было больно. Я чувствовал, как рушится ее защита. Стены начали поддаваться.

Почти добрался. Я был так близко, что чувствовал запах крови. Никогда раньше это не занимало столько времени. Из носа шла кровь.

— Сдавайся.

— Ты первый, — прохрипела она.

Скажи мне, что ты скрываешь.

Скажи мне.

Скажи мне...

Ее защита треснула. Да! Да, вот оно.

— Когда мне было пятнадцать, я обнаружила письмо от нашего доктора с диагнозом папы. Папа заставил меня пообещать никому об этом не говорить. Я хранила его секрет целый год. Он умер из-за меня. Если бы я сказала маме, мы бы начали лечение на год раньше. Все из-за меня. Я не сказала. Я не рассказывала об этом никому до этого дня потому что я трусиха.

Магия вырвалась, и круг внезапно озарился ярким светом. Потом погас, выдохнувшийся и сломленный.

Черт.

Она обыграла меня. Вместо Адама Пирса она скормила мне секрет, вещь настолько личную, что она скрывала ее ото всех годами. Она пожертвовала ее кругу и теперь он исчез.

Невада Бейлор осела на пол.

Неужели я сломал ее? Она выглядела мертвой. Дерьмо. Я по-настоящему облажался.

Я поднялся на ноги. Все тело болело, словно его пропустили через мясорубку. Я поплелся к ней, переступая через инертные линии круга. Она не двигалась.

Черт побери.

— Не умирай, маленькая дурочка.

— Сам такой, — пробормотала она.

Жива.

Меня затопило облегчение. Существовала разница между уничтожением врага и убийством, и я бы не хотел добавлять убийство к своему резюме.

Она была покрыта потом. В комнате было жарко как в аду. Должно быть, она обезвожена. Я достал свою старую фляжку, приподнял ее голову и попытался влить содержимое ей в рот. Даже измученная она сопротивлялась. Боже, она никогда не сдастся. Она плотно стиснула зубы. В ней не было никакой слабости, даже сейчас.

— Это вода, упрямая идиотка, — рявкнул я. Ну почему она так все усложняет?

Я заставил ее открыть рот и влил чуть-чуть воды, не слишком много, иначе она бы подавилась. Она смогла проглотить немного и снова отключилась. В конце концов нет необходимости ее усыплять. Она была измучена, но будет жить.

Отличное представление, майор. Можешь записать эту победу на свой счет, как раз напротив поражения, которое включает похищение случайной женщины из общественного парка при свете дня и на глазах у нескольких свидетелей, привоз ее домой, приковывание в подвале и выживание ее самого темного и постыдного секрета. Того, который абсолютно не связан с Адамом Пирсом и совершенно тебе не помогает. Что ж, ночь только началась, возможно, после того как отвезешь девушку домой, можно найти милый детский приют и драматично сравнить его с землей. Может, ты даже сможешь погадать на обломках, как на чайниках и увидеть какие-нибудь зацепки про местонахождение Адама.

Я взглянул на женщину в своих руках.

— Что же нам с тобой делать, мисс Бейлор? Возможно, стоит списать это на самое худшее первое свидание и отвезти тебя домой. Звучит неплохо?

Она не протестовала.

Я вынес ее наружу и вызвал медиков.

Через полчаса, после получения диагноза изнеможение и рекомендации пить больше жидкости и отдыхать, я отвез ее домой. Она неподвижно лежала на сидении. Нам удалось ее одеть. На удивление тяжело одевать человека без сознания. Разумеется, результат был не очень, но это было всяко лучше, чем оставить ее полураздетой и в отключке. Я донес ее до двери, позвонил и направился к своей машине.

Невада Бейлор — по крайней мере, не зарегистрированная Значительная, которая жила на складе и была моей лучшей ниточкой к Адаму Пирсу. Я дам ей сегодняшнюю ночь. Но завтра нам будет что обсудить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net